Историческая и социально-образовательная мысль

Historical and Social -Educational Idea

ТОМ 9 № 1 Часть 1 2017

Электронная версия: **http://www.hist-edu.ru**

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ № 26/15 от 17 июня 2011 г. журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

В 2015 году журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» стал членом международной ассоциации PILA (Publishers International Linking Association). Статьям журнала «Историческая и социально-образовательная мысль», начиная с № 6 2014 г. присваиваются уникальные буквенно-цифровые идентификаторы DOI (Digital Object Identifier).

Редакция журнала является членом АССОЦИАЦИИ НАУЧНЫХ РЕДАКТОРОВ И ИЗДАТЕЛЕЙ (АНРИ)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-37035
от 4.08.2009

ISSN 2075-9908 (Print)
ISSN 2219-6048 (Online)

Главный редактор
Е.В. Штурба
д. и. н., профессор

Научный редактор
д. и. н., профессор
В.А. Штурба

Заведующий редакцией
Н.В. Вавилкина

Редактор электронной версии
А.М. Литвинов

Редактор англоязычных текстов
Т.А. Халилов

Корректор
А.Ф. Мишина

Журнал размещается в национальной информационно-аналитической системе **РИНЦ** (Российский индекс научного цитирования) Российской научной электронной библиотеки
http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001

Выходит 6 раз в год

Все права защищены. Ни одна часть этого издания не может быть занесена в память компьютера либо воспроизведена любым способом без предварительного письменного разрешения издателя.

Рукописи рецензируются. Учредитель и издатель предупреждают авторов о юридической ответственности за несанкционированное использование чужих авторских прав.

АДРЕС РЕДАКЦИИ

350080, Россия, г. Краснодар, мкр. Пашковский, ул. Заводская, 32, к. 301.
Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль»
Тел/факс: 8 861 237-62-19
E-mail: **akademus07@rambler.ru**

Учредители:

Кубанская многопрофильная Академия подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов;
Северо-Кубанский гуманитарно-технологический институт

Historical and Social-Educational Idea

VOLUME 9 # 1 Part 1 2017

Web version address**: http://www.hist-edu.ru**

The Academic Journal «Historical and Social-educational idea» has entered into the list of academic periodicals under review (those intended to publish the summaries on the study' outcomes, upon the theses nominated for Doctoral Degrees or the Candidate' standing), with the Resolution No 26/15 by the Supreme Attesting Commission Panel under the Russian Federation' Ministry of Education and Science, issued on June 17th, 2011.

The journal «*Historical and Social-Educational I*dea» is member of the International Association PILA (Publishers International Linking Association). Unique alphabetic-digital identifiers DOI (*Digital Object Identifier*) are assigned to the articles of the journal «*Historical and Social-Educational Idea*», starting from its issue N 6, 2014.

Editorial Board member of the ASSOCIATION OF SCIENCE EDITORS AND PUBLISHERS (ASEP)

Certificate of Incorporation:
PI No FS77 - 37035
of August 4th, 2009

ISSN 2075-9908 (Hard Copies)
ISSN 2219-6048 (Web Online Version)

Editor-in-Chief:
E.V. Shturba,
Doctor of Historical Sciences,
Professor

Research Supervisor:
V.A. Shturba,
Doctor of Historical Sciences,
Professor

Head of Editorial Board:
N.V. Vavilkina

Web layout Designer:
A.M. Litvinov

Editor for the English Wording:
T.A. Khalilov

Proofreader:
A.F. Mishina

The Journal is located at the nationwide data analysis framework of the Russian Federation Academic Citation Index operated by the Russian Research E-Library.
http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001

The Journal is issued 6 times a year

All rights reserved. No part to this publication may be stored at the outsider computer memory nor reproduced by any means, without the prior written permission by the Publisher.

The author's copies shall be subject to review. Both the Promoters and the Publisher notify the authors about legal liability for unauthorized use of another author's rights.

OFFICE ADDRESS:

32 Zavodskaya Str., Apt.301, Pashkovsky micro-distr.,
Krasnodar city, 350080 RUSSIA
Journal «Historical and Social educational idea's» Editorial Office
Phone/fax: 8 861 237-62-19
E-mail: **akademus07@rambler.ru**

Incorporators:

Kuban Region Multi-Sector Academy of Vocational Training and Upgrading and Advanced Training of Specialists;
Northern Kuban Region Institute for the Humanities and Technologies

Редакционный Совет

Председатель Редакционного Совета

Волков Юрий Григорьевич, заслуженный деятель науки РФ, действительный член академии социальных наук России, доктор философских наук, профессор, кафедра теоретической социологии и методологии региональных исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет

Ростов на Дону. Россия

Абрамов Валерий Петрович, заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, профессор, академик Академии педагогических и социальных наук, академик Российской академии естественных наук, член правления президиума РОПРЯЛ, декан филологического факультета, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, Кубанский государственный университет

Краснодар. Россия

Атанесян Артур Владимирович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной социологии, факультет социологии, Ереванский государственный университет

Ереван. Армения

Бугай Николай Федорович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН, действительный государственный советник Российской Федерации III класса

Москва. Россия

Бунимович-Мендражицкая Светлана Юрьевна, доктор философии, доктор математики, доктор биологии, профессор, кафедра компьютерных наук и математики, Ариэльский университет

Тель-Авив. Израиль

Ващенко Александр Николаевич, доктор экономических наук, профессор, кафедра экономики и управления, Волгоградский институт бизнеса, главный редактор научного журнала «Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса»

Волгоград. Россия

Гребенникова Вероника Михайловна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии, декан, факультет педагогики, психологии и коммуникативистики, Кубанский государственный университет

Краснодар. Россия

Гомулка Кристина, доктор философии, профессор истории, Гданьский политехнический университет

Гданьск. Польша

Editorial Council

Editorial Board Chairman

Yuriy G. Volkov, Honored Scientist of the Russian Federation, Full Member of Russian Academy of Social Sciences, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University

Rostov-on-Don. Russia

Valeriy P. Abramov, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philological Sciences, Professor, Academician of Academy of Pedagogical and Social Sciences, Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Member of the Board of Presidium of Russian Society of Teachers of Russian Language and Literature, Dean of Philological Faculty, Head of Department of Russian as Foreign Language, Kuban State University

Krasnodar. Russia

Arthur V. Atanesyan, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Applied Sociology Department, Faculty of Sociology, Yerevan State University

Yerevan. Armenia

Nikolay F. Bugay, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Full State Counselor of the Russian Federation - Class III

Moscow. Russia

Svetlana Yu. Bunimovich-Mendrazitskaya, Doctor of Philosophy, Doctor of Mathematics, Doctor of Biology, Professor, Department of Computer Sciences and Mathematics, Ariel University

Tel-Aviv. Israel

Aleksandr N. Vashchenko, Doctor of Economic Sciences, Professor, Department of Economic Sciences and Management, Volgograd Institute of Business, Editor-in-Chief of Scientific Journal «Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Institute of Business»

Volgograd. Russia

Veronika M. Grebennikova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Department of Pedagogy and Psychology, Dean, Faculty of Pedagogy, Psychology and Communication Studies, Kuban State University

Krasnodar. Russia

Krystyna Gomolka, Doctor of Philosophy, Professor of History, Gdansk Polytechnic University

Gdansk. Poland

Грушевский Сергей Павлович, доктор педагогических наук, профессор, декан, факультет математики и компьютерных наук, заведующий кафедрой информационных образовательных технологий, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Sergey P. Grushevsky, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Dean, Faculty of Mathematical and Computer Sciences, Head of Department of Information Technology in Education Sphere, Kuban State University
Krasnodar. Russia

Догнал Йосеф, доктор философии, доцент, кафедра русистики, философский факультет, Университет им. св. Кирилла и Мефодия (г. Трнава Словацкая Республика), Институт славистики, философский факультет, Университет им. Масарика (г. Брно Чешская Республика)
Брно. Чешская Республика

Josef Dohnal, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Department of Russian Studies, Faculty of Philosophy, St. Cyril and Methodius University (Trnava, Slovak Republic), Institute of Slavic Studies, Faculty of Philosophy, Masaryk University (Brno, Czech Republic)
Brno. Czech Republic

Икэда Ёсиро Доктор философии (история), доцент, кафедра истории стран Запада, Высшая школа гуманитарных наук и социологии, Токийский университет.
Токио, Япония

Yoshiro Ikeda, Ph.D. (History), Associate Professor, Department of Occidental History, Graduate School of Humanities and Sociology, University of Tokyo,
Tokyo, Japan

Кислицын Сергей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Ростов-на-Дону. Россия.

Sergey A. Kislitsin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Head of Department of Political Science and Ethnic Policy, South-Russian Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Rostov-on-Don. Russia

Козодой Виктор Иванович, доктор исторических наук, профессор, президент и учредитель, Сибирская академия управления и массовых коммуникаций
Новосибирск. Россия.

Viktor I. Kozodoi, Doctor of Historical Sciences, Professor, President and Founder, Siberian Academy of Management and Mass Communications
Novosibirsk. Russia

Ратушняк Валерий Николаевич, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный деятель науки Кубани, действительный член Академии социальных наук, член-корреспондент Международной Академии высшей школы, доктор исторических наук, профессор, кафедра истории России, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Valery N. Ratushnyak, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Scientist of Kuban, Member of Academy of Social Sciences, Corresponding Member of International Academy of Higher School, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History, Kuban State University
Krasnodar. Russia

Спалбер Диана, доктор философии (методология исследований в психологии и педагогике), научный советник, кафедра ЮНЕСКО, университет Генуи, преподаватель, Link Campus University в Риме
Генуя. Италия

Diana Spulber, Doctor of Philosophy (Methodology of Research in Psychology and Pedagogy), Scientific Advisor, Unesco Department, University of Genoa, Lecturer, Link Campus University Rome
Genoa. Italy

Токтосунова Адаш Искандеровна, доктор политических наук, профессор, Восточный университет им. Махмуда Кашгари, консультант-эксперт, Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ от Кыргызской Республики
Бишкек. Кыргызстан

Adash I. Toktosunova, Doctor of Political Sciences, Professor, Mahmud Kashgari Eastern University, Expert-Consultant, Interstate Fund for Humanitarian Cooperation of CIS Member States from the Kyrgyz Republic
Bishkek. Kyrgyzstan

Фигус Алессандро, доктор философии, профессор истории, международных отношений и европейского права, председатель отделения Эразмус, Link Campus University, приглашенный профессор, Университет Париж I Пантеон-Сорбонна
Генуя. Италия

Alessandro Figus, Doctor of Philosophy, Professor of History, International Relations and EU Law, Chairman of Erasmus Department, Link Campus University, Visiting Professor, Paris I Sorbonne-Pantheon University
Genova. Italy

Цыганков Андрей Павлович, доктор философских наук, профессор международных отношений и политических наук, университет Сан-Франциско
Сан-Франциско. США

Andrei P. Tsygankov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of International Relations and Political Science, San Francisco State University
San Francisco, USA

Шанин Теодор, доктор философии, профессор социологии, Манчестерский университет (г. Манчестер, Великобритания), президент, Московская высшая школа социальных и экономических наук (г. Москва, Россия), почётный член Российской академии сельскохозяйственных наук

Москва. Россия.

Штурба Виктор Александрович, член-корреспондент Российской академии естественных наук, член Ассоциации научных редакторов и издателей, Отличник Народного Просвещения РСФСР, Отличник Образования Высшей Школы, доктор исторических наук, профессор, Кубанский государственный университет

Краснодар. Россия

Чепель Татьяна Леонидовна, действительный член Академии прогнозирования, российское отделение Международной академии исследования будущего, кандидат психологических наук, профессор, кафедра психологии и педагогики, Новосибирский государственный педагогический университет

Новосибирск. Россия

Teodor Shanin - Doctor of Philosophy, Professor of Sociology, University of Manchester (Manchester, UK), President, Moscow School of Social and Economic Sciences (Moscow, Russia), Honorary Member of Russian Academy of Agricultural Sciences

Moscow. Russia.

Viktor A. Sturba, Corresponding Member of Russian Academy of Natural Sciences, Member of Association of Science Editors and Publishers, Excellent Specialist of Public Education of RSFSR, Excellent Specialist of Graduate School Education, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kuban State University

Krasnodar. Russia

Tatyana L. Chepel, Member of Academy of Forecasting, Russian Branch of International Academy of Researches of Future, Candidate of Psychological Sciences, Professor, Department of Pedagogy and Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University

Novosibirsk. Russia

Редакционная коллегия

Главный редактор

Штурба Евгений Викторович, доктор исторических наук, профессор, кафедра педагогики и психологии, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Бедерханова Вера Петровна, член-корреспондент Международной академии акмеологических наук, доктор педагогических наук, профессор, кафедра социальной работы, психологии и педагогики высшего образования, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Верещагина Анна Владимировна, доктор социологических наук, профессор, кафедра теоретической социологии и методологии региональных исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону. Россия

Зотов Сергей Николаевич, доктор филологических наук, профессор, кафедра литературы, Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) ФГБОУ ВПО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»
Таганрог. Россия

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Микерова Галина Жоршовна, заслуженный учитель РФ, член-корреспондент Российской академии естествознания, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и методики начального образования, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Невский Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России
Москва. Россия

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор, кафедра философии и социологии, Краснодарский университет МВД России
Краснодар. Россия

Факторович Александр Львович, доктор филологических наук, профессор, кафедра истории и правового регулирования массовых коммуникаций, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Editorial board

Editor-in-Chief

Evgeny V. Sturba, Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of Pedagogy and Psychology, Kuban State University
Krasnodar. Russia

Vera P. Bederkhanova, Corresponding Member of International Academy of Akmeological Sciences, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Social Work, Psychology and Higher Education Pedagogy, Kuban State University
Krasnodar. Russia

Anna V. Vereshchagina, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, South Federal University
Rostov-on-Don. Russia

Sergei N. Zotov, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Literature, Chekhov Taganrog Institute (Rostov State University of Economics Branch)
Taganrog. Russia

Valeriy V. Kasyanov, Doctor of Sociological Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department of Russian History, Kuban State University
Krasnodar. Russia

Galina Zh. Mikerova, Honored Teacher of the Russian Federation, Corresponding Member of Russian Academy of Natural Sciences, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Department of Primary School, Kuban State University
Krasnodar. Russia

Sergei A. Nevskiy, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, National Research Institute of Russian Ministry of Internal Affairs
Moscow. Russia

Mikhail Yu. Popov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Philosophy and Sociology, Krasnodar University of Russian Ministry of Internal Affairs
Krasnodar. Russia

Alexander L. Faktorovich, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of History and Legal Regulation of Mass Communications, Kuban State University
Krasnodar. Russia

СОДЕРЖАНИЕ		**CONTENTS**
Международная конференция		***International conference***
КИСЛИЦЫН С. А., ТРУТ В.П. г. Ростов-на-Дону, Россия ДОНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО И ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА (ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ)	15	KISLITSYN S.A., TRUT V.P. Rostov-on-Don, Russia DON COSSACKS AND THE GREAT RUSSIAN REVOLUTION OF 1917 (FROM FEBRUARY TO OCTOBER)
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ		***HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY***
БАБИЧ И. Л. г. Москва, Россия СЕВЕРОКАВКАЗСКИЕ ЖЕНЩИНЫ И ИСЛАМ В ПРОЦЕССЕ АДАПТАЦИИ К СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ЖИЗНИ	25	BABICH I. L. Moscow, Russia NORTH CAUCASIAN WOMEN AND ISLAM IN THE PROCESS OF ADAPTATION TO MODERN FRENCH LIFE
БУГАЙ Н. Ф. г. Москва, Россия ИДЕОЛОГИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ОБЩЕСТВЕ: ПРИЗНАНИЕ МНОГООБРАЗИЯ, «ОТСУТСТВИЕ» ОСНОВ В РОССИИ	32	BUGAY N. F., Moscow, Russia IDEOLOGY OF ETHNIC RELATIONS IN SOCIETY: DIVERSITY RECOGNITION, LACK OF FUNDAMENTALS IN RUSSIA
ВАРТАНЬЯН Э. Г. г. Краснодар, Россия ПЕРВЫЕ ШАГИ В ФОРМИРОВАНИИ СОВЕТСКО-ПЕРСИДСКИХ ОТНОШЕНИЙ (1917-1921 гг.)	45	VARTANYAN E. G. Krasnodar, Russia THE FIRST STEPS IN FORMATION SOVIET-PERSIAN RELATIONS (1917-1921)
ДОЛЖЕНКО Н. Р. г. Краснодар, Россия ОСНОВНЫЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ НЕОФАШИЗМА	50	DOLZHENKO N. R. Krasnodar, Russia MAIN HISTORIOGRAPHICAL TRENDS IN THE STUDY OF NEO-FASCISM
КЛЕПИКОВ С. С. г. Краснодар, Россия ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-ИРАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИТУАЦИИ	54	KLEPIKOV S. S. Krasnodar, Russia PROSPECTS OF RUSSIAN-IRANIAN RELATIONS IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY INTERNATIONAL SITUATION
КОЛЕСНИК А. В. г. Донецк, Украина ДОНЕЦКИЙ ЦЕНТР КРЕМНЕОБРАБОТКИ В КАМЕННОМ ВЕКЕ - ЭНЕОЛИТЕ	59	KOLESNIK A. V. Donetsk, Ukraine DONETSK CENTER OF FLINT PROCESSING IN THESTONE AGE – CHALCOLITHIC
КОСТЮЧЕНКО А. П. г. Хабаровск, Россия ДЕМАРКАЦИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ГРАНИЦЫ: СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА	63	KOSTYUCHENKO A. P. Khabarovsk, Russia THE DEMARCATION OF THE RUSSIAN-CHINESE BORDER: THE MODERN HISTORIOGRAPHY OF THE SUBJECT
МАГОМЕДСУЛТАНОВ И. И., АБДУЛЛАБЕКОВА А.Э. АМИРХАНОВА М. М. г. Махачкала, Россия ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ ДАГЕСТАНА. 70-80-е годы XX века	69	MAGOMEDSULTANOV I. I., ABDULLABEKOVA A. E., AMIRKHANOVA M. M., Makhachkala, Russia LABOR RESOURCES IN AGRICULTURE OF DAGESTAN IN 70-80-IES OF XX CENTURY
ПАВЛОВ К. А., КЛОЧКОВ О. Б. г. Славянске-на-Кубани, Россия АЗОВСКИЕ КАЗАКИ НА ОХРАНЕ ЧЕРНОМОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ КАВКАЗА 1853-1865 гг.	75	PAVLOV K. A., KLOCHKOV O. B. Slavyansk-na-Kubani, Russia THE AZOV COSSACKS IN THE PROTECTION OF THE BLACK SEA COAST 1853-1865
СЕРЕГИН А. В. г. Москва, Россия ГЕНЕРАЛ В.В. БИСКУПСКИЙ В ДВИЖЕНИИ МОНАРХИСТОВ-ЛЕГИТИМИСТОВ	79	SEREGIN A. V. Moscow, Russia GENERAL V.V. BISKUPSKY IN MONARCHIST-LEGITIMIST MOVEMENT
ЮРЧЕНКО В. С. г. Тюмень, Россия РУКОВОДЯЩИЙ СОСТАВ В СИСТЕМЕ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ СЕВАСТОПОЛЯ В 1921-1925 гг.	89	IURCHENKO V. S. Tyumen, Russia EXECUTIVE PERSONNEL IN A LOCAL SOVIET AUTHORITY SYSTEM IN SEVASTOPOL IN 1921-1925
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ		***SOCIOLOGICAL AND HUMANITIES SCIENCES***
АБРАМОВА В. А. г. Краснодар, Россия ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК ПРОСТРАНСТВО СИМУЛЯКРОВ	99	ABRAMOVA V. A. Krasnodar, Russia VIRTUAL REALITY AS A SPHERE OF FICTIONS

D,V. ZHIGULSKAYA Moscow, Russia GLOBALIZATION AND NEW FORMS OF RELIGIOSITY (AN ISLAMIC PERSPECTIVE)	104	ЖИГУЛЬСКАЯ Д. В. г. Москва, Россия ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И НОВЫЕ ФОРМЫ РЕЛИГИОЗНОСТИ (на примере ислама)
КАСЬЯНОВ В.В., ПЕТРОВ В. И. г. Краснодар, Россия СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА XIX ВЕКА (ПОПЫТКА МАКРОИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)	108	KASYANOV V. V., PETROV V.I. Krasnodar, Russia SOCIAL-POLITICAL CHARACTERISTICS OF THE RUSSIAN SOCIETY OF THE XIX CENTURY (ATTEMPT OF MACRO-HISTORICAL ANALYSIS)
ПЕТРИЧЕНКО Е. А. г. Москва, Россия СЕМЕНОВА В. Г. г. Ростов-на-Дону, Россия ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ	114	PETRICHENKO E. A., Moscow, Russia SEMENOVA V. G. Rostov-on-don, Russia INFLUENCE OF INFORMATION ON THE FORMATION OF PUBLIC OPINION
ОБРАЗОВАНИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ		***EDUCATION AND PEDAGOGICAL SCIENCES***
БЫКАСОВА Л. В., ПОДБЕРЕЗНЫЙ В. В. ПАНОВА В. А. г. Таганрог, Россия ТЕОРИЯ СТРУКТУРАЛИЗМА О ДИВЕРСИФИКАЦИИ И МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ	121	BYKASOVA L. V., PODBEREZNY V. V. , PANOVA V. A. Taganrog, Russia THEORY OF STRUCTURALISM ON THE DIVERSIFICATION AND MODERNIZATION OF EDUCATION
ВЕЛЛИНГТОН А. Т. г. Москва, Россия ТЕХНОБИОЛОГИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО. АНАЛИЗ	126	VELLINGTON A. T. Moscow, Russia ANALYZE OF TECHNO-BIOLOGICAL ART
ГОРБУНОВА Ю. М. г. Краснодар, Россия НАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КАЗАЧЬЕЙ СРЕДЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА НА КУБАНИ	130	GORBUNOVA Y. M. Krasnodar, Russia PRIMARY EDUCATION IN COSSACK ENVIRONMENT OF PRE-REVOLUTIONARY PERIOD ON KUBAN
ГРИБ Е. В. Москва, Россия К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ СОЦИАЛЬНОГО И ДРУГИХ ВИДОВ ИНТЕЛЛЕКТА	135	GRIB E. V. Moscow, Russia TO THE PROBLEM OF CORRELATION OF SOCIAL AND OTHER KINDS OF INTELLIGENCE
ЗАХАРОВА М. В., ДЕМИНА Л. И. г. Краснодар, Россия МЕДИАКОМПЕТЕНТНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: ОПЫТ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ	139	ZAKHAROVA M. V., DEMINA L. I. Krasnodar, Russia MEDIA COMPETENCE OF MODERN SOCIETY: EXPERIENCE AND TRENDS
КОШЕЛЕВА А. О. г. Орел, Россия ГАНЖА Н. В. г. Елец, Россия ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ ВНЕДРЕНИЯ СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ОБУЧЕНИЕ СЛУШАТЕЛЕЙ КУРСОВ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ	145	KOSHELEVA A. O. Orel, Russia N. V. GANZHA Yelets, Russia PEDAGOGICAL DESIGN OF INTRODUCTION OF SYNERGETIC APPROACH IN TRAINING OF STUDENTS OF PROFESSIONAL DEVELOPMENT
РЫЖКОВА-ДУДОНОВА Т.А. г. Москва, Россия КУЛЬТУРНЫЙ СТАТУС МУЗЫКИ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ КАК ЭЛЕМЕНТ СОДЕРЖАНИЯ МУЗЫКОВЕДЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ ПЕДАГОГА-МУЗЫКАНТА	152	RYZHKOVA-DUDONOVA T. A., Moscow, Russia CULTURAL STATUS OF MUSIC IN THE CONTEXT OF THE EUROPEAN TRADITION AS THE MUSICOLOGICAL PREPARATION OF THE TEACHER-MUSICIAN
СОСНИН А. В. г. Нижний Новгород, Россия КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПТА	156	SOSNIN A.V. Nizhny Novgorod, Russia COGNITIVE METAPHOR AS MEANS OF CONCEPTUAL FORMATION
ТЕРЕНТЬЕВА Е. В. г. Нижний Новгород, Россия ЕФИМОВА А. А. Москва, Россия КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ПРИЗНАКА У ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ (ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ИНТЕНСИФИКАТОРЫ)	164	TERENTEVA E. V. Nizhny Novgorod, Russia EFIMOVA A. A. Moscow, Russia, THE QUANTITATIVE SPECIFICITY OF RELATIVE ADJECTIVES (POTENTIAL INTENSIFIERS)

ЯСТРЕБОВ-ПЕСТРИЦКИЙ М. С. г. Москва, Россия ЯДЕРНЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ МИКРОПОЛЯ В МЕТАФОРИЧЕСКОМ ПОЛЕ «ПУТЕШЕСТВИЯ ПО КАМЧАТКЕ» И. СЕЛЬВИНСКОГО	170	YASTREBOV-PESTRITSKY M. S. Moscow, Russia CORE SEMANTIC MICROFIELDS IN THE METAPHORICAL FIELD OF I. SELVINSKY'S "THE JORNEY ACROSS THE KAMCHATKA PENINSULA"
ОБЗОРНЫЕ СТАТЬИ		***REVIEW ARTICLES***
ШТУРБА Е. В., ШТУРБА В. А г. Краснодар, Россия НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАОЧНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ИСТОРИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МЫСЛЬ» 2016 ГОДА)	179	SHTURBA E. V., SHTURBA V.A., Krasnodar, Russia RUSSIAN NATIONAL SECURITY: HISTORY, MODERNITY AND PERSPECTIVES (BASED ON MATERIALS OF INTERNATIONAL DISTANT ACADEMIC CONFERENCE OF ACADEMIC JOURNAL "HISTORICAL AND SOCIAL-EDUCATIONAL IDEAS" IN 2016)
ИНФОРМАЦИЯ	192	***INFORMATION***
РЕДАКЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ	197	***EDITORIAL MESSAGE***

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Начался 2017 год, и наше научное издание смотрит вперед с определенной надеждой и положительной уверенностью. Мы надеемся, что наш журнал будет интересен научной общественности. И мы уверены в том, что редакция сделает все возможное, чтобы знакомить вас с самыми новыми, оригинальными и интересными научными статьями.

Прошедший год был для нашего научного журнала достаточно насыщенным. Мы не останавливаемся в своем развитии и стремимся интегрировать публикуемые в нашем издании научные статьи в различные международные базы цитирования. Так, в 2016 году наш научный журнал вошел в следующие авторитетные международные организации и базы научного цитирования: DOAJ - Directory of Open Access Journals (Дирекция журналов открытого доступа); ERIH PLUS - European Reference Index for the Humanities and Social Sciences (Европейский библиографический индекс гуманитарных и социальных наук); COPE - Committee on Publication Ethics (Комитет по публикационной этике) и т.д.

Ряды членов редакционного совета и редакционной коллегии нашего научного журнала пополнили прекрасные ученые мирового масштаба: доктор политических наук, профессор Ереванского государственного университета (Ереван, Армения) Артур Атанесян; доктор социологических наук, профессор Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия) Анна Верещагина; доктор философии, профессор Токийского университета (Токио, Япония) Ёсиро Икэда; доктор исторических наук, профессор Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Ростов-на-Дону, Россия) Сергей Кислицын; доктор исторических наук, профессор Сибирской академии управления и массовых коммуникаций (Новосибирск, Россия) Виктор Козодой; доктор философии, профессор социологии Манчестерского университета (Манчестер, Великобритания), президент Московской высшей школы социальных и экономических наук (Москва, Россия) Теодор Шанин.

Мы надеемся, что все вместе сможем качественно освещать вклад отечественных и зарубежных ученых в развитие исторической, социологической и педагогической наук на страницах нашего научного журнала.

С наилучшими пожеланиями,
главный редактор научного журнала
«Историческая и социально-образовательная мысль»,
доктор исторических наук,
профессор Кубанского государственного университета

Евгений Викторович Штурба

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакция научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» приглашает всех желающих принять участие в работе Международной заочной научно-практической конференции

1917 год: трагедия или триумф? Взгляд через столетие

Конференция проводится в течение 2017 года.

По всем вопросам можно обращаться в адрес оргкомитета: akademus07@rambler.ru

К участию в конференции приглашаются аспиранты, соискатели, преподаватели вузов, научная общественность. Оргкомитет конференции обязуется безвозмездно публиковать материалы конференции на страницах журнала. Оргкомитет конференции будет благодарен Вам за распространение данной информации среди заинтересованных персон.

С уважением, главный редактор журнала
«Историческая и социально-образовательная мысль»,
доктор исторических наук, профессор

Е.В. Штурба

DEAR COLLEAGUES!

The editorial board of Science Journal "Historical and Social-Educational Ideas" invites everyone to participate in the International Distant Conference of the Academic People and Professionals. The theme of the Conference is

1917: Tragedy or Triumph? Looking Through the Century

The Conference is held during 2017.

All questions possible to address to the Organizing Committee: akademus07@rambler.ru

To participate in the Conference are invited postgraduate students, candidates of sciences, university professors, representatives of scientific community. The Organizing Committee is committed to free publish conference materials in the pages of its science journal. The Organizing Committee will be grateful if you would circulate this information among the scientific community.

Sincerely, Chief Editor of the Science Journal
"Historical and Social-Educational Ideas",
Doctor of Historical Sciences, Professor

E.V. Shturba

Международная заочная
научно-практическая конференция:

1917 год: трагедия или триумф?
Взгляд через столетие

International Distant Conference of the Academic People and Professionals

1917: Tragedy or Triumph?
Looking Through the Century

УДК 94

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-15-22

КИСЛИЦЫН Сергей Алексеевич
Южно-Российский институт управления Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
г. Ростов-на-Дону, Россия
Kislizins@Yandex.ru

ТРУТ Владимир Петрович
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону, Россия
trut.vladimir@rambler.ru

ДОНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО И ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА (ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ)

В статье рассматривается позиция донского казачества в ходе Февральских и Октябрьских революционных событий 1917. По мнению авторов, Февральская и Октябрьская революции были этапами Великой Российской революции 1917 г. Одним из аргументов в пользу этой концепции является, наш взгляд, позиция донского казачества. Февральскую революцию и свержение самодержавия казаки восприняли с пониманием задачи формирования новой демократии и в целом поддержали ее своим неучастием в борьбе. В условиях июльского революционного кризиса армейское казачество было использовано новыми республиканскими властями для разгона протестующих масс трудящихся, что вызвало протест со стороны казачьих масс. В период корниловского выступления основные массы казачества не вошли в праворадикальное течение в армии, так как в самой казачьей среде ослабевали консервативные силы. Во время Октябрьского переворота командиры всех донских полков довели до сведения правительства, что казаки отказываются выступать на защиту правительства без поддержки пехотных армейских частей, броневых автомобилей и пулеметов. Для казаков «пехота», состоявшая из крестьян и рабочих, являлась выразителем доминирующих политических взглядов и настроений большинства населения страны. Говоря о возможности каких-либо действий в поддержку правительства только совместно с пехотой, казаки присоединялись к воле народа, выразителем которой, по их мнению, могли служить солдаты столичного гарнизона. Ситуация повторилась во время неудачного похода Краснова на Петроград. Казаки в это время не желали принимать какое-либо участие в разгоравшемся противоборстве противников и сторонников Советской власти, стремились уклониться от выполнения приказов своего командования, поскорей отправиться по домам. По мере прибытия на Дон они практически явочным порядком расходились по родным станицам. Из-за социального расслоения казачество не было едино в борьбе за сохранение прежней системы землепользования и землевладения. Социально-классовая война на Дону из-за особенностей исторического развития приобрела сословную окраску. На всех основных этапах революции 1917 г. - от Февраля к Октябрю - донское казачество в силу объективных причин проявляло значительные колебания по вопросу определения своей политической позиции, вплоть до саботажа и даже отказа в поддержке властей. Это свидетельствует об определенном стихийном понимании казачеством естественности хода развития событий и, на наш взгляд, о целостности и внутреннем единстве революционного процесса 1917 года. В ходе последовавшей гражданской войны ситуация изменилась радикальным образом.

Ключевые слова: политическая история России, политические колебания и выбор донского казачества, Великая Российская революция, февральский и октябрьский этапы революции, корниловский мятеж.

Sergey A. KISLITSYN
South-Russian Institute of Management Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration Rostov-on-Don, Russia
kislizins@yandex.ru

Vladimir P. TRUT
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia
trut.vladimir@rambler.ru

DON COSSACKS AND THE GREAT RUSSIAN REVOLUTION OF 1917 (FROM FEBRUARY TO OCTOBER)

The article discusses the position of the don Cossacks during the February and October revolutionary events of 1917. According to the authors of the February and October revolutions were the stages of the Great Russian revolution of 1917. One of the arguments in favor of this concept is, in our opinion, the position of the don Cossacks. The February revolution and the overthrow of the autocracy, the Cossacks were received with understanding the task of shaping the new democracies, and generally supportive of their participation in the struggle. In terms of the July crisis of the revolutionary army, the Cossacks were used by the new Republican authorities to disperse the protesters, the masses of workers, which caused the protest of the Cossack masses. In the period of the Kornilov revolt the majority of the Cossacks were not included in the right-wing for the army in the Cossack environment weakened conservative forces. During the October revolution, the commanders of all regiments of the don was brought to the attention of the government that the Cossacks refuse to come to the defense of the government without the support of infantry army units, armored cars and machine guns. For the Cossacks "infantry", consisting of peasants and workers, were the dominant expression of political views and moods of the majority of the population. Speaking about the possibility of any action in support of the government only in conjunction with the infantry, Cossacks joined with the will of the people, the voice of which, in their opinion, could serve as the soldiers of the garrison. The situation was repeated during the unsuccessful campaign Krasnov on Petrograd. The Cossacks at this time were unwilling to take any part in the confrontation erupted opponents and supporters of the Soviet regime, sought to evade the orders of their commanders, I can't wait to go home. With the arrival of the don, they almost spur of the moment went to the native villages. Because of social stratification, the Cossacks were not united in the struggle to preserve the former system of land tenure and property rights. Social-class war-on-don due to the peculiarities of historical development has acquired a caste color. At all critical stages of the revolution of 1917 from February to October - the don Cossacks in the objective reasons showed significant fluctuations on defining its political position up to sabotage and even failure in the support of the authorities. It testifies to a certain natural understanding of the Cossacks of the natural course of events, and, in our opinion, on the integrity and internal unity of the revolutionary process in 1917. In the ensuing civil war, the situation changed radically.

Keywords: Russia's political history, political fluctuations and choice of the Don Cossacks, Great Russian revolution, February and October stages of the revolution, Kornilov rebellion.

В современной историографии все большее распространение получает точка зрения о том, что Февральская и Октябрьская революции в действительности были только этапами Великой Российской революции 1917 г. Лидеры большевиков отмечали спустя буквально несколько лет, что Октябрьский переворот и декреты, принятые большевиками в первые месяцы после прихода к власти, были лишь завершением буржуазно-демократической революции, осуществлением того, за что восставший народ боролся в феврале. Впоследствии об этом же писали видные современные ученые В. Булдаков, Б. Кагарлицкий, Г. Иоффе. Б. Земцов и др. Одним из аргументов в пользу этой концепции является, на наш взгляд, позиция донского казачества, которая в то же время является сама по себе заслуживающей особого внимания и рассмотрения.

Февральскую революцию и свержение самодержавия казаки восприняли с пониманием и завоевания новой демократии в целом поддержали своим неучастием в борьбе. Известный казак-большевик И. Ульянов писал, что казачество революционизировала империалистическая война: «на фронте казаки увидели, какую малую часть огромной России представляет казачество... В то же время пребывание в армии, долгий отрыв от хозяйственной обстановки деклассировали казачество, притупили инстинкты мелкого собственника». Позиция, занятая фронтовым и станичным казачеством Дона во время Февральской революции, мало чем отличалась от политических настроений основной массы населения страны. Политические события вызвали настороженность у казаков относительно возможных изменений в социальных и аграрных отношениях на территории области. На территории Дона в итоге сложилась противоречивая система управления, в которую входил аппарат власти Временного правительства в лице исполнительных комитетов разного уровня и правительственных комиссаров, традиционных казачьих органов местного управления и Советов. Но реальные властные функции на традиционно казачьих территориях осуществлялись органами казачьего управления. Оформление и деятельность высших органов казачьего управления на Дону весной-летом 1917 г. имели большое значение для возрождения и поступательного развития казачьей государственности и других процессов в общественно-политической и хозяйственно-экономической сферах жизни области. В период существования «февральской республики» органы казачьего самоуправления добивались реализации демократических принципов при формировании и функционировании местных органов власти. Однако нарастание в стране революционного кризиса, рост недовольства широких народных масс, усиление противоборства различных политических партий, радикализация политических взглядов и настроений большинства населения страны и неказачьего населения Дона - все это требовало особой квалификации в управлении. Однако анализ содержания общественно-политической деятельности местных властных структур казачьего управления свидетельствует о том, что целостного и комплексного восприятия проблем страны и региона у казачьих управленцев не было. 26 мая 1917 г. начал работу 1-й Большой Войсковой Круг Войска Донского, объявивший себя единственным «привольным хозяином Дона». Съезд принял решения по аграрному вопросу, проблеме полного самоуправления в области, порядке прохождения казаками военной службы в мирное время и об управлении войсковым хозяйством. Всеми делами казачества должен был полностью управлять Войсковой круг и избираемые на нем Войсковой атаман и Войсковое правительство. Круг утвердил специальный законопроект о самоуправлении области и принял постановление о присоединении к общеказачьему союзу. Его делегаты поддержали резолюции в поддержку Временного правительства и продолжения войны «до победного конца». Круг подтвердил права казаков на принадлежавшие им земли, но при этом заявил о необходимости отмены обязательной 18-летней воинской службы, то есть принцип «землю за службу» был фактически лукаво переформулирован в пользу казачества таким образом: «землю и привилегии без обязательной службы». Атаманом Области Войска Донского был избран генерал-лейтенант А.М. Каледин. В условиях рождения новой власти верхи донского казачества ясно продемонстрировали стремление сохранить все свои сословные привилегии. В станицах и хуторах упразднялись возникшие после Февраля общественные организации и Советы, атаманам вменялось в обязанность «проявлять всю твердость власти». В условиях июльского революционного кризиса армейское казачество вновь было использовано новыми республиканскими властями для разгона протестующих масс трудящихся.

Во время августовского выступления генерала Л. Корнилова часть казаков 1-й Донской казачьей дивизии, входившей в состав 3-го конного корпуса, двинулась на Петроград с целью свержения правительства Керенского и установления военной диктатуры. Корнилов возлагал большие надежды на активную поддержку его акции со стороны донского казачества. Он даже выпустил обращение к казакам с призывом встать на его сторону. Так называемое «дело Каледина» о якобы имевшем место факте поддержки донским атаманом мятежного главнокомандующего, которой на самом деле не было, показало, что казаки не поддержали Корнилова. Тот факт, что основные массы казачества не вошли в праворадикальное течение в

армии, означал, что в самой казачьей среде ослабевали консервативные силы. Попытки консолидации казачьих войск не удались в силу отсутствия поддержки массы станичного казачества. Но, очевидно, что отсутствие поддержки связано с общим кризисом, а не только демократизацией политических взглядов консервативного казачества.

Ко времени Октябрьского этапа революции в составе Петроградского гарнизона находились три донских казачьих полка (1-й, 4-й и 14-й), общая численность которых составляла 2,5 тыс. чел. [1], (по другим данным она доходила до 3,2 тыс. чел. [2]). В Павловске находилась 6-я Гвардейская Донская батарея. В относительной близости к Петрограду находились части III конного корпуса, в состав которого входила 1-я Донская казачья дивизия (9-й, 10-й, 13-й и 15-й Донские полки), пять донских казачьих батарей [3]. С началом большевистского восстания правительство сразу же предприняло настойчивые попытки по привлечению для борьбы с ним 1-го, 4-го и 14-го Донских полков. В ночь с 24 на 25 октября А.Ф. Керенский отдает приказ о направлении на подавление «беспорядков» находившихся в столице донских полков [4]. В эти полки была передана телефонограмма № 65457 подписанная генералом Багратуни и комиссаром ЦИК Милевским с приказом Керенского «…не теряя ни минуты, выступить на помощь Центральному Комитету Советов, революционной демократии, Временному правительству…» [5]. Но казаки не поспешили выполнить данный приказ. Тогда же, в ночь с 24 на 25 октября, командующий Петроградским военным округом полковник Полковников разослал телеграммы на имя Керенского и командующего Северным фронтом генерала Черемисова, в которых сообщал: «Доношу, что положение в Петрограде угрожающее. Уличных выступлений, беспорядков нет, но идет планомерный захват учреждений, вокзалов, аресты. (Так в тексте. - *Авт. 2.*). Никакие приказы не выполняются. Юнкера сдают караулы без сопротивления, казаки, несмотря на ряд приказаний, до сих пор из своих казарм не выступали» [6]. Спустя два часа генерал для поручений при Верховном Главнокомандующем Левицкий в разговоре по прямому проводу с начальником штаба Верховного Главнокомандующего генералом Духониным передал последнему текст телеграммы с приказом Керенского командующему Северным фронтом немедленно отправить в Петроград все полки 1-й Донской казачьей дивизии со своей артиллерией по железной дороге, а в случае невозможности этого - походным порядком [7]. Вместе с Керенским этот приказ подписал и войсковой старшина Греков от Союза казачьих войск [8].

В течение всей ночи с 24 на 25 октября между штабом Петроградского военного округа и членами правительства с одной стороны и 1-м, 4-м и 14-м Донскими полками с другой шли телефонные переговоры относительно выхода этих полков к Зимнему дворцу на защиту правительства [9]. По словам Керенского, казаки настаивали на придании им пехотных частей и «…упорно отсиживались в своих казармах и на частые телефонные звонки все время отвечали, что вот они через 15-20 минут "все выяснят" и "начнут седлать лошадей"» [10]. В результате многочасовых переговоров к Зимнему на Дворцовую площадь прибыло только три сотни 14-го Донского полка [11]. Утром 25 октября командиры всех трех донских полков довели до сведения правительства, что общим решением полковых комитетов казаки отказываются выступать на защиту правительства без поддержки пехотных армейских частей, броневых автомобилей и пулеметов [12]. Свой отказ действовать без пехоты они подтвердили при ответе на новый телефонный приказ штаба Петроградского военного округа о немедленном выступлении [13]. Условие привлечения пехоты для совместных действий казаки выдвигали отнюдь не просто так. За этим скрывалась не чисто военная тактическая подоплека (боязнь самостоятельного выступления ввиду малочисленности и отсутствия вооруженной поддержки со стороны пехотных полков), а скорее политическая. Для казаков «пехота», состоявшая из крестьян и рабочих, являлась выразителем доминирующих политических взглядов и настроений большинства населения страны. Поэтому, говоря о возможности каких-либо действий в поддержку правительства только совместно с пехотой, казаки присоединялись к воле народа, выразителем которой, по их мнению, могли служить солдаты столичного гарнизона. Днем 25 октября в Зимний прибыла делегация казачьих полков. Министры А.И. Коновалов и Н.М. Кишкин уговаривали прибывших защищать правительство. В ответ казаки вновь категорически заявили, что «…ни один казак не выступит» [14]. На возобновившемся после этих безрезультатных переговоров заседаний Временного правительства Коновалов сообщил о безуспешных попытках уговорить казаков [15]. В эти тревожные часы по казармам казачьих полков ездили председатель Предпарламента Н.Д. Авксентьев, представители правительства, безуспешно пытавшиеся уговорить казаков выступить на защиту Временного правительства [16].

Вечером 25 октября, в 21 ч 45 мин, казаки находившихся на Дворцовой площади трех сотен 14-го Донского полка поставили в известность членов правительства о своем решении уйти в казармы [17]. Позиции донских казаков во время восстания в столице, учитывая его

особенности, в частности численность и особенно уровень боевой подготовки красногвардейцев, практически нейтральные позиции основной массы солдат гарнизона, во многом непосредственно сказались на его ходе, бескровном характере и отчасти даже общих итогах. Оказавшись в очень сложном и практически безвыходном положении, члены Временного правительства уповали на прибытие в столицу верных частей с фронта и, прежде всего, конечно, казачьих полков. Утром 26 октября прибывший в штаб Северного фронта Керенский вновь приказывает частям 3-го конного корпуса двигаться на Петроград. И благодаря усилиям его командира генерала Краснова днем этого же числа первые эшелоны с казаками отправились в путь. Правда, Краснову удалось собрать весьма незначительные силы: всего шесть сотен 9-го Донского полка и четыре сотни 10-го Донского полка. Причем все эти сотни были так называемого слабого состава и насчитывали лишь примерно по 70 казаков в каждой. По словам самого П.Н. Краснова, на Петроград двинулось в общей сложности 700 казаков [18].

Общие настроения казаков, шедших на столицу, также как и противостоявших им красногвардейцев, солдат и матросов, были далеко не воинственными. Приказ о движении на Петроград они исполняли с большой неохотой. Цели похода оставались для них во многом неясными, к тому же, как верно заметил А.И. Деникин, в то время «…казаков сильно смущали их одиночество (т.е. отсутствие поддержки со стороны других, прежде всего, пехотных, армейских частей. - *Авт. 3.*) и мысль, что они идут "против народа"» [19]. Но казаки все-таки продолжали продвигаться вперед. 27 октября они без боя занимают Гатчину. Находившиеся там солдаты и матросы, которые были направлены из Петрограда навстречу красновским войскам, были разоружены казаками.

В тот же день к войскам Краснова подошло еще две сотни 10-го Донского полка с 2 орудиями [20]. 28 октября Краснов отдает приказ о дальнейшем наступлении на Петроград [21]. В этот же день его части занимают Царское Село. В то же время казаки через свои полковые комитеты заявили Краснову, что до похода пехоты они дальше не пойдут [22]. К вечеру 29 октября в распоряжении генерала Краснова находилось всего 630 казаков, 18 орудий, броневик и бронированный поезд [23]. Несмотря на значительные колебания, утром 30 октября казаки возобновили наступление. Под Пулковом они были встречены довольно многочисленными сводными отрядами Петроградского ВРК, состоявшими из красногвардейцев, солдат и матросов. После достаточно упорного боя казаки вынуждены были отойти в Царское Село, а затем и дальше, в Гатчину. Вечером из Гатчины в занятое частями ВРК Царское Село прибыла делегация казаков с предложением начать переговоры о прекращении боевых действий. На следующий день в Гатчину к казакам приехала делегация от Петроградского ВРК во главе с П.Е. Дыбенко. На состоявшемся совместном митинге большинство казаков заявило о своем нежелании участвовать в гражданской войне [24]. 1 ноября между казаками и членами ВРК было достигнуто соглашение о прекращении боевых действий. Сами же казаки подлежат свободному пропуску домой. Поход Керенского-Краснова на Петроград окончился неудачей.

События, развернувшиеся на Дону в конце октября 1917 г., отличались большой остротой и драматичностью. 25 октября донской атаман А.М. Каледин получил телеграмму министра юстиции П.Н. Малянтовича с сообщением, что в столице большевики пытаются захватить власть [25]. Через несколько часов, уже поздним вечером того же дня, на имя Каледина приходит еще одна телеграмма, подписанная министром внутренних дел А.М. Никитиным, в которой говорилось о низложении Временного правительства [26]. Сразу после этого Каледин отправляет телеграммы Временному правительству, в штаб Верховного главнокомандующего, Совету Союза казачьих войск, атаманам всех казачьих войск страны, начальникам войсковых подразделений Донской области и во все казачьи части, в которых было заявлено, что донское войсковое правительство считает захват власти большевиками преступным и совершенно недопустимым и окажет полную поддержку Временному правительству [27]. 26 октября товарищ донского атамана М.П. Богаевский направил телеграмму на имя Керенского с приглашением членов правительства и Совета республики в Новочеркасск «для восстановления и укрепления государственной власти» [28]. В этот же день Каледин пытался установить тесный контакт со штабом Верховного главнокомандующего и вел продолжительные переговоры с его начальником генерал-лейтенантом Духониным [29]. Решительное заявление донских казачьих властей явилось одним из самых первых громких призывов к решительной борьбе с большевиками.

2 ноября приказом атамана Каледина Ростовский, Черкасский и Таганрогский округа войска были объявлены на военном положении [30]. В этот же день им издается и приказ об установлении в расположенных на территории Донской области казачьих частях строжайшего внутреннего распорядка, постоянном нахождении офицеров при своих частях и ряде других мер [31]. В ноябре 1917 г. в казачьи области, главным образом на Дон, Кубань и в Оренбуржье, прибывают многие видные политические и военные деятели. Сюда же устремляются и решившие бороться с большевиками офицеры, юнкера, гражданские лица. Правда, в это время

всех их было весьма немного. В ноябре на Дон приезжают П.Н. Милюков, А.И. Гучков, М.В. Родзянко, генералы Л.Г. Корнилов, М.В. Алексеев, А.И. Деникин, А.С. Лукомский и ряд других. Они рассчитывали найти здесь надежную основу формирующегося антибольшевистского движения. Позже А.С. Лукомский отмечал, что осенью 1917 г. «всем нам казалось, что донское, кубанское и терское казачество не будут восприимчивы к большевистским идеям» [32]. Факт перемещения в ноябре 1917 г. центра армейской оппозиции большевистской власти в казачьи области Юго-Востока страны отмечали и зарубежные исследователи [33].

В первой половине ноября активизировалась деятельность генералитета по возможному использованию казачьих соединений в своих антисоветских целях. Так, генерал Л.Г. Корнилов в своем письме генерал-лейтенанту Н.Н. Духонину предлагал сосредоточить в ряде ключевых районов страны, прежде всего на стратегической линии Орша - Могилев - Жлобин, ряд надежных казачьих дивизий и осуществить установление прочной связи и точного соглашения с атаманами Донского, Терского и Кубанского войск [34]. Но, ознакомившись с этим предложением, генерал Духонин на полях письма сделал весьма характерную пометку: «Казаки заняли непримиримую позицию - не воевать с большевиками» [35]. Командующий 3-м конным корпусом генерал П.Н. Краснов первоначально попытался создать на базе своего корпуса сильную военную группировку в тылу Северного фронта. С этой целью он хотел, помимо прочего, вызвать из Петрограда и Финляндии 1-й, 4-й, 14-й и 23-й Донские полки и присоединить их к своему корпусу [36]. Этот замысел Краснова поддержал генерал Духонин, который 16 ноября отдал распоряжение о формировании из 1-го, 4-го и 14-го Донских полков новой 10-й Донской дивизии с включением ее в состав 3-го конного корпуса [37]. Но оно выполнено не было. После принятия решения об отправке частей корпуса в пределы своих областей генерал Краснов предпринял попытку переправить его части со всем вооружением в распоряжение атамана Каледина [38]. Однако казаки корпуса так же, как и подавляющее большинство других казаков-фронтовиков, не желали принимать какое-либо участие в разгоравшемся противоборстве противников и сторонников Советской власти, стремились уклониться от выполнения приказов своего командования, поскорей отправиться по домам. По мере прибытия на Дон они практически явочным порядком расходились по родным станицам.

Как видим, сразу же после поступления известий о событиях в Петрограде, свержения Временного правительства и установления власти Совнаркома атаман и войсковое правительство Донского казачьего войска заявляют о непризнании Советской власти и призывают к решительной борьбе с нею. Причем всем своим политическим заявлениям они стремились придать как можно более широковещательный характер с целью максимальной мобилизации всех антибольшевистских политических сил страны. Но сколько-нибудь значительных военных сил в это время в их распоряжении не было. Находившиеся в пределах войска казачьи части, небольшие по общей численности и рассредоточенные по различным административным центрам и районам Донской области, с большим трудом справлялись с исполнением приказов о поддержании порядка, сохранении политической стабильности и предотвращения возможных пробольшевистских выступлений на ее территории. Одновременно казачьи лидеры начинают активную деятельность по созданию на территории Донского войска обширного и прочного оплота для всероссийского антисоветского движения.

Октябрь 1917 г. с новой силой вовлек донское казачество в водоворот революционных событий. Казачество, как специфическая часть российского крестьянства, было недовольно такими пережитками феодализма, как сословные повинности, обременительная военная служба и сборы на нее за свой счет. Это во многом послужило причиной того, что в рамках Октябрьского этапа революции трудовое казачество колебалось или даже прямо отказывало в поддержке врагам Советской власти. С другой стороны, тем слоям казачества, которые реально пользовались привилегиями, приходилось сталкиваться с массами неказачьего населения области, превосходившего по численности казачье, преимущественно малоземельного или безземельного, которое требовало коренных буржуазно-демократических преобразований и уравнительного передела земли. Из-за социального расслоения казачество не было едино в борьбе за сохранение прежней системы землепользования и землевладения. Большая часть казачьей молодежи также выступала за частичные изменения этой системы. Кроме того, существовал конфликт между различными казачьими районами из-за неравной наделенности землей. Социально-классовая борьба в среде казачества протекала далеко не так явственно, как среди основного сельского населения страны. Как показали А.И. Козлов, А. В. Венков и др., казачья беднота была относительно немногочисленна и едва составляла четвертую часть этого сословия на Дону. В целом же классовая война на Дону из-за особенностей исторического развития приобрела сословную окраску и особую остроту. В итоге большинство казачьих полков после некоторых колебаний поддержали белое контрреволюционное движение, на что большевики ответили террором расказачивания [39].

Таким образом, на всех основных этапах революции 1917 г. от Февраля к Октябрю донское казачество в силу объективных причин проявляло значительные колебания по вопросу определения своей политической позиции, вплоть до саботажа и даже отказа в поддержке не только царского, но и Временного правительства. Это свидетельствует об определенном стихийном понимании казачеством естественности хода развития событий и, на наш взгляд, о целостности и внутреннем единстве революционного процесса 1917 года.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ерыкалов Е.Ф. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. - М., 1966. - С. 256.
2. Кочаков Б.М. Состав Петроградского гарнизона в 1917 г. // Ученые записки Ленинградского государственного университета. - № 205. Серия исторических наук. - 1956. - Вып. 24. - С. 75; Соболев Л.Г. Петроградский гарнизон в 1917 году (численность, состав, вооружение, расположение) / Исторические записки. - Т. 88. Сб.ст. - М.: Наука, 1971. - С. 66.
3. Российский государственный военно-исторический архив (далее - РГВИА). Ф.5046. Оп.1. Д.173. Л.62; Трут В.П. Казачий излом. - С. 117.
4. Керенский А.И. Издалека / Сб.ст. (1920-1921). - Париж: Б.И., 1922. - С. 201.
5. Иоффе Г.З. Семнадцатый год. - С. 168.
6. Телеграмма Главного начальника Петроградского округа, отправленная в 12 часов в ночь с 24 на 25 октября 1917 года Главковерху, копия Главкосеву. Документы. Ставка. 25-26 октября 1917 г. / Архив Русской революции. Т. VII. - С. 286.
7. См.: Трут В.П. Дорогой славы и утрат. - М.: ЭКСМО, 2007.
8. Там же.
9. Телефонные переговоры представителей штаба Петроградского округа и Временного правительства с дежурными 1-го, 4-го и 14-го Донских казачьих полков в ночь с 24 на 25 октября 1917 г. Документы. Ставка 25-26 октября 1917 г. / Архив Русской революции. Т. VII. - С. 304.
10. Керенский А.Ф. Указ. соч. - С. 201.
11. Государственный архив Российской Федерации (далее - ГАРФ). Ф.336. Оп.1. Д.23. Л.144.
12. Приазовский край. - 1917. - 8 ноября.
13. Большевики Петрограда в 1917 году. - С. 691.
14. Дневник А.В. Ливеровского о последних часах Временного правительства / Исторический архив. - 1960. - № 6. - С. 42.
15. Ерыкалов Е.Ф. Указ. соч. - С. 420.
16. Акулинин И.Г. Казаки и октябрьский переворот // Родимый край. - 1930. - № 11. - С. 13.
17. Дневник А.В. Ливерского… - С. 46.
18. Краснов П.Н. Указ. соч. - С. 155.
19. Цит. по: Деникин А.И. Указ. соч. - С. 93.
20. Краснов П.Н. Указ. соч. - С. 155.
21. ГАРФ. Ф.1343. Оп.1. Д.5. Л.89.
22. См.: Трут В.П. Указ. соч.
23. Краснов П.Н. Указ. соч. - С. 164.
24. Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Кн.2. - С. 399.
25. Вольный Дон. - 1917. - 26 октября.
26. Вольный Дон. - 1917. - 27 октября.
27. Приазовский край. - 1917. - 27 октября.
28. Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Триумфальное шествие Советской власти. Часть вторая. - М.: Изд-во АН СССР, 1963. - С. 139.
29. Приазовский край. - 1917. - 28 октября.
30. Российский государственный военный архив (далее - РГВА). Ф.14. Оп.1. Д.270. Л.30; Приазовский край. - 1917. - 5 ноября.
31. РГВА. Ф.14. Оп.1. Д.270. Л.31об.
32. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф.Р.411. Оп.2. Д.209. Л.16.
33. Keep John L.H. The Russian Revolution. A study in mass mobilization. - London, 1978. - P. 25.
34. Деникин А.И. Большевистский переворот. - С. 279.
35. См.: Казачий Дон: пять веков воинской славы. - М.: ЭКСМО, 2009.
36. Лутовинов И.С. Крах попытки антисоветского мятежа. Антисоветская деятельность Краснова в тылу Северного фронта // Вопросы истории. - 1973. - № 3. - С. 202.
37. РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.353. Л.182.
38. Краснов П.Н. Указ. соч. - С. 185.
39. Кислицын С.А. Указ и шашка. Политическая власть и донские казаки в первой половине XX века. - М.: URSS, 2014.

REFERENCES

1. Erykalov E.F. Oktyabr'skoe vooruzhyonnoe vosstanie v Petrograde. [October armed uprising in Petrograd]. M.1966. S.256.
2. Kochakov B.M. Sostav Petrogradskogo garnizona v 1917g. [Composition of the Petrograd garrison in 1917]. Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific notes of Leningrad State University. no. 205. A series of historical sciences. Vol. 24. L., 19556. P. 75; Sobolev L.G. Petrogradskij garnizon v 1917 godu (chislennost', sostav, vooruzhenie, raspolozhenie). [Petrograd garrison in 1917. (size, composition, weapons, location)]. Istoricheskie zapiski = Historical notes. T. 88.- Sb.st.- M.: Nauka, 1971.-S.66.
3. RGVIA, f. 5046, op. 1, d. 173, l.62; Trut V.P. Kazachij izlom. [Cossack fracture]. S.117.
4. Kerenskij A.I. Izdaleka. Sb.st. (1920-1921). [From a far. Sb.st. (1920-1921)]. Paris: B.I., 1922. S. 201.
5. Ioffe G.Z. Semnadcatyj god. [Seventeenth year]. S. 168.

6. Telegramma Glavnogo nachal'nika Petrogradskogo okruga, otpravlennaya v 12 chasov v noch' s 24 na 25 oktyabrya 1917 goda Glavkoverhu, kopiya Glavkosevu. Dokumenty. Stavka. 25-26 oktyabrya 1917g. Arhiv Russkoj revolyucii. T. VII. S. 286. [Telegram of the chief of the Petrograd district, sent 12 hours in the night from 24 to 25 October 1917 Supreme commander, a copy of Glucosio. Documents. Bet. On October 25-26, 1917. The archive of the Russian revolution.- T. VII.- S. 286.].
7. Refer.: Trut V.P. Dorogoj slavy i utrat. [Road of glory and loss]. Moscow. EKSMO. 2007.
8. Ibid.
9. Telefonnye peregovory predstavitelej shtaba Petrogradskogo okruga i Vremennogo pravitel'stva s dezhurnymi 1-go, 4-go i 14-go Donskih kazach'ih polkov v noch' s 24 na 25 oktyabrya 1917g. Dokumenty. Stavka 25-26 oktyabrya 1917g. Arhiv Russkoj revolyucii. T. VII. S. 304. [Telephone negotiations between representatives of the headquarters of the Petrograd district and the Interim government with the duty of the 1st, 4th and 14th Don Cossack regiments in the night from 24 to 25 October 1917. Documents. The rate of 25-26 October 1917. History of the Russian revolution. T. VII. P. 304].
10. Kerenskij A.F. Ukaz. soch. S.201.
11. GARF, f. 336, op. 1, d. 23, l.144.
12. Priazovskij kraj. 8 noyabrya. [Azov region. 8 Nov.].
13. Bol'sheviki Petrograda v 1917 godu. [The Bolsheviks of Petrograd in 1917]. S. 691.
14. Dnevnik A.V. Liverovskogo o poslednih chasah Vremennogo pravitel'stva. [The diary of A. V. Liverovskiy about the last hours of the Provisional government]. Istoricheskij arhiv = Historical archive. 1960. №6. S. 42.
15. Erykalov E.F. Ukaz. soch. S. 420.
16. Akulinin I.G. Kazaki i oktyabr'skij perevorot. [Cossacks and the October revolution]. Rodimyj kraj = Darling edge. 1930. №11. S. 13.
17. Dnevnik A.V. Liverskogo… [Diary Of A.V. Liverskiy…]. S. 46.
18. Krasnov P.N. Ukaz. soch. S. 155.
19. Cit.: Denikin A.I. Ukaz. soch. S. 93.
20. Krasnov P.N. Ukaz. soch. S. 155.
21. GARF, f.1343, op. 1, d. 5, l. 89.
22. Refer.: Trut V.P. Dorogoj slavy i utrat. [Road of glory and loss]. Moscow. EKSMO. 2007.
23. Krasnov P.N. Ukaz. soch. S. 164.
24. Oktyabr'skoe vooruzhennoe vosstanie. Semnadcatyj god v Petrograde. Kniga 2. [October armed uprising. Seventeenth year in Petrograd. Vol. 2]. S. 399.
25. Vol'nyj Don. 1917. 26 oktyabrya. [Free Don. 1917. 26 Oct.].
26. Vol'nyj Don. 1917. 27 oktyabrya. [Free Don. 1917. 27 Oct.].
27. Priazovskij kraj. 1917. 27 oktyabrya. [Azov region. 1917. 27 Oct.].
28. Velikaya Oktyabr'skaya socialisticheskaya revolyuciya. Dok. i materialy. Triumfal'noe shestvie Sovetskoj vlasti. CHast' vtoraya. [The Great October Socialist Revolution. Doc. and materials. Triumphal March of Soviet power. The Second Part]. M.: Izd-vo AN SSSR. 1963. S. 139.
29. Priazovskij kraj. 1917. 28 oktyabrya. [Azov region. 1917. 28 Oct.].
30. RGVA, f. 14, op. 1, d. 270, l.30; Priazovskij kraj. 1917. 5 noyabrya. [Azov region. 1917. 5 Nov.].
31. RGVA, f. 14, op. 1, d. 270, l.31 ob.
32. GAKK, f.R. 411, op. 2, d. 209, l.16.
33. Keep John L.H. The Russian Revolution. A study in mass mobilization. London. 1978. P.25.
34. Denikin A.I. Bol'shevistskij perevorot. [The Bolshevik revolution]. S. 279.
35. Refer.: Kazachij Don: pjat' vekov voinskoj slavy. [The Cossack Don: five centuries of military glory]. Moscow. EKSMO. 2009.
36. Lutovinov I.S. Krah popytki antisovetskogo myatezha. Antisovetskaya deyatel'nost' Krasnova v tylu Severnogo fronta. [The collapse of the attempts of the anti-Soviet uprising. Anti-Soviet activities of Krasnov in the rear of the Northern front]. Voprosy istorii = Questions of history. 1973. №3. P. 202.
37. RGVIA, f. 2003, op. 2, d. 353, l.182.
38. Krasnov P.N. Ukaz. soch. S. 185.
39. Kislicyn S.A. Ukaz i shashka. Politicheskaya vlast' i donskie kazaki v pervoj polovine XX veka. [Decree and sword. Political power and the don Cossacks during the first half of the XX century]. M. URSS. 2014.

Информация об авторе

Кислицын Сергей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, Южно-российский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
г. Ростов-на-Дону, Россия
kislizins@yandex.ru

Трут Владимир Петрович, доктор исторических наук, профессор, исторический факультет, Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия
trut.vladimir@rambler.ru

Получена: 07.01.2017

Information about the author

Sergey A. Kislitsyn, Doctor of Historical Sciences, Professor, South-Russian Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia
kislizins@yandex.ru

Vladimir P. Trut, Doctor of Historical Sciences, Professor, Historical Faculty, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
trut.vladimir@rambler.ru

Received: 07.01.2017

Для цитирования: Кислицын С.А., Трут В.П., Донское казачество и великая российская революция 1917 года (от февраля к октябрю). Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 1. Часть 1. с. -15-22. doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1--15-22.

For citation: Kislitsyn, S.A., Trut, V.P., Don cossacks and the great russian revolution of 1917 (from february to october). Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no. 1. Part. 1. Pp. -15-22. doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1--15-22. (in Russian)

Исторические науки и археология

Historical Sciences and Archaeology

УДК. 94 DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-25-31

БАБИЧ Ирина Леонидовна
Институт этнологии и антропологии РАН
г. Москва, Россия
irina@babich1.net

Irina L. BABICH
Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
irina@babich1.net

СЕВЕРОКАВКАЗСКИЕ ЖЕНЩИНЫ И ИСЛАМ В ПРОЦЕССЕ АДАПТАЦИИ К СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ЖИЗНИ

В 1990-2010-е годы во Францию эмигрировали не только русские, но и северокавказцы. В статье рассматривается роль северокавказских мусульманок в процессе адаптации к современной французской жизни. Статья подготовлена на основе собранных автором в 2015-2016 гг. новых полевых этнографических материалов во Франции. В ходе исследования автор пришел к выводу, что северокавказская диаспора разделяется по религиозному критерию: внутри одного народа могут быть активные (практикующие мусульмане) и пассивные мусульмане (так называемые этнические). Для северокавказских мусульман ислам выступает своего рода психологическим инструментом своеобразной адаптации к жизни во Франции. В эмиграции благодаря усилению роли ислама в жизни северокавказской диаспоры постепенно происходят изменения в формировании идентичности: национальная идентичность переходит в религиозную. Автор пришел к выводу, что некоторые женщины с Северного Кавказа, которые активно уходят в ислам, начинают ограничивать свой образ жизни, практически не вникая во французскую жизнь и, соответственно, практически не адаптируясь к ней. Все содержание их жизни - в своей религиозной семье. Другие, наоборот, отходят от ислама и активно интегрируются во французское общество.

Ключевые слова: Северный Кавказ, адаптация, женщины, семья, общество, Франция, французская культура, ислам, полевые материалы.

NORTH CAUCASIAN WOMEN AND ISLAM IN THE PROCESS OF ADAPTATION TO MODERN FRENCH LIFE

In 1990-2010-ies some peoples from USSA immigrated to France, among them were not only Russian, but North Caucasians. The aim of this research is the Islamic life of the North Caucasian women in modern France. The purpose of this article is to show the place of women in the modern life of the North Caucasians in France. This article was prepared on the basis of collected new field ethnographic materials in France by the author in 2015-2016. The author concludes that in France the North Caucasian Diaspora is divided on two kinds: «active Muslims» and «passive Muslims» (so-called ethnic Muslims). From point of author's view the Islam in France for the North Caucasians is one the main psychological tool, a kind of adaptation to life in France. As a result there is a change in the formation of identity: national identity of the North Caucasians in France becomes religious identity. The author concludes that some of the women from the North Caucasus, who are actively going in Islam, are beginning to restrict their lifestyle. They try to live only within their own religious family. Other women, however, don't want to Islam, and actively integrate into French society.

Keywords: North Caucasus, adaptation, women, family, society, France, French culture, Islam, field materials

Благодарность. *Статья подготовлена в рамках проекта РНФ "Механизмы обеспечения гражданского согласия в многоэтничных государствах: российский и зарубежный опыт» № 15-18-00099 (рук. Е.И. Филиппова).*

Acknowledgement. *The article was prepared within the framework of the Russian Science Foundation "Mechanisms for civil harmony in multi-ethnic states: Russian and foreign experience" № 15-18-00099 (led by E.I. Filippova).*

Введение

1990-е годы вызвали миграционные потоки из России в разные страны мира, в том числе и народов Кавказа в Европу, что было обусловлено как политическими (война в Чечне), так и социально-экономическими причинами (кризис в России и в государствах Закавказья). На протяжении 1990-2010-х годов наблюдается ощутимый приток эмигрантов из республик Северного Кавказа, главным образом, из Чечни [1]. В настоящее время проблема адаптации северокавказских эмигрантов в Европе вообще и во Франции в частности, как нам представляется, до сих пор не являлась предметом научного исследования как российских, так и французских антропологов. Европейские идеологи мультикультурализма, руководство европейских стран убеждены, что северокавказские мигранты наряду с эмигрантами из других стран постепенно воспримут «европейские» ценности и «европейские» культуры, а между тем в реальности этого не происходит: попытки северокавказских эмигрантов «быстро» включиться в европейскую жизнь, как правило, оканчиваются неудачно. В результате возникают новые механизмы в процессе адаптации.

По нашему мнению, важно проанализировать трудности, с которыми сталкиваются северокавказцы в ходе адаптации к европейской жизни, что позволит нам, с одной стороны, обогатить научные знания в области адаптации одних культур к другим, а с другой, представить

практические рекомендации, как в ходе адаптации к культурам Европы возможно избежать радикализации и криминализации, главным образом северокавказской молодежи. Ислам как основная религия северокавказцев, безусловно, играет свою роль в процессах адаптации к французской жизни, культуре и обществу [2; 3].

В настоящее время северокавказская диаспора проживает во многих европейских странах: Франции, Германии, Польше и других. Современная северокавказская диаспора включает в себя три группы мигрантов: во-первых, это молодые неженатые мужчины в возрасте от 25 до 35 лет; во-вторых, молодые семьи, которые приезжают чаще с маленькими детьми, реже - с подростками; в-третьих, вдовы - жены тех, кто погиб в ходе чеченских войн. Безусловно, все эти три группы по-разному адаптируются к французской жизни. Как известно, роль женщины в обществе и семье в традиционных культурах Северного Кавказа в течение многих веков была особенной. С одной стороны, она имела высокий статус в обществе, могла примирять враждующих, а с другой - в семье лишь старшие женщины были авторитетными: молодые замужние женщины практически не имели никаких прав. Безусловно, советские и постсоветские годы во многом изменили традиционные устои северокавказских обществ, тем не менее отдельные аспекты статуса женщин в обществе и семье сохраняются на Северном Кавказе до сих пор [4].

На основе собранных во Франции новых полевых этнографических материалов в предлагаемой статье мы рассмотрим особенности положения северокавказской женщины в исламском сообществе Франции в контексте адаптации мигрантов к французской жизни, французскому обществу и закону. Данное исследование проводилось во Франции в течение 2015-2016 гг. Были проведены полевые этнографические интервьюирования среди представителей северокавказской диаспоры (около 40 респондентов). Среди них - кабардинцы, балкарцы, осетины, чеченцы, ингуши. Условие данных нам интервью - анонимность, поэтому имена респондентов в исследовании изменены. Возраст - от 15 до 45 лет. Как правило, все мигранты занимают невысокий социальный статус во французском обществе. Исследования проводились как в столице, так и в некоторых провинциальных городах Франции.

Воспроизводство во Франции религиозной жизни Северного Кавказа

Народы Северного Кавказа, исповедующие ислам, оказавшись в эмиграции во Франции, воспроизводят сложившуюся ко времени их отъезда с родины религиозную (исламскую) жизнь. В целом, ее можно разделить на два образа жизни людей: с одной стороны, это молодежь Дагестана, Чечни, Ингушетии - так называемые практикующие мусульмане, а с другой - большинство населения Северо-Западного и Центрального Кавказа (Республика Адыгея, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Северная Осетия-Алания) - так называемые этнические мусульмане, которые соблюдают крупные исламские праздники (Курбан-байрам и Ураза-байрам), не посещают пятничные службы в мечети, не совершают дома пять раз намаз [5]. Соответственно, и во Франции северокавказская диаспора делится на практикующих и этнических мусульман. Тем не менее воспроизводство особенностей религиозной жизни, свойственной Северному Кавказу, во Франции сопровождается появлением и некоторых новых тенденций: во-первых, некоторые этнические мусульмане переходят в разряд практикующих, а во-вторых, другая их часть еще реже обращается к исламу, чем это имело место на родине. Считающие себя мусульманами адыги, балкарцы, иногда ингуши, проживая во Франции многие годы, вообще не посещают мечети, основные исламские праздники соблюдают редко. Например, далеко не каждый год на Курбан-байрам они режут барашка. Это объясняется комплексом причин: во-первых, во Франции трудно достать живого барана, во-вторых, в стране резать барашка можно только в определенных местах, и, наконец, в-третьих, и это главная причина - во Франции отсутствует «*воздействие общества, общественное мнение*». Многие информаторы признавались, что на родине благодаря общественному мнению они, не задумываясь, точно соблюдали бы исламские традиции и обязательно бы резали барашка, поскольку «там так делают все. Если какая-либо семья это не сделает, окружающие ее осудят. На Северном Кавказе все должны все делать одинаково*».* Во Франции, по сути, отсутствует «северокавказское общественное мнение», нет *исламского влияния северокавказского общества* на жизнь отдельной семьи мигранта: в этой стране мигрант-северкавказец может не резать барашка - и «никто ему ничего не скажет». Такие мигранты достаточно доброжелательно относятся к религиям Франции, сами могут зайти в костел и поставить там свечку, когда в их семье решается что-то важное [6]. Например, в семье адыгских этнических мусульман девочка-подросток прочла Библию и Коран, и ей Библия больше понравилась, после чего она со своими

друзьями-французами сходила на праздничную мессу в католической костел. Родители детей, родившихся и выросших во Франции в семьях этнических мусульман, как правило, рассказывают им о северокавказских традициях и о религии предков, но для них, особенно для девочек, непонятным остается положение исламской женщины в семье и обществе на Северном Кавказе: им кажется, что женщина в исламе не имеет свободы, тогда как для девушек, уже выросших в европейской стране, ближе свобода в ее западном понимании [6].

Пути северокавказских женщин в европейский ислам

Как мы указывали выше, во Франции часть северокавказских мусульман (и не только чеченцев) стремятся из этнических мусульман влиться в настоящее мусульманское общество. Цели данного стремления могут быть самыми различными. Приведем несколько примеров из жизни северокавказских женщин.

Опишем судьбу одной балкарской семьи, переехавшей во Францию около 15 лет назад вместе с детьми. Старшее поколение этой семьи - в возрасте 35-40 лет. Женщина-балкарка у себя на родине принадлежала к категории этнических мусульман, однако во Франции она стала практикующей мусульманкой. Причиной данного изменения отношения к исламу стало желание приобрести «среду, общество» (балкарцев во Франции крайне мало, по сути, балкарской среды в этой стране нет). Не имея балкарской среды во Франции, она активно стала стремиться в мусульманское общество.

Иногда процесс перехода из этнических мусульман в практикующие бывает быстрым: женщины приезжают в эмиграцию и, еще проживая в общежитии для эмигрантов и ожидая разрешающих проживание во Франции документов, начинают, по выражению самих северокавказцев, «кутаться», а иногда для этого требуются годы. Среди чеченок-эмигранток есть и такие, которые, являясь мусульманками, долгие годы в Париже ходили без платков. Например, в Париже чеченка Ж., хорошо адаптированная к французской жизни, создала свою фирму по производству сувениров. Будучи мусульманкой, не один год она появлялась в общественных местах без платка на голове. Несколько лет назад она вышла замуж за чеченца-эмигранта (из Нидерландов). Пара совершила исламский обряд «некях». Ж. по просьбе мужа начала носить платок [7]. Другая чеченка К., уже проживая в Париже, долгое время ходила в коротких юбках, без платка, употребляла вино. Однако впоследствии она изменила свой внешний вид и поведение согласно нормам ислама: перестала пить вино, стала носить длинные юбки [6]. Внешний вид горянок с Северного Кавказа не связан жестко с их исламской ориентацией (например, на танцевальных вечерах, которые чеченская молодежь часто устраивает в общежитиях, с точки зрения исламских догматов одежда молодых чеченок достаточно открыта) [7].

Роль северокавказских мусульманок в процессе адаптации к французскому обществу

Если северокавказская женщина приезжает во Францию с маленькими детьми, то она вынуждена активнее включаться в новую жизнь. Дети начинают посещать французскую школу, часто быстрее взрослых обучаются французскому языку, и женщина старается быть с детьми на одном уровне. Она подчас быстрее, чем мужчина, может найти работу.

Если во Францию эмигрировала вдова с детьми, то ее роль повышается вдвойне. Обычно на Северном Кавказе женщине, оказавшейся одной с детьми, помогают все родственники, близкие и дальние. Во Франции складывается другая ситуация: тут ее не окружают многочисленные родственники, многое ей нужно делать самой. Между тем важно подчеркнуть, что во Франции женщина - вдова или разведенная - может чувствовать себя иначе, чем на Северном Кавказе. Особенность европейской свободы, основы французской жизни позволяют одинокой женщине чувствовать себя достаточно комфортно и хорошо. На Северном Кавказе такое было бы невозможно.

Надо отметить, что в эмиграции чеченские женщины, по сути, не могут воспроизводить стереотипы поведения, которым они следуют у себя на родине. Женщины в Чечне, в отличие от горянок из других республик Северного Кавказа, часто не работают, полностью поглощены семейными проблемами. Они живут в окружении многочисленных родственников своего тейпа. Как правило, имеют большое домашнее (подсобное) хозяйство. В этом состоит содержание их жизни. Однако во Франции так жить нельзя: там немного родственников, семейных забот в эмиграции значительно меньше, нет подсобного хозяйства, между тем работать, по традиции, че-

ченские женщины часто не хотят и во Франции. Среди молодых чеченок много таких, которые, выйдя замуж, предпочитают не работать. Например, родная сестра Ж., у которой своя сувенирная фирма, живет в Париже, не работает (и не хочет работать), практически все время находится дома, смотрит различные сайты, читает Коран и, разумеется, находится в депрессии. В результате содержание такой жизни очень скудное, но подобная ситуация, как нам представляется, скорее исключение, чем правило [7].

Женщины как гарант сохранения северокавказской культуры во Франции

Жизнь во Франции значительно отличается от жизни на Северном Кавказе. Северокавказские эмигранты видят существенную разницу между своей культурой, образом жизни, основами морали и французскими ценностями. Например, раскрепощенность французов входит в противоречие с понятием «стыда» у северокавказцев (*емыкlу* - кабард.). В северокавказском этикете есть такие положительные черты, как сдержанность, культ выдержки, как у мужчин, так и у женщин, уважение к старшим, гостеприимство, чувство локтя. Отношения внутри семьи тоже несколько дистантны: институт избегания; немало семей в Чечне и сегодня, где женщины и мужчины едят отдельно. Во французском обществе нет свойственных северокавказской культуре почитания старших и уважения родителей. У французов отсутствует дихотомия «старший - младший». Северокавказские эмигранты вначале своего проживания во Франции уступают место старшим в транспорте, но потом начинают видеть, что делать этого не надо: люди обижаются, воспринимают как унижение. Северокавказцы, сталкиваясь с раскрепощенностью французов, чувствуют себя неловко. Семьи северокавказских эмигрантов, где родители строго воспитывают своих детей, видят эту разницу. Воспитанные дети северокавказцев удивляются, когда наблюдают, как их французские подруги и друзья резко разговаривают со своими родителями, особенно отцами.

Северокавказские эмигранты отмечают, что лишь часть французов любят семью и родственные связи. У многих французов совсем нет тяги к родственникам: родные братья и сестры могут годами не видеться. Французские семьи имеют мало детей. Многие вообще живут без детей и не хотят их иметь. Для северокавказского менталитета это кажется странным, поскольку для народов Северного Кавказа *родственные и семейные ценности* очень значимы. Эта ценность для них сохраняется и в эмиграции. Отметим также, что и в эмиграции северокавказцы очень ценят свои *родственные связи*. Поскольку часто эмигрируют несколько родственных семей (особенно это характерно для чеченцев), то они стараются оказаться в одном городе, чтобы тесно общаться, что и происходит в реальности. И в этой сфере именно *северокавказские женщины твердо стоят за сохранение традиционных родственных и семейных ценностей*. Дети, выросшие на Западе и приезжающие потом на Северный Кавказ, видят разницу в отношении к родственникам на родине своих предков, и во Франции [6].

Бытовая культура

Во Франции горянки с Северного Кавказа не носят ни национальной, ни исламской одежды, а пользуются обычной, европейской. Северокавказские девушки и женщины, будучи практикующими мусульманками, не всегда носят платки или хиджабы. Наличие платка у женщины во Франции никак не свидетельствует об уровне ее исламизации.

Еда является важным атрибутом сохранения своей культуры в эмиграции: чаще всего мигранты с Северного Кавказа во многом сохраняют свою приверженность к своей национальной кухне, дома женщины готовят блюда, знакомые с детства, обычно по выходным и в праздники [6]. Между тем если мужчина-северокавказец женится на француженке (а такие случаи бывают), то ему приходится довольствоваться европейской кухней: жена не станет осваивать северокавказскую кухню.

На Курбан-байрам женщины из Кабарды делают национальный суп - *ашрык* (кабард.), для которого требуется использовать семь злаков (зерна белой кукурузы, три вида фасоли, перловая крупа, пшеница шлифованная, рис, пшено), вяленое мясо, сохранившееся с прошлого Курбан-байрама, разносят мясо среди всех северокавказских мусульман (раньше - сырое, в настоящее время - чаще приготовленное). Большое разнообразие национальных блюд бывает на чеченских свадьбах (у других северокавказских мигрантов на свадьбах большинство блюд европейские).

Соционормативная культура

Северокавказские мигранты живут в обычных квартирах, в интерьере которых нет ничего особенного. Главным фактором, несущим в себе этноохранную функцию в эмиграции, является бытование национального языка и поведенческая культура: даже в эмиграции северокавказцы воспроизводят свои традиции. Во многом домашняя жизнь северокавказских мигрантов наполнена скорее этническим, нежели исламским компонентом. Дома они слушают северокавказскую музыку, российскую эстраду, смотрят российское телевидение [6]. У мигрантов, как правило, дома много дисков с национальной и национально-эстрадной музыкой (например, для адыгов это диски известного исполнителя Черима Нахушева). Танцы являются важным атрибутом этнической идентичности в эмиграции. При проведении различных праздников во Франции северокавказцы всегда устраивают танцы. Например, чеченцы всегда празднуют так называемый позитив (получение позитивного решения о предоставлении статуса политического беженца). Во время таких праздничных встреч танцуют все: и молодые девушки, и юноши, и мужчины, и женщины. Девушки и женщины одеты открыто: их плечи могут быть и голыми, на женщинах в возрасте - повязки на волосах [7]. Маленькие дети часто обучаются национальным танцам. Это важная часть воспитания подрастающего поколения - детей северокавказских мигрантов. На свадьбах, на различных праздниках во Франции всегда устраиваются национальные танцы, и не уметь танцевать - стыдно [6].

Свойственные всем северокавказским народам традиции гостеприимства и взаимопомощи живы и в эмиграции. Как и на Северном Кавказе, для каких-либо сложных работ (например, строительных) или при переезде семьи на другое место жительства и т.д. созываются родственники и знакомые. Чаще это распространяется на ближайших родственников, но есть случаи, когда совершенно незнакомые люди помогали другим, находившимся в трудной жизненной ситуации. Чеченка А. поселила в своей маленькой комнате двух незнакомых чеченок, которым негде было жить [7]. Сохраняются многие традиции, связанные с детскими циклами, воспитанием. Например, в адыгских семьях по-прежнему живет традиция определения будущей профессии ребенка по тому, какой предмет он выберет. Для этого перед ребенком 4-5 лет выкладываются различные предметы. Адыги верят: первый предмет, который ребенок выберет, и будет связан с его профессией [6]. Уважение к старшим сказывается и при общении с людьми пожилого возраста на работе, проявляется во время танцевальных вечеров в общежитиях: если в зале, где проводятся танцы, появляются пожилые люди, то молодежь встает [7].

Свадебные и похоронные традиции и ислам

Северокавказские мусульмане и во Франции совершают мусульманский обряд ния - *некях*: они идут в дом к мулле или он приходит к жениху и невесте. Северокавказцы редко оформляют свой брак в мэрии. На северокавказских свадьбах во Франции свойственные народам Северного Кавказа этнические традиции воспроизводятся лишь отчасти. У большинства северокавказцев свадьбы проходят обычно, в ресторане, национального компонента практически нет (за исключением приготовления отдельных блюд) [6]. Свадьбы северокавказских мигрантов, особенно чеченцев, - одно из главных событий их жизни во Франции. На такие мероприятия приглашают от 300 до 500 человек со всей Франции, а иногда и Европы. Для проведения свадьбы арендуют большой зал. Блюда для свадебного стола готовят сами. У чеченцев-мигрантов чаще бывают традиционные застолья, в том числе и свадьбы, в северокавказском духе. Они называют такие празднества *Ловзар.* Чеченцы, как рассказывали информаторы, лучше других народов Северного Кавказа сохраняют свои традиции в эмиграции. У чеченцев сохраняется традиция ввода невесты в дом (для этого расстилают бараньи шкуры, жених обращается к старшим из семьи невесты, просит его простить, что забирает невесту, жених и невеста убегают понарошку и т.д.), на свадьбе невеста вместе со своей подругой стоит в углу залы, а жених вообще отсутствует. Во Франции на чеченских свадьбах продолжают устраиваться раздельные столы для мужчин и женщин (у других северокавказских народов эта традиция ушла в прошлое); за каждым столом - свой тамада (у других северокавказцев - один тамада для всех столов); сохраняется роль «танцевального тамады», который с помощью палочки выбирает тех, кто будет танцевать следующий танец [6]. Блюда на чеченских свадьбах во Франции национальные: *жижиг-галнаш*, *плов, лепешки с творогом, сыром, мясом*…[7]. Делают также салат оливье, манты, сладкое угощение - *халву*, сладкий рис. Приготавливаются и довольно сложные блюда: *курзе* (своего рода равиоли), *галушки* (макаронные изделия, приготовленные вручную). Блюда часто готовятся несколькими женщинами совместно. Иногда на крупные чеченские свадьбы приезжают чеченские же артисты из Чечни или из другого города Европы (например, Страсбурга) [7].

В настоящее время, если кто-то из северокавказцев умирает во Франции, родственники и представители всех северокавказских народов в эмиграции собирают средства на отправку тела на родину [7]. Людей часто хоронят не в эмиграции, а на родине. Информаторы, проживающие во Франции более 10 лет, ни разу не были на мусульманских похоронах, в мечети [6]. Если все же похороны состоялись во Франции и проводятся поминки, то на них приходят все северокавказцы, независимо от этнической принадлежности, например, к адыгам приходят чеченцы и т.д. [7]. Северокавказцы делают поминки (40 дней, полгода, год), для чего кабардинцы, например, готовят ритуальное блюдо - *лакумы* (кабард.). Их разносят в дома семь семей - северокавказских мигрантов. Когда мусульманин ест такой лакум, то читает молитву за покойного (*тхайту* - чечен.). Французам, даже соседям, лакумы не раздаются: они неправильно поймут и, разумеется, не смогут произнести молитву.

Заключение

Анализ исламской жизни северокавказцев во Франции показывает, что в настоящее время, как нам представляется, разделение внутри северокавказской диаспоры проходит *по религиозному критерию*: внутри одного народа могут быть активные (практикующие мусульмане) и пассивные мусульмане (так называемые этнические), и они между собой в эмиграции практически не общаются [8; 9]. Для северокавказских мусульман ислам выступает своего рода психологическим инструментом своеобразной адаптации к жизни во Франции. Некоторые горянки с Северного Кавказа, которые активно уходят в ислам, отчасти сами начинают ограничивать свой образ жизни, практически не вникая во французскую жизнь и, соответственно, практически не адаптируясь к ней. Все содержание их жизни - в своей религиозной семье. Другие, наоборот, отходят от ислама и активно интегрируются во французскую жизнь. В эмиграции благодаря усилению роли ислама в жизни северокавказской диаспоры постепенно происходят изменения в формировании идентичности: *национальная идентичность переходит в религиозную.* Наблюдается стремление северокавказских мусульман Франции не только сохранить свою религиозно-культурную идентичность, но и порой противопоставить ее ценностям государства, гражданами которого они являются.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Vinatier L. *Tchétchènes*: une diaspora en guerre. - Paris: Pétra, 2013.
2. Бабич И.Л. Народные традиции в общественном быту кабардинцев. - М., 1995.
3. Иванченко Е.А. Мусульманская община во Франции: проблемы религиозной и культурной интеграции // Вестник Могилевского государственного университета. - 2009. - № 2-3.
4. Понкин И.В. Ислам во Франции. - М., 2005.
5. Бабич И.Л. Современное исламское движение в Кабардино-Балкарии // Исламское возрождение в современной Кабардино-Балкарии. - М., 2003.
6. Полевые материалы Бабич И.Л., Франция, март 2015 г., ноябрь 2015 г., март 2016 г., ноябрь 2016 г.
7. Chleinikov A. Les particularités de la société traditionnelle tchétchène. Identité tchétchène. Master d'Ethnologie. Nanter, 2008 (manuscript).
8. Бабич И.Л. Социокультурные и политико-правовые аспекты адаптации кавказских мусульман в современной Европе (постановка проблемы) // Социодинамика. - 2015. - № 1.
9. Бабич И.Л. Исламские ценности в жизни кавказских эмигрантов во Франции (1919-1939 гг.) // ние. - 2016. - № 1 (27).

REFERENCES

1. Vinatier L. Chechenci: diaspora v voine [Chechens: Diaspora in the war]. Paris: Peter. 2013.
2. Babich I.L. Narodnie tradicii v obchestvennoi zchizni kabardincev [Folk traditions in the social life of kabardians]. Moscow, 1995
3. Ivanchenko E.A. Musulmanskie obchini vo Francii: probleni religioznoi I kulturnoi integracii [The Muslim community in France: problems of religious and cultural-term integration]. Bulletin of the Mogilev State University. 2009. No. 2-3.
4. Ponkin I.V. Islam vo Francii [Islam in France]. M. 2005.
5. Babich I.L. Sovremennoe islamskoe dvizchenie v Kabardino-Balkarii. Islamskoe vozrozchdenie v sovremennoi Kavardino-Balkarii [Modern Islamic movement in Kabardino-Balkaria. Islamic development in modern Kabardino-Balkaria]. Moscow, 2003.
6. Polevie materiali Babich I.L. Fracia, mart 2015, nojabr 2015, mart 2016, noajbr 2016 [Field ethnographic materials. France, 2015-2016]
7. Chleinikov A. Osobennosti tradicionnoi chechenskoy kulturi. Chechenskaya identichnost. [Features Chechen traditional society. Chechen identity. Master of Ethnology. Nanter]. 2008. (manuscript).
8. Babich I.L. Islamskie cennosti v zchizni kavkazskih migrantov vo Francii (1919-1939). [Islamic values in the life of Caucasian immigrants in France (1919-1939)]. Islamovedenie. [Islamic Studies]. 2016. № 1 (27).
9. Babich I.L. Sociopkulturnii I politico-prapovoi aspecti adaptacii kavkazckih musulman v sovremennoi Francii [Sociocultural and politico-legal aspects of the adaptation of the Caucasian Muslims in the modern Europe. Sociodynamics]. 2015. № 1.

Информация об авторе

Бабич Ирина Леонидовна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН,
г. Москва, Россия
irina@babich1.net

Получена: 11.01.2017

Для цитирования: Бабич И. Л., Северокавказские женщины и ислам в процессе адаптации к современной французской жизни. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 1. Часть 1. с. 1-25-31.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-1-25-31.

Information about the author

Irina L. Babich, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
irina@babich1.net

Received: 11.01.2017

For citation: Babich, I.L., North caucasian women and islam in the process of adaptation to modern french life. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no. 1. Part. 1. Pp. 1-25-31.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-1-25-31. (in Russian)

УДК. 930.1 DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-32-44

БУГАЙ Николай Федорович
Институт российской истории, Российская академия наук г. Москва, Россия
nikolay401@yandex.ru

Nikolay F. BUGAY
Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
nikolay401@yandex.ru

ИДЕОЛОГИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ОБЩЕСТВЕ: ПРИЗНАНИЕ МНОГООБРАЗИЯ, «ОТСУТСТВИЕ» ОСНОВ В РОССИИ

IDEOLOGY OF ETHNIC RELATIONS IN SOCIETY: DIVERSITY RECOGNITION, LACK OF FUNDAMENTALS IN RUSSIA

В предлагаемой статье автором поставлена одна их приоритетных и актуальных гуманитарных проблем - роль и место идеологии, ее установок в масштабе государства. В конкретном вопросе автор не новичок. Этот вопрос уже неоднократно звучал на многих форумах гуманитарных наук, где высказывались предложения о формировании национальной идеи.

Однако накопленные в этом положительные практики свидетельствуют о том, что это сложный вопрос современного российского сообщества, и он требует не только размышлений по этому поводу, но и глубокого изучения самой сути проблемы.

Тем не менее единство в этом плане пока достигнуто только во мнении о необходимости озвучивания самой идеи. Не случайно этот вопрос оказался в центре внимания участников Международного научного форума, проходившего в сентябре-октябре 2016 г. в Геленджике (п. Кабардинка), а также на состоявшейся в Москве в октябре 2016 г. научной конференции.

Все это позволяет сделать вывод, что представителей ученого мира, гуманитариев эта тема беспокоит. Они исходят из того положения, что идеология в государстве должна быть прозрачной, понятной, наполненной новым содержанием, адекватной эпохе, состоянию государства, выступающей основой формирования нового самосознания и национального сознания.

Учеными идеология рассматривается и как прочная основа для консолидации многонационального сообщества в жизни любого государства, и Россия, по их мнению, не является в этом плане исключением. Возможно, это и так. Опора на положения ст. 13 Конституции России, хотя и отрицающей наличие идеологии, но объявляющей признание «идеологического многообразия», как раз, по мнению многих, создает основу для отсутствия не только многообразия, но вообще наличия такового. Государственная идеология существует во всех государствах, даже в самых передовых, входящих в десятку развитых в экономическом плане. Каждое из них отличается своей спецификой и особенностями, но направленность их единая - сохранение самой государственности, консолидация вокруг объявленных ценностей, развитие государственности, народов, проживающих на ее территории. Об этом применительно к России в современных условиях рассказывает предлагаемая статья.

Ключевые слова: идеология, общинность, великосамодержавие, патриотизм, этатизм, депатриотизация, покаяние, национальная политика, центризм, российская нация.

In this article the author put one of their priority and urgent humanitarian issues – the role and place of ideology, its facilities across the state. In a particular case, the author is no stranger. This question has been repeatedly sounded in many forums of the humanities, where suggestions were made about the formation of a national idea. However, accumulated in the positive practices indicate that it is a complex issue of modern Russian community, and it requires not only a reflection on this issue, but also a deep izuche6niya the essence of the problem. Nevertheless, the unity in this respect is achieved only in the very idea of the need for sound. It is no coincidence that the issue became the focus of attention and the participants of the International Scientific Forum, held in September-October 2016 in Gelendzhik (Kabardinka Village), as well as in Moscow scientific conference held in October 2016. All this leads to the conclusion that the representatives of the scientific world, the humanities are concerned this topic. They proceed from the position that the ideology of the state must be transparent, clear, filled with new content, appropriate age, of the state, serving the basis for the formation of a new identity and national consciousness. Scientists ideology and regarded as a firm basis for the consolidation of multi-ethnic community in the life of any state and Russia, in their opinion, is not an exception in this respect. Perhaps this is so. Reliance on the provisions of Art. 13 of the Russian Constitution, although it denies the existence of ideology. But announcing the recognition of "ideological diversity" as time, according to many, are the basis for not only the lack of diversity, but in general the existence of such. The state ideology exists in all countries, even the most advanced among the top ten most developed countries in economic terms. Each of them is distinguished by its specificity and features, but the thrust of their single – to save a mother's statehood, consolidation around the declared value, the development of the very statehood of the peoples living on its territory. It offers the reader and the narrative in relation to Russia in modern conditions.

Keywords: ideology, communities velikosamoderzhavie, patriotism, statism, depatriotization, repentance, national politics, centrism, Russian nation

Идеология новой России не может исключать и процесс дальнейшего совершенствования, и утверждение в обществе демократических принципов в регулировании его развития на правовой основе и главенстве права.

Более того, в России за 70 лет функционирования Советской власти был накоплен и огромный опыт в реализации подобных мер, начало которым было положено уже в первые месяцы существования нового типа государственности. А институциализация этого направления получала отражение в проводимой политике Советов как органов государственной власти, органов проявления высшей формы демократии, которая требует также своего тщательного изучения.

К сожалению, реализация этого основополагающего принципа на практике зачастую тормозилась действиями партии, вмешивавшейся в жизнь Советов, их повседневную работу. И, если обратиться к практической стороне самих Советов, то представляет интерес в этом плане работа создававшихся в их структуре фракций коммунистов, численность которых год от года заметно возрастала, как усиливалось и их влияние внутри Советов и исполкомов.

Уже в первой половине 1918 г. фракции коммунистов оформились во всех губернских, а также в значительной части уездных исполкомов Советов. Что касается волостных Советов, то в них фракции широким фронтом создавались в период комитетов бедноты, что было связано с ростом численности партийных ячеек. 8-й съезд РКП(б) предписал обязательное участие в работе фракций всех членов РКП(б), занятых в Советах и исполкомах [3].

В условиях современной России оценка деятельности и Советов, и фракций коммунистов может быть различной, однако они при умелой организации их деятельности на местах, передачи им широких полномочий имели авторитет среди населения, пользовались поддержкой. Что же касается партийных организаций, то зачастую в условиях усиления роли Советов среди масс сразу же возрастало внимание со стороны коммунистов - членов фракций в составе Советов, со стороны партийных организаций. Они как бы контролировали работу Советов, постоянно занимаясь усилением своего влияния. На фракции в Советах возлагалось и четкое проведение государственной идеологии на местах.

В связи с этим полностью солидаризируюсь с оценками, прозвучавшими в выступлении в апреле 2014 г. в Центре «Историческая наука России» (Институте российской истории РАН) доктора исторических наук, профессора Р.Г. Пихоя с докладом «Современная российская историография советского периода». Он справедливо заявил о недостатках современной историографии. По его мнению, она в большой мере остается отмежевавшейся от бывших ранее приоритетными проблем советской исторической науки. Так Р. Пихоя отмечает: «При анализе политических институтов страны "потерялись" Советы, практически не изучается феномен Советской власти как специфической формы государственности…». С ним трудно не согласиться. На эту проблему указывали и многие предшественники.

Утверждение полностью соответствует действительности. Было бы целесообразным обобщить работу Советов за период их функционирования, в том числе и в формировании основополагающих установок идеологии развивавшегося советского общества.

В Союзе ССР Советы как органы государственной власти функционировали более 70 лет, однако так и не было создано обобщающего исследования об их всесторонней деятельности, в которой они отличались на практике наиболее высоким уровнем демократии, ратовали на всех этапах совершенствования государственности за развитие широкой демократии.

Как бы ни «изворачивались» отдельные политологи России, других самостоятельных государств на постсоветском пространстве, в частности в Прибалтике, Средней Азии, Закавказье, однако никуда не денешься, и в своей практике, и повседневности им приходится учитывать один из компонентов бывшей государственной идеологии на советском пространстве - *русскости.* Этим понятием во многом определяется и сущность таких производных, как *российскость*, *российская нация - многонациональный народ*, что уже зафиксировано и в Основном государственном законе - Конституции Российской Федерации [11, с. 5].

Правда, в начале 1990-х годов, когда проходил этап распада государства, устроенный враждебными внутренними силами страны, а также благодаря активному вмешательству США, стран НАТО, русскость в бывших союзных республиках подвергалась особому пренебрежению, шантажу, неприкрытой клевете. Граница изощрений этого направления со стороны отдельных ученых, гуманитариев, политиков, СМИ не имела предела. Однако общество пережило и этот сложный период в становлении многих возникавших на самостоятельной основе государств.

На практике оказалось, что исторически они-то возникали благодаря усилиям именно русского народа, России. Этот фактор также сложно опровергнуть, обращаясь к конститутивному началу, когда в середине 1920-х годов протекал процесс формирования союзных республик, проводилась реформа административно-территориального обустройства территории Союза ССР [12, с.7].

В современных условиях это фактор особенно наглядно можно проиллюстрировать на примере Украинской ССР, которая, по сути, представляет «лоскутное государство», сформированное на основе принципов господствовавшей идеологии интернационализма, на основе волеизъявления в первую очередь русского народа, а также других народов России.

Важно знать направленность межэтнического взаимодействия как составляющей генезиса государственности, роль и место социокультурного и конфессионального аспектов политиче-

ских трансформаций, а также влияние демократизации общественной жизни на трансформацию политического поля государства.

В основе этих положений, несомненно, одну из решающих позиций занимает *территориальный фактор*. Его учет необходим в процессе выработки свободной от влияния политической идеологии концепции территории на разных этапах существования государственности, взаимозависимости механизмов властно-политического и правового регулирования в обустройстве жизни народов, решении территориальных споров, претензий, эволюции влияния органов государственной власти и общественных институтов в условиях постоянного изменения вектора развития того или иного социума.

Украинская государственность сформировалась вокруг своих земель в границах 1654 г. Это проходило путем приращения, присоединения территорий Россией, подаренных в 1654-1917 гг. (они передавались вместе с населявшими их народами; в современных условиях на этих территориях располагаются 11 областей Украины), а также подаренных В.И. Лениным в первой половине 1920-х годов территорий современных восьми областей на Юго-Востоке Украины, подарков И.В. Сталина 1939, 1945 гг. - территорий четырех областей на Юго-Западе Украины.

Как известно, принцип автономизации потерпел своеобразный крах. Вместо РСФСР было сформировано также федеративное государство - Союз ССР, но с отчетливо прослеживавшимися признаками конфедерации, наличием права выхода из предложенного Союза. И если в связи с этим проследить процесс формирования его территории, например той же самой государственности Украины, то он будет сопряжен с потерей земель РСФСР. За Украиной были закреплены Новороссия, Криворожский бассейн и часть Донбасского. В 1920 г. под юрисдикцию Украины передавались значительные территории Донбасса (Донецкий и Таганрогский округа), а это были территории Донского казачьего войска (часть их передавалась в состав Царицынской губернии). Необходимость подобных мер объяснялась официальными кругами разного рода социально-экономическими причинами, характером связей между народами и т.д.

Как заключительный этап формирования украинской государственности явилась передача Украине на волюнтаристской основе Крымской АССР Н.С. Хрущевым, занимавшим пост государственного лидера Союза ССР. Полуостров также передавался под юрисдикцию Украины со всеми народами, проживавшими на нем в тот период. Повторно акция была подтверждена безмолвным согласием Б.Н. Ельцина в начале 1990-х годов в обстановке распада Союза ССР. Провозглашенная идейная установка формирования единого Союза республик в то время всех устраивала, в том числе и Украину.

В условиях современности доказательства всякого рода теорий «самостийников» Украины, их стремление к выстраиванию разного рода концепций о «принадлежности русской земли "от Сяна до Дона"», насаждавшего украинский язык с конца 1920-х годов, включая и регионы Северокавказской Республики, не выдерживают критики.

Можно было бы обратиться и к другому примеру, российско-грузинским отношениям, в этом ключе. Это особенно проявилось в начале 1990-х годов после развала Союза ССР. Российская сторона считала, что линия российско-грузинской границы должна проходить по линии бывшей административной границы между РСФСР и Грузинской ССР, что имеет фиксацию на всех картах того периода. Что касалось настоящей границы, то она была выстроена после 1957 г., то есть после возвращения чеченцев из спецпереселения, и зафиксирована Указом от 11 января 1957 г. Президиума Верховного Совета «О передаче части территорий Душетского и Казбегского районов из состава Грузинской ССР в состав РСФСР».

Данное положение неоднократно оспаривалось Грузинской стороной, хотя эти участки входили в состав РСФСР до ликвидации Чечено-Ингушской АССР (март 1944 г.). Грузия требовала учитывать материалы «досоюзного» периода, в частности «Мирного договора» между Россией и Грузией от 7 мая 1920 г. И это все происходило после возникшей констатации в Конституции Грузии (принята 24 августа 1995 г.), о том что «территория грузинского государства определена по состоянию на 21 декабря 1991 года» [4].

Во многом по сходному пути формировалась и государственность народов Средней Азии (Туркестанский край) и Казахстана, переживавших процесс объединения - разъединения вплоть до средины 1920-х годов, а также присоединения исконно русских земель.

Ничем не отличался этот процесс в период формирования закавказских государств, в частности Армении и Азербайджана как советских республик, также прошедших путь объединения (ЗСФСР - Закавказская Федерация). Долгий поиск завершался территориальными присоединениями к каждому из них территорий, приобретенных Россией в ходе многих кавказских войн, и стремлением самих государств к расширению территорий разными путями. Все эти ак-

ции оставили свой след в истории, они неопровержимы, соответствовали тем идеологическим установкам, которые внедрялись в жизнь.

Все существовавшие до 1917 г. территории, естественно, с собственной идеологической составляющей обусловливались и формированием Великого Турана, государства «Ивдель», Каганата, Великой Армении и пр. Все они канули в вечность. Им на смену в 1922 г. пришел Советский Союз, созданный стремлением всех народов к единению, соработничеству.

Фактор «русскости» свойственен и для процесса внутренних преобразований, формирования их территорий. Например, идеология государства в этом вопросе применительно к Северному Кавказу была прозрачной. На практике не существует национальных республик, где бы не возникал «русский вопрос», а также не ощущалась необходимость решения территориальных споров. При этом их решение происходило исключительно за счет русского населения.

Особенно заметным оставался этот фактор в сфере становления национальных культур, где благодаря мощной поддержке русской культуры укрепляли свои позиции культуры народов других союзных республик. Проходил процесс не только их совершенствования, но и возрождения культур народов, особенно это касалось национальных меньшинств, проживавших на территориях как самой России, так и формировавшихся в советский период государственных образований. Это в полной мере относится и к процессу становления их языков, созданию алфавитов, основ грамматики языков национальных меньшинств.

Подводя итог анализу трансформаций советской идеологии, как и идеологии на постсоветском пространстве, следует отметить, что реализуемые меры вели само государство к краху. Власть на Украине фактически перешла к национальному меньшинству с олигархическим уклоном. Сами же украинцы оттеснены от власти. Активность их участия в созидательном процессе, в укреплении своей государственности не была востребована. Эти силы стали активно привлекаться в условиях любого обострения положения в стране, в том числе и в сфере межэтнических отношений.

Идеология украинских политиков, направленная на вытеснение русской культуры, самосознания и национального сознания, привела к краху - к гражданской войне на территории Украины (Донбасс). Власть также претерпела крах. Не удалось стереть в сознании граждан русский язык. Он оставался постоянной и незыблемой составляющей и символом идентификации русских на Донбассе. Насильственное насаждение украинского языка в очередной раз завершилось провалом, что в какой-то мере относилось и к стремлению употребления языка в качестве малороссийского наречия - «суржик».

Украинская хунта, возглавляемая олигархами и политическими деятелями П. Порошенко, А. Яценюком, В. Гройсманом, Турчиновым, Ярошем, Аваковым и другими, потерпев на этом направлении неудачу, перешла к действиям противоречивого характера. Они сводились к нарушению конституционных прав народов, выдавливанию русских с территории Донбасса, в первую очередь их фактическому уничтожению, в буквальном смысле слова отстрелу населения, проведению масштабной этнической чистки, подавлению любого сопротивления этой украинской идеологии. Подобной линии в своей внутригосударственной политике в последующем придерживалась власть Украины во главе с ее президентом П. Порошенко, пользующимся поддержкой США, а также некоторых государств НАТО.

Современные события на Украине (2014-2016 гг.) ярко продемонстрировали, каким образом осуществлялось насильственное насаждение украинской идентичности ее восточным областям. Как верно отмечается в публикации «Как большевики и бандеровцы Донбасс украинизировали», «националистическая риторика в 1990-е годы XX в. поражает животной ненавистью к русским и русскоязычным Луганской и Донецкой областей» [19].

В связи с этим проводится жесткая языковая политика: омерзительное отношение к русскому языку, уменьшение часов его преподавания, а также литературы на русском языке, искажение истории русско-украинских отношений - новая национальная элита, пришедшая к власти, и в первую очередь коммунисты Украины, включая и их лидера в прошлом Л. Кравчука, преуспевали в этих изменениях.

В государстве формировалась идеология совершенно новой направленности, базировавшаяся на разрыве отношений между русскими России и Украины. Проводилась *идеология диаспоризации русских* на Украине. Русские превращались во врагов России, отмечалось повсеместное насаждение украинской идентичности, символики. Запрету подвергались русские фильмы. Многочисленными были нападения реакционных сил на храмы православной церкви и пр.

Эти изменения стали еще более ощутимыми с приходом к власти новой генерации политиков, насквозь пропитанных идеологией бандеровщины (Ющенко, Ю. Тимошенко, Ярош,

Тягнибок и др.). События, проходящие под лозунгом отрицания всего русского, были особенно ощутимыми в среде молодежи и находили здесь полную поддержку. Буквально на всех массовых мероприятиях, в средствах информации звучал лозунг «Украина цэ Эуропа!». Этот лозунг становился своеобразной идеологической установкой государства, а затем и политическим брендом Украины.

Для ситуации в Советском Союзе и непосредственно в Российской Федерации в большей мере было бы правильным расширение демократических преобразований как в *многосоставных обществах*, характеризовавшихся и неоднородным социальным составом, и национальным, и конфессиональным. Эта теория была высказана американским политологом Арендом Лейпхартом [15]. Его научный труд в этом плане, несомненно, заслуживает пристального внимания во всех отношениях. Он одновременно позволяет анализировать возможности адаптации к новым условиям России. Такая *особенность России как многосоставного общества* позволяет определить широкие возможности включения ее как составляющей, ингредиента государственной идеологии.

Непосредственно сам Лейпхарт заявляет, что и эта особенность не может быть панацей от сепаратизма. По его мнению, «многосоставные общества в большей мере могут быть охвачены межэтническими противоречиями», сопротивлением по причине глубоких социальных различий, нестыковок политического характера, выступать почвой для нестабильности, влекущей срыв процесса демократизации как таковой, прерывать реализацию на практике демократических принципов и даже сводить к смене идейных установок в государстве.

Кстати, в практике существования России имелись подобные примеры, когда в целях ликвидации сепаратизма национальных государственных образований, стабилизации северокавказского сообщества в 1920-е годы формировалась Северокавказская республика, а затем и Северокавказский край, были применены все имеющиеся формы нивелировки и совершенствования межэтнических отношений.

Одним словом, процессы могут сопровождаться жесткими изменениями как условий функционирования демократии, так и ее принципов в неоднородных сообществах. Все это, несомненно, требует как формирования общих закономерностей, так и механизмов разрешения неизбежных для этих сообществ противоречий. Опыт показывает, что и в этом плане Россия также не является исключением. И в России ощущается потребность не только в глубоком и всестороннем анализе удач и неудач демократизации многонационального сообщества, но и в целях выработки механизмов разрешения противоречий в условиях несовершенной демократии.

Опыт России примечателен, он содержит богатые сведения в этом направлении и в жестких условиях проводимой персонифицированной политики, и в условиях послаблений управления процессами в государстве, и в условиях перехода к иным формам разных сторон развития российской государственности.

Для многонациональных государств, однозначно, не приемлемы ни идеология кристаллизации общества (негативный пример Грузии по отношению к другим народам, проживающим на ее территории), ни идеология ирредентизма (формирование государств с единой территорией и культурой). Ими не приемлема и идеология восхваления и пропаганды по тем или иным причинам особого внимания к той или иной этнической общности с такими социальными явлениями (пораймос, анфаль, холокост др.). В многонациональном государстве это может спровоцировать сознание граждан к развитию в несколько в ином направлении, вызвать определенные недоумение и сопротивление, тем более при демонстрации проведения подобных мер законодательным путем. Подобные меры граничат с насилием над личностью.

На практике это вовсе не означает того, чтобы все предавать забвению. Историческая память решает многие вопросы в этом плане, она позволяет обществу хранить в памяти и трудные моменты в жизни народов России, отдавая им почести на страницах истории. В данном случае никакого навязывания быть не должно. Кроме возникновения низового социального протеста, ни к чему другому оно привести не может.

По нашему мнению, в этом ряду можно расположить и *идеологию ненависти,* что находит отражение, преломление в сознании кого угодно, только не представителей прошлых поколений (их переубедить довольно сложно). Однако новые поколения, представляющие реалии 1990-х годов и первого десятилетия XXI века, как раз инфицировались подобным на Украине, то есть становились носителями новой бандеровской идеологии. Они впитывали идеологические ценности, пропагандируемые новой элитой, истеблишментом Украины, представленным в государстве национальным меньшинством, заполнившим властные структуры в украинском многонациональном сообществе и сформировавшим хунту. Истеблишмент современной Украины продвигает в жизнь, в сознание молодежи новые аморальные националистические идейные

установки, фашистские по своей направленности, идеологию ненависти, противоречащие здравому смыслу, высокой морали и духовным ценностям правового государства.

Проводя идеи *евроцентризма*, в том числе путем разрушения привычных народу духовных ценностей, украинский истеблишмент направляет все усилия на стирание из памяти людей давно увековечившихся позиций. Это проводится посредством искажения истории самой Украины; разрушения памятников; изменения названий улиц, городов и селений; борьбы с символами государства; насильственного изменения менталитета граждан; несоблюдения законов, запрещающих пропаганду атрибутов извращенной идеологии фашизма, и др.

В связи с этим в обществе проводится подмена отдельных направлений идеологии как сферы воспитания, что искажает предназначение формирующихся идейных установок в обществе, национального сознания и самосознания. Это особенно опасно для сообществ, перенесших ужасы войны, происходит сокрушительное разрушение сложившихся стереотипов в отношении к войнам. В данном случае общество должно быть на чеку, реагировать на различные антиобщественные проявления, особенно связанные с пропагандой, с трансляцией атрибутов извращенной идеологии фашиствовавшего режима, с нарушением принятых в государствах законов, пресекающих подобные проявления в человеческом обществе. Именно фашизм спровоцировал чудовищную ситуацию в первой половине 1940-х годов, коснувшуюся многих граждан стран Европы и Союза ССР. В условиях современности пропаганда его атрибутов - это не что иное, как глумление над теми, кто сражался против нацизма. В данном случае здесь не должно быть места беспринципности, беспамятству, цинизму и равнодушию, особенно в тех государствах, где на законном основании запрещена пропаганда фашисткой идеологии. Возникает острая необходимость разъяснительной работы в СМИ, школах, вузах по законам, запрещающим подобные негативные деяния в обществе.

Возвращаясь к современной России, следовало бы остановиться на анализе еще некоторых направлений, а точнее, установок в идеологии России. Это предлагаемое направление идеологии покаяния и дальнейшего усиления установок патриотизма гражданского населения России и его составной части - молодежи.

Отдельные политики в 1990-е годы рекомендовали такую идеологическую установку, как *покаяние*, связанное с проведением политики принудительных переселений в 1920-1950-е годы. Практика не имеет случаев применения подобных мер в сфере государственной политики. Например, та же Россия не каялась, когда приказом генерала Н.Н. Янушкевича от 5 января 1915 г. была очищена 100-верстная полоса вдоль русских берегов Балтийского моря от всех германских и австро-венгерских подданных в возрасте от 16 до 60 лет. Причем лицо, отказывавшееся уезжать, тут же объявлялось немецким шпионом. И в этом же году было совершено нечто подобное в связи с изданием царским правительством приказа о выселении всех болгар из русских земель в Болгарию, по причине вступления 1 октября 1915 г. болгарского правительства в Первую Мировую войну на стороне центральных держав [18, с. 93].

Англия не оглашала покаяние по поводу изгнания всех евреев в 1290 г., Испания - за изгнание всех евреев (кроме крещенных) в 1492 г., и по этому же поводу в 1497 г. - Португалия.

Не извинялись и не каялись президенты и правительство США перед потомками семинолов из группы мускогов, когда их племя, состоявшее из 5 тыс. человек, проживавшее на юге США, во Флориде, было почти полностью в принудительном порядке переселено из районов современного расположения г. Тампа на индейскую территорию в штате Арканзас. Длительное время (1835-1838 гг.) семинолы оказывали правительственным войскам ожесточенное сопротивление. На прежнем месте обитания из них оставалось всего лишь 600 человек [10].

На территории США эта же участь постигла и живших на юго-востоке чикасавов, чоктавов, криков, которые также были насильственно изгнаны из своих мест за р. Миссисипи [1]. Проводили в жизнь эту политику президенты США Эндрю Джексон, Грант и др.

Мир не услышал извинения и со стороны Турции - за депортацию 0,5 млн болгар в 1912-1913 гг., армян - в 1915 г., 1,2 млн греков в 1923 г., ассирийцев. Не извинялись и другие правительства: Греции - за депортацию 0,4 млн турок в 1923 г.; Испании - за депортацию 2,07 млн республиканцев в 1936 г.,; Бессарабии и Добруджи, Буковины, Волыни, Латвии, Эстонии, Литвы, Боснии и Галиции, Франции, Польши, Чехословакии, Венгрии, Австрии - за депортацию более 7 млн немцев; Болгарии - за депортацию 100 тыс. румын, 300 тыс. сербов, 100 тыс. греков; Украины, Белоруссии, Литвы - за депортацию поляков, конкретно Украины - за депортацию 789 982 поляков и представителей других этнических общностей в 1946 г.; Польши - за депортацию 150 тыс. украинцев; Чехословакии - за депортацию 86 660 венгров в 1948 г.; Венгрии - за депортацию словаков 73 273 чел. в 1948 г.; Хорватии - за депортацию сербов и др.

Одним словом, все должны покаяться за более чем миллионы граждан, принудительно переселенных, депортированных по разным причинам, связанным с проведением внешней и внутренней политики в государствах. По нашему мнению, анализ подобных акций, предпринимавшихся в государственном масштабе, должен рассматриваться в каждом отдельном случае. Что же касается самой акции покаяния, то она не имеет влияющего воздействия в силу своей надуманности.

Тем более она не приемлема как требование применительно к русскому народу. В связи с этим можно полностью солидаризироваться с точкой зрения О.В. Матвеева, изложенной в рецензии на книгу С.Х. Хотко [25]. В рецензии подчеркивается цель подобных исследований, которая очевидна и сводится к тому, чтобы «заставить Россию каяться в своих "злодеяниях". Второй шаг - оказание влияния со стороны "возмущенной мировой общественности", а также требование - уйти из региона (Северного Кавказа. - *Н.Б.*). Это направление отрабатывалось еще в XIX веке. Но русскому народу нечего стыдиться своего прошлого. Под его державной рукой было объединено 140 народов и народностей (более 190. - *Н.Б.*). Они сохранили свою самостоятельность и этнический генофонд. Россия также может предъявить своим соседям счет за прошлое, но никогда не делает этого и делать не будет, поскольку это просто безнравственно» [25].

Каково же состояние этой проблемы к началу XXI века? Требует рассмотрения такой ее аспект, как «принимаемое обществом сознание своей вины за преступления тех, с кем оно связано некими символическими узами», а отсюда и обсуждаемая проблема извинения, покаяния общества перед теми, кто был подвергнут репрессиям. Но покаяние должно осуществляться кем? Теми новыми поколениями граждан, которые пришли на смену в обществе, где совершалась именно такая политика, а не другая?

По нашему мнению, введение подобных действий в практику весьма сомнительно и даже ошибочно. *Идеология покаяний* не соответствует духу времени и не отражает существа государства, базирующегося на правовой основе и тех принципах, на которых оно зиждется.

Политика в сфере межэтнических отношений должна иметь целью не проведение бесконечных по времени кампаний по покаянию, извинению, приятию-неприятию на свой счет всей вины за содеянное и тем более быть «правопреемником» всех этих абсурдных акций.

Главным направлением в Российской Федерации выступает с*оздание таких условий для развития общества, межэтнического общения, при которых репрессивные действия против той или иной этнической общности, того или иного гражданина, независимо от его национальной принадлежности, были бы невозможны, за исключением нарушений правил общежития, граничащих с уголовным преступлением.*

Покаяние же как акция за совершавших преступление, например принудительное выселение той или иной этнической общности, таит в себе новую волну безответственности.

Нельзя не согласиться с заключением по этому поводу А. Левинсона («Левада-Центр»), который четко подчеркивал, что «общество вручило бразды правления представителям тех служб, которые считают себя приемниками органов, осуществлявших репрессии» [17, с. 194].

Одним словом, как правильно замечал председатель съезда общественно-политических организаций карачаевского народа А. Кичиев (14 марта 1998 г.), «довольно жить с оглядкой назад, перебирать прошлое, надо идти к намеченной цели, решать насущные задачи» [14]. Эти задачи как никогда очевидны и актуальны. Это, прежде всего, «предотвращение национальных конфликтов, укрепление мира и гражданского согласия, воспитание патриотов».

Однозначно, либеральная идеология - это не удел многонационального российского сообщества, как не совместимы с ним и борцы за нее. В государстве не может быть конституции, построенной на принципах разделения властей. Удел либерализма - выживание сильнейших в мире частнособственнического общества. В условиях либерализма очевидна иная реальность - дальнейшая монополизация капитализма, разорение мелкого и среднего бизнеса, разрастание армии безработных. За ними остается только право «выживать за счет других, прежде всего за счет не принадлежащих к твоей нации». В планетарном масштабе это насаждение, как показывает практика, в большей мере военной силой (Афганистан, Ливия, Сирия, Ирак, Украина и др.) либеральных ценностей, разрушающих национальную независимость, превращающих личность в безвольного индивидуума. Вряд ли российское сообщество могут устроить такого содержания духовные ценности.

Вероятно, не случайно и то, что в последнем государственном документе - «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» - зафиксированы в качестве мер борьбы следующие:

- формирование в обществе обстановки нетерпимости к пропаганде и распространению идей экстремизма, ксенофобии, национальной исключительности, направленных на подрыв общественно-политической стабильности, национального мира и согласия;

- принятие правовых и организационных мер по предотвращению и пресечению деятельности, направленной на возрождение националистической идеологии, воспроизводящей идеи нацизма, на обеление этих идей;

- вовлечение этнокультурных и общественных объединений, религиозных организаций в деятельность по развитию межнационального и межконфессионального диалога, возрождению семейных ценностей, противодействию экстремизму, национальной и религиозной нетерпимости [14].

Характерным отличием, особенностью российской цивилизации, российского многонационального сообщества по-прежнему остается такое социальное явление, как патриотизм граждан страны.

Воспитание патриотизма в России осуществлялось на всех этапах развития российской государственности: и в условиях ее существования до 1917 г., и в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., и в послевоенный период - и оно охватывало все группы населения. Известен патриотизм зарубежной эмиграции, как и формы совершенствования установок патриотизма применительно к регионам России в различных временных рамках. Это социальное явление характерно и для отдельных этнических общностей, граждан России, исторических событий.

Победа в войне 1941-1945 гг. породила иллюзии об изменении жизни в стране к лучшему. Эти надежды часто связывались с возможностью либерализации, в том числе и либерализацией государственной национальной политики. Ответом на эти надежды стала новая государственная идеология, ее опорными конструкциями выступали идеи *великодержавия, советского патриотизма и этатизма* (преобладающая роль государства в жизни общества).

Возвращение к имперским ценностям и традициям происходило, естественно, не напрямую, а под прикрытием коммунистической фразеологии. Например, когда в марте 1946 г. было принято решение о переименовании народных комиссаров в министры (по аналогии с дореволюционной Россией), Сталин мотивировал его стабилизацией советского общественного строя [РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 23]. Еще во время войны в армию были возвращены погоны, созданы суворовские и нахимовские училища, которые продолжали традиции кадетских корпусов.

Реанимирование имперской идеологии сочеталось с пропагандой идей патриотизма. Великая Отечественная война действительно всколыхнула в народе патриотические чувства, что в полной мере распространялось и на репрессированные народы в годы войны. После войны И. Сталин использовал этот порыв как противовес настроениям, которые зародились в советском обществе благодаря знакомству с образцами западной жизни. В стране стал культивироваться официальный русский/советский патриотизм.

Одним словом, отмечался процесс возрождения патриотизма. Новая идеология имела одну особенность: несмотря на попытки вождя разыграть «русскую карту» - как в знаменитом тосте «за здоровье великого (?) русского народа» - эта идеология была не этнической, а этатистской по своей природе, т.е. государственно-патерналистской в своей основе.

Другая особенность кампании по пропаганде советского патриотизма заключалась в том, что первоначально она задумывалась не в контексте борьбы с национализмом внутри страны, а как противодействие западному влиянию. В стране был объявлен поход против «пресмыкательства перед заграницей» [24].

В 1947-1948 гг. происходит новое ужесточение политического курса, в соответствии с ним корректируются и идеологические ориентиры, которые дополнялись новым представлением об образе врага. Врагами теперь объявляются «местные националисты» и «буржуазные космополиты».

Положение с реализацией мер по воспитанию патриотизма зависело в первую очередь от уровня самосознания и национального сознания народа, отношения к своей Родине, в широком понимании этого слова, и к Отечеству, как и к пониманию «малой родины», своему роду.

Вряд ли можно возразить против выработанных и провозглашенных установок в Концепции государственной национальной политики Российской Федерации (1996 г.), касающихся воспитания патриотических чувств у населения. В частности, в разделе «Основные цели и задачи государственной национальной политики» (подраздел «духовная сфера») одним из направлений деятельности выступает «формирование и распространение идей духовного единства,

дружбы народов, межнационального согласия, культивирование чувства российского патриотизма» [7, с. 68].

Однако реализация предначертанных мер на практике происходит в сложной форме. Непосредственно с патриотическим воспитанием в России происходила своеобразная трансформация. Оно все больше приобретало чисто вербальный характер, технология этой трансформации трудно поддается описанию. Одним словом, выхолащивалось понятие «патриот», становилось весьма размытым содержание того, какие же духовные современные ценности необходимо вкладывать в это понятие.

Рассматривая обозначенную проблему, на наш взгляд, необходимо исходить из того положения, что российский патриотизм - важнейшая составляющая общенациональной идеи. Россия по-прежнему ищет свой путь, преодолевая огромные трудности и принося бесконечные жертвы на алтарь истории в попытках найти выход из создавшегося тупика.

Одним словом, в условиях современного состояния России уже мало кто сомневается, что новая национальная идея - это один из самых актуальных вопросов жизни общества. Поколение должно иметь свои идеалы, свою четко обозначенную целевую установку общенациональной идеи, способствующую духовному подъему граждан, объединению, сплочению людей, вдохновению их на свершения.

Создать добротную основу для воспитания патриотизма в среде казачьей молодежи России позволяет утвержденная Президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым 3 июля 2008 г. Концепция государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества [13, с. 7], в которой вопросам реализации политического и нравственного принципов патриотизма уделено большое внимание. При этом особое значение придается опыту российского казачества. «Опыт российского казачества, - читаем в документе, - по организации военно-патриотического воспитания молодежи, возрождению его духовных и культурных традиций востребован органами государственной власти и органами местного самоуправления».

Однозначно, в системе воспитания культуры межнационального общения в Российской Федерации (включая казачество), которая подразумевает и принципы воспитания патриотизма, важно решение таких приоритетных задач, как:

- создание условий и стимулов для дальнейшего развития центров, молодежных военно-спортивных обществ и патриотических клубов, включая и клубы казачьей культуры;

- создание условий и стимулов духовно-культурных основ, семейных традиций, осуществление патриотического воспитания молодежи.

И самый привлекательный раздел в новом государственном документе «Стратегия ...» - «в) задачи по обеспечению межнационального мира и согласия, гармонизации межнациональных (межэтнических) отношений», где сформулированы специальные задачи по этому случаю, в частности «принятие правовых и организационных мер по предотвращению и пресечению деятельности, направленной на возрождение националистической идеологии, воспроизводящей идеи нацизма, на обеление этих идей». Невольно возникает вопрос: а что, надо в основополагающий документ, касающийся государственной идеологии, закладывать уже на конститутивных началах именно то, что противоречит природе нашего многонационального государства? Конечно же нет.

В связи с необходимостью решения намеченных задач должна повышаться роль институтов гражданского общества, в том числе и казачьих. Задача патриотического воспитания становится приоритетной на всех уровнях общества: город, селение, станица, аул - и она соответствует потребностям многонационального сообщества.

Однако далеко не все институты гражданского общества имеют возможности для реализации этой важной меры. Они, включая и федеральный уровень, во многом пребывают в постоянном поиске пристанища, средств для своего существования, выживания, имеют слабое информационное обеспечение.

Правительству Российской Федерации, если оно обеспокоено заботой о духовно-нравственном воспитании граждан государства, о воспитании истинных патриотов, включая и казачью молодежную среду, надо усилить внимание к этой проблеме.

Патриотизм в целом характеризует духовный и нравственный климат общества, может подпитывать государственную идеологию. И в России патриотизм проявляется в условиях войн, конфликтов, обострений, кризисных явлений, то есть всего того, что переживает российское общество.

Какие же черты характеризуют современный российский патриотизм? В их числе:

- неповторимость исторического развития страны;

- судьба русского народа, культуры других народов, образ жизни;

- менталитет национального самосознания;

- богатство этнических общностей;

- необъятность территории.

Что же мы имеем в условиях современности? Россия, на наш взгляд, пережила *депатриотизацию общества***.** Причина этого очевидна. Это определенная борьба с патриотизмом и патриотами в России, подрыв устоев жизни. Несомненно, в этих условиях патриотизму необходимо отстаивать свое право на существование, так как идет процесс девальвации духовно-нравственных ценностей, упадок культуры, кризис воспитания, ухудшение жизни общества, изменение национальной психологии, усиление влияния культуры Запада, грубое очернение истории, в том числе и в странах ближнего зарубежья (Украина и др.).

Возможно, в некотором роде понимание этой проблемы может быть ошибочным. Однако факты говорят сами за себя. Русские в нынешних условиях развития русского сообщества чувствуют себя в семье с другими этническими общностями дискомфортно. И если такое отношение к ним будет прогрессировать, то о каком патриотизме, о каком авторитете государства, его символов власти может идти речь? В этой ситуации необходимо учитывать и тот фактор, что казачество в значительной мере состоит из представителей украинского, русского и других народов.

Поэтому проблему надо решать, в том числе и через мощное экономическое развитие регионов исконного проживания русских - Центральной России и Черноземья, включая и регионы с расселением российского казачества. Возможны пути двойной дотации развития русской культуры, льготного приема в вузы молодежи русской национальности, в том числе и казачьей молодежи, как это было сделано по Закону РСФСР «О реабилитации репрессированных народов», то есть таким же образом, как осуществлялась эта задача по отношению к этническим меньшинствам России еще в 1920-е годы. Опыт в этом плане накоплен богатейший.

Несомненно, участие в подобных акциях воспитывает у поколения любовь к своему Отечеству, готовность к его защите, содействует формированию у участников адекватного мировоззрения, общих и специальных умений и навыков. Эти знания и навыки пригодятся и в дальнейшей сознательной жизни в ходе воспитания своих детей в семье, школе, учащихся - в колледже, высшем учебном заведении.

Концепция государственной национальной политики Российской Федерации выдвигает перед специалистами идеологической сферы и такие первостепенные задачи, как:

- сохранение исторического наследия и дальнейшее развитие национальной самобытности и традиций;

- взаимодействие славянских, тюркских, кавказских, угро-финских, монгольских, других народов России в рамках евразийского национально-культурного пространства, создание в обществе атмосферы уважения к их культурным ценностям;

- учет взаимосвязи национальных обычаев, традиций и обрядов с религией, поддержка усилий религиозных организаций в миротворческой деятельности (См.: Закон Российской Федерации «О свободе совести и о религиозных объединениях»).

Ошибка пренебрежительного отношения к формированию патриотизма в обществе была признана и самим руководством страны. Об этом отмечалось в Указе Президента Российской Федерации «О мерах государственной поддержки общественных объединений, ведущих работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи».

В современных условиях развития России, когда на жительство в страну приезжают сотни граждан разных национальностей, включая и русских, проблема патриотизма не только приобретает особую актуальность, но и определена в самостоятельное направление деятельности органов власти. Она становится базовой основой государственной идеологии.

Для российской практики федерального строительства и национальной безопасности в стратегическом плане важен поиск формулы полиэтничного согражданства. Только при этом условии можно будет обеспечить полноценное развитие сложившихся этнических общностей на территории России на протяжении многих веков, их этнической культуры, эффективного взаимодействия.

Ценно то, что на современном этапе развития российского общества возрождение патриотизма постепенно начинает восприниматься как важнейшее условие возрождения самой России - великой державы.

Главная основа патриотизма - личность, ее служение Отечеству. Патриотизм - духовное достояние личности, возможность ее самореализации во благо Отечества. «Патриотизм - это

любовь к своей стране, а не ненависть к чужой», - замечал протоиерей Дмитрий Смирнов [24, с. 3].

Возрождение истинного патриотизма великой многострадальной России - важная государственная задача, высший гражданский долг каждого из нас.

Вряд ли обществу надо формировать самосознание и национальное сознание только на примерах репрессий, жертвоприношения, холокоста и пр. Прошлое » это история, и оно должно находить отражение в сознании общества, но не продавливаться ежедневно СМИ, транслироваться в общество.

Российское сообщество пока не может дать ответ на вопрос, в каком же по характеру общественных отношений государстве оно существует, каковы его стратегические цели, какие модели предлагаются для его развития, для создания условий более комфортного обитания всех народов в этом государстве (однозначно, на моделях прошлого, примерах репрессий, бесконечных покаяниях этого не построишь), что в будущем будет определять содержание идеологии многонационального государства, название которому - Россия.

Надо признать, что в условиях современности очевидна жесткая борьба идеологий, но не следует это путать с информационной войной. Усилия общества должны быть направлены на то, чтобы никоим образом не допустить возможности внедрения в общество чуждой идеологии, которая может разрушить основы этого общества. Яркий пример тому - положение в Союзе ССР, России в начале 1990-х годов, когда «вековая *российская идеология общинности* была заменена идеологией либерализма, как уже отмечалось, проявлением неограниченного эгоизма человека. Права и свободы объявлялись высшей ценностью, ответственность за обеспечение возлагалась на государство [16, с. 80]. В этих условиях Союз ССР развалился без традиционной вооруженной борьбы. Положение о том, что в России нет идеологии, зафиксировано в Основном законе. По этому поводу читаем: «Статья 13.1:1. В Российской Федерации признается идеологическое многообразие. 2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [12, с. 7].

Идеологическое многообразие частично представлено и в настоящей статье, но в целом на практике это ничто. Хотя либеральные идеи, по мнению исследователей, носят в этом же законе «как бы замаскированный характер» [8; 9].

Идеология как система взглядов и идей во времени у человека. Конечно, это явление имеет свои этапы, форму совершенствования, что, несомненно, содействует снятию, ослаблению противоречий. Идеология - важный компонент жизни общества, и она обеспечивает непосредственно *целостность самого государства. Такая направленность* находила четкое проявление в 1990-е годы, когда в условиях чеченского кризиса, наблюдалось обострение межэтнических противоречий в других регионах страны.. Остро стоял вопрос сохранения самой российской государственности. Хотя и утверждалось в обществе, что идеологии как таковой нет, тем не менее она ощущалась и действовала. Человеку необходимо было выйти за пределы внедряемой либеральной ограниченности. Он должен рассматриваться лишь как часть государства и одновременно часть Природы.

Следует отметить и тот факт, что в формировании идейных установок в развитии государства особая роль отводится политическим партиям. И каждая из них в условиях многопартийности имеет свое собственное мнение по данному вопросу. Обязанностью партии, если обращаться к «Единой России», сделать таким образом, чтобы идеология вбирала в себя ценности и жизненный опыт народа. Если конкретно, то «патриотизм, консерватизм и центризм, эти триединые идейные установки как раз и составляют основу идеологии российского государства.

Патриотизм - это уважение к собственной истории, защита государственных институтов, и поддержка своих Вооруженных сил. Консерватизм - выступает в положительном плане как поддержка традиционных национальных ценностей и религий, отрицание радикального национализма, социально-ориентированная экономика. Центризм - это просто следование здравому смыслу и чувству меры, отказ от любых крайностей и шатаний» [12, с. 7].

Исследователи проблемы правы, утверждая, что в случае отмены государства функции его, ограничивающие поведение человека, будут переданы самому человеку, принявшему для себя верховенство над его поведением духовного критерия. По нашему мнению, российское сообщество давно прошло этот этап. По этой причине либерализм как идеология для нашей системы неприемлем.

Одним словом, следует признать, что проблема существует. Она уже обозначена и в ряде исследований, на состоявшихся заседаниях круглых столов, научно-практических конференциях. Ученые призывают «поразмыслить над этой ситуацией». Этот призыв прозвучал в выступлениях президента АН Чеченской Республики академика Ш.Д. Гапурова (Геленджик, 2016)

и других ученых. Они исходят из той основы, что наличие в государстве четко выверенной идеологии будет всемерно способствовать сплочению и консолидации народов страны.

Знаковым событием января 2017 г. стало и то, что вопрос о государственной идеологии прозвучал на состоявшемся в Москве Гайдаровском форуме. Левый политик Д. Митина, сделав обзор выступлений участников форума, представила в целом отрицательную оценку тому положению, которое сформировалось в государстве применительно к идеологии. В связи с этим она заметила: «Формально, по нашей Конституции, у нас (Россия. - *Н.Б.)* идеологии нет, но ведь и государство без идеологии жить не может. Господствующий экономический уклад определяет экономическую составляющую» [20].

И далее также констатировала, что «уклад у нас в чистом виде неолиберальный, но и не очень хочется терять электоральные очки, открывая народу постулаты этой неолиберальной идеологии, какие-то вещи приходится просто умалчивать и скрывать, а какие-то лукаво проговаривать. С одной стороны, революция - трагедия, развал страны, а с другой стороны, небывалый взлет советских достижений, которые отрицать невозможно, ..., и приходится их признавать».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Brown Dee. Bury My Heart at Wounded Knee. An Indian History of the American West (Ди Браун. Схороните мое сердце у Вундед-Ни. История американского Запада, рассказанная индейцами).
2. Аналитическая справка «Об обеспечении пограничной безопасности Российской Федерации на Северном Кавказе» // Текущий архив Минфедерации России. - 1996. - С. 5. Копия.
3. Бугай Н.Ф. Динамика численности большевистских фракций в Советах в 1918 году // Рабочий класс - ведущая сила Октября. - М., 1976, и др.
4. Булдаков В.П. История образования СССР и критика ее фальсификаторов. - М., 1982;
5. Гимпельсон Е.Г. Советы в годы интервенции и гражданской войны. - М.: Наука, 1967. - С. 38, 41.
6. Гросул В.Я. Образование СССР (1917-1924 гг.). - М., 2007; 90 лет в СССР. - М., 2012, и др.
7. Закрытое письмо ЦК ВКП(б) «О деле профессоров Клюевой и Роскина». 16 июля 1947 г. // Кентавр. - 1994. - № 2. - С. 68.
8. Идеология важнее Конституции // [Электронный ресурс] - URL: http://russian-president.mirtesen.ru/blog/43278496532/Ideologiya-vazhnee-Konstitutsii?utm_campaign=transit&utm_source=main&utm_medium=page_0&domain=mirtesen.ru&paid=1&pad=1 (Дата обращения: 20.04.2016).
9. Идеология важнее Конституции…
10. Кимбол Кристофер. Неизвестная война: 2-я Крикская война. 1836-1837 гг. // Народы Юго-Востока. Краткие сведения о народах, населявших и населяющих регион // [Электронный ресурс] - URL: http://www.mesoamerica.ru/indians/north/southeast.html; (Дата обращения: 25.05.2016); URL: http//light.finam.ru/indians/arbide1B18559 (Дата обращения: 25.05.2016).
11. Конституция Российской Федерации. Основной закон. - М.: Гросс-медиа, 2004. - С. 5.
12. Конституция Российской Федерации ... - С. 7.
13. Концепция государственной национальной политики Российской Федерации. - М., 1996. - С. 7.
14. Левинсон А. Тридцать седьмой год // Ведомости. - 14 сентября 2007. - № 165 (1939).
15. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. - М.: Аспект пресс, 1997.
16. Лутовинов В. Российский патриотизм - важнейшая составляющая общенациональной идеи // Мое ство. - № 2. - М., 1997. - С. 80.
17. Матвеев О.В. Рец.: С.Х. Хотко. История Черкесии в середине века и новое время. - СПб., 2002 // Отечественная история. - 2007. - № 3. - С. 194.
18. Матвеев О.В. Балканская и Первая мировая войны в исторических судьбах кубанских болгар // Россия в войнах XX века. - Краснодар, 2004. - С. 93. Правда, в последующем все болгарские подданные были переселены из местностей, объявленных на военном положении, в губернии Центральной России.
19. Миронов Г. // [Электронный ресурс] - UPR: https: / cont.Ws|post|260929/ (Дата обращения: 6.05.2016).
20. Митина Д. О ЗАЯВЛЕНИЯХ НА ГАЙДАРОВСКОМ ФОРУМЕ: ВЛАСТЬ СТОИТ НАРАСКОРЯКУ // [Электронный ресурс] - URL: Hhttp://vashmnenie.ru/blog/43952619927/Darya-Mitina-o-zayavleniyah-na-Gaydarovskom-forume:-Vlast-stoit- (Дата обращения: 19.01.2017).
21. Мы вместе // Столица Единой России. - 2016. - Май. - С. 4.
22. Смирнов Д. «Патриотизм - это любовь к своей стране, а не ненависть к чужой» // Извести. - 12 августа 2008. - № 170. - С. 3.
23. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. 2012/ М. - С. 7-8 // Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 N 1666 **«**О СТРАТЕГИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ПЕРИОД ДО 2025 ГОДА» // [Электронный ресурс] - URL: http://zakonbase.ru/content/part/1293590. (Дата обращения: 7.05.2016).
24. Тишков В.А. Без права на жизнь (трагедия индейцев американских прерий) // [Электронный ресурс] - URL: http://www.usio.ru/indejcj3.htm (Дата обращения: 25.05.2016). Рецензия.
25. Хотко С.Х. История Черкесии в середине века и новое время. - СПб., 2002.

REFERENCES

1. Brown Dee. Bury My Heart of the American west (Dee Brown. Vundu buried in the heart, no. The history of the American west, told by Indians). (In engl)
2. Analytical Review "On ensuring the border security of the Russian Federation in the North Caucasus". The current archive Minfederatsii Russia. 1996. p. 5. Copy. (in Russ.).

3. N.F. Bugay Dynamics of the Bolshevik factions in the soviets in 1918. The working class - the leading force in October. M., 1976, and others. (in Russ.).
4. Buldakov VP The history of the USSR and its criticism of the counterfeiters. M., 1982; (in Russ.).
5. E.G. Gimpelson Tips during the intervention and civil war. M.: Nauka, 1967. pp. 38, 41. (in Russ.).
6. V.Y. Grosul The formation of the USSR (1917 - 1924 gg.). M., 2007; 90 years in the Soviet Union. M., 2012, and others. (in Russ.).
7. Close the letter of the Central Committee of the CPSU (b) "On the fact Kliueva professors and Roskina". July 16, 1947. Centaur. 1994. no 2. p. 68. (in Russ.).
8. Ideology is more important than the Constitution. Available at: http:? // Russian- president.mirtesen.ru/blog/43278496532/Ideologiya-vazhnee- Konstitutsii utm_campaign = transit & utm_source = main & utm_medium = page_0 & domain = mirtesen.ru & paid = 1 & pad = 1 reference date April 20 2016. (in Russ.).
9. The ideology is more important than the Constitution ...
10. Christopher Kimball. Unknown War: 2nd Krikskaya war. 1836 - 1837 years. The peoples of South-east. Brief information about the peoples who inhabited and inhabit the region. Available at: http://www.mesoamerica.ru/indians/north/southeast.html; Date of circulation 25 maya2016; URL: http // light.finam.ru / indians / arbide1B18559 Date Treatment May 25, 2016; (in Russ.).
11. The Constitution of the Russian Federation. The basic Law. M .: Gross Media, 2004, p 5. (in Russ.).
12. The Constitution of the Russian Federation. The basic Law. M .: Gross Media, 2004, p 7. (in Russ.).
13. The concept of the state national policy of the Russian Federation. M., 1996, pp 7. (in Russ.).
14. Levinson A. Thirty-seventh year. Vedomosti. 14 September 2007. № 165 (1939). (in Russ.).
15. Arend Lijphart A. multipartite democracy in societies. M .: Aspekt Press, 1997.
16. V. Lutovinov Russian patriotism - the major component of the national idea. My Fatherland. Number 2. M., 1997. P. 80. (in Russ.).
17. Matveev O.V. Retz .: S.H. Hotko The history of Cherkessia in mid-century and modern times. Spb. 2002. National History. 2007. No. 3. p. 194. (in Russ.).
18. Matveev O.V. Balkan and First World War in the historical fate of the Kuban Bulgarians. Russia in the wars of the twentieth century. Krasnodar, 2004. 93. However, in the future all Bulgarian citizens were resettled from areas declared an martial law in the province of Central Russia. (in Russ.).
19. Mironov G. Available at: https: / cont.Ws | post | 260 929 / Date Treatment May 6, 2016. (in Russ.).
20. Mitina D. DECLARATIONS AT the GAIDAR FORUM: IS the POWER NARASKORYAKU. Available at: Hhttp://vashmnenie.ru/blog/43952619927/Darya-Mitina-o-zayavleniyah-na-Gaydarovskom-forume:-Vlast-stoit – (accessed: 19 January 2017). (in Russ)/
21. Together. The capital of United Russia. May. 2016 p. 4. (in Russ.).
22. D. Smirnov "Patriotism - love of country, not hatred of a stranger" . Bulletin 12 August 2008. No.170. p. 3. (in Russ.).
23. Russian Federation State National Policy Strategy for the period up to 2025 2012. MS 7- 8 . Presidential Decree of 19.12.2012 N 1666 "On the Strategy of Public NATSIOAALNOY existent policies of the Russian Federation until 2025". Available at: http://zakonbase.ru/content/part/1293590 date 7 May 2016 an appeal. (in Russ.).
24. V.A. Tishkov Without the right to life (the tragedy of the Indians of the American prairies). Available at: http://www.usio.ru/indejcj3.htm date 25 May 2016. Treatment Review (in Russ.).
25. S.H. Hotko The history of Circassia in the mid-century and modern times. Spb. 2002. (in Russ.).

Информация об авторе

Бугай Николай Федорович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Центр «Историческая наука России» Института российской истории РАН. г. Москва, Россия
nikolay401@yandex.ru

Получена:05.01.2017

Для цитирования: Бугай Н.Ф. Идеология межэтнических отношений в обществе: признание многообразия, «отсутствие» основ в России Краснодар, Историческая и социально-образовательная мысль. 2017 . Том. 9. №. 1. Part. 1. с. 1-32-44.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-1-32-44.

Information about the author

Bugay Nikolai F Bugay, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Center "Russian historical science" Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
nikolay401@yandex.ru

Received: 05.01.2017

For citation: Bugay, N.F., Ideology of ethnic relations in society: diversity recognition, lack of fundamentals in Russia. Krasnodar, Historical and socio-educational *Idea*. 2017/ . Vol . 9. no. 1. Part. 1. Pp. 1-32-44.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-1-32-44. (in Russian)

УДК К327.57:94(470+571)"1917/1921":94(5) DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-45-49

ВАРТАНЬЯН Эгнара Гайковна
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
vartaneg@yandex.ru

Egnara G. VARTANYAN
Kuban State University
Krasnodar, Russia
vartaneg@yandex.ru

ПЕРВЫЕ ШАГИ В ФОРМИРОВАНИИ СОВЕТСКО-ПЕРСИДСКИХ ОТНОШЕНИЙ (1917-1921 гг.)

THE FIRST STEPS IN FORMATION SOVIET-PERSIAN RELATIONS (1917-1921)

Статья подготовлена к 100-летию Октябрьской революции 1917, событию, которое крайне неоднозначно оценивается как российской, так и мировой научной мыслью и общественностью. Однако, несмотря на диаметрально противоположные оценки, пройти мимо этого исторического феномена, перевернувшего отечественную историю и повлиявшего на мировой исторический процесс, невозможно. Автор рассматривает первые попытки установления российско-персидских связей на равноправной основе. Советской России необходимо было спокойствие на своих южных границах, поэтому Народный комиссариат по иностранным делам пытался приложить максимум усилий для установления дипломатических отношений с соседними государствами на заре формирования молодой республики. Подчеркивается, что установление добрососедских отношений со странами Востока шло в контексте советской идеологической и внешнеполитической доктрины, равно как и поддержка освободительных и революционных движений во всем мире. Автор останавливается на попытках английского правительства сорвать возможность установления советско-иранских дипломатических отношений, используя для этих целей белогвардейцев, казачью бригаду в Персии и другие свои возможности. Освещается трагически завершившаяся миссия И.О. Коломийцева в Иране. Делается вывод о том, что, несмотря на происки англичан, советскому правительству удалось заключить в 1921 г. равноправный договор с Ираном. Были аннулированы царские договоры и соглашения, ограничивавшие и стеснявшие права иранского народа на свободное и независимое существование. Договор имел большое значение для обоих государств, особенно для Ирана, поскольку отмена режима капитуляций способствовала укреплению политической и экономической самостоятельности Ирана, освобождению от империалистической зависимости.

Ключевые слова: Персия, Советская Россия, концессии, займы, кабальное соглашение, равноправный договор, миссия, Коломийцев.

Article is prepared for the 100 anniversary of the October revolution 1917, an event which is extremely ambiguously estimated by both the Russian, and world scientific thought and the public. However, despite opposite estimates, it is impossible to pass by this historical phenomenon which turned national history and influenced world historical process. The author considers the first attempts of establishment of the Russian-Persian communications on an equal basis. The Soviet Russia needed tranquility on the southern borders therefore the People's commissariat for foreign affairs tried to make every effort for establishment of diplomatic relations with neighboring states at the beginning of forming of the young republic. It is emphasized that establishment of good-neighborhood with the countries of the East was in the context of the Soviet ideological and foreign policy doctrine, as well as support of liberation and revolutionary movements around the world. The author stops on attempts of the English government to break a possibility of establishment of the Soviet-Iranian diplomatic relations, using for these purposes of Whites, the Cossack brigade in Persia and other opportunities. Tragically ended mission of I.O. Kolomiytsev in Iran is covered. The conclusion that, despite intrigues of British, the soviet government managed to conclude in 1921 with Iran the equitable agreement is drawn. The imperial agreements and agreements limiting and constraining the rights of the Iranian people to free and independent existence were cancelled. The agreement was of great importance for both states, especially for Iran as cancellation of the mode of capitulations promoted strengthening of political and economic independence of Iran, release from imperialistic dependence.

Keywords: Persia, concessions, loans, Soviet Russia, oppressive agreement, equitable agreement, mission, Kolomiytsev

После Октябрьской социалистической революции 1917 г. советскому правительству необходимо было выстраивать новые отношения со странами Азии. Это накладывалось на трудности, с которыми Народный комиссариат иностранных дел (НКИД) РСФСР столкнулся в процессе налаживания отношений со странами Востока, в частности с Персией, Афганистаном, Ираном. Народный комиссар иностранных дел Г.В. Чичерин и высшее партийное руководство Советской России в 1920-е годы стремились поддерживать национально-освободительные движения в мире. Поддержка революционных сил во всем мире шла в контексте советской идеологии и внешнеполитической доктрины. Вместе с тем советское правительство было заинтересовано в налаживании экономического и политического сотрудничества со странами Запада и Востока, прежде всего в интересах восстановления собственной экономики, разоренной гражданской войной и интервенцией.

Персия была одним из оплотов российского и британского империализма. Англо-русское соглашение 1907 г. закрепило господство России на севере Ирана, Англии - на юге страны, то есть в районах, в которых еще с XIX в. хозяйничал английский и русский капитал.

Советское правительство в 1917 г. провозгласило новые принципы внешней политики страны - принципы равенства народов, их право на свободное, независимое существование. В контексте этого были аннулированы царские договоры и соглашения, ограничивавшие и стеснявшие права иранского народа на свободное и независимое существование. В обращении

Председателя Совета Народных Комиссаров В.И. Ленина к трудящимся мусульманам России и Востока от 3 декабря (20 ноября) 1917 г. говорится: «Мы заявляем, что договор о разделе Персии порван и уничтожен. Как только прекратятся военные действия, войска будут выведены из Персии и персам будет обеспечено право свободного определения своей судьбы» [1]. В декабре 1917 г. Иран официально признал советское правительство. Однако правительство Персии продолжало поддерживать отношения с царской миссией в Тегеране и бывшими царскими консулами в других городах Ирана. НКИД РСФСР требовал отстранить от дел царского посланника фон Эттера и дезавуировать возглавляемую им миссию [2]. Двойственная политика шахского правительства объясняется, с одной стороны, давлением Англии, с другой - боязнью распространения революционного влияния на население Ирана. Важным фактором, усиливавшим взаимное недоверие, стало, как пишет Д.В. Редченко, «плохо скрываемое стремление большевиков "советизировать" восточные страны» [3]. И это имело под собой основание, если вспомнить Гилянскую республику, созданную в Персии при непосредственном участии советских коммунистов и просуществовавшую с июня 1920 по сентябрь 1921 г.

В нотах советского правительства от 14 января 1918 г. и 26 июня 1919 г. иранскому правительству сообщалось о том, что прекращают свое действие все бывшие русские казенные и частные концессии, отменяется консульская юрисдикция, Учетно-ссудный банк Персии. Все бывшие в руках российских предпринимателей железные и шоссейные дороги, портовые и почтовые сооружения, телефонные и телеграфные линии «передаются в пользование и собственность свободного, независимого персидского народа» [4].

Согласно ряду актов, советское правительство отказалось от прав на займы и проценты по ним, от концессий на разработку нефти, угля и других ископаемых, передало безвозмездно Ирану активы и пассивы Учетно-ссудного банка, Тавризско-Джульфинскую железную дорогу, пристани, склады и флот на озере Урмия, порт Энзели с возведенными сооружениями, телеграфную линию Мешхед-Сеистан, телеграф Горганского района и другое имущество. 28 марта 1918 г. Военно-революционный комитет персидского фронта сообщил в Москву, что русские войска выведены из Персии [5].

Государства Запада стали организовывать контрреволюционные заговоры против советской власти. Англия в своей борьбе против Советской России отводила Ирану большое место. Она стремилась захватить эту страну и осуществить интервенцию в советские районы Закавказья и Средней Азии.

Англия вела неприкрытую борьбу против всякого проявления самостоятельной политики иранского правительства и особенно политики, направленной на сближение с Советским государством, на освобождение страны от господства английского финансового капитала. Иранское правительство, ссылаясь на декларации Советского правительства в отношении Персии, настаивало перед англичанами на осуществлении национальных прав иранского народа. После безуспешных переговоров с Англией иранское правительство 27 июля 1918 г. приняло решение об аннулировании в Иране капитуляционного режима, установленного империалистическими государствами в XIX в., а также всех неравноправных договоров и конвенций. В ответ на это английское правительство 30 июля 1918 г. заявило шаху, что приведение в исполнение этого решения равносильно объявлению войны Англии, и потребовало отставки персидского правительства [6]. Английская миссия в Тегеране и наиболее реакционные круги страны организовали вооруженные демонстрации против правительства, в результате которых у власти был поставлен англофильский кабинет во главе с Восуг эд-Доуле.

К середине 1918 г. англичане установили свой контроль над всей территорией Ирана. Русские белогвардейские офицеры в казачьей бригаде были заменены англичанами [7]. Английская миссия в Тегеране направляла внешнюю политику Ирана на срыв переговоров об установлении дружественных отношений с Советской Россией.

14 февраля 1918 г. НКИД РСФСР уведомил иранскую сторону о назначении дипломатическим агентом советского правительства в Тегеране Н.З. Бравина, который прибыл в Тегеран 13 (26) января 1918 г. Однако иранское правительство заняло двойственную позицию в отношении Советской России: продолжало признавать царского представителя в Иране фон Эттера, вместе с тем не отказывалось иметь дело с Н.З. Бравиным. Официально Н.З. Бравин не признавался иранской стороной под предлогом того, что правительство Персии до сих пор не осведомлено о его назначении [8].

Российское правительство не раз обращало внимание на не совсем нормальное положение, когда иранское правительство одновременно имело отношения с двумя исключающими друг друга русскими представителями. Однако под давлением англичан Иран продолжил свою тактику. По этой причине Н.З. Бравин пробыл на своем посту недолго, вскоре был отозван в Москву и был назначен возглавлять советскую дипломатическую миссию в Афганистан.

Вместо Н.З. Бравина постоянным представителем РСФСР в Иране был назначен И.О. Коломийцев. Он хорошо знал Иран, провел в нем несколько лет в составе русских войск, владел персидским языком. На момент назначения в Иран И.О. Коломийцев находился в Баку. Для ускорения его отъезда НКИД РСФСР распорядился, чтобы все официальные документы и верительные грамоты ему выдал чрезвычайный комиссар советского правительства по делам Кавказа Степан Шаумян.

30 июля 1918 г. И.О. Коломийцев прибыл в Тегеран с сотрудниками своей миссии. Иранский кабинет министров не признал И.О. Коломийцева официальным представителем Советской России, ссылаясь на недостаточное оформление его полномочий. И.О. Коломийцев, однако, при встрече с заместителем министра иностранных дел Персии предложил дать возможность советской миссии осуществлять ее функции без официального признания. Но ему было отказано.

Опасаясь распространения советского влияния, англичане стремились уничтожить российских представителей в Иране. В ночь на 3 ноября 1918 г. было совершено нападение на советскую миссию в Тегеране. В нападении участвовал отряд белогвардейских офицеров, три английских офицера, солдаты английских колониальных войск и персидская казачья бригада. Советская дипломатическая миссия в результате нападения была разгромлена, ее члены арестованы и переданы английскому командованию. И.О. Коломийцеву удалось бежать, с большими трудностями он добрался в Закавказье. 16 апреля 1919 г. народный комиссар по иностранным делам Г.В. Чичерин направил по поводу разгрома миссии ноту протеста английскому правительству по радио [9].

Жители Тегерана, возмущенные нападением на советскую миссию, стали собираться на митинги протеста, однако по настоянию англичан против них персидское правительство приняло жесткие меры.

Таким образом, попытка установления дипломатических отношений Советской России с Ираном в 1918 г. закончилась трагически.

Англия приступила к переговорам с правительством Персии о заключении договора, который гарантировал бы господствующее положение англичан в Иране и превращал бы последний в антисоветский плацдарм. Переговоры велись тайно. Чтобы обеспечить принятие договора, были разгромлены все демократические и оппозиционные организации Ирана, выступавшие против английской оккупации, за установление дружественных отношений с Советской Россией.

В этих условиях НКИД РСФСР 26 июня 1919 г. обратился к иранскому правительству с нотой, озаглавленной «Персидскому народу и персидскому правительству», в которой вновь провозглашался отказ советского правительства от всех прав и привилегий, полученных Россией в Иране. В ноте сообщалось, что советское правительство отказывается в пользу Ирана от платежей по царским займам, концессий, режима капитуляций и т.д. [10]. Но правительство Восуг эд-Доуле, которое готовилось к подписанию англо-иранского соглашения, скрыло от народа эту ноту советского правительства.

В июле 1919 г. советское правительство вновь отправило И.О. Коломийцева в Персию. Поскольку Закавказье было занято англичанами, И.О. Коломийцеву пришлось ехать окольным путем. Англичане старались не допустить прибытия советского представителя в Тегеран, так как это могло помешать подписанию уже подготовленного англо-иранского договора. 26 июля 1919 г. И.О. Коломийцев прибыл на остров Ашураде. Военные корабли под английским флагом напали на остров. И.О. Коломийцев был захвачен англичанами и белогвардейцами и 18 августа 1919 г. по дороге из Карасу в Бендер-Гяз был убит.

Англо-иранский неравноправный договор был подписан 9 августа 1919 г. Он поставил Иран в полную зависимость от английского финансового капитала. Договор вызвал возмущение иранского народа.

К 1920 г. планам английского правительства, направленным на удушение советской власти, расчленение территории советского государства, а также на господство в Иране, не суждено было сбыться. В начале 1920 г. Закаспийская область была полностью очищена Красной Армией от англичан и белогвардейцев, а в апреле 1920 г. пало правительство мусаватистов в Азербайджане.

В 1920 г. вспыхнуло антианглийское восстание в Иранском Азербайджане, усилилось национально-освободительное движение в Гиляне, происходили забастовки рабочих мелких ремесленных предприятий. Правительство Восуг эд-Доуле пало. Чтобы помешать начавшимся под давлением иранского народа переговорам с правительством Советской России, под руководством английской миссии была создана «пятерка спасения» во главе с Сеид Зия эд-Дином, которая совершила «переворот 3 хута» (21 февраля 1921 г.). Власть перешла в руки Сеида Зия эд-Дина и Реза-хана, который занял в правительстве пост военного министра [11]. Сеид Зия

эд-Дин был широко известен как ставленник английского империализма. Преследуя цель дезориентации общественного мнения и парализации национально-освободительного движения в стране, Сеид Зия эд-Дин объявил аннулированным англо-иранский договор 1919 г. и стал готовить почву для нового соглашения с Великобританией.

Несмотря на все попытки Англии не допустить заключения советско-иранского договора, новому правительству не удалось сорвать его заключение. В немалой степени это было связано с изменениями в международной обстановке, победой советской власти в России, а также широким народным движением в Иране.

Советско-иранский договор был подписан в Москве 26 февраля 1921 г. Он положил начало новому этапу в отношениях между Россией и Персией. Договор установил дипломатические отношения и разрешал все спорные вопрсы между двумя странами. В договоре был оформлен отказ Советской России от всех концессий, договоров, соглашений, заключенных царским правительством, безвозмездно Ирану были переданы все сооружения, принадлежащие российским подданным в Иране, Учетно-ссудный банк Персии со всеми денежными суммами, ценностями, движимым и недвижимым имуществом, остров Ашураде и другие острова в Каспийском море вблизи Астрабадской провинции. Иран получил право свободного плавания в Каспийском море. Учитывая опыт прошлого, когда английские империалисты использовали иранскую территорию как плацдарм для нападения на Советскую Россию, и чтобы не допустить в дальнейшем превращения территории Ирана в базу для враждебных выступлений против России, в договор была включена статья 6, предусматривавшая, что «в случае, если со стороны третьих стран будут иметь место попытки путем вооруженного вмешательства осуществлять на территории Персии захватническую политику или превращать территорию Персии в базу для военных выступлений против России, если при этом будет угрожать опасность границам РСФСР или союзных ей держав и если Персидское Правительство после предупреждения со стороны Российского Советского Правительства само не окажется в силе отвратить эту опасность, Российское Советское Правительство будет иметь право ввести свои войска на территорию Персии, чтобы в интересах самообороны принять необходимые военные меры. По устранению данной опасности, Российское Советское Правительство обязуется немедленно вывести свои войска из пределов Персии» [12].

Советско-иранский договор 1921 г. имел огромное историческое значение. Это был первый равноправный договор, заключенный Ираном после долгих десятилетий господства капитуляционной системы. Безвозмездно переданные советским правительством Ирану ценности (по разным данным сумма колеблется от 100 тыс. руб. золотом до 157 млн руб. золотом) [13] создавали благоприятные возможности для укрепления его экономической и политической самостоятельности. Договор мог способствовать постепенному освобождению Ирана от империалистической зависимости.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Известия. - 1917. - 22 нояб.
2. Попов М.В. Миссия Бабушкина в Иране. - М., 1974. - С. 16.
3. Редченко Д.В. Г.В. Чичерин и советская внешняя политика в странах Востока // Известия Саратовского университета. - Т. 9. Сер. История. Международные отношения. - Вып. 1. - Саратов, 2009. - С. 105.
4. Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях. - М., 1946. - С. 63-67.
5. Документы внешней политики СССР (далее - ДВП). Т. 1. - М., 1967. - С. 86, 273.
6. Башкиров А.В. Экспансия английских и американских империалистов в Иране. - М., 1954. - С. 18.
7. Иванов М.С. Очерк истории Ирана. - М., 1952. - С. 270.
8. ДВП СССР. Т. 1. - М., 1967. - С. 714.
9. ДВП СССР. Т. 2. - М., 1967. - С. 130.
10. Советско-иранские отношения ... - С. 65-67.
11. Башкиров А.В. Указ. соч. - С. 25.
12. Советско-иранские отношения ... - С. 74-79.
13. Иванов М.С. Указ. соч. - С. 292; Литтен В. Персия от «мирного проникновения» к «протекторату». - Берлин; Лейпциг, 1920. - С. 190.

REFERENCES

1. Izvestia [News]. 1917. 22 nojabrja.
2. Popov M.V. Missia Babuskina v Irane [Missiya's Babuskin in Iran]. M., 1974.p. 16.
3. Redtsenco D.V. Chicherin i sovietskaia vneshnjaja politica v stranach Vostoka [Chicherin and the Soviet foreign policy in the countries of the East. News of the Saratov university]. Izvestia Saratovscogo universiteta. T.9. Ser. Istoria. Mezdunarodnie otnoshenia. Vip. 1. Saratov, 2009. p.105.
4. Sovetsko-iranskie otnoshenia v dogovorah, konventsijah i soglasheniah [The Soviet-Iranian relations in conventions and agreements]. M., 1946. p. 63-67.

5. Dokumenti vnechnej politiki SSSR [Documents of foreign policy of the USSR], (dalee - DVP). T. 1. M., 1967. p.86, 273.
6. Bachkirov A.V. Ekspansia anglijskix i amerikanskix imperialistov v Irane [Expansion of the English and American imperialists in Iran]. M., 1954.p. 18.
7. Ivanov M.S. Ocherk istorii Irana [Sketch of history of Iran]. M., 1952. p. 270.
8. DVP SSSR. T. 1. M., 1967. p. 714.
9. DVP SSSR. T. 2. M., 1967. p. 130.
10. Sovetsko-iranskie otnoshenia v dogovorah, konventsijah i soglasheniah [The Soviet-Iranian relations in conventions and agreements]. M., 1946.p. 65-67.
11. Bachkirov A.V. Ekspansia anglijskix i amerikanskix imperialistov v Irane [Expansion of the English and American imperialists in Iran]. M., 1954.p. 25.
12. Sovetsko-iranskie otnoshenia v dogovorah, konventsijah i soglasheniah [The Soviet-Iranian relations in conventions and agreements]. M., 1946. p. 74-79.
13. Ivanov M.S. Ocherk istorii Irana [Sketch of history of Iran]. M., 1952. p. 292; Litten V. Persia ot «mirnogo proniknovenia» k «protectoratu» [Persia from "peaceful penetration" by "protectorate"]. Berlin; Lejptzig. 1920. p. 190.

Информация об авторе

Вартаньян Эгнара Гайковна, доктор исторических наук, профессор, кафедра всеобщей истории и международных отношений, Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
vartaneg@yandex.ru

Получена: 25.12.2016

Для цитирования: Вартаньян Э. Г., Первые шаги в формировании советско-персидских отношений (1917–1921 ГГ.). Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 1. Часть 1. с. 1-45-49.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-1-45-49.

Information about the author

Egnara G. Vartanyan , Doctor of History, Professor, Professor of General History and International Relations Department, Kuban State University,
Krasnodar, Russia
vartaneg@yandex.ru

Received: 25.12.2016

For citation: Vartanyan E. G., The first steps in formation soviet-persian relations (1917-1921). Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no. 1. Part. 1. Pp. 1-45-49.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-1-45-49. (in Russian)

УДК: 94(450).095 DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-50-53

ДОЛЖЕНКО Николай Ратмирович
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
nikolayratmirovich@mail.ru

Nikolay R. DOLZHENKO
Postgraduate Student, Department of Foreign Regional Studies and Diplomacy, Kuban State University
Krasnodar, Russia
nikolayratmirovich@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ НЕОФАШИЗМА

MAIN HISTORIOGRAPHICAL TRENDS IN THE STUDY OF NEO-FASCISM

В статье рассматриваются основные историографические направлении в изучении неофашизма. Дается краткое теоретическое обоснование краха фашистской диктатуры и причин зарождения неофашизма. Рассматриваются основные векторы развития историографии неофашизма и причины, вызвавшие диаметрально противоположные оценки данной идеологии. В статье исследуются концептуальные подходы к изучению указанной проблемы в историографии. Автор критически анализирует разнообразные исторические школы и заслуживающие внимание труды их основных представителей, при этом основной упор делается на зарубежную историографию. Автор учитывает негативный вклад, который привнесла холодная война и тотальное противостояние двух систем, в котором неофашизм выступал орудием антикоммунистической борьбы. В статье обосновывается важность изучения основных историографических направлений при изучении неофашизма. Это позволяет более независимо исследовать эту политическую идеологию. В то же время важно учитывать и конкретные исторические условия и личные симпатии авторов как факторы, влияющие на объективность исследования. Основные теоретические направления различались методологической базой, которая как раз и определялась политическими симпатиями авторов. Отличительной чертой всех исследований неофашизма является преемственность теоретической базы с изучением фашизма, что сужает возможности для политического анализа.

Ключевые слова: неофашизм, Италия, историография, фашизм, идеология, марксизм, либерализм, холодная война.

The article examines the main historiographical trends in the neo-fascism studies. A brief theoretical justification for the collapse of the fascist dictatorship and the reasons for the birth of neo-fascism are proved. In the article analyses the main vectors of the historiography of neo-fascism and the causes of the opposite evaluation of this ideology. The article examines the conceptual approaches to the study of this problem in historiography. The author critically examines the various historical schools, and the most important works of their main representatives, with an emphasis on foreign historiography. The author takes into account the negative contribution that brought the cold war and total confrontation between the two systems, in which the neo-fascism acted as an instrument of anticommunist struggle. The article explains the importance of studying the main historiographical trends in the study of neo-fascism. This allows more independently investigate this political ideology. At the same time it is important to take into account the specific historical conditions and personal sympathies authors as factors influencing into the objectivity of the study. Main theoretical directions differ in methodological basis, which is precisely determined by the political sympathies of the authors. A distinctive feature of all the studies of neo-fascism is a continuity of the theoretical framework to the study of fascism, which narrows the opportunities for political analysis.

Keywords: neo-fascism, Italy, historiography, fascism, ideology, Marxism, Liberalism, cold war

Прежде чем приступить к анализу историографии неофашизма, необходимо дать дефиницию этому термину. Неофашизм в нашем понимании - это политическая идеология, институционально выраженная в программе ряда партий и движений, появившихся в Италии после окончания Второй мировой войны, и на первом этапе своего существования имеющая идеологическую преемственность с традиционным фашизмом по некоторым аспектам политической программы. Позднее неофашизм прошел путь трансформации, уменьшился радикализм, сошел на нет антикоммунизм, возросла готовность к вхождению в политические альянсы и коалиции, ради ведения парламентской борьбы. Сходные с итальянским неофашизмом идеологии следует разделять на филофашистские, копирующие черты традиционного фашизма, и протофашистские, лишь маскирующиеся под фашистский популизм.

Неофашизм как политическая идеология возник в Италии после окончания Второй мировой войны. При этом республиканский фашизм так называемой Республики Сало не является неофашизмом, так как неофашизм - это идеология, сложившаяся и соответствующая новым историческим реалиям, трансформировавшим послевоенное общество. Неофашизм, несмотря на присутствие в идеологии программных пунктов третьего пути и независимости как от капиталистического, так и от социалистического лагерей, не мог избежать глобальной политической бифуркации. Более того, неофашистское движение на первом этапе своего существования, ограниченного рамками от зарождения и до краха биполярной модели, стало инструментом в антикоммунистической борьбе как иностранных, так и итальянских спецслужб. Поэтому основную часть историографии периода холодной войны занимает как раз это тотальное идеологическое противостояние. При этом марксистская историография ввиду использования более совершенного методологического и теоретического аппарата, как-то диалектического материализма, была качественно выше западной.

Историографию неофашизма можно с некоторой долей условности разделить на определенные направления, школы, зависящие от страны происхождения автора, от его политических убеждений, от используемой методологии.

Возникновение и развитие неофашистской идеологии исторически совпало с периодом новейшей послевоенной истории Италии, ограниченного рамками 1945-1990 гг. После падения фашизма, вызванного военным поражением режима, Италия встала на путь глубоких и довольно длительных реформ, политическая направленность которых была явно антикоммунистической. Некоторые из появившихся в то время исторических работ стремились соответствовать главному вектору холодной войны. При этом основной чертой исследований был отход от крочеанского идеализма. В качестве альтернативы предлагался марксистский метод, распространенный не только среди историков, участвовавших в движении Сопротивления. В частности, после публикации «Тюремных тетрадей» Антонио Грамши [1] наблюдался рост интереса итальянцев к марксисткой философии.

Конец этической школы крочеанства ознаменовала собой книга Б. Кроче «История Италии с 1871 по 1915» [2], потому что Кроче по-прежнему отстаивал свой тезис о случайности фашизма, об отсутствии экономических и политических предпосылок в итальянском либеральном государстве для установления тоталитаризма. Суть теории в том, что все альтернативы капиталистической модели экономического устройства являются временными, а капитализм перманентен. Взгляды Кроче на фашизм разделяли Э. Нольте [3], Ж. Фурастье и многие другие западные исследователи. В дальнейшем эта теория вылилась в тезис не только об экономическом, но и социальном конце истории.

Поскольку неофашизм является отражением фашистской идеологии в новых исторических условиях, то многие тезисы о социальной и экономической программах имеют точки соприкосновения. Возникновение основных направлений по вопросу неофашизма произошло сразу после войны, при этом были скопированы взгляды по вопросу происхождения и развития фашизма, появившиеся еще в 20-е годы XX века, когда сформировались основные школы и их концепции: либеральное крочеанство, марксистская школа и фашистские историки, которые, пользуясь интеллектуальной гегемонией, стремились дать свою интерпретацию итальянской конъюнктуре.

Логика исторического процесса объективно доказывает, что фашизм является продуктом либерального государства, формой стабилизации капитализма после Первой мировой войны. Это доказывает в своей работе, основанной во многом на принципах экономического детерминизма, Дж. Мигоне [4]. Однако либеральные исследователи в большинстве своем пытаются доказать, что итальянские элиты - не виновники, а главные жертвы фашизма, который, по их мнению, нес не антисоциалистическую, а антилиберальную направленность.

Прогрессивный вклад в изучение неофашизма внесли историки марксистского направления. Среди них можно выделить П. Алатри [5], Дж. Канделоро [6], Р. Виллари [7], А. Таска [8]. Таска аргументированно доказал, что заявления о возникновении фашизма как ответной реакции на угрозу социализации промышленности ложны и служат единственной цели прикрытия намерений итальянских промышленников в захвате рынков сбыта. На теоретической базе работ А. Грамши и П. Тольятти основывались Э. Сантарелли [9] и Ф. Каталано [10]. В их работах качественно показан путь трансформации фашисткой идеологии в неофашизм.

Противостояние холодной войны вылилось в активное использование теорий, связывающих фашизм и коммунизм в тоталитарном единстве. Эта примитивизация, бывшая прежде всего инструментом антисоветской пропаганды, пережила крушение биполярного мира и сейчас по сути является доминирующей в зарубежной историографии. Одними из первых методологический аспект тоталитаризма рассмотрели Х. Арендт [11] и В. Рёпке [12]. Выработанными инструментами воспользовались апологеты фашизма и неофашизма. Один из них, итальянский историк А. Тамаро [13], в своих работах описывает фашистскую диктатуру как политический режим, соответствующий исторической конъюнктуре и полностью отвечающий национальным интересам Италии. Такое обоснование логичности фашизма было первым для послевоенной итальянской историографии. В дальнейшем подобные взгляды получили активное распространение как в самой Италии, так в других странах, слепо копирующих главенствующие идеологические установки.

Работы, основанные на выдергивании из исторического контекста случайных признаков (однопартийность, централизация экономики, культурная гегемония и др.), приводятся в качестве доказательства, связующего тоталитарные режимы: итальянский фашизм, национал-социализм в Германии и коммунизм в Советском Союзе. Упускаются и сознательно замалчиваются сущность политических отношений, форм собственности на средства производства, политические действия данных режимов.

Основная цель подобных работ - не поиск научной истины, а пусть и эфемерное, но доказательство тождества тоталитарных режимов и возложение на них равной ответственности за последствия Второй мировой войны [14]. Последнее уже нашло свою почву в так называемом процессе декоммунизации.

Современные итальянские исследователи фашизма и неофашизма все-таки стараются обходить стороной критические вопросы. Среди них следует выделить П. Игнаци [15], Р. Сермонти [16]. Анализ немногочисленного политического движения «Рядового человека», которое в советской историографии ошибочно причислялось к неофашистскому, дал Сетта в своей книге [17]. Историю ранних послевоенных лет и роль США в формировании политической системы Италии компетентно описал Гамбино [18].

Англоязычная историография страдает от объективных ограничений холодной войны еще более, чем советская. Обеление фашизма стало для западных исследователей политическим заказом, который продолжает исполняться за счет разнообразных фондов типа «Либеральная миссия», «Фонд Сороса» и пр. Среди историков этого направления следует выделить Р. Гриффина [19], С. Пейна [20], А. Умланда [21].

Подобные работы не только ставят своей целью очернение социализма, но, прежде всего, стараются отделить преступные режимы фашизма и национал-социализма от капиталистической модели. После крушения биполярного мира историки этого направления получили еще один довод в свою пользу, искусственно показывая схожесть между фашизмом и коммунизмом в том, что они проиграли капиталистической системе и окончательно исчезли. Однако фактическое противоречие между общественным характером производства и капиталистической формой присвоения никуда не исчезло и является слабым звеном в данных работах.

При этом неофашизм среди общей массы исследований, посвященных новейшей истории Италии, занимает весьма незначительную часть, что объясняется его небольшим распространением и ограниченным влиянием на политическую жизнь. Как правило, неофашизму посвящалось лишь несколько глав в широких исследованиях политической жизни Италии. Среди подобных работ выделяется книга П. Гинсбурга «История современной Италии 1943-1980» [22].

Послевоенная западно-германская историческая школа заняла откровенную профашистскую и пронацистскую позицию. При этом подобная концепция не нашла единогласной поддержки. Ряд спорных публикаций вызвал в середине 1980-х годов острую дискуссию, получившую название «Historikerstreit». В ходе нее Эрнст Нольте, Андреас Хилльгрубер, Клаус Хильдебрант и многие другие историки отстаивали тезис о первопричине коммунистической идеологии в развязывании Второй мировой войны, о прямой взаимосвязи ГУЛАГа с концентрационными лагерями. Согласно им расовые преступления нацистов стоят на одной ступени с преступлениями коммунистов на почве классовой.

Своеобразным ответом были исследования франкфуртской школы (Г. Маркузе, Т. Адорно, Э. Фромм [23]), посвященные скорее изучению культурных и социальных предпосылок неофашизма, которые выразились в общефилософском кризисе конца 70-х годов.

Советские исследователи неофашизма (Бессонов, Филатов [24], Галкин [25], Лопухов [26], Комолова [27] и др.) были подчинены политической конъюнктуре. Поэтому, несмотря на богатый эмпирический материал, в теоретическую разработку неофашизма они не внесли ничего нового.

Российские исследования, к сожалению, продолжались в духе советских. В них неофашизм, несмотря на его практическую легализацию и растворение в «правой» коалиции, попрежнему представлен в образе идеологии террора (Григорьева [28], Токарева [29] и др.).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Грамши А. Избранные произведения в 3тт. - Т.3. - М., 1957.
2. Croce B. Storia d'Italia dal 1871 al 1915. - Bari, 1947.
3. Nolte E. The Three Faces of Fascism; Action Francaise, Italian Fascism, National Socialism. - London, 1965
4. Migone G. Gli Stati Uniti e il fascismo. Alle origini dell'egemonia Americana in Italia. - Torino, 1980.
5. Alatri P. Le origini del fascismo. - Roma, 1971.
6. Candeloro G. Storia dell'Italia moderna. Voll 1-11. Milno, 1956-1986.
7. Villari R. Storia Contemporanea. - Roma, 1970.
8. Tasca A. Nascita e avvento del fascismo. - Firenze, 1950.
9. Santarelli E. Fascismo e neofascismo. - Roma, 1974.
10. Catalano F. L'Italia dalla dittatura alla democrazia (1919-1948). - Milano, 1962.
11. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. - М., 1996.
12. Röpke W. Economics of the free society. - Chicago, 1963.
13. Tamaro A. Due anni di storia:1943-1945. Voll 1-3. - Roma. 1948-1950.
14. Хайек А. Дорога к рабству. - М., 2005.
15. Ignazi P. Postfascisti? La trasformazione del Movimento sociale in Alleanza nazionale. Bologna, 1994. Он же The Organization of Political Parties in Southern Europe. - London, 1998.

16. Sermoni R. Stato organico: unica democrazia seria. - Roma, 2003.
17. Setta S. L'Uomo Qualunque, 1944-1948. - Bari, 1975.
18. Gambino A. Storia del dopoguerra. 1979.
19. Griffin R. Fascism, Totalitarianism, and Political Religion. - Routledge, 2005.
20. Payne S. A History of Fascism 1914-1945. - Wisconsin, 1996.
21. Umland A. Fascism past and present, West and East: an international debate on concepts and cases in the comparative study of the extreme right. - Stuttgart, 2007.
22. Ginsborg P. A history of contemporary Italy 1943-1980. - London, 1990.
23. Fromm E. The heart of Man. - L., 1964; Marcuse H. Der eindimensionale Mensch. - Fr. am M., 1967.
24. История фашизма в Западной Европе / Под ред. Г.С. Филатова. - М., 1978.
25. Галкин А. Социология неофашизма. - М., 1971.
26. Лопухов Б.Р. История фашистского режима в Италии. - М., 1977.
27. Комолова Н.П. Новейшая история Италии. - М., 1970.
28. Григорьева И.В. Италия в XX веке. - М., 2006.
29. Токарева Е.С. Фашизм, церковь и католическое движение в Италии. 1922-1943 гг. - М., 1999.

REFERENCES

1. Gramshi A. Izbrannye proizvedeniya v 3tt. T.3. M., 1957.
2. Croce B. Storia d'Italia dal 1871 al 1915. Bari, 1947.
3. Nolte E. The Three Faces of Fascism; Action Francaise, Italian Fascism, National Socialism. London, 1965
4. Migone G. Gli Stati Uniti e il fascismo. Alle origini dell'egemonia Americana in Italia. Torino, 1980.
5. Alatri P. Le origini del fascismo. Roma, 1971.
6. Candeloro G. Storia dell'Italia moderna. Voll 1-11. Milno, 1956-1986.
7. Villari R. Storia Contemporanea, Roma, 1970.
8. Tasca A. Nascita e avvento del fascismo. Firenze, 1950.
9. Santarelli E. Fascismo e neofascismo. Roma, 1974.
10. Catalano F. L'Italia dalla dittatura alla democrazia (1919-1948) Milano, 1962.
11. Arendt Kh. Istoki totalitarizma. M., 1996.
12. Röpke W. Economics of the free society. Chicago, 1963.
13. Tamaro A. Due anni di storia:1943-1945. Voll 1-3. Roma. 1948-1950.
14. Khayek A. Doroga k rabstvu. M. 2005.
15. Ignazi P. Postfascisti? La trasformazione del Movimento sociale in Alleanza nazionale. Bologna, 1994. Он же The Organization of Political Parties in Southern Europe. London, 1998.
16. Sermoni R. Stato organico: unica democrazia seria. Roma. 2003.
17. Setta S. L'Uomo Qualunque, 1944-1948. Bari, 1975.
18. Gambino A. Storia del dopoguerra. 1979.
19. Griffin R. Fascism, Totalitarianism, and Political Religion. Routledge, 2005.
20. Payne S. A History of Fascism 1914—1945. Wisconsin, 1996.
21. Umland A. Fascism past and present, West and East: an international debate on concepts and cases in the comparative study of the extreme right. Stuttgart, 2007.
22. Ginsborg P. A history of contemporary Italy 1943-1980. London, 1990.
23. Fromm E. The heart of Man. L., 1964; Marcuse H. Der eindimensionale Mensch. Fr. am M., 1967.
24. Istoriya fashizma v Zapadnoy Evrope. Pod red. Filatova G.S. M. 1978.
25. Galkin A. Sotsiologiya neofashizma. M., 1971.
26. Lopukhov B. R. Istoriya fashistskogo rezhima v Italii. M. 1977.
27. Komolova N.P. Noveyshaya istoriya Italii. M. 1970.
28. Grigor'eva I.V. Italiya v XX veke. M. 2006.
29. Tokareva E.S. Fashizm, tserkov' i katolicheskoe dvizhenie v Italii. 1922-1943 gg. M.,1999.

Информация об авторе

Долженко Николай Ратмирович, аспирант кафедры зарубежного регионоведения и дипломатии, Кубанский государственный университет
nikolayratmirovich@mail.ru

Получена: 23.12.2016

Для цитирования: Долженко Н. Р., Основные историографические направления в изучении неофашизма. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 1. Часть 1. с. 1-50-53.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-1-50-53.

Information about the author

Nikolay R. Dolzhenko, Postgraduate Student, Department of Foreign Regional Studies and Diplomacy, Kuban State University,
Krasnodar, Russia
nikolayratmirovich@mail.ru

Received: 23.12.2016

For citation: Dolzhenko, N.R., Main historiographical trends in the study of neo-fascism. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no. 1. Part. 1. Pp. 1-50-53.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-1-50-53. (in Russian)

УДК 94 (470) «1991…» :94 (55) DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-54-58

КЛЕПИКОВ Станислав Сергеевич
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
klepansky1@mail.ru

Stanislav S. KLEPIKOV
Kuban State University
Krasnodar, Russia
klepansky1@mail.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-ИРАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИТУАЦИИ

PROSPECTS OF RUSSIAN-IRANIAN RELATIONS IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY INTERNATIONAL SITUATION

В настоящее время международная ситуация кардинально меняется по сравнению с прошедшими годами. Российская Федерация постепенно наращивает свое влияние на мировой арене. Многие международные аспекты требуют участия России в решении этих вопросов. Наработанный Российской Федерацией за последние 16 лет экономический потенциал позволил ей в 2016 г. твердо следовать своим политическим и экономическим идеалам. Особенно явно это проявляется в роли России на Ближнем Востоке. Успешное развитие российско-иранского партнерства и участие Российской Федерации в войне в Сирии привело к увеличению российского авторитета в мире и закреплению России в ближневосточном регионе.
Исламская Республика Иран - один из ключевых игроков Ближнего Востока - после долгой жизни в условиях экономических санкций, наложенных на нее странами Запада, возвращается на международную экономическую и политическую арену. Отмена иранских санкций стала возможна благодаря ряду причин, связанных с постепенной утратой США своего влияния на Ближнем Востоке и потерей ряда рынков по покупке энергоресурсов. Именно поэтому американское правительство решилось на диалог с недавним «оплотом мирового терроризма» Ираном. Также во многом снятие санкций стало возможно благодаря деятельности нынешнего президента ИРИ Х. Хатами, который отличается более либеральными взглядами по сравнению со своими предшественниками.
Несмотря на успешное развитие российско-иранского партнерства, существует вероятность ослабления этого сотрудничества, которое впоследствии может привести к разрыву отношений. Прекращение контактов России и Ирана не только принесет многомиллионные убытки российской экономике, но и ослабит влияние России на Ближнем Востоке.
Таким образом, в данной статье рассматриваются перспективы развития российско-иранских отношений в ближайшем будущем, анализируются причины возможного ослабления российско-иранского партнерства и пути преодоления нарастающих противоречий между государствами.

Ключевые слова: Россия, Иран, санкции, экономика, противоречия, сотрудничество, международные отношения.

At present, the international situation changes dramatically compared to previous years. The Russian Federation is gradually increasing its influence on the world stage. Many international aspects require the participation of Russia in addressing these issues. Accumulated Russian Federation over the past 16 years, the economic potential allowed it in 2016 to firmly adhere to their political and economic ideals. Especially clearly manifested in the role of Russia in the Middle East. The successful development of Russian-Iranian partnership and participation of the Russian Federation led to an increase in the authority of the Russian war in Syria in the world and the consolidation of Russia in the Middle East. The Islamic Republic of Iran, which is one of the key players in the Middle East after a long life in the conditions of economic sanctions imposed by the Western countries, is back on the international economic and political arena. Cancel Iranian sanctions was made possible by a number of reasons related to the gradual loss of its US influence in the Middle East and the loss of a number of markets for the purchase of energy. That is why the US government has decided on a dialogue with the recent "stronghold of international terrorism," Iran. Also, in many respects the lifting of sanctions was made possible thanks to the work of the current president of Iran H. Khatami, who has more liberal views than their predecessors. Despite the successful development of Russian-Iranian partnership is likely to weaken this cooperation, which subsequently can lead to the breakdown of relationships. Termination of Russia and Iran, the contacts will not only bring multimillion losses of the Russian economy but also weaken the influence of Russia in the Middle East. Thus, this article discusses the prospects of development of Russian-Iranian relations in the near future. Analyzes the reasons for the possible weakening of the Russian-Iranian partnership and ways to overcome the growing contradictions between the states.

Keywords: Russia, Iran, sanctions, economy, conflict, cooperation, international relations

В 2016 г. с Исламской Республики Иран (ИРИ) были сняты экономические санкции, которые мешали нормальному развитию страны более 15 лет. Естественно, это событие затронуло российско-иранское сотрудничество, которое является важной частью современных международных отношений.

Партнерство России и Ирана после развала СССР динамично развивается по целому ряду направлений, связанных как с экономическими отношениями, так и с политическими. Важными частями сотрудничества двух стран являются энергетические, торговые связи и, как показали недавние события в Сирии, еще и военные. С 1991 г. между Россией и Ираном было заключено огромное количество двусторонних соглашений, которые демонстрировали всему миру добрососедские отношения между РФ и ИРИ. В разгар событий, связанных с иранской ядерной проблемой, именно Российская Федерация сыграла особую роль, ограждая Иран от нападок ведущих государств Европы и США. В тот период правительство Ирана чуть было не

вышло из МАГАТЭ, но благодаря действиям Российской Федерации этот шаг удалось избежать [1]. В нелегкое для Ирана время - в период санкций и эмбарго иранской нефти - Российская Федерация оставалась одним из основных партнеров Исламской Республики, то есть в тот период Россия стала фактически единственной крупной страной, которая поддерживала с Ираном какие-либо экономические отношения. Все это говорит о прямом намерении Российской Федерации поддерживать дружеские и выгодные для себя отношения с ИРИ. Однако в условиях современных международных реалий российско-иранские отношения могут быть подвержены риску охлаждения, а в дальнейшем и к полному упадку. По крайней мере, так считают некоторые иранские и западные политологи [2]. Такое мнение начинает формироваться после отмены санкций, то есть именно конец иранских санкций формирует новую проблему, которая может привести к ухудшению партнерства между Ираном и Россией.

Несмотря на вышеописанные успехи российско-иранских отношений, в партнерстве обеих стран случались ситуации и периоды охлаждения отношений. Осмысление этих ситуаций позволит понять, как именно современная международная ситуация и участие в ней послесанкционного Ирана может ослабить российско-иранские отношения.

Разумеется, стоит начать с Каспийской проблемы. Как известно, территория Каспийского моря, а точнее, его дно, где находятся богатейшие месторождения нефти и природного газа, по-прежнему не разделено между странами, имеющими выход к Каспию. Данная проблема маячит перед странами каспийского бассейна уже не один десяток лет, и особого решения этой ситуации по-прежнему не выработано [3]. На последнем Прикаспийском саммите, прошедшем в 2014 г., договориться о равном разделе каспийского дна так не и удалось [4]. Иран категорически не согласен на предоставленные ему 13% территории дна, заявляя о 20-процентном праве [5]. Анализируя результаты как этого, так и предыдущих саммитов, проводившихся по данному вопросу, отмечаем неспешность иранской стороны в решении этой проблемы. Естественно, владея огромными нефтяными месторождениями в Персидском заливе, Иран может сколько угодно тянуть с обсуждением вопроса о разграничении нефтяных месторождений, пока ситуация не изменится в лучшую для него сторону. Если право на недропользование Каспийского моря не будет распределено в ближайшее время, в будущем эта проблема может стать той точкой кипения, при котором возможен разрыв российско-иранского партнерства. Следующая проблема российско-иранских отношений культивируется в основном иранскими исследователями. Их позиция связана со статусом Российской Федерации как «ненадежного» партнера [6]. Действительно за время существования современного российско-иранского сотрудничества имели место ситуации, когда российская сторона позволяла себе невыполнение своих обязательств, обычно связанных с торговлей. Например, в середине 90-х годов XX в. *(*из-за меморандума Гора-Черномырдина, который ограничивал поставки вооружения в Иран, была сорвана сделка между странами на сумму более 4 млрд руб., а Иран так и не получил заказанное оружие. Второй такой случай пришелся на президентство Д.А. Медведева, политика которого в угоду улучшения отношений с США привела к принятию Россией новых антииранских санкций и сорвала ряд контрактов, связанных с поставкой в Иран российских военных комплексов С-300 [7]. Естественно, это привело к негодованию иранской стороны и к временному охлаждению отношений между странами. Вышеуказанные ситуации характеризуются иранскими исследователями как ошибочное стремление правительства Российской Федерации лавировать между Западом и Ираном, которое приводит к естественному ухудшению российско-иранских отношений [8]. Отсюда стоит сделать вывод: если Россия хочет сохранить позитивные отношения с Ираном в будущем и укрепить свои позиции на Ближнем Востоке, ей стоит более ответственно подходить к исполнению своих торговых обязательств.

Как уже отмечалось выше, отмена иранских санкций вернула Исламскую Республику в лоно более широких торгово-экономических отношений. Этот факт, несомненно, означает конфликт интересов России и Ирана. Обе страны являются крупнейшими экспортерами нефти и природного газа, что автоматически делает их конкурентами на рынке продажи энергоресурсов. Существует большая вероятность, что снятие эмбарго на иранское сырье позволит некоторым странам искать альтернативные источники покупки этих ресурсов. Россия, обладающая статусом «энергетической сверхдержавы», никогда не пойдет на потерю части своего рынка, что приведет к противоречиям между странами.

Более незначительной, но в то же время важной проблемой нормального развития российско-иранских отношений являются прошлые моменты сотрудничества, в основном негативные. Известно, что российско-иранское партнерство развивается в положительном ключе только последние 25 лет, все предыдущее время было обострено многочисленными конфликтами между странами, иногда переходящими в открытую неприязнь. Прошедшие исторические события сформировали негативное восприятие России в умах многих иранцев, особенно среди политической элиты. Данный момент также немаловажен для понимания будущего российско-иранских отношений. Именно с этим аспектом связан недавний комментарий иранского правительства об отсутствия планов строительства российской военной базы на территории Ирана [9].

Исследуя работы известных персидских ученых, таких как Л. Афрашани и М. Сахими, долгое время занимающихся изучением российско-иранских отношений, стоит отметить их сомнения относительно благополучной перспективы развития сотрудничества обеих стран. В своих работах они описывают нынешние отношения межу Россией и Ираном как «вынужденную дружбу против общего врага» [10].

Таким образом, важность сохранения российско-иранских отношений в положительном русле позволит Российской Федерации не только иметь надежного партнера, но и превратит Россию в ключевого игрока на Ближнем Востоке. Несмотря на успешное сотрудничество с Сирийской Республикой, Иран остается более приоритетным союзником на данной территории. Для того чтобы избежать возможных конфликтов в будущем, Российской Федерации стоит еще более активно расширять данное партнерство. Для начала стоит обращать внимание не только на экономические, но и на культурные связи между странами. Именно они помогут укрепить сотрудничество между Россией и Ираном не только на уровне политиков и элит, но и на уровне простых граждан. По мнению исследователя Ф. Руми, началом такого сотрудничества стал бы запуск в этих двух странах телевизионного спутникового канала с трансляцией новостей, исторических и этнокультурных передач, касающихся культур обеих стран. С учетом популярности спутникового телевидения, появление такого канала послужило бы отличным толчком к культурному сотрудничеству двух стран. Также посредством телевидения происходит изучение языка и традиций государства [11].

Для большего развития связей между Ираном и Россией необходимо укрепить возможность образовательной и научной деятельности для граждан обеих стран. Важнейшей частью формирования политической элиты является образование, а значит, необходимо создать базу по взаимному обмену студентами, причем на самом высоком уровне. Нужно повысить престиж российского образования, иранская молодежь всегда стремилась получать знания в России (особенно по техническим специальностям, где наша страна традиционно выпускает высококвалифицированных специалистов). Это означает, что в данном случае придется сформировать особую базу для осуществления студенческих обменов. Политика России и Ирана в области образования несомненно даст положительные результаты в процессе укрепления российско-иранского партнерства.

Новой стратегией российско-иранского сотрудничества должно стать всеобщее развитие всех экономических связей, а не только в некоторых областях торговли. Речь идет об инвестициях в гражданскую платформу Ирана. Несмотря на помощь Российской Федерации в освоении иранского мирного атома, существует огромное количество других путей для инвестиций российского капитала в иранскую гражданскую промышленность. А ведь возможности для инвестиций в Иран огромны: чего только стоят проекты по разработке водных ресурсов в районах, подверженных засухе. Разумеется, в настоящее время вливания в иранскую энергетику огромны, однако российскому правительству стоит обращать внимание и на другие гражданские экономические аспекты.

Существуют и более мелкие моменты, которые будут способствовать укреплению российско-иранских отношений. Среди них важны перспективы развития туризма между странами. Развитие туристической сферы в двустороннем порядке обычно предполагает отмену и ослабление визового режима между странами и всестороннюю рекламу как российских, так и иранских курортов и достопримечательностей. Важно, чтобы реклама была именно всесторонней (то есть реклама всех курортов - от морских до горнолыжных). Стирание границ между страна-

ми позволит, не только наладить прибыльный туристический бизнес, но и сформировать дружеские отношения между гражданами обеих государств.

Таким образом, существует большая вероятность, что с нормализацией отношений Ирана с Западом российско-иранское сотрудничество может быть повергнуто риску охлаждения, а в дальнейшем и полному упадку, именно поэтому приоритетной задачей российского правительства является выработка совершенно новой стратегии укрепления российско-иранских отношений. Естественно, важным моментом является сохранение Российской Федерацией своего ближневосточного курса (нацеленного на сохранение сотрудничества с Ираном, Сирией и др.). Просчеты России, связанные с лавированием между политическими курсами, едва ли смогут привести к плодотворным результатам в отношениях между Исламской Республикой Иран и Российской Федерацией.

Как уже было подчеркнуто выше, партнерство России и Ирана должно выйти за рамки сотрудничества элит, к сотрудничеству народному. Только таким способом можно будет избежать формирования напряжения, которое может возникнуть между странами в будущем. Именно укрепление российско-иранской дружбы сделает этот союз поистине стратегическим.

Понимание всех вышеуказанных аспектов позволит России и Ирану наполнить свои отношения такими проектами, которые будут выражать общие национальные интересы обеих стран. Сейчас Россия и Иран близки как никогда, и именно Россия нуждается в Иране как в стратегическом партнере в условиях российского санкционного гнета, а это значит, что российско-иранское сотрудничество остается одним из основных внешнеполитических курсов Российской Федерации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Рудсари Х. Ядерная программа России и Ирана в контексте российско-иранских отношений // Теория и практика общественного развития. - СПб., 2013. - С. 32
2. Shuri M. Russia and Iran, discouse analysis and the role of the the West. - Tehran, 2010. - P. 252.
3. Вартаньян Э.Г. Пути решения Каспийской проблемы (1990-е - 2014 гг.) // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. - 2016. - № 1-2. - С. 138-148.
4. Клепиков С. Прикаспийский саммит 2014 г. и его влияние на развитие российско-иранских отношений // Запад и Восток в контексте мировой истории (новое и новейшее время). - Краснодар, 2015. - С. 305.
5. Там же. - С. 307.
6. Afrasiabi L. Iran's foreign policy // The brow journal of world affairs. - New York, 2006. - P. 193.
7. Мультозаева Г. Российско-иранское военное сотрудничество в XXI в. // Историческая наука и археология. - Волгоград, 2014. - С. 34.
8. Afrasiabi L. Iran's foreign policy // The brow journal of world affairs. - New York, 2006. - P. 203.
9. В Иране пояснили статус военной базы, где разместили российские ВКС. [Электронный ресурс] - Официальный сайт РИА новости. URL://www.ria.ru (дата обращения: 4.11.2016).
10. Sahimi M. Iranian nuclear problem. - Tehran, 2012. - P. 244.
11. Руми Ф., Матвеев А. Возможности использования Россией «мягкой силы» для преодоления недоверия в российско-иранских отношениях // Научные ведомости. - Белгород, 2016. - С. 176.

REFERENCES

1. Rudsari Kh. Yadernaya programma Rossii i Irana v kontekste rossiysko-iranskikh otnosheniy. [The nuclear program of Iran and Russia in the context of Russian-Iranian relations]. Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development . SPB., 2013. P. 32
2. Shuri M. Russia and Iran, discouse analysis and the role of the the West. Tehran, 2010. P. 252.
3. Vartan'yan E.G. Puti resheniya Kaspiyskoy problemy (1990-e - 2014 gg.). [Ways to solves the problems of the Caspian Sea]. Golos minuvshego = Voice of the past. 2016, № 1-2. p. P.138-148.
4. Klepikov S. Prikaspiyskiy sammit 2014 g. i ego vliyanie na razvitie rossiysko-iranskikh otnosheniy. [Caspian Summit and it impact of the development of Russian- Iranian relations]..Zapad i Vostok v kontekste mirovoy istorii (novoe i noveyshee vremya) = West and East in the context of world history (modern and contemporary). Krasnodar, 2015. P. 305.
5. Klepikov S. Prikaspiyskiy sammit 2014 g. i ego vliyanie na razvitie rossiysko-iranskikh otnosheniy. [Caspian Summit and it impact of the development of Russian- Iranian relations]. Zapad i Vostok v kontekste mirovoy istorii (novoe i noveyshee vremya) = West and East in the context of world history (modern and contemporary). Krasnodar, 2015. P. 307.
6. Afrasiabi L. Iran's foreign policy.The brow journal of world affairs. New York, 2006. P.193.
7. Mul'tozaeva G. Rossiysko-iranskoe voennoe sotrudnichestvo v XXI v. [Russian-Iranian military relations in XXI c.]. Istoricheskaya nauka i arkheologiya = Historian science and archeology. Volgograd, 2014. P. 34.
8. Afrasiabi L. Iran's foreign policy. The brow journal of world affairs. New York, 2006. P.203.

9. V Irane poyasnili status voennoy bazy, gde razmestili rossiyskie VKS. Ofitsial'nyy sayt RIA novosti. Available at:: http://www.ria.ru (data obrashcheniya: 4.11.2016).
10. Sahimi M. Iranian nuclear problem. Tehran, 2012. P. 244
11. Rumi F., Matveev A. Vozmozhnosti ispol'zovaniya Rossiey «myagkoy sily» dlya preodoleniya nedoveriya v rossiysko-iranskikh otnosheniyakh. [Possibilities of Russia use of «soft power» to overcome the destruct of the Russian - Iranian relations]. Nauchnye vedomosti = Scientific statements. Belgorod, 2016. P. 176.

Информация об авторе

Клепиков Станислав Сергеевич, аспирант, кафедра новой, новейшей истории и международных отношений, Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
klepansky1@mail.ru

Получена: 06.11.2016

Для цитирования статьи: Клепиков С. С., Перспективы развития Российско-Иранских отношений в контексте современной международной ситуации. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 1. Часть 1. с. 1-54-58.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-1-54-58.

Information about the author

Stanislav S. Klepikov, Postgraduate Student, Department of Modern and Contemporary History and International Relationships, Kuban State University,
Krasnodar, Russia
klepansky1@mail.ru

Received: 06.11.2016

For article citation: Klepikov, S.S., Prospects of Russian-Iranian relations in the context of contemporary international situation. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no. 1. Part. 1. Pp. 1-54-58.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-1-54-58. (in Russian)

УДК 902''634"(477,7) DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-59-62

КОЛЕСНИК Александр Викторович
Донецкий национальный университет
г. Донецк, Украина
akolesnik2007@mail.ru

Alexander V. KOLESNIK
Donetsk State University
Donetsk, Ukraine
akolesnik2007@mail.ru

ДОНЕЦКИЙ ЦЕНТР КРЕМНЕОБРАБОТКИ В КАМЕННОМ ВЕКЕ - ЭНЕОЛИТЕ

Благодаря особенностям геологической истории, в географических пределах Восточной Европы образовалось несколько крупных районов месторождений кремня мелового и каменноугольного периода. В этих районах в каменном веке и энеолите сформировались центры по добыче и первичной обработке кремня. Центры имели сложную структуру, в зависимости от характера распределения в пространстве геологических источников кремня. Наиболее крупные центры возникли в бассейне Среднего Днестра, в Западной Волыни, в Западной Беларуси, в бассейне Десны и в Донбассе, а также в других местах. Донецкий центр кремнеобработки сформировался в среднем палеолите и существовал до энеолита. Этот центр имеет сложную структуру. Расцвет Донецкого центра наблюдается в позднем неолите - энеолите. Заметна связь между центрами кремнеобработки и развитием культурных процессов в Восточной Европе. Отмечается явная сопряженность таких крупных производственных центров с очагами интенсивного экономического и социального развития человеческих коллективов в первобытное время. Статья посвящена анализу структуры центров кремнеобработки Восточной Европы от каменного века до энеолита.

Ключевые слова: Кремнеобработка, Северский Донец, Донбасс, каменный век, энеолит.

DONETSK CENTER OF FLINT PROCESSING IN THE STONE AGE – CHALCOLITHIC

Because of specifics of geological history, in geographical borders of Eastern Europe several large areas of flint deposits of the Cretaceous and Carboniferous periods were formed. In these areas in the Stone Age and the Chalcolithic, the centers for production and preprocessing of flint were created. The centers had complex structure, which depended on nature of distribution in space of geological sources of flint. The largest centers appeared in the basin of Middle Dniester, in the Western Volhynia, in the Western Belarus, in the basin of Desna and in Donbas. The Donetsk center of a flint processing had been created on the Middle Paleolithic and existed until the Chalcolithic. The bloom of the Donetsk center is dated back to the late Neolithic – the Chalcolithic. One can notice a connection between centers of a flint processing and development of cultural processes in Eastern Europe. There is an obvious conjugacy of the large production centers to the centers of intensive economic and social development of human collectives in primitive time. The article is devoted to the analyses of the framework of the Eastern European centers of flint processing from Stone Age to Chalcolithic.

Keywords: flint processing, Severskiy Donets, Donbas, Stone Age, Chalcolithic

Введение. Кремнесодержащие породы различного возраста проявляются в современном ландшафте Восточной Европы либо в виде широкой полосы, пересекающей Восточную Европу от Балтики почти до Азовского моря [1, рис. 3]. В районах концентрации каменного сырья формировались особые производственные центры, связанные с интенсивной переработкой этого вида ресурсов. Ранжирование скоплений памятников кремнедобычи и кремнеобработки позволяет обсуждать такие единицы группировки, как «центры», «районы» и «локальные скопления». «Центры» - территориально крупные единицы протяженностью 200-250 км, со сложной внутренней структурой. Как правило, включают более сотни памятников различного типа и хронологии. «Районы» маркируются памятниками в бассейнах небольших рек на участках до 20-30 км в поперечнике, включают десятки памятников. «Локальные скопления» - концентрация на ограниченном участке (5-10 км) нескольких специализированных памятников.

Донецкий центр кремнеобработки связан с окраинными зонами Большого Донбасса и прилегающими районами в пределах обширных территорий юга Восточной Европы. Сырьевую основу составляют преимущественно высококачественные кремни из меловых и рыхлых известняковых отложений верхнего мела.

Донецкий центр имеет сложную структуру. Ядро центра образуют памятники Бахмутско-Торецкой котловины и расположенные на незначительном удалении памятники на участке среднего течения Северского Донца. Естественной составной частью Донецкого центра являются районы Южного Донбасса, устье Северского Донца. Композиционно к основному ядру памятников примыкают скопления мастерских в верховьях р. Волчьей (приток Самары) и в среднем течении р. Оскол (левобережный приток Северского Донца). Истоки Оскола находятся в южной зоне Среднерусской возвышенности.

Хронологические рамки существования Донецкого центра кремнеобработки весьма обширные. Интенсивное заселение региона началось в среднем палеолите [2]. Преобладала «ранцевая» сырьевая стратегия на основе эксплуатации местной сырьевой базы. В позднем палеолите в регионе сложились разнообразные модели землепользования [3]. В переделах Кряжа и его окраинной зоны крупные стоянки располагались либо у источников кремня (Амвросиевская стоянка), либо на удалении от них (Золотовка, Яма, Говоруха). В позднем палеолите Большого Донбасса и его окружения наиболее распространенной была сырьевая стратегия,

основанная на прямых пеших поставках. Во время последующих периодов каменного века (мезолит, неолит) в первую очередь осваивались долина Северского Донца и кремненосные районы Кряжа. Видимо, практиковались сырьевые стратегии, связанные с прямыми пешими поставками, а также «ранцевые» стратегии. Основное количество этих памятников связано с выходами отложений верхнего мела и датируются неолитом. Крупный очаг неолитических памятников стояночного типа располагается на левом берегу Донца в пределах высокой поймы. В неолитическое время в регионе появляются первые признаки горных работ, направленных на извлечение кремня из меловой материнской породы [4]. Основным способом добычи сырья оставались простые сборы на размытой поверхности меловых склонов, преимущественно на гравитационных осыпях. Корпус неолитических мастерских по первичному расщеплению кремня насчитывает около ста памятников в районе окраин Донецкого кряжа. Основное количество неолитических стоянок расположено к северу от меловых районов в пойме Северского Донца. Бесспорно, здесь находился основной район потребления продукции мастерских. На ряде поселений использовался также местный валунный кремень [5]. К югу от географической границы Донбасса, в соседнем Северо-Восточном Приазовье, формируется иная модель использования кремневого сырья. Экстремальный вариант сырьевой стратегии отмечен в материалах неолитической стоянки Кальмиус в пределах городской черты г. Мариуполя. В целом для неолитической эпохи Большого Донбасса характерна гибкая система поставок кремневого сырья. Предположительно, продукция донецких мастерских распространялась значительно на расстояние до 250 и более километров. В эпоху энеолита возросшая мобильность и освоение степных просторов, знакомство с медью и новыми технологиями привели к существенному изменению структуры коммуникаций, системы поставок различного сырья и материалов, престижных ценностей. В энеолите кремень сохраняет свое значение как основной материал для орудийной оснастки. В дополнение к известным ранее методам поставки кремневого сырья и заготовок изделий развиваются транспортные стратегии. В энеолите в регионе наблюдается ренессанс кремнеобработки. Типология мастерских отражает дальнейшее усложнение кремневой отрасли хозяйства, развиваются мастерские площадного типа, отмечено пока единственное поселение-мастерская (Васильевская Пустошь). Развивается горное дело [6]. Историческая карьера кремня окончательно завершается на Донце в финальном бронзовом веке, в Северном Приазовье еще раньше - в позднем бронзовом веке.

Центры кремнеобработки Восточной Европы. Помимо Донецкого центра, в Восточной Европе в каменном веке - энеолите сформировались подобные центры в бассейне Днестра, в Западной Волыни, в западной Беларуси, в бассейне Верхней Волги; менее значительные районы отмечены в бассейне Десны и в других местах.

Днестровский центр. Река Днестр в своем среднем и верхнем течении на значительном протяжении проложила долину в плотных каменноугольных и верхнемеловых породах. Коренные породы верхнего мела содержат качественный кремневый материал. Днестровский регион систематически заселялся со среднего палеолита [7]. В энеолите бассейн Днестра оказался в эпицентре развития культуры Триполье; добыча и обработка кремня занимала важное место в экономике местного населения [8].

Западно-волынский центр. Этот центр первобытной кремнедобычи и кремнеобработки является наиболее богатым и хорошо изученным в пределах Украины. Занимает обширные пространства Западной Украины, частично уходит на территорию Польши. Активное развитие кремнеобрабатывающей отрасли хозяйства началось в данном регионе у племен лендельской энеолитической культуры [9]. Дальнейшее развитое кремневое хозяйство сложилось у трипольских племен. По уровню организации оно было близко к ремесленному производству. К раннему бронзовому веку относятся следы преднамеренной добычи кремня [10].

Гродненский центр расположен в Западной Белоруссии, в бассейне р. Рось. Его ядро составляют типичные для Центральной и Западной Европы шахтные поля с окружающими мастерскими [11]. Шахты насчитываются сотнями. Конструктивно они очень просты и состоят из округлых в плане колодцев глубиной до 3,5 м и небольших расширений по продуктивному горизонту в виде камер, подбоев и штолен. Специфика этого центра - узкие хронологические рамки (поздний неолит - финальный бронзовый век) и ориентация преимущественно на производство топоров.

Верхневолжский центр географически тяготеет к центру Валдайской возвышенности и был связан с широкими окружающими пространствами, вплоть до бассейнов рек, стекающих в Онежское озеро. Сырьевую основу центра составляет кремень каменноугольного возраста. Наиболее ранние памятники технокомплекса бромме-лингби с хорошей сохранностью культурного слоя (Подол, Баранова Гора) находятся на берегу озера Волго в Тверской области и дати-

руются аллередом, возможно, беллингом [12]. В позднем мезолите-неолите получает развитие система ступенчатых поставок местного сырья и полуфабрикатов в район Онежского озера и далее в Прибалтику [13]. В целом, Верхневолжский центр кремнеобработки функционировал в хронологическом диапазоне между финальным палеолитом-мезолитом и ранним бронзовым веком.

Деснинский район связан со средним течением р. Десны, локализуется в районе обнажений пород мелового возраста. Многочисленные источники кремня стимулировали активное освоение этого региона, начиная со среднего палеолита [14]. Интенсивное заселение происходит в период позднего палеолита. Среди памятников каменного века выделяется некоторое количество кремнеобрабатывающих мастерских.

Заключение. На протяжении всей своей исторической карьеры кремень оставался единственным или доминирующим материалом для орудийной оснастки в Донецком регионе, в одинаковой степени успешно обеспечивал развитие основных форм экономики потребления и экономики производства пищевых продуктов. Единая восточно-европейская система производственных центров по добыче и первичной переработке кремневых ресурсов окончательно формируется только в конце археологического неолита или в энеолите. Структурообразующее значение центров кремнедобычи и кремнеобработки наиболее отчетливо появилось именно в период перехода к интенсивным фермерским формам ведения хозяйства, направленным на стабильное обеспечение социумов пищевыми продуктами, созданными в рамках производящих экономик. На юге Восточной Европы отмечается явная сопряженность таких крупных производственных центров с очагами интенсивного экономического и социального развития человеческих коллективов в первобытное время, а также с зонами активного культурогенеза.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ковнурко Г.М. О распространении кремня на территории Европейской части СССР (К вопросу о применении камня в древней технике) // Новые методы в археологических исследованиях. - М.-Л., 1963. - С. 234-240.
2. Kolesnik A. Mousterian industries evolution of South-Eastern Ukraine // European Prehistory, 1994. - № 6. - Pp. 175-186.
3. Кротова О.О. 2013. Пізньопалеолітчні мисливці азово-чорноморських степів. - Київ.
4. Kolesnik A. Neolithic-Chalkolithic Flint Exploitation in Donbas (South-East of the Ukraine) // Der Anschnitt. Zeitschrift fur kunst und kulturen im bergbau. Beiheft 19: Stone Age - Mining Age. - Bochum, 2006. - Pp. 129-134.
5. Выборный В.Ю,, Горелик А.Ф. Итоговые результаты исследования неолитических памятников в устье р. Ольховой // Археологический альманах (Донецк).- 1995. - № 4. - С. 105-126.
6. Цвейбель Д.С. Древние каменные выработки у с. Широкое в Донбассе // СА. - 1970. - № 1. - С. 227-233.
7. Анисюткин Н.К. Мустьерская стоянка Кетросы в контексте среднего палеолита Восточной Европы. - СПб.: Нестор-История, 2013. - 168 с.
8. Бибиков С.Н. Древние кремневые выработки в Среднем Поднестровье // Sbornik Narodniho Muzea v Praze. Acta Muzei Nationales Pracae. - Vol. XX. - № 1/2. - Pp. 3-7.
9. Конопля В.М. Лендельская культура // Археология Прикарпатья, Волыни и Закавказья. Энеолит, бронза и раннее железо. - Киев: Наук. Думка, 1990. - С. 4-17.
10. Свешников И.К. Кремневые копи у с. Городок Ровенской области // КМИИМК, вып. 117. - С. 1969.
11. Синицына Г.В. Сырье как показатель определения возраста стоянок каменного века Валдая // Археологические вести (Москва). - 2006. - № 13. - С. 34-44.
12. Гурина Н.Н. Древние кремнедобывающие шахты. - Ленинград: Наука, 1976. - 176 с.
13. Галибин В.А., Тимофеев В.И. Новый подход к разработке проблемы выявления источников кремневого сырья для культур Восточной Прибалтики // Археологические вести (СПб.). - 1993. - №2. - С. 13-20.
14. Заверняев Ф.М. Хотылевское палеолитическое местонахождение. - Ленинград: Наука, 1978. - 126 с.

REFERENCES

1. Kovnurko G.M. O rasprostranenii kremnya na territorii Evropejskoj chasti SSSR (K voprosu o primenenii kamnya v drevnej tekhnike). [On the flint distribution in the European part of the USSR (the question of the use of stone in the ancient technique)]. Novye metody v arheologicheskih issledovaniyah [New methods in archaeological research]. Leningrad: Nauka, 1963. Pp.234-240. (in Russian).
2. Kolesnik A. Mousterian industries evolution of South-Eastern Ukraine. European Prehistory, 1994. №6. Pp.175-186. (in English).
3. Krotova, O.O. Pizn'opaleolitchni mislivci azovo-chornomors'kih stepiv. [Upper Paleolithic Hunters of the Northwestern Black Sea Coast]. Kyiv, 2013. (in Ukraine).
4. Kolesnik Alexander. Neolithic - Chalkolithic Flint Exploitation in Donbas (South-East of the Ukraine). Der Anschnitt. Zeitschrift fur kunst und kulturen im bergbau. Beiheft 19: Stone Age - Mining Age. Bochum 2006. Pp. 129-134. . (in English).

5. Vybornyj V.Yu, Gorelik A.F., Itogovye rezul'taty issledovaniya neoliticheskih pamyatnikov v ust'e r. Ol'hovoj. [Results of the study of Neolithic site in the estuary of the river Olkhovaya]. Arheologicheskij al'manah. [Archaeological Almanac], no. 4. Donetsk, 1995. Pp.105-126. (in Russian).
6. Tsvejbel' D.S. Drevnie kamennye vyrabotki u s. Shirokoe v Donbasse [Ancient stone mines in village of Shirikoe in the Donbas]. Sovetskaia archeologia [Soviet Archaeology]. 1970. No. 1. Pp. 227-233. (in Russian).
7. Anisyutkin N.K. Must'erskaya stoyanka Ketrosy v kontekste srednego paleolita Vostochnoj Evropy. [Mousterian site of the Chetrosy in the context of the Middle Paleolithic of Eastern Europe]. St. Petersburg: Nestor-History, 2013. 168 p. (in Russian).
8. Bibikov S.N. Drevnie kremnevye vyrabotki v Srednem Podnestrov'e. [Ancient flint production in the Middle Dniester]. Sbornik Narodniho Muzea v Praze. Acta Muzei Nationales Pracae, vol. XX, no.1/2, Pp. 3-7. (in Russian).
9. Konoplya V.M. Lendel'skaya kul'tura. [Lendel Culture]. Arheologiya Prikarpat'ya, Volyni i Zakarpatia. Eneolit, bronza i rannee zhelezo. [Archaeology Carpathian, Volyn region and the Trans Carpathian. Chalcolithic, Bronze and Early Iron Age]. Kyiv: Naukova Dumka, 1990. Pp.4-17. (in Russian).
10. Sveshnikov I.K. Kremnevye kopi u s. Gorodok Rovenskoj oblasti. [Flint mines near the village Gorodok in the Rivne region]. KSIIMK [Brief reports of the Institute of archaeology Academy of Science of USSR], Vol. 117. 1969. Pp. 112-118. (in Russian).
11. Gurina N.N. Drevnie kremnedobyvayushchie shahty. [Ancient flit production mines]. Leningrad: Nauka, 1976. 176 p. (in Russian).
12. Sinicyna G.V. Syr'e kak pokazatel' opredeleniya vozrasta stoyanok kamennogo veka Valdaya. [Raw material as a measure of determining the age of the Stone Age archaeological sites of Valdai]. Arheologicheskie vesti [Archaeological news], 13. M., 2006. Pp. 34-44. (in Russian).
13. Galibin V.A., Timofeev V.I. Novyj podhod k razrabotke problemy vyyavleniya istochnikov kremnevogo syr'ya dlya kul'tur Vostochnoj Pribaltiki. [New approach to development problems to identify the flint raw material sources for Eastern Baltic cultures]. Arheologicheskie vesti [Archaeological news], no.2. Saint-Petersburg, 1993. Pp.13-20. (in Russian).
14. Zaverniaev F.M. Khotylevskoye paleoliticheskoye mestonakhozhdenie. [Khotylevo Paleolithic site]. Leningrad: Nauka. 1978. 126 p. (in Russian).

Информация об авторе

Колесник Александр Викторович, кандидат исторических наук, доцент, кафедра историографии, источниковедения, археологии и методики преподавания истории, Донецкий национальный университет,
г. Донецк, Украина
akolesnik2007@mail.ru

Получена: 08.01.2017

Для цитирования: Колесник А. В., Донецкий центр кремнеобработки в каменном веке – энеолите. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 1. Часть 1. с. 1-59-62.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-1-59-62.

Information about the author

Alexander V. Kolesnik, Candidate of Historical Science, Associate Professor**,** Department of Historiography, Source Study, Archeology and Methods of Teaching History**,** Donetsk State University,
Donetsk, Ukraine
akolesnik2007@mail.ru

Received: 08.01.2017

For citation: Kolesnik, A. V., Donetsk center of flint processing in the stone age – chalcolithic. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no. 1. Part. 1. Pp. 1-59-62.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-1-59-62. (in Russian)

УДК 93/94

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-63-68

КОСТЮЧЕНКО Александр Петрович
Хабаровский пограничный институт Федеральной службы безопасности Российской Федерации
г. Хабаровск, Россия
adyunkt2033@ya.ru

Alexander P. KOSTYUCHENKO
Khabarovsk border Institute of the Federal security service of the Russian Federation
Khabarovsk, Russia
adyunkt2033@ya.ru

ДЕМАРКАЦИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ГРАНИЦЫ: СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

В настоящее время отношения между Россией и Китайской Народной Республикой стремительно превращаются в один из ключевых факторов формирования нового мирового порядка. При этом обеим странам свойственна близость, а по некоторым параметрам – полное совпадение взглядов на желаемую модель международных отношений в Восточной Азии, представляющую собой наиболее динамично развивающийся регион современного мира. Отражением таких центростремительных тенденций в российско-китайских отношениях стало провозглашение Москвой и Пекином курса на стратегическое партнерство, а также активизация экономического, политического и культурного взаимодействия между двумя странами и их народами.

Российско-китайские отношения при всей своей позитивной динамике характеризуются наличием ряда острых проблем, которые, хотя и несколько отошли «на второй план» из-за более важных двусторонних приоритетов, но обладают объективно высоким «деструктивным» потенциалом. Пожалуй, наиболее сложным, деликатным и взрывоопасным до недавнего времени оставался погранично-территориальный вопрос. Его решение в 2004 г. было историческим событием в российско-китайских отношениях. Эта проблема требует дальнейшего исследования в комплексе отношений между двумя великими державами.

Проблема демаркации российско-китайской границы была не только одной из ключевых в российско-китайских отношениях на рубеже XX – XXI вв. Она приобрела важное внутрироссийское значение, влияя на формирование новой вертикали власти в России, на взаимоотношения центра и регионов, став инструментом политических игр как в центре, так и в дальневосточных субъектах Российской Федерации и борьбы их амбициозных лидеров за место под солнцем на российском «политическом Олимпе». Все это не могло не отразиться и на исторических исследованиях этого периода.

Ключевые слова: Дальний Восток, граница, демаркация, научные исследования, международные договоры, российско-китайские отношения.

DEMARCATION OF THE RUSSIAN-CHINESE BORDER: THE MODERN HISTORIOGRAPHY OF THE SUBJECT

Nowadays, relations between Russia and China is rapidly is becoming one of the key factors in the formation of a new world order. Wherein both countries are peculiar intimacy, and in some respects – the full coincidence of views on desirable model of international relations in East Asia, the most dynamic region of the contemporary world. Reflection of such centripetal tendencies in Russian-Chinese relations was the announcement by Moscow and Beijing of the course on strategic partnership and intensification of economic, political and cultural cooperation between the two countries and their peoples. Russian-Chinese relations, with all its positive dynamics are characterized by the presence of a number of acute problems, which, although somewhat moved "by the wayside" because of the more important bilateral priorities, but they have objectively high as «destructive» potential. Perhaps the most complex, sensitive and explosive, until recently, remained a border and territorial issue. His decision in 2004 was a historic event in Russian-Chinese relations. This problem requires further research into the complex relationship between two great powers. The problem of demarcation of the Russian-Chinese border was not only a key to Russian-Chinese relations at the turn of XX – XXI centuries, It has acquire significant domestic importance, affecting the formation of a new vertical of power in Russia, the relationship between the centre and regions, becoming a tool of political games in the center and in the far-Eastern subjects of the Russian Federation and the struggle of ambitious leaders for a place in the sun Russian «political Olympus». All this could not affect the historical studies of this period.

Keywords: Far East, border demarcation, scientific research, international treaties of the Russian-Chinese relations.

Проблема российско-китайского размежевания территории волнует умы ученых с середины XIX в. В целом историографию проблемы условно можно разделить на три периода: дореволюционный, советский и постсоветский (современный). Работы этих периодов различаются методологией исследования и источниковой базой. Налаживание диалога двух стран, реализуемое и в сфере демаркации границ, послужило основой активизации научных изысканий. Специалисты-историки, привлекая архивные материалы, обращались к сложностям установления границ на разных этапах российско-китайских и советско-китайских отношений. В постсоветский период проблема формирования границы с Китаем нашла свое отражение в общих трудах по истории Дальнего Востока, российско-китайских отношений, взаимоотношений Китая с соседними государствами [1; 2; 3].

Огромный пласт историографии проблемы составляют научные публикации. Монография В.Г. Дацышена «Очерк истории российско-китайской границы во второй половине XIX - начале XX вв.», написанная с использованием отечественных, западных и китайских исследований, посвящена проблемам формирования российско-китайской границы [4]. На основе малоизвестных документов и материалов А.Ю. Плотников, К.Е. Черевко, Н.А. Дьякова, М.А. Чепелкин в своих работах исследуют историю формирования дальневосточной границы России в

XVII - первой половине XX вв. [5; 6; 7]. В коллективной монографии «Прозрачные границы» изучается история формирования, демаркации, проблемы безопасности новых и старых границ России, в том числе российско-китайской [8]. Один из ведущих китаистов В.С. Мясников издал монографию, посвященную дипломатической истории русско-китайской границы в XVII-XX вв. [9; 10]. Академик С.Л. Тихвинский в своих трудах изучает проблемы пограничного размежевания, «спорных территорий», демаркации российско-китайской границы на основе Соглашения 1991 г. [11]. Известный российский ученый Ю.М. Галенович на основе анализа китайских документов и исследований критически рассматривает историю становления и развития российско-китайской границы, включая проблемы демаркации [12; 13]. А.А. Киреев в монографии анализирует с политологической точки зрения процесс формирования, развития и функционирования дальневосточной границы; рассматриваются состав, структура и характер ее функционирования. В первой главе автор дает теоретические основы изучения государственной границы [14]. В работах А.Д. Воскресенского анализируются концепции истории русско-китайских пограничных взаимоотношений, представленные в открытых публикациях КНР, кратко освещаются отечественные концепции, а также излагается их понимание в КНР. На конкретном историческом материале, используя методологию политического анализа, он исследует региональные аспекты межгосударственных отношений с учетом трех разных методологических позиций: исторической, историографической и политологической [15]. С. Гончаров и профессор пекинского университета Ли Даньхуэй в совместной статье проанализировали ход советско-китайских переговоров 1964 г. в Пекине, которые положили начало длительному и сложному процессу урегулирования пограничных вопросов между двумя странами [16].

Через оценку экономических и территориальных потерь России рассматривает проблему современной демаркации границы не скрывавший своих политических пристрастий экономист Б.И. Ткаченко [17; 18; 19]. Он откровенно ищет исторические и юридические зацепки, позволившие бы России отказаться от передачи Китаю части российских земель в Приморье и на Амуре (как это определяет «Соглашение о демаркации восточного участка российско-китайской границы» 1991 г.), поскольку считает уступки российской стороны необоснованными, а ратификацию этого документа Верховным Советом РСФСР - незаконной, не соответствующей Конституции России. Б.И. Ткаченко утверждал, что Россия утратила до 150 кв. км. Общие потери российской национальной территории в результате демаркаций российско-китайской границы составили, по его мнению, 1 240 кв. км [20]. В.М. Розов полагал, что «в ходе предварительных работ по выполнению этого документа... были допущены некоторые ошибки, в результате которых Китаю неправомерно должны быть переданы по завершении демаркации 1 300 гектаров российской территории» [21]. Противоположную позицию занимает Г.В. Киреев. Он и его сторонники отстаивают точку зрения Министерства иностранных дел, которое считает что все, что сделано российской стороной в ходе переговоров и в процессе демаркации, - правильно. Все соглашения с китайской стороной - это взаимовыгодные, единственно возможные компромиссные решения. Никаких ошибок, просчетов и односторонних уступок российская сторона на переговорах, на которых доминировали представители МИДа, не совершила [22; 23; 24]. Более объективная, взвешенная точка зрения, по нашему мнению, представлена в работах владивостокского ученого В.Л. Ларина и московского исследователя В.Г. Гельбраса. Они отмечают слабые стороны работ, включая фактологические ошибки, представителей МИДа и сторонников губернатора Приморского края Н.И. Ноздратенко. По их мнению, МИД, руководство страны не все сделали, чтобы отстоять интересы России в процессе демаркации российско-китайской границы на ее восточном участке [25; 26; 27]. Д.П. Делюсин отмечал, что власти Приморского края выступили с резкими протестами против демаркации российско-китайской границы, обвиняя МИД России в том, что он уступает Китаю значительную часть исконно русских земель, по праву принадлежащих России. Такого рода шумиха вызвана не столько заботой о чести России, продиктована не столько патриотическими чувствами, сколько политиканскими соображениями, желанием приобрести популярность среди населения и сохранить свои посты [28].

Благовещенский исследователь О.А. Тимофеев в ряде своих публикаций рассматривает проблемы делимитации и демаркации российско-китайской государственной границы с середины XIX до начала XXI вв. Становление границы на современном этапе отражает состояние отношений двух стран. По его мнению, заключенные договоры вызывают неоднозначную реакцию как в Китае, так и в России. «На сегодняшний день между Россией и Китаем в основном разрешены все территориальные споры. Политики, эксперты, представители общественности России и Китая, обе страны в целом еще не пришли к консенсусу, касающемуся *политических последствий и исторической значимости* достигнутых соглашений» [29]. В 2013 г. вышла книга ученого секретаря Приамурского географического общества, в 1993-1997 гг. руководившего проведением демаркационных работ на российско-китайской границе на пограничных участках рек Амур и Уссури, А.М. Филонова «Амурская экспедиция Г.И. Невельского. Взгляд из XXI века», в

которой затронуты и проблемы пограничного размежевания. А.М. Филонов опубликовал ряд статей, посвященных проведению демаркационных работ на восточном участке российско-китайской границы, участником которых он был [30]. Таким образом, в постсоветский период ситуация с исследованием проблем российско-китайской границы изменилась. На современном этапе проблемы истории российско-китайской границы, ее демаркации стали очень актуальными, исчезла цензура исторических исследований, более доступными стали исторические документы, появилось больше возможности для исторических исследований в регионах. Следствием этого стало появление работ, освещающих разные вопросы истории российско-китайской границы, опубликованных в монографиях, сборниках статей и материалов конференций.

Зарубежная историография представлена работами китайского ученого Ван Ци, который предпринял попытку исследовать проблемы восточной части российско-китайской границы, трактовки историками разных стран двусторонних договоров и их значение для урегулирования пограничных вопросов между Россией и Китаем. Он систематизировал точки зрения китайских, российских и западных ученых по данной проблеме [31]. Член правления Ассоциации писателей-дипломатов Чжоу Ихуан пишет в своей пропагандистской книге, что между Китаем и Россией существовал пограничный вопрос, хотя во времена дружбы в пограничных районах Китая и России царило спокойствие. После ухудшения китайско-советских отношений в пограничье стали возникать чрезвычайные происшествия. В 1960-е гг. Россия непрерывно провоцировала пограничные конфликты, но вынуждена была сесть за стол переговоров, чтобы через переговоры разрешить пограничные вопросы [32]. В работах китайских авторов формирование границ Китая неизменно показывается как процесс ущемления территориальных прав и нарушения территориальной целостности Китая. Если обратиться к работам китайских ученых по новой истории, то в них обнаруживаются многочисленные клише о несправедливом урегулировании территориальных проблем Китая. В приложениях к работе помещены пограничные договоры и соглашения на китайском и русском языках. Цзян Чанбин в книге «Китайско-российская граница: развитие восточного участка», вышедшей в Пекине в 2007 г., рассматривая процесс формирования дальневосточной границы, утверждает, что российские ученые искажают события, намеренно скрывают невыгодные для России факты [33].

Инь Цзяньпин, сотрудник Института России Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян, (г. Харбин), полагал, что, когда, в 1993 г. в соответствии с соглашением 1991 г. между Россией и Китаем началась работа по демаркации границы, у жителей Дальнего Востока России возникло опасение, что Китай может, пользуясь демаркацией границы, выдвинуть территориальные претензии к России, так как исторически часть дальневосточного региона была китайской территорией. Это опасение усилилось тем, что некоторые главы администрации вели антикитайскую пропаганду с резкими протестами против демаркации российско-китайской границы [34]. Известные исследователи китайско-советских и китайско-российских отношений Сюэ Сянътянъ и Луанъ Цзинхэ из Института новой истории Академии общественных наук КНР считают, что спор между Китаем и СССР в связи с переговорами по погранвопросам и по пограничнo-территориальному вопросу возник в особый исторический период китайско-советской полемики. И Китай, и Советский Союз всю свою работу концентрировали вокруг полемики «о генеральной линии международного коммунистического движения». И в этот момент выдвижение территориального вопроса само по себе лишь подлило масло в огонь и так накаленной полемики [35].

В диссертации Цзинь Дасиня исследуется формирование международно-правовых основ российско-китайского добрососедства. Опираясь на историко-правовой анализ Нерчинского, Кяхтинского, Айгуньского, Пекинского и Тяньцзиньского договоров; международно-правовые основы советско-китайских отношений и Соглашения о делимитации границы, особенности правового режима отдельных участков государственной границы, автор анализирует их содержание с точки зрения современного международного права [36]. В диссертационной работе Гао Шуциня «Российско-китайские отношения в условиях глобализации» подчеркивается, что пограничный вопрос между двумя странами существовал с момента возникновения политических отношений между ними в связи с неравноправными отношениями и контролем без правовой основы. С начала 60-х годов XX в. исключительно советский контроль над пограничными реками стал источником споров и инцидентов. С 1963 г. велись бесплодные переговоры о демаркации границы. По мнению китайского исследователя, демаркация границы СССР и КНР является примером справедливого и рационального решения доставшихся в наследство от истории вопросов, что выступило стабилизатором двусторонних отношений [37].

Таким образом, из анализа степени изученности темы можно сделать вывод, что если политическим аспектам проблемы в отечественной историографии уделялось внимание, то проблема участия пограничных органов в процессе решения пограничной проблемы с КНР на современном этапе, демаркации российско-китайской границы на Дальнем Востоке осталась

практически вне поля зрения исследователей. Это обусловливает возможный вектор научного исследования, пока еще не освещенный в отечественной исторической науке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. История Амурской области с древнейших времен до начала XX века. Благовещенск, 2008.
2. История Благовещенска. 1856-1917 (в 2 томах). Благовещенск-на-Амуре, 2009. Т. 1.
3. Россия и Китай. Четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы российско-китайских отношений. М., 2013.
4. Дацышен В.Г. Очерк истории российско-китайской границы во второй половине XIX – начале XX вв. Кызыл, 2000.
5. Дьякова Н.А., Чепелкин М.А. Границы России. Исторический очерк. М., 1994.
6. Плотников А.Ю. Русская дальневосточная граница в XVII – первой половине XX века: Двести пятьдесят лет движения России на Восток. М., 2007.
7. Черевко К.Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века). М., 2010.
8. Прозрачные Границы. Безопасность и трансграничное сотрудничество в зоне новых пограничных территорий России. М. – Волгоград, 2002.
9. Мясников В.С. Договорными статьями утвердили (дипломатическая история русско-китайской границы в XVII-XX вв.). Хабаровск, 1997.
10. Мясников В.С. Кастальский ключ китаеведа : Соч. в 7 т. М., 2014. Т. 3. Договорными статьями утвердили. Россия и Китай: 400 лет межгосударственных отношений.
11. Тихвинский С.Л. Восприятие в Китае образа России // Избранные произведения в 5 кн. М., 2012.
12. Галенович Ю.М. Россия и Китай в XX веке: Граница. М., 2001.
13. Галенович Ю.М. Китайские претензии. Шесть крупных проблем в истории взаимоотношений России и Китая. М., 2012.
14. Киреев А.А. Дальневосточная граница России: тенденции формирования и функционирования (середина XIX – начало XXI вв.) Владивосток, 2011.
15. Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии: Историческая динамика политических взаимовлияний. М., 2004.
16. Гончаров С., Ли Даньхуэй. О «территориальных претензиях» и «неравноправных договорах» в российско-китайских отношениях. Мифы и реальность // Россия и АТР. 2004. № 4. С. 44-52.
17. Ткаченко Б.И. Правовые проблемы соглашения между СССР и КНР по изменению линии советско-китайской государственной границы на ее восточной части // Дальний Восток России в контексте мировой истории : от прошлого к будущему. Материалы международной научной конференции (доклады и сообщения), состоявшейся 18-20 июня 1996 года. Владивосток, 1997. С. 204-210.
18. Ткаченко Б.И. Правовые проблемы соглашения между СССР и КНР об изменении линии границы на Дальнем Востоке // Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему. Материалы международной научной конференции (доклады и сообщения), состоявшейся 18-20 июня 1996 года. Владивосток, 1997. С. 204-210.
19. Ткаченко Б.И. Формирование восточной границы между Россией и Китаем: от Нерчинского договора 1689 г. до Цицикарского протокола 1911 г. // Дальний Восток России: Исторический опыт и пути развития региона (Первые Крушановские чтения). Владивосток, 2001. С. 211-217.
20. Ткаченко Б.Н. На границе тучи ходят хмуро // Дальневосточный ученый. 1996. 18 декабря. С. 5; 1996. 25 декабря. С. 5.
21. Розов В.М. Президента неверно информировали // Некоторые проблемы демаркации российско-китайской границы. 1991-1997 год. Сборник статей и документов. М., 1997. С. 6-7.
22. Киреев Г.В. Стратегическое партнерство и стабильная граница // Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 4. С. 7-18ю
23. Киреев Г.В. 4200 километров границы с Китаем // Международная жизнь. 1999. № 2. С. 41-51.
24. Киреев Г.В. Россия - Китай. Неизвестные страницы пограничных переговоров. М., 2006.
25. Гельбрас В.Г. Китай в восточной политике России // Полис. 1997. № 4. С. 166-173; №5. С. 170-178.
26. Ларин В.Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX — начало XXI в.). М., 2005.
27. Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона: Российско-китайские отношения на рубеже XX-XXI веков. Владивосток, 2006.
28. Делюсин Д.П. Внешнеполитические проблемы России на Дальнем Востоке // Россия и современный мир. 1998. Вып. 1(18). С. 76-97.
29. Тимофеев О.А., Грибова О.К. Некоторые проблемы истории формирования российско-китайской границы в новое и новейшее время // Ойкумена. 2013. № 2. С. 30, 36.
30. Филонов А.М. Амурская экспедиция Г.И. Невельского. Взгляд из XXI века. Хабаровск, 2013.
31. Ван Ци. Проблемы Восточного участка китайско-российской границы глазами китайских, российских и западных ученых / Перевод с кит. Ю. Семенова. М., 2010.
32. Чжоу Ихуан. Дипломатия Китая / пер. с кит. Чжао Сюцинь и др. Пекин, [б. г.].
33. Цзян Чанбин. Китайско-российская граница: развитие восточного участка. Пекин: Центральная литература, 2007. (на кит. языке).
34. Инь Цзяньпин. Китайцы на Российском Дальнем Востоке: от «угрозы» до содействующего фактора для стабильного развития экономики ДВ http://www.src-hokudai-ac.jp/coe21/publish/no6/yin1.pdf
35. Сюэ Сянътянь, Луанъ Цзинхэ. История и действительность китайско-российских отношений – от трех союзов к Договору о добрососедстве, дружбе и сотрудничеству // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 3. С. 74-84.
36. Цзинь Дасинь. Международно-правовые проблемы добрососедских отношений между Россией и Китаем. Автореф. дисс. канд. юр. наук. М., 2001. URL: http://www.dissercat.com/content/mezhdunarodno-pravovye-problemy-dobrososedskikh-otnoshenii-mezhdu-rossiei-i-kitaem (Дата обращения 11 апреля 2015 г.).
37. Гао Шуцинь. Российско-китайские отношения в условиях глобализации : дисс канд. полит. наук. М., 2005.

REFERENCES

1. Istorija Amurskoj oblasti s drevnejshih vremen do nachala XX veka [The history of the Amur region from ancient times to the early XX century.]. Blagoveshhensk, 2008.
2. Istorija Blagoveshhenska. 1856-1917 (v 2 tomah). [History Of Blagoveshchensk. 1856-1917 (in 2 volumes)]. Blagoveshhensk-na-Amure, 2009. T. 1.
3. Rossija i Kitaj. Chetyre veka vzaimodejstvija. Istorija, sovremennoe sostojanie i perspektivy rossijsko-kitajskih otnoshenij. [Russia and China. Four centuries of interaction. History, current state and prospects of Russian-Chinese relations.]. M., 2013.
4. Dacyshen V.G. Ocherk istorii rossijsko-kitajskoj granicy vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [Essay on the history of the Russian-Chinese border in the second half of XIX – early XX centuries.]. Kyzyl, 2000.
5. D'jakova N.A., Chepelkin M.A. Granicy Rossii. Istoricheskij ocherk. [The Borders Of Russia. Historical sketch.]. M., 1994.
6. Plotnikov A.Ju. Russkaja dal'nevostochnaja granica v XVII – pervoj polovine XX veka: Dvesti pjat'desjat let dvizhenija Rossii na Vostok. [Russian Far East border in XVIII – the first half of the twentieth century: two Hundred and fifty years of the movement of Russia to the East.]. M., 2007.
7. Cherevko K.E. Rossija na rubezhah Japonii, Kitaja i SShA (2-ja polovina XVII – nachalo XXI veka). [Russia on the borders of Japan, China and USA (2nd half of XVII – beginning of XXI century)]. M., 2010.
8. Prozrachnye Granicy. Bezopasnost' i transgranichnoe sotrudnichestvo v zone novyh pogranichnyh territorij Rossii. [Transparent Border. Security and cross-border cooperation in the area of the new border territories of Russia.]. M. – Volgograd, 2002.
9. Mjasnikov V.S. Dogovornymi stat'jami utverdili (diplomaticheskaja istorija russko-kitajskoj granicy v XVII-XX vv.).[Treaty articles approved (diplomatic history of the Russo-Chinese border in the XVII-XX centuries).]. Habarovsk, 1997.
10. Mjasnikov V.S. Kastal'skij kljuch kitaeveda T. 3. Dogovornymi stat'jami utverdili. Rossija i Kitaj: 400 let mezhgosudarstvennyh otnoshenij. [Kastalsky key sinologist : Treaty articles approved. Russia and China: 400 years of bilateral relations.] Soch. v 7 t. M., 2014.
11. Tihvinskij S.L. Vosprijatie v Kitae obraza Rossii [The perception in China of the image of Russia]. Izbrannye proizvedenija v 5 kn. M., 2012.
12. Galenovich Ju.M. Rossija i Kitaj v XX veke: Granica. [Russia and China in the twentieth century: the Border.]. M., 2001.
13. Galenovich Ju.M. Kitajskie pretenzii. Shest' krupnyh problem v istorii vzaimootnoshenij Rossii i Kitaja. [The Chinese claim. Six major problems in the history of relations between Russia and China.]. M., 2012.
14. Kireev A.A. Dal'nevostochnaja granica Rossii: tendencii formirovanija i funkcionirovanija (seredina XIX – nachalo XXI vv.). [The Far Eastern border of Russia: tendencies of formation and functioning of (the middle of XIX – beginning of XXI centuries)]. Vladivostok, 2011.
15. Voskresenskij A.D. Kitaj i Rossija v Evrazii: Istoricheskaja dinamika politicheskih vzaimovlijanij. [China and Russia in Eurasia: Historical dynamics of political interaction.]. M., 2004.
16. Goncharov S., Li Dan'hujej. O «territorial'nyh pretenzijah» i «neravnopravnyh dogovorah» v rossijsko-kitajskih otnoshenijah. Mify i real'nost' ["Territorial claims" and "unequal contracts" in Russian-Chinese relations. Myths and reality]. Rossija i ATR. 2004. no. 4. pp. 44-52.
17. Tkachenko B.I. Pravovye problemy soglashenija mezhdu SSSR i KNR po izmeneniju linii sovetsko-kitajskoj gosudarstvennoj granicy na ee vostochnoj chasti. [Legal issues on the agreement between the USSR and China to change the line of the Soviet-Chinese state border on its Eastern part]. Dal'nij Vostok Rossii v kontekste mirovoj istorii : ot proshlogo k budushhemu. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (doklady i soobshhenija), sostojavshejsja 18-20 ijunja 1996 goda. Vladivostok, 1997. pp. 204-210.
18. Tkachenko B.I. Pravovye problemy soglashenija mezhdu SSSR i KNR ob izmenenii linii granicy na Dal'nem Vostoke [Legal issues on the agreement between the USSR and the PRC on the change of the boundary line in the Far East] = Dal'nij Vostok Rossii v kontekste mirovoj istorii: ot proshlogo k budushhemu. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (doklady i soobshhenija), sostojavshejsja 18-20 ijunja 1996 goda. Vladivostok, 1997. pp. 204-210.
19. Tkachenko B.I. Formirovanie vostochnoj granicy mezhdu Rossiej i Kitaem: ot Nerchinskogo dogovora 1689 g. do Cicikarskogo protokola 1911 g. [The formation of the Eastern border between Russia and China: Treaty of Nerchinsk 1689 to Qiqihar Protocol 1911] = Dal'nij Vostok Rossii: Istoricheskij opyt i puti razvitija regiona (Pervye Krushanovskie chtenija). Vladivostok, 2001. pp. 211-217.
20. Tkachenko B.N. Na granice tuchi hodjat hmuro [On the border of clouds go sullenly] = Dal'nevostochnyj uchenyj. 1996. 18 dekabrja. p. 5; 1996. 25 dekabrja. p. 5.
21. Rozov V.M. Prezidenta neverno informirovali. Nekotorye problemy demarkacii rossijsko-kitajskoj granicy. 1991-1997 god. [President misinformed. Some problems of demarcation of the Russian-Chinese border. 1991-1997 year.]. Sbornik statej i dokumentov. M., 1997. pp. 6-7.
22. Kireev G.V. Strategicheskoe partnerstvo i stabil'naja granic. [Strategic partnership and stable border]. Problemy Dal'nego Vostoka. 1997. no 4. pp. 7-18.
23. Kireev G.V. 4200 kilometrov granicy s Kitaem. [4,200 kilometers of border with China]. Mezhdunarodnaja zhizn'. 1999. no 2. pp. 41-51.
24. Kireev G.V. Rossija - Kitaj. Neizvestnye stranicy pogranichnyh peregovorov. [Russia - China. Unknown pages of border negotiations]. M., 2006.
25. Gel'bras V.G. Kitaj v vostochnoj politike Rossii. [China Eastern policy of Russia] = Polis. 1997. no 4. pp. 166-173; no. 5. pp. 170-178.

26. Larin V.L. Rossijsko-kitajskie otnoshenija v regional'nyh izmerenijah (80-e gody XX — nachalo XXI v.). [Russian-Chinese relations in the regional dimension (80-ies of XX — beginning of XXI century)]. M., 2005.
27. Larin V.L. V teni prosnuvshegosja drakona: Rossijsko-kitajskie otnoshenija na rubezhe XX-XXI vekov. [In the shadow awakened dragon: Russian-Chinese relations at the turn of XX-XXI centuries.]. Vladivostok, 2006.
28. Deljusin D.P. Vneshnepoliticheskie problemy Rossii na Dal'nem Vostoke [Foreign policy problems of Russia in the Far East]. Rossija i sovremennyj mir. 1998. no. 1(18). pp. 76-97.
29. Timofeev O.A., Gribova O.K. Nekotorye problemy istorii formirovanija rossijsko-kitajskoj granicy v novoe i novejshee vremja [Some problems of history of formation of the Russian-Chinese border in modern and contemporary times]. Ojkumena. 2013. no 2. pp. 30, 36.
30. Filonov A.M. Amurskaja jekspedicija G.I. Nevel'skogo. Vzgljad iz XXI veka. [Amur expedition of G. I. Nevelskoy. A view from the XXI century.]. Habarovsk, 2013.
31. Van Ci. Problemy Vostochnogo uchastka kitajsko-rossijskoj granicy glazami kitajskih, rossijskih i zapadnyh uchenyh. [The Eastern section of the Sino-Russian border through the eyes of the Chinese, Russian and Western scientists]. Perevod s kit. Ju. Semenova. M., 2010.
32. Chzhou Ihuan. Diplomatija Kitaja [The Diplomacy Of China]. per. s kit. Chzhao Sjucin' i dp. Pekin, [b. g.].
33. Czjan Chanbin. Kitajsko-rossijskaja granica: razvitie vostochnogo uchastka. [The Sino-Russian border: the development of the Eastern section.]. Pekin: Central'naja literatura, 2007. (na kit. jazyke).
34. In' Czjan'pin. Kitajcy na Rossijskom Dal'nem Vostoke: ot «ugrozy» do sodejstvujushhego faktora dlja stabil'nogo razvitija jekonomiki DV. [The Chinese in the Russian far East: from "threats" to the contributing factor for stable development of the economy of the Far East]. APAStyle (2011), Available at: http://www.src-hokudai-ac.jp/coe21/publish/no6/yin1.pdf
35. Sjuje Sjantjan', Luan Czinhje. Istorija i dejstvitel'nost' kitajsko-rossijskih otnoshenij – ot treh sojuzov k Dogovoru o dobrososedstve, druzhbe i sotrudnichestvu. [The history and reality of Sino-Russian relations: from three alliances to the Treaty on good-neighbourliness, friendship and cooperation]. Problemy Dal'nego Vostoka. 2004. no 3. pp. 74-84.
36. Czin' Dasin'. Mezhdunarodno-pravovye problemy dobrososedskih otnoshenij mezhdu Rossiej i Kitaem. [International legal problems of good-neighbourly relations between Russia and China]. Avtoref. diss. kand. jur. nauk. M., 2001. APAStyle (2011), Available at: http://www.dissercat.com/content/mezhdunarodno-pravovye-problemy-dobrososedskikh-otnoshenii-mezhdu-rossiei-i-kitaem (accessed: 11 aprelja 2015 g.).
37. Gao Shucin'. Rossijsko-kitajskie otnoshenija v uslovijah globalizacii. [Russian-Chinese relations in the context of globalization]: diss kand. polit. nauk. M., 2005.

Информация об авторе

Костюченко Александр Петрович, соискатель Хабаровского пограничного института Федеральной службы безопасности Российской Федерации,
г. Хабаровск, Россия
adyunkt2033@ya.ru

Получена: 15.01.2017

Для цитирования: Костюченко А.П., Демаркация российско-китайской границы: современная историография вопроса. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 1. Часть 1. с. 1-63-68.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-1-63-68.

Information about the author

Alexander P. Kostyuchenko, applicant Khabarovsk Border Institute of the Federal Security Service of the Russian Federation,
Khabarovsk, Russia
adyunkt2033@ya.ru

Received: 15.01.2017

For citation: Kostyuchenko, A.P., The demarcation of the russian-chinese border: the modern historiography of the subject. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no. 1. Part. 1. Pp. 1-63-68.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-1-63-68. (in Russian)

УДК 94(470.67) DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-69-74

МАГОМЕДСУЛТАНОВ Ильяс Ильясович
Дагестанский государственный университет
г. Махачкала, Россия
magomedsultanov2018@yandex.ru

Ilyas I. MAGOMEDSULTANOV
Dagestan State University
Makhachkala, Russia
magomedsultanov2018@yandex.ru

АБДУЛЛАБЕКОВА Анжела Эльмирзаевна
Дагестанский государственный педагогический университет
г. Махачкала, Россия
anjela.76@mail.ru

Angela E. ABDULLABEKOVA
Dagestan State Pedagogical University
Makhachkala, Russia
anjela.76@mail.ru

АМИРХАНОВА Мадина Магомедовна
Дагестанский научный центр Российской Академии наук
г. Махачкала, Россия
madinat63.@mail.ru

Madina M. AMIRKHANOVA
Dagestan Scientific Center of Russian Academy of Sciences
Makhachkala, Russia
madinat63.@mail.ru

ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ ДАГЕСТАНА. 70-80-е годы XX века

LABOR RESOURCES IN AGRICULTURE OF DAGESTAN IN 70-80-IES OF XX CENTURY

На основе архивных источников, опубликованной литературы, периодической печати рассматриваются формирование и использование трудовых ресурсов в аграрном секторе Дагестана в советский период ее истории. Характеризуются различные формы подготовки квалифицированных кадров для сельского хозяйства. Подготовка кадров высшей и средней квалификации для народного хозяйства республики осуществлялась пятью вузами: государственным университетом им. В.И. Ленина, педагогическим, сельскохозяйственным, политехническим и медицинским институтами, 28 средними специальными учебными заведениями. В вузах и средних специальных учебных заведениях были созданы новые факультеты, расширился профиль специальностей, по которым готовились кадры высшей квалификации. На начало 1969/70 учебного года 54,7% студентов дневных отделений высших и 68,8% учащихся средних специальных учебных заведений представляли сельскую молодежь. Увеличение притока сельской молодежи в специальные учебные заведения создавало предпосылки для лучшего обеспечения дагестанского села квалифицированными кадрами. В сельском хозяйстве Дагестана к 1980 г. было занято 18,3 тыс. специалистов высшей и средней квалификации. Выдвижение на первый план повышения эффективности сельскохозяйственного производства диктовало необходимость не только широкой подготовки, но и систематической переподготовки кадров. В данном контексте выявляется взаимосвязь демографических характеристик населения и трудовых ресурсов.

Ключевые слова: трудовые ресурсы, сельское хозяйство, Дагестан, подготовка кадров, рождаемость, трудоспособный возраст.

On the basis of archival sources, published literature, periodicals examined the formation and use of labor resources in the agricultural sector of Dagestan in the Soviet period of its history. They are characterized by various forms of training skilled workers for agriculture. Training of higher and secondary education for the national economy by five universities: State University V.I. Lenin, educational, agricultural, medical and polytechnic institutes, 28 specialized secondary educational institutions. In the universities and secondary specialized educational institutions of new departments, specialties extended profile have been established, which trained cadres of higher qualification. At the beginning of the 1969-70 school years, 54.7% higher full-time students and 68.8% of students in secondary specialized schools were rural youth. Increased influx of rural youth in special schools created preconditions for better maintenance of the Dagestan village of qualified personnel. In agriculture of Dagestan by 1980 18.3 thousand. Specialists with higher and secondary qualifications were employed. Highlighting the increasing efficiency of agricultural production made it necessary not only to general training, but also a systematic retraining. In this context, the relationship reveals the demographic characteristics of the population and labor force.

Keywords: labor resources, agriculture, Dagestan, training, birth rate, working age

Аграрное производство является ведущей отраслью народного хозяйства республики. Этому способствуют благоприятные природно-климатические условия, почвенные и водные ресурсы, а также сложившаяся система расселения.

В рассматриваемый период решение задач развития экономики как страны, так и Дагестана требовало существенных изменений в формировании и использовании всех видов ресурсов, в том числе и в аграрном секторе. Было очевидно, что недостатки системы подготовки кадров необходимого профессионального профиля и образовательного уровня, отсутствие качественных взаимосвязей между трудовыми ресурсами и имеющимися рабочими местами, в частности в сельском хозяйстве, негативно отражались на народном хозяйстве республики.

Однако данная проблема не нашла отражения в трудах дагестанских историков. Отдельные ее аспекты рассматривались в работах экономистов Дагестана [3; 6; 15; 16].

Как известно, научно-технический прогресс приводит к изменению характера труда крестьянства. По мере его ускорения, с возрастанием роли науки в развитии производительных сил происходит процесс интеграции труда умственного и физического, постепенное вытеснение тяжелого и неквалифицированного.

В 70-е годы в подъеме культурно-технического уровня тружеников села большую роль играли различные формы профессионально-технического обучения, основными звеньями которого являлись сельские профессионально-технические училища по подготовке рабочих массовых профессий, областные и районные школы передового опыта на базе передовых колхозов и совхозов, народные университеты сельскохозяйственных знаний, агрозоотехнические кружки и т.д.

Наиболее важной, основной формой подготовки квалифицированных кадров рабочих для сельского хозяйства являлись профессионально-технические учебные заведения, в которых молодежь могла получать среднее образование и совмещать работу с учебой. На начало 1970 г. в республике имелось 16 профтехучилищ, в которых обучались 4 913 чел. [12, л. 47].

Профтехучилища со сроком 1-3 года готовили квалифицированных рабочих сельского хозяйства для земледелия и животноводства, мелиорации, транспорта, ремонтно-технической службы, сельского строительства и др. Только в годы девятой пятилетки сельские профтехучилища Дагестана подготовили 9,2 тыс. квалифицированных рабочих [13, л. 31]. К 1977 г. по сравнению с 1971 г. прием в сельские ПТУ увеличился более чем в 2 раза.

С 1974 г. в сельских училищах была организована подготовка специалистов животноводческих комплексов: операторы-птицеводы, мастера машинного доения и т.п. Росту культурно-технического уровня сельского населения способствовали новые формы повышения квалификации и расширения культурного кругозора: университеты экономических знаний, передовых методов труда, школы передового опыта и др. В республике по состоянию на 1 октября 1970 г. насчитывалось 10 народных университетов экономических знаний и более 100 агротехнических, зооветеринарных кружков и школ передового опыта, в которых занимались более 2 тыс. колхозников [14, л. 2].

С развитием и качественным изменением материально-технической базы сельского хозяйства растет потребность в кадрах механизаторов и других массовых профессий. В начале 70-х годах в сельском хозяйстве Дагестана, даже для односменной работы имеющейся техники, не хватало более тысячи механизаторов. При наличии 6066 тракторов и 1406 зерноуборочных комбайнов имелось лишь 6,3 тыс. трактористов и комбайнеров [7, л. 133]. Быстрый рост технического оснащения сельского хозяйства требовал массового повышения квалификации рабочих. Эта работа проводилась в многочисленных школах передового опыта, школах мастеров земледелия и животноводства, на различных курсах и кружках.

Одним из новых явлений, вызванных к жизни индустриализацией сельского хозяйства, являлось вовлечение в механизированное производство женщин. Совет Министров СССР в январе 1969 г. принял специальное постановление «О более широком привлечении женщин к участию в квалифицированном труде в сельском хозяйстве» [10, с. 384]. В животноводстве республики, особенно на молочнотоварных фермах, в основном трудились женщины. Например, в 1974 г. там работало свыше 6 тыс. женщин [4].

Крупным социальным последствием подъема культурно-технического уровня является резкое увеличение числа специалистов высшей и средней квалификации среди занятого сельского населения. К 1975 г. в колхозах и совхозах республики работало около 5 500 квалифицированных специалистов, в том числе 3 700 агрономов и зоотехников.

Подготовка кадров высшей и средней квалификации для народного хозяйства республики осуществлялась пятью вузами: государственным университетом им. В.И. Ленина, педагогическим, сельскохозяйственным, политехническим и медицинским институтами, 28 средними специальными учебными заведениями. В вузах и ссузах были созданы новые факультеты, расширился профиль специальностей, по которым готовились кадры высшей квалификации. На начало 1969/70 учебного года 54,7% студентов дневных отделений высших и 68,8% учащихся средних специальных учебных заведений представляли сельскую молодежь [9, с. 250]. Увеличение притока сельской молодежи в специальные учебные заведения создавало предпосылки для лучшего обеспечения дагестанского села квалифицированными кадрами. В сельском хозяйстве Дагестана к 1980 г. было занято 18,3 тыс. специалистов высшей и средней квалификации.

Выдвижение на первый план повышения эффективности сельскохозяйственного производства диктовало необходимость не только широкой подготовки, но и систематической переподготовки кадров. С учетом требований времени в стране была создана стройная система переподготовки и повышения квалификации сельскохозяйственных кадров. Большое значение для этого имело постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем улучшении системы повышения квалификации руководящих кадров колхозов и совхозов и специалистов сельского хозяйства» (январь 1966 г.), которое предусматривало реорганизацию годичных школ подготовки руководящих кадров колхозов и совхозов и курсы повышения квалификации специалистов в трех- и шестимесячные факультеты при сельскохозяйственных вузах. Курсы повышения квалификации при сельскохозяйственных техникумах были преобразованы в школы повышения квалификации для руководителей и специалистов среднего звена, имеющих среднее образование. В соответствии с этим постановлением в Дагестанском сельскохозяйственном институте был создан факультет повышения квалификации руководящих кадров и специалистов сельского хозяйства. Вся система переподготовки кадров была построена таким образом, чтобы через пять лет работы любой руководитель хозяйства, агроном, зоотехник, инженер, ветеринарный работник смог пополнить знания, повысить квалификацию. На факультете повышения квалификации Дагестанского сельскохозяйственного института за 1966-1979 гг. было подготовлено более 450 руководящих работников, повысили квалификацию 370 директоров совхозов и председателей колхозов, а также более 830 специалистов сельского хозяйства, на краткосрочных курсах побывало 207 чел. [5].

Наряду с совершенствованием подготовки и переподготовки кадров большая работа проводилась по подбору, расстановке и воспитанию кадров. Примером подлинной заботы о специалистах сельского хозяйства, об их нуждах и запросах могла служить работа Хасавюртовского, Дербентского, Бабаюртовского, Кизилюртовского и ряда других районов Дагестана. В указанных районах уже к 1970 г. все колхозы и совхозы возглавлялись специалистами с высшим и средним образованием.

Целенаправленная работе по подготовке и переподготовке кадров, по их воспитанию и правильной расстановке дала свои положительные результаты. В составе кадров сельского хозяйства республики произошли качественные изменения. Число дипломированных специалистов, работающих в колхозах и совхозах Дагестана, за девять лет (1970-1979) увеличилось более чем в 2 раза [8, с 117]. Это позволило выдвинуть наиболее опытных и авторитетных специалистов на должности руководителей хозяйств, укомплектовать штаты специалистов дипломированными кадрами. На 1 апреля 1980 г. 88% председателей колхозов и 105% директоров совхозов Дагестана имели высшее и среднее специальное образование [8, с. 119, 124]. Улучшился также качественный состав кадров среднего звена, руководителей колхозного и совхозного производства. Высшее и среднее специальное образование имели 86% управляющих отделениями совхозов Дагестана, 56,4% бригадиров и заведующих животноводческими фермами **[**8].

В современных хозяйствах создавались более благоприятные условия для работы специалистов, возрастала их роль как технологов и организаторов производства.

После высоких темпов роста населения, существовавших в 60-х гг. в республике, проявилась тенденция к их снижению. Снижение рождаемости населения в условиях научно-технического и социального прогресса - явление закономерное и неизбежное. Обратная связь между прогрессивными сдвигами, происходящими в экономике страны, и изменениями в показателях рождаемости признана почти всеми крупными исследователями процесса воспроизводства населения. Темпы его роста в стране в 1980 г. составляли 101,3% к предыдущему году, а в 1981 г. соответственно - 101,4% и в 1982 г. - 101,1% [11, с. 14].

В республике коэффициент рождаемости только за 10 лет - с 1960 по 1970 гг. - снизился на 40%. Снижению общего коэффициента рождаемости предшествовало снижение смертности, как общей, так и детской. По сравнению с довоенным 1940 г. коэффициент общей и детской смертности сократился в 3 раза [1, с. 19].

За 10 лет (1970-1980 гг.) естественный прирост в республике практически не менялся и колебался в пределах 20% [1, с. 21]. Однако довольно быстрыми темпами снизился уровень младенческой смертности, что, как показывает опыт исследования развития населения РСФСР и целого ряда других республик СССР, предшествует началу перехода большинства населения к ограничению рождаемости.

Серьезным фактором, ограничивающим интенсивность рождаемости, является рост городского населения. Образ жизни горожан более интенсивен по сравнению с сельскими жителями, в городских условиях возможности удовлетворения духовных потребностей и интересов выше, чем в сельских условиях. В городе сфера приложения женского труда значительно шире, чем на селе, и этот фактор играет особенно важную роль в условиях Дагестана, где основной сферой занятости сельских жителей в общественном производстве является сельское хозяйство, а сеть предприятий несельскохозяйственных отраслей, в частности социальной инфраструктуры, развита недостаточно и по уровню развития заметно отстает от городских показателей. Все это способствует формированию низкой рождаемости.

По итогам переписи 1989 г. наблюдалось определенное улучшение соотношения между численностью мужчин и женщин. Переписью населения было учтено 850,2 тыс. мужчин и 952,0 тыс. женщин. Превышение численности женщин над численностью мужчин на 101,8 тыс. чел. приходилось в основном на возраст 60 лет и старше, что объяснялось главным образом последствиями Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. [2, с. 9].

Численность населения в трудоспособном возрасте по сравнению с 1979 г. увеличилась на 116,8 тыс. чел. и составляла в 1989 г. 929,7 тыс. чел. - 456,5 тыс. мужчин и 473,2 тыс. женщин. С позиции использования возможных резервов рабочей силы наибольший интерес представляют лица первых 6-7 лет пребывания на пенсии (мужчины - 60-67 лет, женщины - 55-62 г.). Значительная часть их сохраняет трудоспособность и может быть использована на прежней работе [2, с. 12].

Анализ материалов переписей населения 1959, 1970 и 1979 гг. по Дагестанской АССР указывает на наличие устойчивых закономерностей в изменении численности и структуры трудовых ресурсов, обусловленных соответствующими сдвигами в темпах роста населения. К числу таких закономерностей относится прежде всего увеличение темпов прироста численности трудовых ресурсов. Если в межпереписной период 1959-1970 гг. среднегодовые темпы прироста трудовых ресурсов составляли 1,02%, то в 1970-1979 гг. они достигли 1,45% и сохранили это значение в последующие годы [17, с. 23].

На протяжении почти 28 лет динамика населения и трудовых ресурсов не совпадала, опережающими темпами росла численность населения. В 1959-1979 гг. численность трудовых ресурсов увеличилась в 1,59 раза при росте населения на 67%. Вместе с тем в 1970-1987 гг. интенсивнее росли трудовые ресурсы, коэффициент опережения их относительно роста численности населения составил 1,14. В целом по Дагестанской АССР демографические условия для формирования трудовых ресурсов в 1959-1987 гг. следует оценивать как благоприятные [17].

К 1989 г. в сельской местности Дагестана было сосредоточено больше половины трудоспособного населения, хотя при этом в результате организованного и индивидуальною перемещения, также изменения возрастной структуры населения (вызванного демографическими процессами) удельный вес ее в общей численности трудоспособного населения республики в 1959-1987 гг. уменьшился на 13%.

К концу двенадцатой пятилетки (1987-1991 гг.) в сельскохозяйственном производстве Дагестана было занято 177,3 тыс. чел., что на 13,2 тыс. меньше по сравнению с 1985 г. Во второй половине 80-х годов при незначительном уменьшении занятых в растениеводстве наблюдалось даже увеличение работавших в животноводстве (за пятилетие на 3,5 тыс. чел.).

Замедление темпов снижения относительной численности работников в сельскохозяйственном производстве было обусловлено различными причинами. В частности, высвобождение работников из сельского хозяйства в определенной мере сдерживалось неблагоприятной половозрастной и профессионально-квалификационной структурой трудовых ресурсов (высоким удельным весом лиц послерабочего возраста), низкой мобильностью местного населения.

Немалую роль в данном процессе играли увеличение масштабов производства, расширение площадей сельскохозяйственных угодий, изменение структуры посевных площадей, создание новых сельскохозяйственных предприятий и т.д. Так, к 1987 г. площадь сельскохозяйственных угодий увеличилась на 61 тыс. га, или на 2,0%, в структуре посевных площадей возросла доля картофеля, овощей и корнеплодов и соответственно снизился удельный вес зерновых культур. Площадь виноградных насаждений к этому периоду увеличилась в 2,3 раза, что способствовало сохранению высокой аграрной занятости, поскольку трудоемкость производства винограда в 35-40 раз превышает трудоемкость производства зерна, в 2 раза - плодоводства и в 1,5-2 раза - овощеводства.

Существенным фактором, тормозящим процесс высвобождения работников из аграрного сектора, является отсутствие сферы приложения труда в несельскохозяйственной занятости на селе, да и в республике в целом. По обеспеченности объектами и услугами отраслей производственной и социальной инфраструктуры сельская местность Дагестана в рассматриваемый период занимала одно из последних мест в РСФСР, значительно уступая соседним автономным республикам Северного Кавказа.

Таким образом, анализ разнохарактерных источников позволяет характеризовать типичные для советского периода формы подготовки и использования трудовых ресурсов в аграрном производстве Дагестана. При этом в рациональном формировании и размещении трудовых ресурсов важную роль играли демографические процессы в республике, особенно в сельской местности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Алиева В.Ф. Народонаселение Дагестана. - Махачкала, 1984.
2. Алиева В.Ф. Население Дагестана. - Махачкала, 1999. - 319 с.
3. Гаджиев А.Г., Эльсон В.С., Семенов Ю.В. Вопросы использования трудовых ресурсов Дагестанской АССР. - Махачкала, 1976. - 83 с.
4. Дагестанская правда. - 1974. - 24 сентября.
5. Дагестанская правда. - 1979. - 23 ноября.
6. Магомедов М.С.М. Трудовой потенциал в стратегии социально-экономического развития (региональный аспект). - М., 2002. - 205 с.
7. Народное хозяйство Дагестанской АССР к 50-летию образования СССР / Стат. сб. - Махачкала, 1972.
8. Подсчитано по данным: Народное хозяйство Дагестанской АССР за 60 лет / Стат. сб. - Махачкала, 1981.
9. Подсчитано по данным: Дагестан к 70-летию Великого Октября / Стат. сб. - Махачкала, 1987.
10. Решения партии и правительства по сельскому хозяйству (1965-1971 гг.). - М., 1971.
11. Рассчитано по: Народное хозяйство СССР в 1982 г. - М., 1983.
12. Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее - ЦГА РД). Ф.1-п. Оп.2. Д.3308.
13. ЦГА РД. Ф.22.р. Оп.61. Д.242.
14. ЦГА РД Ф.1.п. Оп.2. Д.4395.
15. Чанкаев Г., Ханукаев С. Формирование и использование сельских трудовых ресурсов Дагестана. - Махачкала, 1976.
16. Эскеров Д.Б., Алиева В.Ф. Население и трудовые ресурсы Дагестана: социально-экономические мы. - Махачкала, 1990.
17. Эскеров Д.Б. Региональные аспекты воспроизводства трудовых ресурсов. - М., 1990. - 136 с.

REFERENCES

1. Alieva V.F. Narodonaselenie Dagestana. (The Population of Dagestan). Mahachkala, 1984. (In Russ).
2. Alieva V.F. Naselenie Dagestana. (The Population of Dagestan). Mahachkala, 1999. 319. P. (In Russ).
3. Gadzhiev A.G., Jel'son B.C., Semenov Ju.V. Voprosy ispol'zovanija trudovyh resursov Dagestanskoj ASSR. (Questions of labor resources of the Dagestan ASSR). Mahachkala, 1976. 83. P. (In Russ).
4. Dagestanskaja pravda. (Dagestan truth) 1974. 24 sentjabrja. (In Russ).
5. Dagestanskaja pravda. (Dagestan truth) 1979. 23 nojabrja. (In Russ).
6. Magomedov M.-S.M. Trudovoj potencial v strategii social'no-jekonomicheskogo razvitija (regional'nyj aspekt). (Abour potential in strategy of socio-economic development (regional aspect)). M., 2002. 205. P. (In Russ).
7. Narodnoe hozjajstvo Dagestanskoj ASSR k 50.letiju obrazovanija SSSR. (The national economy of Dagestan ASSR of the 50th anniversary of the USSR). Stat. sb. Mahachkala, 1972. (In Russ).
8. Podschitano po dannym: Narodnoe hozjajstvo Dagestanskoj ASSR za 60 let. (It is estimated according to: National Economy of Dagestan ASSR in 60 years). Stat. sb. Mahachkala, 1981. (In Russ).
9. Podschitano po dannym: Dagestan k 70.letiju Velikogo Oktjabrja. (It is estimated according to: Dagestan to the 70th anniversary of the Great October Revolution.). Stat. sb. Mahachkala, 1987. (In Russ).
10. Reshenija partii i pravitel'stva po sel'skomu hozjajstvu. (The decisions of the party and the government on agriculture). (1965-1971 gg.). M., 1971.
11. Rasschitano po: Narodnoe hozjajstvo SSSR v 1982 g. (Calculated by: National Economy of the USSR in 1982). M., 1983. (In Russ).
12. CGA RD - Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Dagestan. (CSA RD. Central State Archive of the Republic of Dagestan). F. 1-p. Op. 2. D. 3308. (In Russ).
13. CGA RD. (CGA RD). F. 22. r. Op. 61. D. 242. (In Russ).
14. CGA RD. (CGA RD). F. 1. p. Op. 2. D. 4395. (In Russ).
15. Chankaev G., Hanukaev S. Formirovanie i ispol'zovanie sel'skih trudovyh resursov Dagestana. (Formation and use of the rural labor force in Dagestan). Mahachkala, 1976. (In Russ).
16. Jeskerov D.B., Alieva V.F. Naselenie i trudovye resursy Dagestana: social'no-jekonomicheskie problemy. (Population and labor resources of Dagestan: the socio-economic problems). Mahachkala, 1990. (In Russ).

17. Jeskerov D.B. Regional'nye aspekty vosproizvodstva trudovyh resursov. Regional aspects of the reproduction of the labor force). M., 1990. 136 p. (In Russ).

Информация об авторе

Магомедсултанов Ильяс Ильясович, доктор исторических наук, профессор, декан социального факультета, Дагестанский государственный университет,
г. Махачкала, Россия
magomedsultanov2018@yandex.ru

Абдуллабекова Анжела Эльмирзаевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра юридических дисциплин,
Дагестанский государственный педагогический университет,
г. Махачкала, Россия
anjela.76@mail.ru

Амирханова Мадина Магомедовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
отдел по изучению и публикации исторических источников, Институт истории, археологии и этнографии, Дагестанский научный центр Российской Академии наук,
г. Махачкала, Россия
madinat63.@mail.ru

Получена: 08.01.2017

Для цитирования статьи: Магомедсултанов И.И., Амирханова М.М., Абдуллабекова А. Э., Трудовые ресурсы в сельском хозяйстве Дагестана в 70-80-е годы xx века. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 1. Часть 1. с. 1-69-74.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-1-69-74.

Information about the author

Ilyas I. Magomedsultanov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of Social Faculty, Dagestan State University,
Makhachkala, Russia
magomedsultanov2018@yandex.ru

Angela E. Abdullabekova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Legal Disciplines, Dagestan State Pedagogical University,
Makhachkala, Russia
anjela.76@mail.ru

Madina M. Amirkhanova, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Department of Research and Publication of Historical Sources, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Scientific Center of Russian Academy of Sciences,
Makhachkala, Russia
madinat63.@mail.ru

Received: 08.01.2017

For article citation: Magomedsultanov. I.I., Amirkhanov, M. M., Abdullabekova, A.E., Labor resources in agriculture of dagestan in 70-80-ies of XX century. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no. 1. Part. 1. Pp. 1-69-74.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-1-69-74. (in Russian)

УДК 94(47) DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-75-78

ПАВЛОВ Константин Александрович
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
kommendor@mail.ru

КЛОЧКОВ Олег Борисович
Кубанский государственный университет (филиал в г. Славянске-на-Кубани)
г. Славянск-на-Кубани, Россия
valga205@yandex.ru

Konstantin A. PAVLOV
Kuban state University
Krasnodar, Russia
kommendor@mail.ru

Oleg B. KLOCHKOV
Kuban State University (Branch in Slavyansk-on-Kuban)
Slavyansk-on-Kuban, Russia
valga205@yandex.ru

АЗОВСКИЕ КАЗАКИ НА ОХРАНЕ ЧЕРНОМОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ КАВКАЗА 1853-1865 гг.

THE AZOV COSSACKS IN THE PROTECTION OF THE BLACK SEA COAST IN 1853-1865 GG.

В 1853 г. была начата Крымская война. 22 декабря 1853 г. англо-французский флот вошел в Черное море и начал осуществлять конвоирование турецких пароходов с оружием и боеприпасами, предназначенными для Кавказа. Так как действия англо-французской эскадры грозили гибелью крейсерам Черноморского флота, осуществлявшим крейсерство у Черноморского побережья Кавказа, отряды были отозваны в Севастополь; в марте с Черноморской береговой линии были сняты войска, в связи с тем что они не могли существовать без поддержки с моря. В результате на Черноморском побережье Кавказа оставались лишь небольшие морские силы, представленные флотилией Азовского казачьего войска. В статье рассматривается деятельность азовских казаков на Черноморском побережье Кавказа во время и после Крымской войны по пресечению контрабанды.

Ключевые слова: Азовское казачье войско, Черноморское побережье Кавказа, Крымская война, контрабанда, Турция, р. Рион, карантинно-таможенная охрана, Черноморский флот, Рионская флотилия.

In 1853 was initiated in the Crimean war. 22 Dec 1853 Anglo-French fleet entered the Black Sea and began to implement the escort of Turkish steamers with arms and ammunition destined for the Caucasus. As a result, the Anglo-French squadron threatened the loss of the cruisers of the black sea fleet are carrying out of cruise at the Black Sea Coast of the Caucasus, the troops were withdrawn to Sebastopol in March, with the black sea coastline were withdrawn troops due to the fact that they could not exist without support from the sea. As a result, on the black sea coast of the Caucasus was only a small naval force in the face of the flotilla of Azov Cossack troops. The article discusses the activities of the Azov Cossacks on the Black Sea Coast of the Caucasus during and after the Crimean war for the suppression of smuggling.

Keywords: Azov Cossack host, Black Sea Coast of Caucasus, Crimean war, smuggling, Turkey, Rion, quarantine and customs security, Black Sea fleet, Rion fleet

В 1853 г. обострилось политическое положение между Россией, Турцией, Англией и Францией. Ночью 15 октября 1853 г. с нападением Турции на пост св. Николая началась Крымская война.

22 декабря 1853 г. англо-французский флот вошел в Черное море и начал осуществлять конвоирование турецких пароходов с оружием и боеприпасами, предназначенными для Кавказа. Так как действия англо-французской эскадры грозили гибелью крейсирующих у Черноморского побережья Кавказа кораблей, последние были отозваны в Севастополь. После этого, уже в марте 1854 г., с Черноморской береговой линии были сняты войска, в связи с тем, что они не могли существовать без поддержки с моря [1].

В 1854 г. часть укреплений Черноморской береговой линии вплоть до Новороссийска были упразднены. Снятые с укреплений подразделения направлялись в Новороссийск и Анапу, а оттуда - в Керчь, для дальнейшего прохождения службы [2].

Перед снятием гарнизонов с укреплений Черноморской береговой линии у Азовского казачьего войска в этом районе имелось 34 баркаса. В мае 1854 г. при снятии личного состава укреплений Редут-Кале противник произвел его внезапную бомбардировку, в результате чего шесть лодок были сожжены, а отряд был выведен из Редут-Кале в реку Рион [3].

В последующем у Азовского казачьего войска осталось в наличии следующее количество лодок: в Рионе - 10, в Керченском проливе - 6, в Анапе - 1 и в Новороссийске - 5. Лодки, имевшиеся в Новороссийске, были оставлены за негодностью, но вице-адмирал Л.М. Серебряков принял меры к приведению этих лодок в исправное состояние и с успехом использовал их для уничтожения турецких купеческих судов в Геленджикской бухте 4 июня 1854 г.

Из 10 лодок, выведенных в реку Рион, была создана Рионская флотилия, в обязанности которой, помимо защиты Риона, входило наблюдение за побережьем Черного моря между Редут-Кале и Николаевским постом с целью недопущения морского сообщения, подвоза продовольствия, вооружения и различных запасов противнику на побережье между этими пунктами. Позднее 3 лодки пришлось уничтожить, так как пришли в негодность и использовать их было невозможно. Таким образом, в составе Рионской флотилии стало числиться 7 лодок

Для выполнения поставленных задач было предложено выполнить следующие меропри-

ятия: два ветхих баркаса заменить новыми; азовские морские команды укомплектовать матросами в количестве 100 человек с двумя офицерами из Каспийской флотилии, одним врачом и тремя фельдшерами; матросов и казаков вооружить абордажным морским оружием (пистолетами, интрепелями и мушкетами); на баркасах 3-фунтовые чугунные фальконеты заменить медными горными 10-фунтовыми единорогами и поставить на вооружение боевые ракеты. Однако не все пункты предложений были реализованы. Предложение по снабжению абордажным оружием было отклонено, в результате казаки были вооружены топорами, кинжалами и ружьями. Каспийская флотилия не имела возможности откомандировать 100 матросов при двух офицерах, а также врача и трех фельдшеров, в результате азовские команды были укомплектованы вольнонаемными охотниками. Взамен 3-фунтовых чугунных фальконетов были отправлены 4 турецких гаубицы, рассверленных до калибра 10-фунтовых единорогов, и 6 10-фунтовых горных единорога из грузинского окружного арсенала с лафетами, необходимой деревянной и медной принадлежностью. Однако замену 3-фунтовых фальконетов 10-фунтовыми горными единорогами было решено отложить в связи с тем, что для этой замены кроме устройства новых платформ нужно было сделать под орудия новые станки, для чего необходимо было иметь особый лес, мастеров, отлично знающих свое дело, и чертежи. Всего этого в распоряжении Азовского казачьего войска не имелось. Также по ветхости 3 из 7 баркасов подобную замену вооружения можно было произвести только на 4 баркасах [4].

В августе 1854 г. начальником Рионской флотилии был назначен морской офицер. После этого назначения деятельность казаков была упорядочена и систематизирована. Для охраны устья реки от нападения неприятеля с моря два баркаса постоянно находились в боевом дежурстве у крепости Поти, а остальные предназначались для крейсерства [5].

В последующем к Рионской флотилии были присоединены две сотни Челадидской дружины пешей Мингрельской милиции, а сама флотилия имела в своем составе 10 офицеров и 220 казаков.

Рионская флотилия действовала очень эффективно, выполняя поставленные задачи, и создавала большую опасность для турецкого судоходства. В результате турецкие суда к Черноморскому побережью Кавказа отправлялись только в сопровождении вооруженных пароходов.

Значительно затруднив сообщение турок вдоль черноморского побережья, казаки начали осуществлять вылазки к крепости Редут-Кале, где турки несли значительный урон от действий флотилии. При появлении казаков у крепости Редут-Кале турки не осмеливались выходить даже тогда, когда казаки уничтожали у них на виду прибывшие к ним транспорты [3].

Таким образом, с началом Крымской войны и снятием гарнизонов с Черноморской береговой линии на черноморском побережье осталось лишь одно боевое подразделение, состоящее из азовских казаков, которые фактически вели партизанскую войну.

Осенью 1855 г. при отступлении наших войск из Имеретии и Мингрелии лодки гребной флотилии в р. Рион были уничтожены со всем имуществом.

По окончании Крымской войны был заключен Парижский мирный договор, согласно которому России и Турции запрещалось иметь на Черном море военный флот за исключением небольшого количества малых судов [6]. Таким образом, Россия лишалась необходимых средств для обеспечения безопасности Черноморского побережья Кавказа.

В результате от Черноморского флота для охраны Черноморского побережья Кавказа постоянно командировались два или три винтовых корвета, два парохода и четыре паровых транспорта [7].

На помощь Черноморскому флоту снова пришло Азовское казачье войско. Для усиления крейсерства у Черноморского побережья Кавказа в 1856 г. была восстановлена азовская гребная флотилия. Для ее нужд были вновь построены 10 лодок, предназначавшиеся для крейсерства вдоль Черноморской береговой линии. Азовская флотилия была укомплектована личным составом из Азовского казачьего войска: 10 офицерами, 15 урядниками, 150 казаками - и разделена на две смены [8].

С восстановлением азовской гребной флотилии Россия, используя огромный боевой опыт азовских морских команд, а так же тот факт, что казаки несли боевую службу на гребных лодках, не принадлежавших Черноморскому флоту, решала задачу по обеспечению безопасности Черноморского побережья Кавказа.

К 1860 г. азовская гребная флотилия состояла: в северном отделении из 9 баркасов, а в южном - из 11. Азовские баркасы были распределены по приморским пунктам в следующем количестве. Северный отряд: на Джемете - 2, в Анапе - 2, в Константиновском посту - 2 баркаса. Южный отряд: при посте св. Николая - 1, в Поти - 2, в Редут-Кале - 1, в Очамчире - 1, в Сухуме - 2, в Бомборах - 1, в Пицунде - 1 и в Гаграх - 2 баркаса [7].

Основными задачами Азовских морских команд были охрана побережья от ввоза контрабанды, а также содействие транспортам в погрузке и выгрузке грузов и участие в военных действиях на черноморском побережье.

В 1860 г., согласно приказу военного министра об увеличении азовских морских команд на Сухумской морской станции, к имеющимся 10 командам было добавлено еще 2, в каждой из которых полагалось иметь одного обер-офицера, одного урядника и 12 казаков. Срок службы для азовских команд был определен 3 года [9].

А 10 марта 1861 г. в дополнение к приказу 1860 г. для карантинно-таможенной охраны Черноморского побережья Кавказа было положено иметь: на Сухумской морской станции - 22 баркаса, на которых несли службу 18 казачьих команд под началом 12 офицеров; на Константиновской - 10 баркасов с 8 командами под началом 4 офицеров. Так же в каждой из команд положено было иметь 1 урядника и 12 казаков [10].

Казаки продолжали успешно выполнять поставленную перед ними задачу по пресечению контрабандной торговли на Черноморском побережье Кавказа. Так, например, 14 декабря 1863 г. сотником Матвеевым была задержана контрабанда на черноморском берегу у м. Гудлут, а 11 апреля шхуной «Сауксу» была задержана турецкая кочерма с контрабандой на борту [11].

В 1864 г. была закончена Кавказская война. Для обеспечения безопасности на черноморском побережье горцам было предложено переселиться либо за Кубань, либо в Турцию. Таким образом, налаженные каналы контрабандной деятельности были уничтожены и необходимость в усиленной охране Черноморского побережья Кавказа отпала.

В 1865 г. был издан указ, согласно которому от морского ведомства были откомандированы 200 матросов и 16 офицеров для замены азовских казаков на морских станциях Черноморского побережья Кавказа.

С этим указом была закончена славная деятельность Азовского казачьего войска по охране Черноморского побережья Кавказа.

Таким образом, Азовское казачье войско внесло большой вклад в обеспечение безопасности Черноморского побережья Кавказа. Азовские морские команды представляли большую угрозу для турецких контрабандистов, а так же для турецких судов во время Крымской войны, несмотря на то, что они несли свою боевую службу на небольших лодках и не имели серьезного вооружения на борту.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Скрицкий Н.В. Корсары России. - М., 2007. - С. 232-233.
2. Государственный архив Краснодарского края (далее - ГАКК). Ф.260. Оп.1. Д.1760. Л.3, 57.
3. Черников И.И. Русские речные флотилии за 1000 лет (907-1917). СПб., 1999. - С. 75.
4. Доклад ген.-л. кн. Бебутова ген. Муравьеву от 18 марта 1855 года // Акты, собранные кавказской археологической комиссией. - Тифлис, 1888. - Т. XI. - С. 937-939.
5. Смирнов А.А. Морская история казачества. - М., 2006. - С. 58.
6. Боярский В.И., Дмитриев В.А., Кудинов Н.Н. Пограничный надзор на море. Историко-документальный очерк. - М., 2006. - С. 44.
7. Отчет ген.-фельдмаршала князя А.И. Барятинского за 1857-1859 года // Акты, собранные кавказской археологической комиссией. - Тифлис, 1904. - Т. XII. - С. 1306.
8. Отношение ген. Сухзанета к ген. Муравьеву от 25 июня 1856 года // Акты, собранные кавказской археологической комиссией. - Тифлис, 1888. - Т. XI. - С. 940-941.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Отделение первое. - СПб., 1862. - Т. XXXV. № 35527. - С. 191.
10. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Отделение первое. - СПб., 1863. - Т. XXXVI. № 36724. - С. 452-453.
11. ГАКК. Ф.390. Оп.1. Д.28. Л.1.; Д.15. Л.13.

REFERENCES

1. Skrickij N.V. Korsary Rossii. [Corsairs Russia]. M., 2007. Pp. 232-233.
2. Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja. [State archive of Krasnodar Krai]. F. 260. Op. 1. D. 1760. L. 3, 57.
3. Chernikov I.I. Russkie rechnye flotilii za 1000 let (907-1917). [Russian river fleet for 1000 years (907-1917)]. SPb., 1999. P. 75.
4. Doklad gen.-l. kn. Bebutova gen. Murav'evu ot 18 marta 1855 goda. Akty sobrannye kavkazskoj arheologicheskoj komissiej. [Report of Lieutenant-General Bebutov, General Muraviev from March 18, 1855 year. Acts collected Caucasian Archeological Commission].Tiflis, 1888. T. XI. Pp. 937-939.
5. Smirnov A.A. Morskaja istorija kazachestva. [Maritime history of the Cossacks].M., 2006. P. 58.
6. Bojarskij V.I., Dmitriev V.A., Kudinov N.N. Pogranichnyj nadzor na more. Istoriko-dokumental'nyj ocherk. [Border surveillance at sea. Istoriko-a documentary essay]. M., 2006. P. 44.

7. Otchet gen.-fel'dmarshala knjazja A.I. Barjatinskogo za 1857-1859 goda. Akty, sobrannye kavkazskoj arheologicheskoj komissiej. [Report of field Marshal Prince A. I. Bariatinskii 1857-1859 year. Acts collected Caucasian Archeological Commission].Tiflis, 1904 , T. XII. P. 1306.
8. Otnoshenie gen. Suhzaneta k gen. Murav'evu ot 25 ijunja 1856 goda . Akty sobrannye kavkazskoj arheologicheskoj komissiej. [The attitude of the general Susanita to general Muravyov on 25 Jun 1856 year. Acts collected Caucasian Archeological Commission]. Tiflis, 1888. T. XI. Pp. 940-941.
9. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie vtoroe. Otdelenie pervoe. [Complete collection of laws of the Russian Empire. Meeting the second. Separating the first]. SPb., 1862. T. XXXV. No. 35527. P. 191.
10. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie vtoroe. Otdelenie pervoe. [Complete collection of laws of the Russian Empire. Meeting the second. Separating the first]. SPb., 1863. T. XXXVI. № 36724. Pp. 452-453.
11. Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja. [State archive of Krasnodar Krai]. F. 390. Op. 1. D. 28. L. 1.; D. 15. L. 13.

Информация об авторе

Павлов Константин Александрович, аспирант, кафедра истории России, Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
kommendor@mail.ru

Клочков Олег Борисович, кандидат исторических наук, доцент,кафедра истории и методики ее преподавания, Кубанский государственный университет (филиал в г. Славянске-на-Кубани),
г. Славянск-на-Кубани, Россия
valga205@yandex.ru

Получена: 19.12.2017

Для цитирования: Павлов К. А., Клочков О. Б., Азовские казаки на охране черноморского побережья кавказа 1853-1865 гг.. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 1. Часть 1. с. 1-75-78.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-1-75-78.

Information about the author

Konstantin A. Pavlov, Postgraduate Student, Department of Russian History, Kuban state University,
Krasnodar, Russia
kommendor@mail.ru

Oleg B. Klochkov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History and Methods of Teaching, Kuban State University (Branch in Slavyansk-on-Kuban),
Slavyansk-on-Kuban, Russia
valga205@yandex.ru

Received: 19.12.2017

For citation: Pavlov, K.A., Klochkov, O.B., The azov cossacks in the protection of the black sea coast in 1853-1865 gg.. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no. 1. Part. 1. Pp. 1-75-78.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-1-75-78. (in Russian)

УДК 93/94 DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-79-88

СЕРЕГИН Александр Владимирович
Российский государственный гуманитарный университет, Институт дополнительного образования г. Москва, Россия
aleksseregin@yandex.ru

Aleksandr V. SEREGIN
Institute of additional education Russian State University for Humanities Moscow, Russia
aleksseregin@yandex.ru

ГЕНЕРАЛ В.В. БИСКУПСКИЙ В ДВИЖЕНИИ МОНАРХИСТОВ-ЛЕГИТИМИСТОВ

GENERAL V.V. BISKUPSKY IN MONARCHIST-LEGITIMIST MOVEMENT

В статье рассматривается деятельность генерала В.В. Бискупского в эмиграции в период 1919-1945 гг. Значительная часть работы в тот период приходится на сотрудничество с движением монархистов-легитимистов - сторонников претендента на российский престол великого князя Кирилла Владимировича. Ключевыми моментами работы В.В. Бискупского стало участие в создании российско-германского общества «Ауфбау» в 1920 г., финансирование Рейхенгалльского Съезда русских монархистов в 1921 г., участие в борьбе с режимом Веймарской республики в рамках Капповского путча в Берлине в 1920 г. и «Пивного путча» в Мюнхене в 1923 г. Отход В.В. Бискупского от политики внутри Германии ознаменовался активизацией работы в российском эмигрантском движении - борьбой с противниками легитимистского движения - Высшим Монархическим Советом во главе с Н.Е. Марковым и представителем генерала П.Н. Врангеля в Германии генерал-майором А.А. фон Лампе, конфликтом с Союзом Русских Государевых Людей полковника Г.И. Дементьева. В заключение статьи представлен краткий обзор работы В.В. Бискупского в рамках Управления Делами Русской Эмиграции в Германии.

The article presents the analysis of general V.V. Biskupsky activities in emigration in 1919-1945-th. Significant part of the article in this period falls on close collaboration with monarchist-legitimist movement – supporters of pretender to the Russian throne Grand Duke Kirill Vladimirovich. The key points of V.V. Biskupsky activities were participation in creation Russian-Germany organization «Aufbau» in 1920, financing of Russian monarchist Congress in Reihengall in 1921, participation in struggle against Weimar republic regime during of Kapp putsch in Berlin in 1920 and «Beer putsch» in Munich in 1923. Retirement of V.V. Biskupsky from policy inside Germany was associated with intensification of Russian emigrant work activity - struggle against opponents monarchist-legitimist movement – Supreme Monarchist Council under leadership of N.E. Markov and agent of general P.N. Vrangel in Germany general-major A.A. von Lampe, conflict with Union of Russian Royal People under leadership of colonel G.I. Dementjev. In summary of the article presents overview of V.V. Biskupsky activities in Administration of Russian Emigration in Germany.

Ключевые слова: генерал В.В. Бискупский, великий князь Кирилл Владимирович, генерал-майор А.А. фон Лампе, монархическая эмиграция, движение монархистов-легитимистов.

Keyword: general V.V. Biskupsky, Grand Duke Kirill Vladimirovich, general-major A.A. von Lampe, monarchist emigration, monarchist-legitimist movement

Личность генерала В.В. Бискупского (1878-1945) привлекает внимание современных отечественных исследователей истории русской эмиграции в основном как руководителя созданного германскими нацистами в 1936 г. Управления Делами Русской Эмиграции (УДРЭ), в ведение которого к 1941 г. попали практически все русские эмигранты в Европе. Ведомство В.В. Бискупского выполняло консульские, регистрационно-полицейские функции, действовало как бюро по трудоустройству, осуществляло политический контроль над деятельностью эмигрантских организаций, имело цензорские полномочия. Выполнение столь сложной задачи было доверено человеку, который уже с 1919 г. занимал заметное место в политической жизни русской эмиграции.

Эмигрантский период жизни В.В. Бискупского начался в конце 1919 г. в Германии, в Мюнхене. Для военного и участника Белого движения столь раннее начало эмигрантской жизни считалось необычным. В России еще шла Гражданская война, когда В.В. Бискупский оказался за границей. Наряду с политическими противниками из рядов Высшего Монархического Совета (ВМС), выступавших против притязаний на императорскую власть великого князя Кирилла Владимировича, В.В. Бискупский сумел нажить многочисленных недоброжелателей и в военной среде. Существенную роль в дискредитации В.В. Бискупского сыграл Главнокомандующий Русской Армии (с сентября 1924 г. - председатель РОВС) генерал-лейтенант барон П.Н. Врангель. Будучи связанным с В.В. Бискупским совместной службой в частях Конной гвардии, П.Н. Врангель хорошо знал личные качества своего противника. Хрестоматийными для современных отечественных исследователей русской эмиграции - Ю.С. Цурганова [1, с. 81-82] и Л.М. Млечина [2, с. 355-356] - стали высказывания П.Н. Врангеля из «Воспоминаний», в которых В.В. Бискупский характеризуется как беспринципный политический конъюнктурщик-авантюрист и даже финансовый мошенник.

В действительности дореволюционная биография В.В. Бискупского мало чем отличалась от биографий большинства гвардейских офицеров. В Канцелярии ЕИВ Кирилла Владимировича сохранился его послужной список. Василий Викторович Бискупский родился в 1878 г. в Харьковской губернии в дворянской семье, отец - председатель Богодуховского уездного дворянства. В 1889 г. В.В. Бискупский был зачислен во 2-й кадетский генерала Маркова корпус, кото-

рый окончил в 1895 г., сразу же поступив в Николаевское кавалерийское училище, откуда был в 1897 г. выпущен корнетом в Конную гвардию. К 1905 г. В.В. Бискупский - поручик 3-го Штандартного эскадрона. В годы русско-японской войны отправился добровольцем на фронт во 2-й Дагестанский конный полк Гуссейна Хана-Нахичеванского. После русско-японской войны последовал длительный перерыв в военной карьере (вышел в отставку в звании полковника) связанный с женитьбой на популярной исполнительнице русских романсов А.Д. Вяльцевой, преждевременную смерть которой В.В. Бискупский тяжело переживал. Он предоставил свою кровь для переливания супруге, однако это ее не спасло [3, с. 559]. Возвращение в армию произошло в 1913 г., полковник В.В. Бискупский принял под командование 16-й Иркутский гусарский полк, с которым в 1914 г. вышел на фронт Первой мировой войны. В 1915 г. командовал 1-м Лейб-драгунским Московским Императора Петра Великого полком, в 1916 г. - начальник первой бригады 3-й Кавалерийской дивизии и вскоре командир дивизии в звании генерал-майора. В этой должности В.В. Бискупского застала Февральская революция 1917 г. [6, Оп.1 Д.3 Л.87].

В современной отечественной историографии высказывалось мнение, что В.В. Бискупский являлся членом «Союза Русского Народа» (СРН) и восхвалял деятельность этой организации в эмиграции как предтечу фашизма и нацизма [2, с. 355], однако это версия не подтверждается ни мемуарной литературой, ни архивными материалами.

Революционная стихия Февраля 1917 г. открыла неожиданные, ранее скрытые, качества В.В. Бискупского. В официальном послужном списке он не стал скрывать своего участия в революционном процессе: «…после революции (февральской) - председатель (выборы) делегации от 6 армии в Петроград» [6, Оп.1 Д.3 Л.87]. Однако многие детали того периода кажутся фантастичными: «…ВВБ никогда не скрывал своих убеждений и после выборов произнес нашумевшую тогда речь, в которой он напоминал своим избирателям, что он помещик, дворянин, гвардейский офицер и царский генерал/…/Это не мешает ему, однако, ставить интересы своей Родины выше своих личных и классовых интересов. Привыкнув всем жертвовать для Родины, вплоть до жизни своей, он, как все честные русские офицеры и дворяне, не может себе представить гибели Родины из-за братоубийства и классовой войны» [6, Оп.1 Д.3 Л.87-87об].

Участие В.В. Бискупского в Гражданской войне на стороне Белого движения описаны «телеграфным» стилем и оставляют ощущение недоговоренности: «…дивизия его оставалась в полном порядке до января 1918 г…была распущена им по домам в Донецком бассейне, т.к. создались совершенно невозможные условия/…/

Когда гетман Скоропадский встал во главе Украины, ВВБ предложил свои услуги по формированию конницы. Он был назначен формировать I Кавалерийскую дивизию в Киеве, а затем переведен в Одессу. Когда князь Долгоруков был назначен Главнокомандующим, он назначил по телеграфу ВВБ командующим Одесским корпусом. ВВБ известил Долгорукова телеграммой о полной невозможности на что-либо надеяться, ибо корпус не существовал…» [6, Оп.1 Д.3 Л.87об].

В 1919 г. он выступил конкурентом генерал-лейтенанта князя П.Р. Бермондт-Авалова за пост руководителя Западной армии, действовавшей в Прибалтике в союзе с немецким кайзеровским генералом фон дер Гольцем и стремившейся возвести на престол «Балтийского герцогства» брата бывшего императора Вильгельма II - Генриха Гогенцоллерна. В.В. Бискупский не нашел поддержки кайзеровского военного командования, однако, это не помешало ему объявить себя «председателем Западного правительства в Мюнхене». В этот момент В.В. Бискупский выходит на арену эмиграции и внутренней политики Германии.

В послужном списке В.В. Бискупского начало этой деятельности описано лаконично: «При эвакуации Одессы ВВБ вместе со штабом генерала Шварца попал в Константинополь, оттуда в скором времени через Сербию и Чехию прибыл в Берлин. Здесь с конца 1919 года ВВБ повел работу в направлении воссоздания в России законно-монархического строя. Главным образом его трудами и при помощи его связей был созван I монархический съезд в Рейхенгалле.

С того момента, когда государь Кирилл Владимирович, тогда еще Великий Князь, объявил Себя Блюстителем Государева Престола, ВВБ встал в ряды законопослушников и состоит при Его Величестве Генералом для особых поручений» [6, Оп.1 Д.3 Л.87об].

В целом верную оценку характера В.В. Бискупского, сложившегося у него к началу эмиграции, представил американский исследователь У. Лакер: «Бискупский был незаурядным хитрецом и интриганом высокого класса» [4, с. 148].

Его окончательным решением того периода было присоединение к монархической эмиграции. При этом существенное значение имела откровенно германофильская ориентация В.В. Бискупского, характерная для большинства военных, прошедших Гражданскую войну под руководством гетмана П.П. Скоропадском или в Прибалтике. Иллюзия военной мощи Германии периода Гражданской войны на Украине и в Прибалтике 1918-1919 гг. сохранялась у В.В. Бискупского до последних дней существования III Рейха.

К началу 1920 г. В.В. Бискупский не имел политического багажа при сомнительной репутации участника Гражданской войны. «Польская шикарность», которую подметил в нем В.В. Шульгин, стала его основным оружием. Начальник Канцелярии ЕИВ Кирилла Владимировича, капитан II ранга Г.К. Граф отмечал: «Он, несомненно, был самым выдающимся лицом в Мюнхене. Это был энергичный и предприимчивый человек» [5, с. 48]. Даже постоянный противник В.В. Бискупского - генерал-майор А.А. фон Лампе, наблюдавший по поручению П.Н. Врангеля за его работой в Германии, - отметил в мае 1922 г. в «Дневнике» первое весьма благоприятное впечатление от личного с ним общения: «Сегодня Ефимовский свел меня с Бискупским - надо отдать справедливость, человек он интересный и рассуждает здраво. Нарядный, высокий, довольно интересной наружности, много видел, с многими говорит» [7, Оп.1 Д.8 Л.20].

В декабре 1920 г. В.В. Бискупский приблизился к центру зарождающегося конституционно-монархического движения и оказывал влияние на его лидера - Е.А. Ефимовского. А.А. фон Лампе отмечал в «Дневнике»: «Виделся я с Ефимовским. Он полон деятельности и открыл мне новые горизонты.

Из украинских, белорусских и великорусских комитетов с прибавлением к нему Военно-Народной группы Бискупского составили центр, во главе которого "Верховный Тайный Совет", о котором никому знать не положено (однако мне рассказано без моей просьбы)» [7, Оп.1 Д.5 Л.8]. В августе 1922 г. он писал: «Ефимовский прямо тает от Бискупского» [7, Оп.1 Д.8 Л.21].

В апреле 1920 г. из Швейцарии на постоянное место жительства в Кобург (Бавария) переехал великий князь Кирилл Владимирович с супругой, великой княгиней Викторией Федоровной, и тремя детьми. Уже летом 1920 г. В.В. Бискупский заручился безоговорочной поддержкой Виктории Федоровны, до конца 1930-х гг. твердо удерживал позицию главного «представителя по политическим делам» [5, с. 120]. Главным же для В.В. Бискупского была явно германофильская ориентация Виктории Федоровны. Начальник Канцелярии ЕИВ Г.К. Граф отметил сильное впечатление, произведенное на Викторию Федоровну В.В. Бискупским: «…Бискупский произвел на нее хорошее впечатление ясностью мысли и напористостью. Идея Бискупского базироваться в своей работе на немецкие круги ей понравилась. Тем более, что у нее в Германии были большие связи» [5, с. 49]. В «Обзоре деятельности военных организаций в Германии» за 1923 г. А.А. фон Лампе отметил существенный рост политических амбиций своего противника: «В том, что генерал Бискупский сразу примкнул к великому Князю, нельзя не видеть постоянного стремления так или иначе сыграть роль» [7, Оп.1 Д.11 Л.141].

На период 1920-1923 гг. приходится пик политической активности В.В. Бискупского. В это время многие представители военной и правой политической эмиграции стремились найти точки соприкосновения с оппозиционными демократической Веймарской республике военно-консервативными кругами бывшей кайзеровской Германии. Идея восстановления германской монархии связывалась частью русской эмиграции с возможностью последующей реставрации монархии в России при помощи монархической Германии.

Участие В.В. Бискупского в Капповском путче 10-17 марта 1920 г. было вскрыто в расследовании газеты «Дни» в 1926 г. В серии статей под общим названием «Черный Интернационал» были выявлены факты сотрудничества венгерских, немецких и русских монархистов в 1920 г. В номере от 4 апреля 1926 г. был представлен перевод интервью главы венгерских монархистов графа Требича газете «Мадьяр-Оршат». О роли В.В. Бискупского в подготовке Капповского путча граф Требич заявил следующее: «Генералу Бискупскому была отведена при подготовке капповского путча особая роль: он должен был заняться организацией отрядов из русских военнопленных, которых предполагалось привлечь к участию в перевороте. Так как, однако, для этого нужны были деньги, то было решено начать печатать русские банкноты. Русские монархисты со своей стороны обязались признать эти банкноты, когда они придут к власти» [7, Оп.1 Д.25 Л.485 об].

Впоследствии именно В.В. Бискупский больше всех преуспел в поисках германских союзников. Уже летом 1920 г. он с графом Требичем через капповца полковника Б. Бауэра вышел на контакт с главой немецких милитаристов генералом Э. Людендорфом. В июле 1920 г. в Будапеште был подписан трехсторонний договор об объединении усилий в деле восстановления монархий в этих странах. При этом В.В. Бискупский проявил недюжинную изворотливость в добывании денежных средств (в основном у регента Венгрии адмирала М. Хорти). Генерал-майор А.А. фон Лампе в секретном отчете о деятельности монархистов в Венгрии с удивлением отмечал: «Перед венграми, монархистами по существу, в довольно короткий период промелькнули небезызвестные для русской эмиграции имена генералов Комиссарова и Бискупского/…/

Оба генерала взяли известные куши, второй в большем размере, чем первый, и скрылись с Будапештского горизонта» [7, Оп.1 Д.6 Л.383].

Более точно деятельность В.В. Бискупского в 1920 г. была освещена в расследовании эмигрантской эсеровской газеты «Воля России» в декабре того же 1920 г. В номере от 5 декаб-

ря содержался текст уже упоминавшегося трехстороннего соглашения (при этом текст соглашения обозначен как «Меморандум Бискупского). В номере от 7 декабря приведена смета расходов, представленная В.В. Бискупским венгерскому правительству на развитие деятельности «Военного Центра» (сумма указана в 300 тыс. марок в месяц), при этом указывалось, что общая сумма расходов, затребованная В.В. Бискупским, составляла 10 млн. марок, из которых на «поиск царской семьи» уже получен 1 млн. марок [8]. В этом же номере содержалась информация о секретном плане Э. Людендорфа и В.В. Бискупского по формированию венгро-румыно-болгарской армии для восстановления монархий в Восточной Европе [9]. В приложении от 24 декабря к предшествовавшим разоблачительным статьям публиковался текст поручения на имя Т. Лакатоса от 15 августа 1920 г. на ведение переговоров о возможности совместных действий с главным редактором миланской газеты «Popolo d' Italia» Бенито Муссолини и образец фальшивой сторублевой купюры, в выпуске которой обвинялся В.В. Бискупский [10].

Представитель П.Н. Врангеля в Германии А.А. фон Лампе в конце декабря 1920 - начале января 1921 г. провел расследование деятельности В.В. Бискупского. Он обратился за сведениями даже к своему противнику - председателю Высшего Монархического Совета Н.Е. Маркову, который подтвердил достоверность информации «Воли России»: «На мой вопрос о Бискупском сказал, что тот фигура обозначенная, но попал в крупное дело и "Воля России" права, когда бьет тревогу по его документам» [7, Оп.1 Д.5 Л.12]. Из разговора с «конституционалистом» Е.А. Ефимовским: «По его рассказам, деятельность Бискупского - не миф, и разоблачения "Воли России" натолкнулись на действительно серьезную монархическую организацию» [7, Оп.1 Д.5 Л.8]. Положение, связанное с деятельностью В.В. Бискупского в Германии, показалось П.Н. Врангелю настолько серьезным, что он отдал негласный приказ А.А. фон Лампе из Сремских Карловцев всеми средствами его «шельмовать» [7, Оп.1 Д.5 Л.8].

В разгар скандала, связанного с публикациями в «Воле России», В.В. Бискупский вступил в контакт с остзейскими немцами из Риги, бывшими членами студенческого братства «Рубония» (М.-Э. фон Шейбнер-Рихтер, А. Розенберг, А. Шикеданц, М. фон Курсель). Результатом стало образования общества «Ауфбау» («Возрождение). Директор с немецкой стороны М.-Э. фон Шейбнер-Рихтер привлек финансы барона Крамер-Клетта, директор с русской стороны В.В. Бискупский - барона Б.Г. Кеппена (В.В. Бискупский был двоюродным братом жены Б.Г. Кеппена) и барона М.А. Таубе. В 1920 г. члены «Рубонии» вступили в Национал-социалистическую рабочую партию Германии (НСДАП) А. Гитлера. Союз действовал под негласным патронажем генерала Э. Людендорфа.

Однако альянс оказался непродолжительным, он скоро лишился как финансовой, так и политической поддержки. А.А. фон Лампе в письме генерал-лейтенанту Е.К. Миллеру в августе 1922 г. отметил кризисные явления в «Ауфбау»: «Кеппен, Таубе и Крамер уже давно отошли и в настоящее время действующими лицами являются Бискупский, Немирович-Данченко и Шейбнер-Рихтер» [7, Оп.1 Д.11 Л.190].

Тем не менее, в 1921 г. общество «Ауфбау» выступило финансистом Съезда Хозяйственного Восстановления России в Бад-Рейхенгалле (Бавария), проходившего с 29 мая по 6 июня 1921 г. Съезд призван был, по мнению руководства «Ауфбау», стать партийной базой легитимных притязаний Кирилла Владимировича и продемонстрировать поддержку консервативно-монархических сил Германии в борьбе с Веймарской республикой. В.В. Бискупский присутствовал на съезде как представитель уже сложившейся мюнхенской монархической организации [7, Оп.1 Д.5 Л.327]. Съезд не оправдал надежд «Ауфбау»: созданный на съезде ВМС выступил противником династических притязаний Кирилла Владимировича, в докладе по международному положению барона М.А. Таубе содержались выпады в адрес бывшего кайзеровского правительства из-за финансирования большевиков [7, Оп.1 Д.5 Л.334]. После Рейхенгалльского съезда В.В. Бискупский вступил в Мюнхенское монархическое объединение, но, убедившись, что в нем преобладают сторонники ВМС, в 1922 г. вышел из него. В частной беседе с А.А. фон Лампе он предложил военному руководству беспроигрышные приемы для контроля над его лидерами: «Бискупский считает возможным для Врангеля держать Высший Совет в руках деньгами» [7, Оп.1 Д.8 Л.120].

В период 1920-1923 гг. легитимистская работа В.В. Бискупского фактически слилась с работой в «Ауфбау». Существенное место занимал в тот период «украинский вопрос». М.-Э. фон Шейбнер-Рихтер рассматривал возможность создания на территории Украины марионеточного прогерманского правительства по образцу 1918 г. с целью восполнения экономических потерь Германии по Версальскому договору. До 1922 г. он делал ставку на «гетмана» Василя Вышиванного (Вильгельм Габсбургский, третий сын австрийского эрцгерцога Карла-Штефена, в Первую мировую войну - командир украинского легиона, в 1918 г. - полковник украинских «сечевых стрельцов», претендовал на пост гетмана Украины), а после его высылки из Германии в Испанию - на легитимистов В.В. Бискупского. А.А. фон Лампе отметил в «Дневнике»: «Он, по-

видимому, увлекается Василем Вышиванным в украинском вопросе, и Бискупским - в монархическом» [7, Оп.1 Д.7 Л.16]. В «Памятной записке о положении военных союзов в Германии» в апреле 1923 г. А.А. фон Лампе писал: «Есть непроверенные сведения о близости генерала Бискупского к генералу Людендорфу, тоже проживающему в Мюнхене, а также с национал-социалистическими группами (гитлеровцами).

Личность генерала Людендорфа и национальное германское направление гитлеровцев дает основание думать, что во всех своих германских связях генерал Бискупский будет менее русским, чем его собеседники - немцами. И в этом отношении возможны компромиссы в смысле привлечения русских военнослужащих к роли, которая им запрещена указаниями Главнокомандующего, то есть выступлению на стороне немцев» [7, Оп.1 Д.11 Л.142].

Работа В.В. Бискупского поставила под серьезный удар деятельность военных организаций в Германии, подчиненных П.Н. Врангелю. Попытки самого А.А. фон Лампе войти в контакт с милитаристическими кругами Германии блокировались В.В. Бискупским. В апреле 1923 г. в «Дневнике» он отмечал: «Мое свидание с Людендорфом не состоялось, думаю, что не без давления со стороны Бискупского и Ко» [7, Оп.1 Д.11 Л.24]. В связи с этим А.А. фон Лампе даже вынужден был частично солидаризироваться с режимом Веймарской республики: «Правый переворот не принесет нам пользы в Германии! Не принес бы вреда! Нам удобна та неразбериха, которая тут творится!» [7, Оп.1 Д.13 Л.24].

Осенью 1923 г., в разгар подготовки национал-социалистического путча в Мюнхене, В.В. Бискупский наращивал усилия по объединению финансовых средств НСДАП и великокняжеской семьи. В сентябре 1923 г. он инициировал встречу великой княгини Виктории Федоровны с генералом Людендорфом, Гитлером и Шейбнер-Рихтером, в ходе которой было принято решение о создании Фонда взаимного финансирования борьбы за восстановление монархий в Германии и России, при этом Виктория Федоровна внесла в фонд 500 тыс. рейхсмарок. В.В. Бискупский был назначен контролером фонда с русской стороны [5, с. 82].

«Пивной путч» 9 ноября 1923 г. стал днем крушения надежд В.В. Бискупского. Поражение национал-социалистов ударило по всем планам, которые он вынашивал в течение последних трех лет. Погиб М.-Э. фон Шейбнер-Рихтер, пропали деньги великокняжеской семьи, сам он оказался перед угрозой полицейского преследования. В.В. Бискупский всеми силами должен был открещиваться от участия в «путче». Вопреки расхожим эмигрантским сплетням, Гитлер после поражения путча не укрывался на даче В.В. Бискупского. В англо-американской историографии эмигрантские сплетни подаются как исторические факты. Так, в эссе американского исследователя У. Лакера дается ссылка на материалы, собранные по истории эмиграции меньшевиком Б.И. Николаевским. При этом сам Б.И. Николаевский опирался в данном случае на устные показания врангелевского вице-губернатора Херсона полковника А.З. Силаева, проживавшего в период «путча» в Мюнхене [4, с. 444-445]. Однако в ноябрьской 1923 г. «Сводке сведений по Германии» А.А. фон Лампе об аресте Гитлера сообщено кратко: «Хитлер был арестован без сопротивления на вилле около Штаффельзее…» [7, Оп.1 Д.13 Л.274]. Никаких указаний на дачу В.В. Бискупского нет.

Тем не менее поражение национал-социалистов создало благоприятную почву для дискредитации В.В. Бискупского. Эту задачу выполнили монархические организации, подчиненные ВМС. Легитимно-Монархический Союз встал на защиту В.В. Бискупского, в январе 1924 г. специальным «Циркуляром» руководство движения опровергло предъявляемые генералу обвинения: «Временный Комитет Русского Легитимно-Монархического Союза считает своим долгом оповестить о следующей провокации, жертвой которой за последние дни едва не сделался один из активнейших деятелей легитимно-монархического движения генерал-лейтенант Василий Викторович Бискупский.

Воспользовавшись известными событиями 9 ноября 1923 г., противники нашего движения с разных сторон направили в Баварские административные учреждения доносы на ген[ерала] Б[искупского], следствием чего 28 ноября 1923 г. В. Бискупский получил предписание в 48 час[ов] срок покинуть пределы Баварии.

Генерал обжаловал это распоряжение в высшие Баварские инстанции и просил назначить специальное расследование. В итоге оказалось, что доносы, поступившие в большом количестве, шли из трех источников:

1. от кругов, близких к советской миссии в Берлине.
2. от польских политических организаций и
3. в наибольшем количестве от кругов, солидаризирующихся с Высшим Монархическим Советом.

Генерал Бискупский обвинялся в следующих взаимно исключающих друг друга преступлениях: по заявлению одних Б[искупский] являлся агентом французского генерального штаба и

сотрудником ультра-масонов, по словам других - агентом польского штаба, по утверждениям третьих - агентом большевиков и германского генерального штаба.

Вполне понятно, насколько оказалось легким все эти вздорные обвинения опровергнуть (в настоящее время высылка отменена)…» [6, Оп.1 Д.11 Л.109].

Неожиданную активность в выявлении «советского следа» в работе В.В. Бискупского проявили монархисты Ниццы: «На одном монархическом собрании приверженцев ВМС в Ницце один из членов названного Совета, всячески выставляя в неприглядном свете деятельность Б-ского и называя ее провокационной, утверждал, что на убитом 9 ноября 1923 г. в Мюнхене М.Ф. Шейбнер-Рихтере, являющемся со времени Рейхенгалльского съезда идейным единомышленником ген[ерала] Б-ского, были найдены документы, уличавшие в причастности к большевикам, и что по этому поводу у местных властей имеется обильный материал, по расследованию коего обнаружилось, что убитый действовал в интересах советского правительства» [6, Оп.1 Д.11 Л.109 об].

Успешно избежав судебного преследования и заключения, В.В. Бискупский был вынужден целиком сосредоточиться на легитимной работе. Период с 1924 по 1936 г. можно считать чисто «монархическим» в его деятельности. Горизонты работы были сужены и находились в сфере монархической русской эмиграции и германских монархистов.

В.В. Бискупский получил от Виктории Федоровны письменные рекомендации на начало переговоров с руководителями германского монархического движения. Хотя во время личной встречи в Дорне (Голландия) с отрекшимся от престола императором Вильгельмом II и кронпринцем Вильгельмом было достигнуто соглашение о совместной работе, пункты о материальной помощи легитимистскому движению саботировались лидером партии в Германии графом Гугенбергом, и только в 1931 из партийных сумм была выделена денежная субсидия на издание легитимистских газет [5, с. 83-84]. С другой стороны, А.А. фон Лампе в разговоре с генералом в М. Гофманом июне 1926 г. отметил существенное охлаждение в немецких военных кругах к В.В. Бискупскому: «С Кобургом и Бискупским он, по-видимому, не в ладах, о последнем говорит, что тот слишком тянется к деньгам» [7, Оп.1 Д.25 Л.66].

Потерпев поражение на фронте внутригерманской политической борьбы, В.В. Бискупский решил переключиться на «подрывную работу» против СССР. Он вступил в контакт с «сотрудниками» советского «Лесного треста», агентами ИНО-ОГПУ - полковником В.Г. Орловым и Де Роберти. Они сумели убедить В.В. Бискупского в наличии в СССР крупной монархической организации, ставившей своей целью монархический переворот и возведение на престол Кирилла Владимировича [5, с. 90-91]. В.В. Бискупский воспринял «монархическую организацию» всерьез. В 1926 г. он организовал свидание Кирилла Владимировича и Виктории Федоровны с В.Г. Орловым, однако никаких последствий для легитимистского движения это свидание не имело. Г.К. Граф отмечал в мемуарах особенности «подпольной работы» В.В. Бискупского: «…Бискупский продолжал верить Орлову. Тот дал ему книгу по лесоводству, и по ней мы шифровали письма ему для сообщения информаций. Это мы и делали, но то, что мы ему сообщали, никакой цены не имело» [5, с. 91]. В отличие от Организации национальных террористов А.П. Кутепова, легитимисты ограничивались контрабандной заброской на территорию СССР «императорских манифестов». Г.К. Граф отметил, что В.В. Бискупский был фактически отстранен от реальной работы в СССР. Говоря о контрабандистах, он отметил: «Имена лиц, которыми мы пользовались, конечно, мы никогда не сообщали Орлову, да и Бискупский их не знал, потому что ему незачем было это знать» [5, с. 142].

Разоблачения «Треста» Э.О. Опперпутом в рижской газете «Сегодня» (в сентябре 1927 г.) не поколебали уверенности В.В. Бискупского в наличии серьезной легитимистской организации в СССР. Он продолжил встречи с В.Г. Орловым, и только похищение в Париже А. П. Кутепова агентами ИНО-ОГПУ в январе 1930 г. окончательно убедило его в том, что «Лесной трест» - советская провокация.

Внутри же легитимистского движения противником В.В. Бискупского в 1927 г. выступил Союз Русских Государевых Людей (СРГЛ) имени великой княжны Киры Кирилловны под руководством полковника Г.И. Дементьева. Традиционным обвинением монархических организаций были обвинения в наличии «средостения» вокруг царя, ограждающего его от общения с народом. Не избежал обвинений в принадлежности к «средостению» и В.В. Бискупский. В письме заместителю полковника Г.И. Дементьева полковнику А.В. Цыгальскому он даже вынужден был, оправдываясь, обозначать распределение функций при «Дворе»: «…согласно желанию Е.В., отрасли распределены между Его сотрудниками так: работа внутри страны, внешняя политика, отношения с иностранцами и добыча средств на вышеупомянутую деятельность лежит на мне. Организация законопослушных сил, отношения с ними, подготовка актов и приказов Е.В., регистрация корреспонденции и сношений Е.В. лежит на канцелярии, т.е. на Г[арольд]К[арлович]Г[раф]. На эту отрасль работы Е.В. тратит собственные средства. Пропа-

ганда в прессе, ведение "Оповещений", доклады по делам Государева Совещания лежит на редакторе "Оповещений" [Г.В. Немирович-Данченко]. И, наконец, лично при Е.В. состоит В[ладимир]П[етрович]М[ятлев]» [6, Оп.1 Д.3 Л.93].

В.В. Бискупский, в свою очередь, обвинил руководство СРГЛ в интригах, которые погубили Российскую Империю, а теперь могли погубить и дело восстановление монархии: «Я прошу Вас во всех случаях всем напоминать, что многочисленные и сильнейшие враги наши знают наши слабые стороны и всегда успешно использовали слабости русских националистов, искусно внося раздор в ряды их на почве личных самолюбий, честолюбий, склонности к интригам и неспособности к организованной дисциплинированной групповой работе. Эти основные недостатки наших соотечественников уже привели к гибели России. На них главным образом зиждется спокойное существование большевиков до сих пор и господство их против воли 99% населения.

На том же основании - дробление эмиграции и тот факт, что она, несмотря на свою колоссальную численность, является величиной в счет не идущей почти» [6, Оп.1 Д.3 Л.77-77 об].

В переписке с СРГЛ В.В. Бискупский попытался умерить амбиции руководства организации, ссылаясь на основной тезис легитимистского движения о слабости эмигрантских сил, по сравнению с внутренними силами, в деле восстановления монархии в России: «…общая обстановка так складывается, что роль эмиграции в деле восстановления Родины будет весьма незначительная и, во всяком случае, не выйдет из рамок значения как резерв культурных сил, из коего, по мере надобности, Россия будет черпать нужных ей работников. Как сила организованная, могущая претендовать на управление страны, она не существует и должна быть сброшена со счетов в этом смысле. Внутри страны не по дням, а по часам растут, крепнут и все более сорганизуются национальные силы, кои придут на смену интернационалу. В их понятии русский национализм не отделим от монархического легитимизма, и это является причиной моей уверенности конечного успеха нашего дела, наперекор всем замыслам иностранцев и вопреки всем глупостям эмиграции. Этим прошу объяснить себе мое непонимание для многих наших единомышленников и друзей равнодушие ко всем интригам, настроениям и раздорам среди эмигрантской части законопослушного движения: не умели сорганизоваться, не нашли в себе жертвенности, чтобы свои интересы подчинить общему благу, не можем быть сплочены - тем хуже для нас: не будем играть роли в будущей императорской России или, во всяком случае, в первых ее рядах. Что посеешь, то и пожнешь. Однако от этого дело спасения России не пострадает и, в худшем случае, лишь немного отсрочится, и это в историческом масштабе играет незначительную роль» [6, Оп.1 Д.3 Л.90-90 об].

В.В. Бискупский предпринял бесплодные попытки перенаправить активность СРГЛ в традиционное для многих монархистов русло поиска «масонского следа». В октябре 1927 г. он писал полковнику А.В. Цыгальскому: «…я должен по этому поводу Вам сообщить, что на последнем мировом масонском съезде в Белграде в прошлом году было принято решение насчет русской монархической эмиграции /…/ развал нашей монархической эмиграции не случаен» [6, Оп.1 Д.3 Л.93 об].

Так и не достигнув компромисса с СРГЛ, В.В. Бискупский стал одним из инициаторов роспуска организации в январе 1928 г.

Деятельность В.В. Бискупского в замкнутой атмосфере русской монархической эмиграции привела к измельчанию масштаба работы. В этом смысле изобретение легитимистами подложных «писем Миллера» (как правило, это были якобы «директивы» генерал-лейтенанта Е.К. Миллера с требованием предоставления шпионской информации в пользу французского Генерального штаба) стало определенным новшеством.

В 1925 г. В.В. Бискупский попытался ликвидировать военную миссию П.Н. Врангеля в Германии под руководством А.А. фон Лампе. В апреле 1925 г. по материалам подброшенных «писем Миллера» берлинская полиция провела обыск в Управлении Красного Креста и Бюро русских беженцев доктора С.Д. Боткина, обвинения в шпионаже одновременно в пользу Франции, Польши и даже Советской России были выдвинуты против А.А. фон Лампе. Провокация в Берлине привела к серии громких заявлений депутата Прусского ландтага Э. Кенкеля (фракция Национальной партии графа Куно Вестарпа), многочисленные статьи и судебные иски почти на год парализовали работу ведомства А.А. фон Лампе.

Расследование, проведенное А.А. фон Лампе, выявило, что, наряду с официальным Берлинским представительством Кирилла Владимировича под руководством сенатора А.В. Бельгарда, активно действовали сомнительные с моральной точки зрения личности - капитаны И.К. Истомин и С.А. Черкасов. Донос задевал А.В. Бельгарда, с которым у В.В. Бискупского был затяжной конфликт на почве разделения полномочий по руководству легитимистскими организациями в Германии. Дальнейшее совместное расследование А.А. фон Лампе и А.В. Бельгарда

привело в октябре 1925 г. к В.В. Бискупскому как основному организатору провокации и травли противников [7, Оп.1 Д.22 Л.13].

Отзвуки давнего конфликта прозвучали в письме В.В. Бискупского 1927 г. председателю СРГЛ полковнику Г.И. Дементьеву: «Прошу не быть в претензии, что я подписываю свои письма так, как это сделано выше. Эта система мною проводится во всей моей переписке с тех пор, как подписи мои были перехвачены и сфотографированы. В результате чего было несколько серьезных подлогов» [6, Оп.1 Д.3 Л.77 об].

Однако никакие конфликты как внутри легитимистского движения, так и с другими эмигрантскими организациями не поколебали положения В.В. Бискупского при «Дворе» Кирилла Владимировича. К концу 1920-х годов он был произведен в генералы от кавалерии по Корпусу Императорской Армии и Флота, имел репутацию «верховного визиря» и фактически руководил легитимистскими организациями в Германии.

При этом Г.К. Граф отмечал в мемуарах: «Бискупский продолжал поддерживать связь с национал-социалистами, в будущее которых крепко верил» [5, с. 84]. В 1929 г. В.В. Бискупский направил в новую резиденцию Кирилла Владимировича - французский Сен-Бриак - корреспондента пронацистской газеты «Нейосте Мюнхенер Нахриттен» барона фон Энгельгарда. Говоря о перспективах НСДАП, Кирилл Владимирович заявил, что «…он внимательно наблюдает за развитием этого движения и ему кажется, что оно будет иметь большой успех» [5, с. 205].

В 1931 г. В.В. Бискупский стал инициатором пересмотра базовой установки легитимистов, согласно которой ставка делалась в основном на внутреннее восстание в СССР. В беседе с Г.К. Графом он заявил, что в свете скорого прихода нацистов к власти в Германии, невозможности восстания в СССР из-за сталинского террора и апатии населения необходимо переориентироваться на поддержку интервенции и, прежде всего, национал-социалистической Германии против СССР [5, с. 266].

Приход НСДАП к власти в январе 1933 г., естественно, приветствовался В.В. Бискупским. Однако весной 1936 г. он был неожиданно арестован по доносу и обвинению в организации покушения на жизнь фюрера. Оказавшись в отчаянном положении, после двухмесячного заключения в криминальной тюрьме Мюнхена В.В. Бискупский обратился за содействием к Кириллу Владимировичу в Сен-Бриак. Кирилл Владимирович написал личное письмо Гитлеру, прося ускорить следствие по делу генерала и дав ему самую лестную характеристику. Великий князь получил ответ из Канцелярии фюрера о начале следствия, и вскоре В.В. Бискупский был выпущен из тюрьмы с последующим назначением на должность начальника УДРЭ в Германии. Сам генерал считал свое освобождение и назначение следствием письма Кирилла Владимировича Гитлеру [5, с. 304-305].

Серьезным ударом для В.В. Бискупского стала смерть в августе 1936 г. Виктории Федоровны. Несмотря на формальную «непартийность», он прибыл на похороны в Кобург. В мемуарах Г.К. Граф отметил: «…он продолжал считать себя верноподданным Государя» [5, с. 305]. В беседе с Кириллом Владимировичем он заявил: «…Германия III рейха видит своей целью уничтожение коммунизма. И тогда возникнет вопрос о восстановлении монархии во главе с законным главой династии. Так что, в принципе, отношение нацистского к русскому легитимному движению благожелательное, но не может ничем проявляться, чтобы не портить отношения с Советами» [5, с. 304].

Однако уже весной 1938 г. В.В. Бискупский прибыл на свадьбу великой княжны Киры Кирилловны и Луи-Фердинанда Прусского в Аморбах далеко не в радужном настроении Его оценка перспектив монархического движения резко изменилась. О перспективе монархического строя в Германии думать не приходилось, о чем он прямо заявил Г.К. Графу: «Бискупский считал, что в данный момент вопрос восстановления монархии в Германии не может считаться актуальным. "Наци" создают свой рейх, а не монархический» [5, с. 319].

Не менее серьезной потерей для В.В. Бискупского стала смерть Кирилла Владимировича в октябре 1938 г. Он вновь прибыл на похороны в Кобург. Перспектива восстановления монархии в России виделась ему еще более туманной: «Бискупский откровенно сказал, что если он прежде был глубоко убежден, что национал-социалистическая Германия явится идейным врагом коммунизма, то теперь наблюдается рост шовинизма в Германии. Он должен признать, что если Германия вступит в борьбу с Советской Россией, что очень вероятно, и окажется победительницей, то она, прежде всего, использует свою победу в немецких национальных интересах. При этом Бискупский прибавил, что так или иначе современная Германия будет стремиться свергнуть Советское правительство, а никакая другая страна во всем мире в это не захочет впутываться и по своему военному положению не в состоянии этого сделать. Поэтому нам все же выгодно иметь поддержку Германии, но мы не можем изменить ее замыслов**.** Кто знает, если Россия станет опять Россией, то есть восстановится монархия, то национальная власть сможет восстановить ее мощь и границы» [5, с. 346].

Перспективы самого В.В. Бискупского остаться в легитимистском движении были определенно отрицательные. Он никогда не был близок к наследнику престола великому князю Владимиру Кирилловичу. Несамостоятельность наследника вынудила В.В. Бискупского на весьма нелицеприятный разговор с великим князем Дмитрием Павловичем, который оказался на положении фактического «регента» при Владимире Кирилловиче после смерти отца. Встреча продолжалась более двух часов, ее полное содержание стало известно Г.К. Графу только в 1947 г. из беседы с профессором К.К. де Грюнвальдом, который показал ему стенограмму переговоров. В разговоре с великим князем В.В. Бискупский предпринял последнюю отчаянную попытку сближения с Германией, предложив династический союз Гогенцоллернов и Романовых путем заключения брака Владимира Кирилловича с дочерью кронпринца Вильгельма Цецилией (внучкой императора Вильгельма II). Генерал предлагал перевести Владимира Кирилловича на обучение в юнкерское училище в Потсдам. По его мнению, совместными усилиями Романовых и Гогенцоллернов можно было добиться для великого князя поста гетмана Украины в случае войны Германии с СССР [5, с. 345].

В.В. Бискупский не нашел понимания у старших на тот момент Романовых (великие князья Дмитрий Павлович, Борис Владимирович и Андрей Владимирович), которые неожиданно встали на позицию «советской монархии» и некоммунистического «национал-патриотизма», приняв идеологическую платформу лидера «Союза младороссов» А.Л. Казем-Бека. Генерала В.В. Бискупского буквально вытолкали из руководства легитимистского движения.

Последняя встреча Г.К. Графа с В.В. Бискупским состоялась в Берлине в июле 1939 г., перед началом Второй мировой войны. В разговоре со старым коллегой по движению генерал был вежлив, однако ничто не говорило о его тогдашней привязанности к движению: «…Бискупский в своих разговорах был более сдержан, чем когда-либо. Он всегда оправдывался, что при назначении его обязали быть непартийным в русском отношении, поэтому он не считает себя вправе слишком интересоваться легитимным движением, но все его симпатии продолжают быть на стороне этого движения» [5, с. 347].

Начало войны Германии против СССР в 1941 г. В.В. Бискупский безусловно, приветствовал, однако, зная нацистское руководство изнутри, не заблуждался по поводу последовательности применения нацистской расовой доктрины. Тем не менее, с 1942 г. ведомство В.В. Бискупского вело работу по вербовке русских эмигрантов во вспомогательные части вермахта. Поражения вермахта 1943-1944 гг. не оставили у него иллюзий о перспективах войны Германии против СССР. О последних годах жизни В.В. Бискупского Г.К. Граф лаконично сообщил: «Под воздействием пережитых волнений и напряжений первых лет войны в 1944 г. Бискупского разбил паралич, а в 1945 г. он умер в Мюнхене» [5, с. 393]. Смерть спасла его от выдачи союзниками и судебного преследования со стороны советских властей. В заключение следует отметить, что его жизнь и смерть в эмиграции во многом символичны для деятелей ее «первой волны»: он начал свою деятельность с поддержки нарождающегося нацизма и умер одновременно с гибелью III Рейха.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Цурганов Ю.С. Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне. - М., 2001.
2. Млечин Л.М. Адольф Гитлер и его русские друзья. - М., 2006.
3. Шульгин В.В. Последний очевидец: Мемуары. Очерки. Сны. - М., 2002.
4. Лакер Уолтер. Россия и Германия. Наставники Гитлера. - Вашингтон, 1991.
5. Граф Г.К. На службе Императорскому Дому России. 1917-1941: Воспоминания. - СПб, 2004.
6. Государственный Архив Российской Федерации (далее - ГА РФ) Ф.5763.
7. ГА РФ. Ф.5853.
8. Европейский монархический заговор // Воля России. Прага. - 1920. - 7 дек.
9. Монархисты за работой // Воля России. Прага. - 1920. - 7 дек.
10. Европейский монархический заговор. Документы // Воля России. Прага. - 1920. - 24 дек.

REFERENCES

1. Tsurganov Ju.S. Neudavshiysja revansh. Belaya emigratsija vo Vtoroy mirovoy voyne [Failed revenge. White emigration in the Second World War]. M., 2001.
2. Mlechin L.M. Adolf Hitler i jego russkije druzja [Adolf Hitler and his Russian friends]. M., 2006.
3. Shulgin V.V. Posledniy ochevidetz: Memuari. Ocherky. Sni. [The last eyewitness. Reminiscences. Essays. Sleeps]. M., 2002.
4. Laquer Walter. Rossia i Germania. Nastavniki Hitlera. [Russia and Germany. Hitler's teachers]. Washington, 1991.
5. Graf G.K. Na sluzhbe Imperatorskomu Domu Rossii. 1917-1941: Vospominanija. [On duty of Emperor House of Russia. 1917-1941: Reminiscences]. SPb, 2004.
6. Gosudarstvenniy Archiv Rossiyskoy Federatzii (GA RF). [The State Archive of Russian Federation]. F.5763 [Fund 5763]

7. Gosudarstvenniy Archiv Rossiyskoy Federatzii (GA RF) [The State Archive of Russian Federation]. F.5853 [Fund 5853]
8. Volya Rossii. Praha. 7 dekabrya 1920 g. «Evropejskiy monarkhicheskiy zagovor». [Freedom of Russia. Prague. 7 December 1920. «European monarchist conspiracy»].
9. Volya Rossii. Praha. 7 dekabrya 1920 g. «Monarkhisti za rabotoi». [Freedom of Russia. Prague. 7 December 1920. «Monarchists in the work»].
10. Volya Rossii. Praha. 24 dekabrya 1920 g. «Evropejskiy monarkhicheskiy zagovor. Documenti». [Freedom of Russia. Prague. 24 December 1920. «European monarchist conspiracy. Documents»].

Информация об авторе

Серегин Александр Владимирович, кандидат исторических наук, Институт дополнительного образования, Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва, Россия
aleksseregin@yandex.ru

Получена: 22.12.2016

Для цитирования статьи: Генерал В.В. Бискупский в движении монархистов-легитимистов. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 1. Часть 1. с. 79-88.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-79-88.

Information about the author

Aleksandr V. Seregin, Candidate of Historical Sciences, Institute of additional education, Russian State University for Humanities,
Moscow, Russia
aleksseregin@yandex.ru

Received: 22.12.2016

For article citation: Seregin A.V., General V.V. Biskupsky in monarchist-legitimist movement. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no. 1. Part. 1. Pp. 79-88.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-79-88. (in Russian)

УДК 94(47) DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-89-95

ЮРЧЕНКО Валерия Сергеевна
Тюменский государственный университет
г. Тюмень, Россия
ducho-vel@list.ru

Valeriia S. IURCHENKO
Tyumen State University
Tyumen, Russia
ducho-vel@list.ru

РУКОВОДЯЩИЙ СОСТАВ В СИСТЕМЕ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ СЕВАСТОПОЛЯ В 1921-1925 гг.

EXECUTIVE PERSONNEL IN A LOCAL SOVIET AUTHORITY SYSTEM IN SEVASTOPOL IN 1921-1925

В первой половине 1920-х гг. по всей стране проводилась политика «выдвиженчества» представителей рабоче-крестьянского класса на руководящие должности в советском государственном аппарате. Ее целью являлось продвижение в Советы людей, преданных новой власти и новым идеям. В данной статье на примере Севастополя показано, что этот подход привел к резкому увеличению количества малообразованных кадров среди депутатского корпуса. Так, в севастопольском горсовете до 60% депутатов имели только начальное образование. Это сказалось на деятельности отделов исполкома, где некомпетентные руководители были неспособны наладить работу. Дореволюционные квалифицированные кадры в основном занимали должности руководителей в технической сфере. Строгий отбор руководящего состава по партийной принадлежности и социальному происхождению стал одной из причин дефицита кадров в 1921-1925 гг. В результате наблюдалась частая смена руководства, что негативно сказывалось на деятельности Совета. В Севастополе в рассматриваемый период руководящий состав нередко формировался из пришлых элементов, что также отрицательно повлияло на процесс восстановления городского хозяйства. Но именно в первой половине 1920-х годов в городе началось формирование местной советской элиты.

Ключевые слова: Севастополь, Крымская АССР, новая экономическая политика, 1920-е годы, горсовет, исполком, президиум, руководящий состав, депутаты, выдвиженчество.

During the first half of 1920s politics of promotion of workers and peasants to managing roles in Soviet state apparatus took place in a whole country. The aim of this politics was to promote persons who were loyal to new Soviet authority and new ideas. This article on the example of Sevastopol reveals that this approach leaded to dramatic increase of uneducated deputies in the city Council. In Sevastopol Council there were approximately 60% of deputies who had only elementary education. It had an impact on the activity of the departments of the executive committee where incompetent managers could not provide necessary workflow. Prerevolutionary specialists were permitted to be managers only in the technical departments such as utilities. Belonging to Communist Party and proletarian origin had a crucial influence at selection of executive personnel. It became a reason of shortage of executive personnel in 1921-1925. As a result there was a frequent change of members of the Council, its executive committee and presidium. That situation reflected negatively on the city Council's activity. In Sevastopol the managing staff of the Council was often formed from the alien elements. It also influenced negatively on the process of recovery of city economy. However, 1920s was a period of forming of new Soviet elite in Sevastopol.

Keywords: Sevastopol, Crimean Autonomous Soviet Socialistic Republic, new economic policy, 1920-s, city council, executive committee, presidium, executive personnel, deputies, promotion

Февральская, Октябрьская революции и Гражданская война привели к мощнейшим социальным сдвигам на территории бывшей Российской империи. Вызвав волну неконтролируемой миграции населения, они во многом подорвали существовавшую до этого городскую и деревенскую иерархию, систему межклассовых и межгрупповых взаимодействий и саму структуру органов государственной власти. Этим процессам способствовали массовые поиски в годы смуты наиболее удачной организации как общегосударственных, так и региональных органов власти. К концу этого противостояния победила большевистская модель, где стержневым элементом стал аппарат Коммунистической партии. Но в связи с продвижением во власть представителей нового (пролетарского) привилегированного класса, у которого до революции не имелось какой-либо культуры управления государством, почти полностью были утеряны сложившиеся традиции.

Разновременное присоединение регионов к Советской России повлияло на длительность и характер процесса перехода к новым реалиям. Одной из последних областей, осуществивших этот переход, стал Крымский полуостров, где в ноябре 1920 г. закончилось организованное сопротивление Белого движения большевикам, поддержанное финансовой и военной помощью извне [1]. В судьбе Крыма начала 1920-х годов отразились все те противоречивые тенденции, которые были характерны для первых лет советского государственного строительства. Здесь особую остроту приобрели проблемы организации снабжения населения, экономической разрухи и голода. Помимо этого, полуостров, с одной стороны, являлся национальной окраиной, с другой, базой русского военно-морского флота. В данном исследовании фокус внимания перемещен на Севастополь. Позже он будет восстановлен как главная база Черноморского флота (ЧФ) и станет мощным оплотом сопротивления юга страны в период Великой Отечественной войны. В 1920-е годы город в полной мере разделил участь Советского государства, которому необходимо было возрождать страну после 7 лет жизни в условиях войны. В статье рассмотрен

лишь один из аспектов строительства нового государства - строительство аппарата новых органов власти, а именно: его руководящего состава как наследия Октябрьской революции.

Тема советской политической элиты 1920-х годов достаточно полно отображена в работах современных отечественных исследователей. Этой темой занимались Е.Г. Гимпельсон, В.Н. Гузаров, С.А. Павлюченков, Г.А. Трукан и др. [2]. Но их работы посвящены кадровому составу центральных органов власти. Региональная советская элита во многом остается малоизученной. В данной статье рассматривается руководящий состав севастопольского городского Совета.

В 1921-1925 гг. система Советов не смогла эволюционировать до подлинной народной демократии, сохранился бюрократический подход в управлении, созданный в годы Гражданской войны [3]. Поэтому ключевую роль в деятельности местного Совета стали играть исполком (и его президиум), члены которого возглавляли его отделы, и заведующие других структурных подразделений горсовета (при руководящей роли РКП (б)).

В севастопольском архиве хранятся личные дела руководителей местного госаппарата начиная с 1922 г. Они состоят из личного листка (анкеты), дополнения к нему с указанием должностных инструкций, автобиографии и характеристики. Автобиография того периода подразумевала вольное эссе с ответами на поставленные вопросы. В ней указывались сведения о социальном происхождении, жизни семьи до революции, ее материальном положении, образовании (самообразовании), службе, участии в революционной деятельности, общественной жизни, об арестах или каторге. Особый интерес среди этих документов вызывает характеристика, на которой ставился гриф «секретно». Она предполагала объективное оценивание руководителя, учитывая его склад характера, уровень образования, предыдущий опыт работы, желание проявить себя на службе, умение выстраивать взаимоотношения с подчиненными и начальством. Проанализировав несколько десятков характеристик, автор приходит к выводу, что происхождение руководителя, его участие в революционной деятельности или безразличие к таковой в большинстве случаев оказывали значительное влияние на итоговую оценку сотрудника (справляется или не справляется он с поставленными задачами). Наблюдается стремление придать характеристике негативный или позитивный оттенок, в зависимости от степени участия депутата или руководителя в дореволюционных органах власти, принадлежности к РКП (б) и т.д. [4].

При ознакомлении с личными делами руководящего состава и другими архивными документами выделяются несколько основных проблем, с которыми столкнулась новая власть. Прежде всего, это касается образовательного уровня и профессионального опыта в сфере муниципального управления. Так, около 60% депутатов горсовета имели только начальное образование [5] (высшее - 3-4%, среднее - 11%) [6]. Большая часть из них являлись выходцами из рабочей среды (40-45%) [7]. Такая ситуация сложилась вследствие политики выдвиженчества. Она проводилась в советском государстве еще со времен Гражданской войны, когда на должности в государственном аппарате через учетно-распределительные отделы назначались прежде всего преданные новой власти сотрудники. Деловые качества учитывались во вторую очередь [8].

Некоторые депутаты получили профессиональный опыт до окончания Гражданской войны. Однако он был отрывочным, сопряженным с военными действиями. Так, следует выделить А.М. Кондракова, председателя исполкома в 1924-1925 гг. Он прошел путь от председателя Чрезвычайной комиссии (ЧК) до руководителя уездного исполкома и члена обкома Коммунистической партии на Урале. До революции он был рабочим и получил начальное образование [9]. Секретарь исполкома А.И. Богочаров также происходил из рабочей среды и окончил только начальное училище. Член партии с 1917 г., он служил в Красной армии, а в 1920 г. заведовал ревкомом и собесом, пока не стал членом президиума Севастопольского исполкома [10].

Особо стоит выделить руководителей, которые начали свою профессиональную деятельность в Севастополе. Например, в 1923-1924 гг. председателем горсовета был И.А. Богданов, член РКП (б), слесарь по профессии, получивший до революции начальное образование. С началом Гражданской войны он вступил в ряды Красной армии и почти сразу после демобилизации был назначен на должность председателя городского Совета [11]. Заведующим отделом управления в 1922-1923 гг. являлся К.Ф. Карнаухов, также бывший красноармеец, который оказался на своей должности после окончания военной службы. Получивший начальное образование в г. Карасубазар Симферопольского уезда (ныне г. Белогорск Белогорского района), он вступил в ряды РСДРП (б) в начале революционных событий. На гражданском посту он побывал только в 1919 г. в период существования Крымской ССР. Она продержалась всего два месяца и все это время готовилась к новым военным действиям [12].

Уроженец Саратовской губернии П.И. Веселкин заведовал финансовым отделом в 1922-1923 гг. Бывший матрос и красноармеец, он получил образование в приходской школе. На

эту должность его назначили благодаря членству в РКП (б). Ему написали достаточно хорошую характеристику. Тем не менее фразы *«слабые организаторские и административные способности»*, неготовность *«к более ответственной работе»* объясняют тот факт, что через год он был снят со своего поста и заменен более опытным работником [13].

В 1921-1923 гг. отделом здравоохранения заведовал И.И. Форштманов [14]. Он получил домашнее образование, вступил в РСДРП (б) в 1912 г. и служил комиссаром Красной армии на Северо-Западном и Юго-Западном фронтах [15]. Заведующим отделом социального обеспечения (собеса) в 1925 - начале 1926 г. был К.Л. Бакалинский, родившийся в г. Проскурове Подольской губернии. Он вступил в ряды РКП (б) по «Ленинскому призыву в партию» 1924 г. До своего назначения работал машинистом на Черноморском флоте (ЧФ), токарем по металлу на заводе Диберза в родном Проскурове и на заводе «Черномор» в Севастополе [16].

Более профессиональные кадры также продвигались на руководящие должности. Но четкие установки на подбор политически грамотных и абсолютно лояльных партии кадров, которые так или иначе проявили себя в революционной борьбе, были препятствием в этом процессе.

Так, А.А. Флодин, заведующий отделом народного образования (ОНО) в 1924-1925 гг. учился в МГУ (факультет физических и математических наук), но с последнего курса ушел в Московскую сельскохозяйственную академию и впоследствии работал педагогом. В РКП (б) вступил в 1918 г. С 1919 г. являлся членом союза учителей-интернационалистов. Опыт руководства получил еще в годы Гражданской войны: заведовал ОНО в Аткарске (Саратовская губерния), Саратове (заместитель ОНО), Астрахани и Курске. Тем не менее, его характеризовали как руководителя, не способного выстроить перспективную политику развития отдела и взаимодействие между подчиненными [17].

Лояльность к новой власти была главным критерием отбора в руководящий состав горсовета в 1921-1925 гг. Но пробелы в образовании и профессиональном опыте у большинства членов исполкома мало соотносились с задачами восстановления государства после периода войн и социальных потрясений. При этом у политики выдвиженчества были свои плюсы: создавалась видимость народного управления (так как большинство руководителей являлись выходцами из рабоче-крестьянской среды) и постепенно формировался слой новых, советских управленцев [18].

Дореволюционных специалистов допускали главным образом на должности в технической сфере. Исключение составляли первые месяцы после установления новой власти в Крыму, когда необходимо было наладить работу и войти в курс дела. Так, в Севастополе с ноября по декабрь 1920 г. практически весь состав Рабоче-крестьянской инспекции формировался из кадров госконтроля царских времен. А уже январе 1921 г. многие из них были арестованы [19].

Показательный пример привлечения старых специалистов на должности в Совете - отдел коммунального хозяйства (комхоз). Так, Ф.Э. Коккот, заведующий строительной секцией, окончил Киевский институт гражданских инженеров. С 1919 г. состоял на службе у Советской власти. Сначала работал в аппарате Совета народного хозяйства (СНХ) в Евпатории, затем был переведен в Севастополь, где начинал карьеру с должности инструктора, и вскоре был назначен заведующим. До революции получил обширный опыт работы: был городским архитектором Калуги, Тобольска и Астрахани [20]. Но он получил не самую лучшую характеристику, что делает понятным вердикт *«на более ответственную должность не переводить».*

Аналогичную характеристику получил А.М. Арнольд, заведующий финансовой частью общего отдела (сюда входили отдел народного образования, социального обеспечения, здравоохранения и коммунального хозяйства). Его критиковали за приверженность старым методам работы, отсутствие инициативы и опыта (!). Критику можно назвать беспочвенной, так как его стаж в данной отрасли превышал 30 лет. Получивший высшее образование, до революции он стал одним из директоров правления Одесского товарищества красок и лаков. С 1910 г. работал в Севастопольской городской управе по приглашению бывшего городского головы в качестве бухгалтера, затем занял место заведующего финансовым отделом (финотделом) управы [21].

Самым ярким представителем из дореволюционных специалистов, которые пошли на службу к Советской власти, стал М.А. Врангель (1886-1963), заведующий подотделом благоустройства комхоза, городской архитектор Севастополя в 1922-1938 гг. Он происходил из дворянского рода Врангелей. Михаил Александрович родился в Харьковской губернии. Среднее образование получил в Севастопольском реальном училище, высшее - в институте гражданских инженеров в Петербурге, работал в строительной отрасли с 1908 г. М.А. Врангель не принимал участия в революционной деятельности. Но, по его словам, большое влияние на его взгляды оказало пребывание в семейном имении Чоргун под Севастополем: *«Жизнь в Чоргуне заставила меня давно отрицать право собственности на землю, и вот почему особенно сильно все мои мысли были направлены к техническому образованию».* Работать в управленческой

сфере начал с декабря 1917 г. (в городской управе). Во время Гражданской войны безвыездно находился в Крыму. Несмотря на то, что он *«понимал, что только [его] фамилия может быть роковой при уходе Врангеля»*, решил остаться на родине и служить новой власти. Уже в первой половине 1920-х годов он пишет свои первые работы по вопросам застройки Севастополя. Характеристика М.А. Врангеля является одной из самых положительных по итогам анализа личных дел депутатов горсовета. Для Советской власти того периода он оказался незаменимым и ценным работником: инициативный, добросовестный и грамотный руководитель [22]. Однако в 1938 г. его постигла участь многих старых специалистов: он был обвинен в принадлежности к бывшему дворянскому сословию и участии в антисоветской организации, за что был отправлен в ссылку [23].

Вследствие недостаточного образовательного уровня выдвиженцев встал вопрос дефицита кадров (особенно первые два-три года). В результате наблюдалась частая смена руководителей (их переброска как внутри местного Совета, так и в другие регионы).

В Крыму до создания Советов и некоторое время после руководящий состав формировался из пришлых партийных кадров и красноармейцев, которые воевали в составе Южного фронта. Такая ситуация сложилась из-за отсутствия достаточного партийного актива. В ноябре 1920 г. в Крыму насчитывалось всего несколько сотен большевиков [24].

Комиссия по делам Крыма отмечала, что *«в огромном большинстве во главе всех провинциальных советских органов стоят комсомолисты, которым полезно посещать партшколы, а не управлять населением, им совершенно непонятным и неизвестным»* [26]. На полуострове царила *«атмосфера отчуждения и изолированности власти от местного населения»*. Также отмечалось, что *«во всех главных советских учреждениях большинство ответственных работников люди приезжие, застрявшие здесь, отбившиеся от армий, с чисто армейским методом работы, невежественные и презрительно третирующие местное население, совершенно незнакомые с местными нуждами, условиями и характером населения и края»*. Новые руководители, не успев познакомиться с делом, перебрасывались на другие участки. Такая ситуация не способствовала налаживанию эффективной работы местного Совета [Там же].

Кроме пагубного влияния на дело государственного строительства, эта политика приводила к появлению случайных людей на руководящих должностях. Они пользовались сложившейся ситуацией для собственного обогащения. Например, некий Паршинцев, который вступил в РКП (б) с победой Красной армии и заведовал собесом в 1921 г., был пойман на краже государственного имущества. Почти ничего не выделяя иждивенцам собеса, на все вопросы просителей он отвечал, что *«истинным гражданам нужно все терпеть»*, в отдельных случаях он прибегал к *«демонстрации своей нищеты - разорванной нижней рубахи перед (…) семействами красноармейцев и инвалидов, и сотрудников (…)»*. Заведующим хозяйственной частью он назначил своего знакомого, который стал его пособником. Перед арестом Паршинцев успел вынести из своего кабинета все ценные вещи, взломал столы бухгалтерии и стал выписывать продукты и вещи по ордерным книгам [27].

В 1922 г. заведующим собесом был назначен Березовский, присланный из Крымского Совета народных комиссаров (СНК), который продолжил эту линию руководства. Он присваивал себе драгоценности живых и умерших иждивенцев собеса и монахов Херсонесского монастыря, где в то время располагался дом старости, а также казенное имущество и конфискованные вещи, направляемые в собес. В конце концов он был арестован, хотя долго *«партком и исполком верили красивым словам Березовского и не принимали никаких мер для ликвидации всего того, что творилось в Собесе»* [28].

Однако нельзя утверждать, что на руководящие должности назначались исключительно приезжие. С 1922 г. в исполком избирались и местные кадры. Но процесс формирования новой городской элиты шел медленно и постепенно [29]. Руководители из местного населения тоже использовали отсутствие налаженной связи с центром и остальной частью Крыма в своих личных интересах. Например, заведующий комхозом в 1922 г. Лучин делал ремонт своей 4-комнатной квартиры за счет средств отдела (ему помогал заведующий подотделом снабжения комхоза Шведов). В суточных сводках по Чрезвычайной комиссии говорилось, что он потратил на это сотню миллионов рублей [30].

Говоря о местных кадрах, нельзя обойти стороной вопросы национальной политики. Если в Городовых положениях 1870 г. и 1892 г. устанавливались ограничения в зависимости от принадлежности к той или иной конфессии [31; 32], то в данном случае значение имела именно национальная принадлежность. В Севастополе в первой половине 1920-х годов на повестке дня стоял вопрос о «татаризации» государственного аппарата. Это было связано с активным выступлением крымско-татарского народа за свою независимость в годы Гражданской войны и с национальной политикой государства в целом [33]. С одной стороны, это означало, что на

должность не всегда назначались более способные руководители, с другой, - такая политика помогала наладить диалог с сельским населением района, которое на 60% состояло из крымских татар. Для татар даже был зарезервирован целый ряд должностей: например, заведующий земельным отделом. Как правило, руководители-татары являлись уроженцами местных татарских деревень и ранее проявили себя в работе сельских исполкомов (сельисполкомов). Это были молодые люди в возрасте от 24 до 30 лет, получившие начальное образование и часто плохо изъяснявшиеся на русском языке. В качестве примера стоит привести несколько выдержек из анкет.

В 1923 г. заведующим земельным отделом стал татарин Мустафа Абдула, уроженец дер. Байдары, до установления Советской власти в Крыму держал свое хозяйство. Начиная с ноября 1920 г., четыре месяца был начальником милиции в Байдарах. В 1921-1922 гг. - председателем Балаклавского ревкома, в 1922-1923 гг. - председателем Байдарского сельисполкома [34]. Его сменил Умеров Сеит Ягья, который окончил четыре класса татарского начального училища. Вступил в РКП (б) в 1921 г. С 1 февраля 1921 г. по 1 января 1922 г. работал инструктором в районной ячейке РКП (б) в Карасубазаре, в 1922 г. - председателем Карасубазарского районного комитета взаимопомощи. Затем был назначен начальником милиции Карасубазара, секретарем Бахчисарайского райисполкома (РИКа), ответственным секретарем Бахчисарайского райкома РКП (б) [35].

Салядин Бариев, уроженец дер. Уркуста (ныне с. Передовое Балаклавского района города федерального значения Севастополя), кандидат в члены РКП (б), стал заместителем заведующего финотделом в 1924 г. Он окончил сельскую школу, начал работать делопроизводителем с 1920 г., до этого два года являлся приказчиком в Байдарском кооперативе, затем секретарем сельисполкома в Байдарах, членом Балаклавского РИКа [36].

Анализ документов показывает, что они мало проявили себя на советской службе. Это справедливо и для многих других руководителей местных органов власти. Из-за отсутствия должного образования и времени для того, чтобы наладить работу в своем отделе, им не удалось оставить яркий след в истории города.

Таким образом, Октябрьская революция коренным образом повлияла на структуру и состав руководства местных органов власти. Ориентация на политически лояльные кандидатуры и политика выдвиженчества породили нездоровые явления при создании советского государственного аппарата. Частая смена работников руководящего состава, которые нередко назначались из пришлого элемента, ослабляла чувство ответственности. Но вместе с тем обозначилась и другая тенденция: формирование класса новых, советских управленцев и зарождение слоя новой местной элиты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Карпов Н.Д. Трагедия белого Юга. 1920 год. Военные тайны 20 века. - М.: Вече, 2005. - С. 295, 299, 301.
2. Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы. 20-е годы (Руководящие кадры государственного аппарата СССР).- М.: Изд-во ИРИ РАН, 2001. - 226 с.; Гузаров В.Н. Партийный аппарат Российской коммунистической партии большевиков: 1917-1925 гг. - Томск: Изд-во ТомГУ, 2007. - 390 с.; Павлюченков С.А. «Орден меченосцев»: Партия и власть после революции. 1917-1929 гг. - М., 2008. - 463 с.; Трукан Г.А. Путь к тоталитаризму 1917-1929 гг. - М.: Наука, 1994. - 167 с.
3. Маяк Коммуны. - 1925. - 18 апреля. - С. 3.
4. Государственное казенное учреждение «Архив города Севастополя» (далее - ГКУ АГС). Ф. Р-420. Оп. 7. Д. 3. Л. 2, 7, 37.
5. ГКУ АГС. Ф. Р-420. Оп. 7. Д. 6. Л. 78.
6. ГКУ АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 252. Л. 43
7. Маяк Коммуны. - 1924. - 5 октября. - С. 4.
8. Соколова Ф.Х. Выдвиженчество как источник формирования интеллигенции Европейского Севера России в 1920-е годы. [Электронный ресурс] - URL: http://cyberleninka.ru/article/n/vydvizhenchestvo-kak-istochnik-formirovaniya-intelligentsii-evropeyskogo-severa-rossii-v-1920-e-gody (дата обращения: 22.12.2016).
9. ГКУ АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 281. Л. 2, 33.
10. ГКУ АГС. Ф. Р-420. Оп. 2. Д. 43. Л. 2.
11. ГКУ АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 131. Л. 4, 12.
12. ГКУ АГС. Ф. Р-420. Оп. 2. Д. 6. Л. 1, 9.
13. ГКУ АГС. Ф. Р-420. Оп. 2. Д. 48. Л. 2, 6.
14. Маяк Коммуны. - 1923. - 4 декабря. - С. 3.
15. Государственный архив Республики Крым (далее - ГАРК). Ф. Р-558. Оп. 3. Д. 337. Л. 1.
16. ГКУ АГС. Ф. Р-420. Оп. 2. Д. 195. Л. 14, 17.
17. ГКУ АГС. Ф. Р-420. Оп. 2. Д. 162. Л. 4, 6-8.
18. Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. - декабрь 1991 г. - М.: Изд-во РГГУ, 1995. - С. 19, 26.
19. ГКУ АГС. Ф. Р-420. Оп. 3. Д. 33. Л. 19.
20. ГКУ АГС. Ф. Р-420. Оп. 2. Д. 95. Л. 2, 5.
21. ГКУ АГС. Ф. Р-420. Оп. 2. Д. 34. Л. 4-8.
22. ГКУ АГС. Ф. Р-420. Оп. 2. Д. 52. Л. 1, 3-5.

23. Островская И.В. «Дело общественного благоустройства». Об архитекторе Михаиле Александровиче Врангеле (1886-1963). [Электронный ресурс] - URL: http://www.mosjour.ru/index.php?id=2196. (дата обращения: 22.12. 2016).
24. Государственный архив Российской Федерации (далее - ГА РФ). Ф. Р-1247. Оп. 1. Д. 43. Л. 58, 338.
25. ГА РФ. Ф. Р -1247. Оп. 1. Д. 16. Л. 2, 6.
26. ГКУ АГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 33. Л. 18.
27. ГАРК. Ф. Р-558. Оп. 5. Д. 11. Л. 244, 284, 310, 331.
28. Дж. М. Истер. Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация в Советской России. - М.: РОССПЭН, 2010. - С. 25.
29. Городовое положение 1870 г. [Электронный ресурс] - URL: http://www.hrono.ru/dokum/1800dok/18700616.php (дата обращения: 22.12.2016).
30. Городовое положение 1892 г. [Электронный ресурс] - URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/grd1892.htm (дата обращения: 22.12.2016).
31. Никульшина Е.А. Национальное представительство в местных органах власти автономных республик и областей РСФСР в 1920-е годы: автореф. дисс…канд. ист. наук. [Электронный ресурс] - URL: http://dlib.rsl.ru/viewer/01002768403#?page=1 (дата обращения: 22.12.2016).
32. ГКУ АГС. Ф. Р-420. Оп 2 Д. 124. Л. 1-2, 5.
33. ГКУ АГС. Ф. Р-420. Оп. 2. Д. 16. Л. 1, 3, 6.
34. ГКУ АГС, Ф. Р-420. Оп. 2. Д. 37. Л. 4, 7, 11.

REFERENCES

1. Karpov N.D. Tragediya belogo Yuga. 1920 god. Voenniye tayny 20 veka [Tragedy of White South. 1920. Military secrets of 20 century]. Moscow: Veche Publ., 2005. p. 295, 299, 301. (in Russ.).
2. Gimpelson E.G. Sovetskiye upravlentsy. 20-e gody (Rukovodyashchiye kadry gosudarstvennogo apparata SSR) [Soviet government officials. 20s (Managerial personnel of state apparatus of USSR)]. Moscow: IRI RAN Publ., 2001. 226 p.; Guzarov V.N. Partiyny apparat Rossiyskoy kommunisticheskoy partii bol'shevikov: 1917-1925 gg. [Party apparatus of Russian Communist Party of Bolsheviks: 1917-1925]. Tomsk: TomGU Publ., 2007. 390 p. Pavlyuchenkov S. A. "Orden mechenostsev": Partya i vlast' posle revolutsii. 1917-1929 gg. ["Order of the Sword": party and authority after Revolution. 1917-1929]. Moscow, 2008. 463 p.; Trukan G.A. Put' k totalitarizmu 1917-1929 gg. [Way to totalitarism 1917-1929]. Moscow: Nauka Publ. 1994. 167 p. (in Russ.).
3. Mayak Kommuny [Commune Leading Light]. 18th April 1925. p.3.(in Russ.).
4. Gosudarstennoe kazennoe uchrezhdeniye "Arkhiv goroda Sevastpolya" (GKU AGS) [State institution "Sevastopol city archive"] F. R-420. Op. 7. D. 3. L. 2, 7, 37. (in Russ.)
5. GKU AGS. F. R-420. Op. 7. D. 6. L. 78. (in Russ.).
6. GKU AGS. F. R-420. Op. 1. D. 252. L. 43. (in Russ.).
7. Mayak Kommuny [Commune Leading Light]. 5th October 1924. p. 4. (in Russ.).
8. Sokolova F.H. Vydvizhenchestvo kak istochnik formirovaniya intelligentsia Evropeiskogo Severa Rossii v 1920-e gody [Promotion to administrative posts as a source of Soviet intelligentsia forming in the European North of Russia in the 1920s]. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/vydvizhenchestvo-kak-istochnik-formirovaniya-intelligentsii-evropeyskogo-severa-rossii-v-1920-e-gody (accessed: 22.12.2016). (in Russ.).
9. GKU AGS. F. R-420. Op. 1. D. 281. L. 2, 33. (in Russ.).
10. GKU AGS. F. R-420. Op. 2. D. 243. L. 2. (in Russ.).
11. GKU AGS. F. R-420. Op. 1. D. 131. L. 4, 12. (in Russ.).
12. GKU AGS. F. R-420. Op. 2. D. 6. L. 1, 9. (in Russ.).
13. GKU AGS. F. R-420. Op. 2. D. 48. L. 2, 6. (in Russ.).
14. Mayak Kommuny [Commune Leading Light]. 4th December 1923. p. 3. (in Russ.)
15. Gosudarstvenny arkhiv Respubliki Krym (GARK) [State archive of the Republic of Crimea]. F. R-558. Op. 3. D. 337. L. 1. (in Russ.).
16. GKU AGS. F. R-420. Op. 2. D. 195. L. 14, 17. (in Russ.)
17. GKU AGS. F. R-420. Op. 2. D. 162. L. 4, 6-8.(in Russ.)
18. Korzhihina T.P. Sovetskoye gosudarstvo i ego uchrezhdeniya: noyabr' 1917 g.-dekabr' 1991 g. [Soviet state and its institutions: Novemner 1917 - December 1991]. Moscow: RGGU Publ., 1995. p. 19, 26. (in Russ.).
19. GKU AGS. F. R-420. Op. 3. D. 33. L. 19. (in Russ.).
20. GKU AGS. F. R-420. Op.2. D. 95. L. 2,5. (in Russ.).
21. GKU AGS. F. R-420. Op. 2. D. 34. L. 4-8. (in Russ.).
22. GKU AGS. F. R-420. Op. 2. D. 52. L. 1, 3-5. (in Russ.).
23. Ostrovskaya I. V. "Delo obshchestvennogo blagoustrystva". Ob arkhitectore Mikhaile Aleksandroviche Vrangele (1886-1963) ["Social improvement". About architect Mikhail Aleksandrovich Vrangel (1866-1963)]. URL: http://www.mosjour.ru/index.php?id=2196. (accessed: 22.12. 2016). (in Russ.).
24. Gosudarstvenny arkhiv Rossisskoy Federatsii (GA RF) [State archive of Russian Federation]. F. R-1247. Op. 1. D. 43. L. 58, 338. (in Russ.).
25. GA RF. F. R-1247. Op. 1. D. 16. L. 2, 6. (in Russ.).
26. GKU AGS. F. R-79. Op. 1. D. 33. L. 18. (in Russ.).
27. GARK. F. R-558. Op. 5. D. 11. L. 244,284, 310, 331. (in Russ.).
28. G. M. Ister. Sovetsloye gosudarstvennoye stroitel'stvo. Sistema lichnykh svyazey i samoidentifikatsiya v Sovetskoy Rossii. [Soviet state building. System of personal connections and personal identity in Soviet Russia]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. p. 25. (in Russ.).
29. Gorodovoye Polozheniye 1870 [City Statute 1870]. URL: http://www.hrono.ru/dokum/1800dok/18700616.php (accessed 22.12.2016). (in Russ.).
30. Gorodovoye Polozheniye 1892 [City Statute 1892]. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/grd1892.htm (accessed: 22.12.2016). (in Russ.).
31. Nikul'shina E.A. Natsional'noye predstavitel'stvo v mestnykh organakh vlasti avtonomnykh respublik I oblastey RSFSR b 1920-e gody: avoreferat diss… k.i.n. [National representation in local authorities of autonomous republics and regions of RSFSR in 1920s. Abstract of thesis cand. of his.sci]. URL: http://dlib.rsl.ru/viewer/01002768403#?page=1 (accessed: 22.12.2016). (in Russ.).

32. GKU AGS. F. R-420. Op. 2. D. 124. L. 1-2, 5. (in Russ.).
33. GKU AGS. F. R-420. Op. 2. D. 160. L. 1, 3, 6. (in Russ.).
34. GKU AGS. F. R-420. Op. 2. D. 37. L. 4, 7, 11. (in Russ.).

Информация об авторе

Юрченко Валерия Сергеевна, аспирант, кафедра отечественной истории, исторический факультет,
Тюменский государственный университет,
г. Тюмень, Россия
ducho-vel@list.ru

Получена: 27,12,2016

Для цитирования статьи: Юрченко В.С., Руководящий состав в системе местных органов советской власти Севастополя в 1921-1925 гг. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 1. Часть 1. с. 89-95.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-89-95.

Information about the author

Valeriia S. Iurchenko, Postgraduate Student, Department of Russian History, Faculty of History, Tyumen State University,

Tyumen, Russia
ducho-vel@list.ru

Received: 27,12,2016

For article citation: Iurchenko, V. S., Executive personnel in a local soviet authority system in Sevastopol in 1921-1925. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no. 1. Part. 1. Pp. 89-95.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-89-95. (in Russian)

Социологические и гуманитарные науки

Sociological and Humanities Sciences

УДК 373 DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-99-103

АБРАМОВА Виктория Александровна
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
viabra2002@mail.ru

Viktoria A. ABRAMOVA
Kuban State University
Krasnodar, Russia
viabra2002@mail.ru

ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК ПРОСТРАНСТВО СИМУЛЯКРОВ

В постнеклассической науке в изучении саморазвивающихся систем важно учитывать узкую направленность восприятия в решении конкретных задач, в данном контексте - восприятие символических трансформаций на различных уровнях: субъективном и объективном. Широко распространенная в настоящее время виртуальная реальность благодаря усовершенствованию информационно-коммуникационных технологий состоит из гипертрофированных эффектов виртуализации реальности, где виртуальный образ не имеет ничего общего с реальностью, становясь собственным «симулякром», эффективно формируя при этом «точки зрения» на события и явления. Современные СМИ имеют широкий арсенал средств воздействия на эмоциональный, поведенческий и ценностно-ориентационный уровни сознания (предполагает критическое осмысление поступающей информации) и бессознательное. Эти методы комбинируются в зависимости от ситуации. В дискурсе виртуального моделирования информационное воздействие приобретает такие специфичные свойства, как гипертекстуальность, интерактивность и мозаичность. «Вторая реальность», символическая и виртуальная, замещает саму действительность, целенаправленно воздействуя на сознание. В результате человек воспринимает действительность через призму символов и образов, определяя направленность массового сознания и поведения. Сознание работает не с реальными образами, а с копиями реальности.

Ключевые слова: гиперреальность, виртуальность, сознание, бессознательное, симулякр, информационное воздействие на сознание, символическое моделирование, имитирование, копирование, подмена действительности, «вторая реальность», средства воздействия, эмоциональный уровень, поведенческий уровень, ценностно-ориентационный уровень, ситуация, дискурс, виртуальное моделирование.

VIRTUAL REALITY AS A SPHERE OF FICTIONS

In post-nonclassical science in studying of spontaneous systems it is important to consider a narrow orientation of perception in the solution of specific objectives, in this context, perception of symbolical transformations at various levels – subjective and objective. The virtual reality widespread now thanks to enhancement of information and communication technologies consists of hypertrophied effects of virtualization of reality where the virtual image has nothing in common with reality, becoming own "simulacrum", effectively creating at the same time "points of view" on events and the phenomena. The modern media have wide arsenal of devices of impact for emotional, behavior, value-oriental levels of consciousness and unconsciousness. These methods are combined in depend of situation. The informational impact gets in discourse of virtual model such features as hypertext, interaction and mosaic. The symbolic and virtual "second reality" substitutes origin reality impacting for consciousness. As a result man percepts the reality for the prism of symbols and images, defining lines of mass consciousness and behavior. Consciousness acts no with real images, but with copies of reality.

Keywords: hyperreality, virtuality, consciousness, unconsciousness, simulacrum, informational impact on consciousness, symbolic modeling, imitation, copying, substitution of reality, "second reality", devices of impact, emotional level, behavior level, value-oriental level, situation, discourse, virtual model

Виртуальное моделирование субъективной реальности дает новые неизведанные возможности сознанию в символической реальности. Информационное общество становится обществом «размывания реальности» [1]. Переходя из сферы сознательного в бессознательное, информация утрачивает референцию, и как следствие - смыслы размываются не только в коммуникации, но и в реальности. Субъект-субъектное информационное взаимодействие трансформируется в субъект-объектное посредством искусно созданной субъективной действительности: «Означающее теперь не соответствует означаемому, установленные связи символизируют скорее существование "присутствия с отсутствием"… в обыденном сознании символическое полностью замещает собою утраченный объект» [1, с. 172]. В масс-медиа сообщение уже не средство общения, а основа симулякра, абстрактная, формальная и крайне упрощенная.

Коммуникация, определенным образом сконструированная и наполненная смысловым содержанием, заполняет виртуальное пространство, затем массовое сознание «нужным» содержанием, приближаясь к прогнозируемой цели посредством манипулирования мифологемами, образами и точками зрения. Реальность конструируется переплетением многочисленных образов, целенаправленным отбором интересующих событий и их интерпретаций, наполняя сознание определенным ценностно-смысловым содержанием. «События теперь больше не имеют значения по сравнению с их предвиденным смыслом, их программированием и их распространением», - справедливо заметил Ж. Бодрийяр. Обыденное сознание все глубже погружается в гиперреальность, как следствие виртуализации социального, политического, помещенных в «тесную сеть моделей значимости» [1].

Действительность выстраивается по определенным информационным моделям, приобретает содержание, решая основную задачу - целенаправленное программирование сознания. О чем Бодрийяр и делает вывод, что «события больше не имеют значения по сравнению с их предвиденным смыслом, их программированием и распространением»; «реальные» факты утрачивают логику возникновения, рождаются и существуют благодаря масс-медийной информационной поддержке. События трактуются в качестве причин и следствий, сужаясь до сферы «актуальности», аудитория воспринимает «эффект реальности» как настоящую реальность. Символические копии социального и политического дискурса, обусловленные чередой «моделей значимости», наполняют субъективную реальность навязанными символами и образами, сея зерно симуляции социального и симуляции присутствия социального. Ж. Бодрийяр, исследуя соотношение «реальное и иллюзорное», сформулировал основные методологические аспекты.

Во-первых, социальная реальность изначально представляет собой результат дифференциации символического обмена, остаток, отсюда - реальность никогда не существовала как таковая.

Во-вторых, в процессе символического обмена функцию символического метаболизма выполняют социальные институты, контролируя процесс формирования «социального остатка».

В-третьих, социальное имплозировало в обыденное сознание. Однако, когда социальное расширяется до предельных размеров, оно переходит в свою противоположность - асоциальность, выражаясь, по мнению Ж. Бодрийяра, в безразличии и духовной опустошенности.

Происходящие при этом процессы можно сравнить с десакрализацией текстов (М. Фуко и Р. Барт), при которой результатом обработки контента становится мастерски сконструированный абстрактный субъект с приписываемым ему творческим потенциалом. «Объект обозначает нас больше, чем мы его обозначаем» (Г. Башляр). В свою очередь, такое восприятие сообщений как объективной данности представляет собой идеальные условия для создания различных интерпретаций, выполняя функцию информационного моделирования сознания, не извлекаемого из эмпирической реальности, а конструированного как теоретическая схема (идеальный тип М. Вебера). Об этом М. Вебер писал следующее: «Чем резче и однозначнее сконструированы идеальные типы, чем они, следовательно, чужды миру, тем лучше они выполняют свое назначение как в терминологическом и классификационном, так и в эвристическом отношении» [2, с.67. См. развитие этого подхода: 3; 6, причем в последней работе, Дж.Заллера, - с акцентированием понятия воздействия]. Однако в постнеклассической науке путь методологии веберовского идеального типа представляется мало эффективным, так как невозможно учитывать неэквивалентность целого и частей при возможности возникновения «дефекта массы» интегрированной субстанции. Сам Вебер отмечал, что «идеальные типы… быть может, так же мало встречаются в реальности, как физические реакции, которые вычислены только при допущении абсолютного пустого пространства» [2, с. 109].

Центральным понятием иллюзорного (символического) моделирования по Ж. Бодрийяру является понятие симулякра (виртуальный дискурс), предстающее как копия реально существующих явлений. Наполнение смыслами симулякра происходит в четыре этапа. Вначале симулякр проявляется как отражение события, маскируя социальную действительность; затем он ту действительность искажает; следующим этапом маскируется наличие социальной действительности; завершением процесса становится виртуализация образа, не имеющего отношения к реальности, становясь своим собственным симулякром.

В последние десятилетия все информационные процессы структурированы смысловым кодом, изменениями коммуникационной действительности. Указанные тенденции прогнозировались как в медиаведении, так и в политологии [4; 5]. Полученный в результате этих процессов искусственный мир трансформируется в поле симулянтов социальной реальности, претендуя на истинность описания и систематизации действительности благодаря власти символического моделирования реальной картины мира. При этом информационное воздействие на сознание не оставляет шансов реальности для влияния, замещая часть социальных взаимоотношений на гиперреальное, состоящее из симулякров - призраков реального. С точки зрения самого человечества данная тенденция грозит стать тупиковой ветвью, хотя бесспорно содержит огромный потенциал для технического и научного развития.

Считаем, что виртуальное моделирование реальности является информационной технологией воздействия на сознание. Информационное пространство активно развивается, перемещая социум из объективной реальности в виртуальную. Средства глобальной коммуникации

способствуют этому процессу. Сама искусственно созданная среда стала генератором новой «реальности», породив инновационные возможности информационного воздействия на субъективную и объективную реальность, что в свою очередь поспособствовало стремительному развитию технологий манипуляции массовым и индивидуальным сознанием - различных психологических атак, акций, избирательных, пиар-кампаний с применением поразительно разнообразных приемов и методов.

Сегодня символическое моделирование становится основной технологией формирования мировоззрения и ценностных установок общества. В таких условиях сознание погружается в искусственно созданное информационное поле суждений, мнений, знаний, идеологем, теорий, комментариев и оценок, где реализуются социально-политический и социально-культурный дискурсы символического конструирования. При этом необходимо иметь в виду:

- способность восприятия символов формировалось у человечества на протяжении многих веков и на сознательном, и на подсознательном уровне;

- символы по части эмоциональной сферы сознания, что проявляется посредством высвобождения эмоции при встрече с символом;

- с помощью символа транслируется определенная ценность бытия;

- познание символа есть субъект-субъектная форма знания, существующая внутри коммуникации.

Известно, что символы существуют как виртуальные объекты в пространстве интерпретаций, где отражается, самоидентифицируется культура, придавая различным образам какое-то символическое значение. К примеру, массовая культура, занимающая все большее место в информационно-коммуникативном пространстве, часто использует символические конструкции, обращаясь к бессознательному, к архетипам (К. Юнг). Архетипы содержат в себе эмоциональную энергию, в значительной степени влияя на мотивацию и поведение людей, привлекая их внимание, удерживая у экранов при восприятии рекламной информации. Уровень критичности в этом процессе снижается. При конструировании такой коммуникации (реклама) интенсифицируются апелляции к культурным прообразам, предугадывая высокую эмоциональную реакцию; сообщения максимально сжимаются, при этом каждый элемент содержит большую информационную нагрузку. Поток рекламной информации, как специфическая форма информационного воздействия на общественное сознание, несет в себе символы, которые осознаются:

- без опознавания смысла этого символа - человек не в состоянии контролировать свои эмоции и даже поступки;

- человек осознает, что находится под влиянием символов, в состоянии контролировать свои эмоции и поведение, осознает индивидуальную потребность в рекламируемом объекте с помощью символа;

- человек, не находясь в символическом поле, понимает его смысл, но не может контролировать свое бессознательное и т.д.

Так работает не только телевизионная реклама, но и различные шоу, фильмы, компьютерные игры. Они полностью погружают сознание в символическую реальность с помощью чувственно-образной информации.

Переход значительной части информационно-коммуникационных потоков затрудняет контроль над деятельностью «информационных брокеров»; децентрализация и интенсивное размножение субъекта коммуникации «всемирной паутины» делает невозможным управление, координирование, контроль над ними со стороны социальных институтов.

Так как политическая информация транслируется массмедиа с помощью символов и образов, осознанно или неосознанно манипулируя ими, то для познания политического процесса нужно соотнести объем символического поля с реальностью. Российский опыт политических кампаний свидетельствует о существенной дистанции в пользу «символической реальности». А широкое внедрение маркетинговых технологий в политический процесс при разработке, например, электоральных стратегий не всегда коррелируют с интересами государства. Политика для масс предстает в ожидаемом и желаемом виде для общества. Уже давно формируются имиджи будущих и поддерживаются настоящих государственных деятелей с помощью маркетинговых технологий. Настоящая политическая борьба и политическая реальность скрывается под искусственно созданной новой реальностью, яркой, эпатажной и драматичной. Этот процесс более интересен обществу, так как подмена одних понятий другими содержит в себе множество вир-

туальных образов. Таким образом и происходит воздействие СМИ на массовое сознание. Эти образы онтологизируются: индивид воспринимает их, заполняет все свое сознание и бытие, относится к ним как к реальным - если опираться на понятийно-терминологический аппарат, восходящий к М. Кастельсу, такое единство определяется как реальная виртуальность. В искусстве происходит аналогичный процесс при создании художественной реальности, но, помимо иллюзорной реальности и погружения в нее, осознается условность духовно обогащенных художественных образов, формируется игровое отношение к символичной реальности, эстетическое отношение к языку искусства.

Виртуальный политический процесс, транслируемый посредством массмедиа, необходим власти для решения различного плана вопросов:

- управлять настроением и поведением общества, делая акцент на определенных событиях, одновременно проталкивая далеко не всегда нашедшие общественную поддержку проекты и реформы;

- скрывать реальные механизмы решения вопросов в политической и экономической сфере, не всегда этически допустимые, ставя в повестку дня на первый план незначимые, второстепенные события;

- создавать видимость функционирования демократических и общественных институтов, реальной политической борьбы в период избирательной кампании и мн. др.

Все это доказывает, что массмедиа - мощное оружие убеждения и внушения. Власть всегда имеет в той или иной форме доступ к данному социальному институту с целью продвижения своих версий и определений проблем и задач. Современные СМИ имеют широкий арсенал средств воздействия на эмоциональный, поведенческий и ценностно-ориентационный уровни сознания (предполагает критическое осмысление поступающей информации) и бессознательное. Эти методы комбинируются в зависимости от ситуации. А в дискурсе виртуального моделирования информационное воздействие приобретает такие специфичные свойства, как гипертекстуальность (многозначность информационного воздействия), интерактивность (диалог между сознанием и субъектом информационного воздействия) и мозаичность (фрагментарность получаемой информации).

Таким образом, «вторая реальность», символическая и виртуальная, замещает саму действительность, выдает себя за нее, целенаправленно воздействуя на сознание. В результате человек воспринимает окружающую действительность через призму символов и образов, определяя направленность массового сознания и поведения. Бесконечный поток симулякров размывает границу между реальностью и иллюзией, навязанной элитой (властью). Сознание работает не с реальными образами, а с копиями реальности, происходит смещение реальностей. Общественному сознанию это грозит усилением ощущения хрупкости мироустройства и краткосрочности бытия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. - М.: Добросвет, 2000.
2. Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. - Berlin, 1964.
3. Wolfsfeld G. Media and political conflict: News from the Middle East. - Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
4. Wyer R.S., Srull T.R. Human cognition in its social context // Psychological Review. - 1986. - № 93. - Pp. 322-359.
5. Yoon Y. Legitimacy, public relations, and media access: Proposing and testing a media access model // Communication Research. - 2005. - № 32. - Pp. 762-793. [Электронный ресурс] - http://crx.sagepub.com/cgi/content/abstract/32/6/762
6. Zaller J. The myth of massive media impact revived: new support for a discredited idea / D. Mutz, R. Brody, P. Sniderman (eds.). Political persuasion and attitude change. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1996. - Pp. 17-79; Weaver D.H., McCombs M.E., Shaw D.L. Agenda-setting research: Issues, attributes, and influences / L.L. Kaid (ed.). Handbook of political communication research. -Mahwah: Lawrence Erlbaum, 2004. - Pp. 257-282.
7. Weaver K., Garcia S.M., Schwarz N., Miller D.T. Inferring the popularity of an opinion from its familiarity: A repetitive voice can sound like a chorus. Journal of personality and social psychology. - 2007. - № 92 (5). - Pp. 821-833.

REFERENCES

1. Bodriyar J. Symbolic Change and Death [Simvolicheskiy obmen i smert']. Moscow: Dobrosvet, 2000.
2. Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Berlin, 1964.
3. Wolfsfeld G. Media and political conflict: News from the Middle East. - Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
4. Wyer R.S., Srull T.R. Human cognition in its social context. Psychological Review. - 1986. - № 93. - Pp. 322-359.

5. Yoon Y. Legitimacy, public relations, and media access: Proposing and testing a media access model // Communication Research. 2005. No. 32. Pp. 762-793. Available at: http://crx.sagepub.com/cgi/content/abstract/32/6/762
6. Zaller J. The myth of massive media impact revived: new support for a discredited idea. D. Mutz, R. Brody, P. Snideman (eds.). Political persuasion and attitude change. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1996. Pp. 17-79; Weaver D.H., McCombs M.E., Shaw D.L. Agenda-setting research: Issues, attributes, and influences. L.L. Kaid (ed.). Handbook of political communication research. Mahwah: Lawrence Erlbaum, 2004. Pp. 257-282.
7. Weaver K., Garcia S.M., Schwarz N., Miller D.T. Inferring the popularity of an opinion from its familiarity: A repetitive voice can sound like a chorus. Journal of personality and social psychology. 2007. No. 92 (5). Pp. 821-833.

Информация об авторе

Абрамова Виктория Александровна, кандидат политических наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью Кубанского государственного университета.
г. Краснодар, Россия
viabra2002@mail.ru

Получена 20.12.2016.

Для цитирования: Абрамова В.А. Виртуальная реальность как пространство симулякров. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 1. Часть 1. с. 99-103.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-99-103.

Information about the author

Viktoria A. Abramova, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Advertisement and Public Relations, Kuban State University,
Krasnodar, Russia
viabra2002@mail.ru

Received 20.12.2016.

For citation: Abramova,V.A., The virtual reality as a sphere of fictions [Virtual'naya reaslnost kak prostranstvo simulyakrov]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no. 1. Part. 1. Pp. 99-103.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-99-103. (in Russian)

УДК 297.1 DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-104-107

Daria V. ZHIGULSKAYA
Institute of Asian and African Studies
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
daria.zhigulskaya@rambler.ru

ЖИГУЛЬСКАЯ Дарья Владимировна
Институт стран Азии и Африки
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
г. Москва, Россия
daria.zhigulskaya@rambler.ru

GLOBALIZATION AND NEW FORMS OF RELIGIOSITY (AN ISLAMIC PERSPECTIVE)

This paper focuses on the relationship between globalization, on the one hand, and religion and its institutions, on the other. Modernity and globalization are exerting major influences on religion, in some extent diminishing the role of its traditional institutions. However, this does not signify a weakening of religion itself, because globalization has driven the emergence of new forms of religiosity – a phenomenon known as revitalization of religions. Indeed, one of the most prominent political concerns of our time is religious fundamentalism, which is assumed to be a response to globalization. Ironically, fundamentalism is a by-product of globalization and the global society, as well as an instrument of globalization. The article discusses primarily the correlation between religion, its institutions and globalization, and tries to demonstrate that new forms of religion are going global and creating new boundaries, breaching the old frontiers of nation, culture and ethnicity. The paper provides a general description of the different approaches to the relationship between religion and globalization and considers, in particular, the problem of Muslim fundamentalism in its various manifestations. The article demonstrates that the key role in expressing new forms of religiosity is played by transnational religious movements and could be explained by the phenomenon of "deculturalization" of religion, meaning that it is not attached to a particular culture or nation. The proliferation of fundamental Islam (not only amongst Muslims, but also amongst people of other confessions) may, therefore, be explained by the fact that it has no territorial boundaries: it is an abstract identity, which may appeal to everyone. The paper ends with the conclusions on this issue.

Keywords: globalization, Islam, revitalization of religions, religious fundamentalism, Muslim fundamentalism, Islamic resurgence, transnational religious movements, institutional isomorphism, script of modernity, decoupling

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И НОВЫЕ ФОРМЫ РЕЛИГИОЗНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ИСЛАМА)

В статье рассматривается взаимосвязь процесса глобализации и развития религиозных институтов. Глобализация оказывает существенное влияние на религию, в некоторой мере уменьшая роль её традиционных институтов. Вместе с тем, это не означает ослабление религии как таковой, поскольку глобализация привнесла с собой новые проявления религиозности. Этот феномен обозначается термином "ревитализация религии". Одним из самых серьезных политических вызовов современности является религиозный фундаментализм, который, как принято считать, является собой ответ на глобализацию. Примечательно, что фундаментализм, с одной стороны, – "побочный продукт" глобализации, с другой стороны, – "инструмент" этого процесса. В статье приводится описание различных подходов к оценке взаимосвязи и взаимовлияния глобализации и религии, в частности, рассматривается проблематика исламского фундаментализма в его различных проявлениях. Ключевую роль в распространении новых форм религиозности играют транснациональные религиозные движения. Отчасти это объясняется феноменом "декультурализации" религии, когда её традиционные культурные и национальные грани становятся размытыми.

Ключевые слова: глобализация, ислам, ревитализация религии, религиозный фундаментализм, исламский фундаментализм, мусульманское возрождение, транснациональные религиозные движения, институциональный изоморфизм, "сценарий современности"

The term "globalization" was first proposed in 1944 by Reiser and Davies, and became widespread among various researchers across a broad range of academic disciplines after the collapse of the bi-polar world and the end of the Cold War in the last decade of the 20th century [12, p.212, p. 219].

Globalization is an umbrella term that describes increasing global integration and interdependence through trade, investment, travel, popular culture, and other forms of interaction in various spheres. It leads to experience of everyday life becoming standardized around the world, so that local and regional phenomena are being transformed into global ones. This process is giving rise to debates on new actors in the global order and assertions that the Westphalian norm of sovereignty is no longer operative.

According to some researchers, however, the massive expansion of nation-state structures, bureaucracies, agendas, revenues and regulatory capacities since World War II indicates that the assertion that globalization diminishes the "sovereignty" of the nation-state is incorrect [3, 11, 15].

According to the Meyerian approach, globalization certainly poses new problems to states but does not make them weaker: "the modern state may have less autonomy than in the past, but it clearly has more to do than in the past as well, and most states are capable of doing more now than they ever have been before" [9, p.157].

In addition to the key actors in global integration, which are still believed to be states, there is a large number of other actors such as supranational organizations, IGOs, NGOs, ICSOs etc. Various

interactions in the global sphere are driving the emergence of different institutions that prescribe and authorize the behavior of the actors. Despite the very diverse features of these institutions, all of them display an identity of form, or institutional isomorphism.

This phenomenon is strongly influenced by a "script of modernity", which encodes the world polity's rules and demands "enactment of a discernible package of values, goals, institutions and behaviors on the part of all actors" [6, p. 7]. Notwithstanding their dramatically different historical and cultural backgrounds, as well as external factors and contexts, all the actors behave and are structured in a similar way. They "establish their existence by adopting common forms and supporting the creation of such common forms" [8, p. 160]. This "artificial similarity" between institutions partly explains their relative ineffectiveness in realizing their stated goals: instead of focusing on problem solving, they assert their identity through "myth and ceremony" [10] - a phenomenon referred to by the term "decoupling", used to underline the mismatch between stated aims and actual achievements.

Religion, in its various manifestations, has been a carrier of globalizing tendencies in the world for a very long time. Christianity succeeded as a globalizing force hundreds of years before the phenomenon of "globalization" emerged. However, there is still a lack of systematic study of globalization and its influence on religion and vice versa.

There are at least three dramatically contradictory approaches to the relationship between religion and globalization today. According to the first approach, religion in a globalized world is a matter of personal choice, experienced through institutions controlled by the state. Religious doctrines and organization are discussed and rationalized like almost every aspect of social life. Thus, religion becomes "a universalized and secularized project developed from older and somewhat parochial religious models" [9, p.163]. Globalization flattens out cultural differences, erodes local customs and beliefs, and spreads a secular way of life that has less to do with religions of all kinds. In our time, the old belief that one cannot find salvation outside the "church" is no longer valid. "That postulate has been replaced by the belief among almost all elites that salvation lies in rationalized structures grounded in scientific and technical knowledge – states, schools, firms, voluntary associations, and the like. The new religious elites are the professionals, researchers, scientists, and intellectuals who write secularized and unconditionally universalistic versions of the salvation story, along with the managers, legislators, and policymakers who believe the story fervently and pursue it relentlessly" [9, p. 174].

According to the second approach, religion is one of the greatest sources of resistance to globalization. In one sense, this overlaps with the third approach, which states that various forms of religion are themselves active globalizers. In accordance with this third approach, religions draw new boundaries and violate cultural, ethnic and national frontiers. Globalization and the development of concepts such as civil society have undermined traditional religious institutions and led to their decoupling. Today, we are witnessing other forms of religious expression, which are both an outcome and a tool of globalization. The second and the third approaches therefore deal with the same phenomenon (new forms of religiosity), the former viewing it as an outcome and the latter as an instrument of globalization.

The key role in expressing new forms of religiosity is played by transnational religious movements. These movements have no territorial base and are devoted to purely politico-religious causes. Amongst them, one can find all forms of fundamentalist Christianity and Islam, as well as of Orthodox Judaism. What all fundamentalist movements have in common is that they appeal to "pure" religion with no reference to geographical and cultural borders. Thus, globalization of religion in one sense demonstrates its "deculturalization", meaning that it is not attached to a particular culture or nation. This "deculturalization" of religion helps to meet the needs of groups who feel deprived of their cultures, which explains why they have been so successful in terms of proselytism and conversion [13].

Meanwhile, one of the most pertinent questions concerning the relationship between Islam and modernity is what lies behind the Islamic resurgence in the 20th century?

According to S. Hunter, in the West there are two scientific approaches to that question - the "Neo-Orientalist" and the "Neo-Third Worldist". The former attributes "the emergence of the Islamist phenomenon mainly to Islam itself rather than to the social, economic and cultural dynamics of Muslim societies and the mutations caused by economic development and growing interaction with the outside world". This means that the Islamist phenomenon is a consequence of Islam's inherent characteristics and cannot coexist with Western ideas [4, p. 71]. Thus, Samuel Huntington's hypothesis argues that Islam originated among "warring Bedouin nomadic tribes" and this "violent origin is stamped in the foundation of Islam […] a concept of nonviolence is absent from Muslim doctrine and practice" [5, p. 263].

The "Neo-Third Worldists", on the other hand, consider Islam to be capable of change and adaptation. Francois Burgat, one of the most distinguished scholars of this school, argues that the Islamic resurgence is the third cultural phase of the process of decolonization, and scholars of this school tend to view "the latest wave of Islamic resurgence not as a consequence of Islam's characteristics,

but rather as a combination of economic deprivation, social alienation and political disfranchisement" [4, p. 73].

The outcomes of the relationship between Islam and globalization may be classified as following:

i) "Islam as a subject of globalization" may be examined using the example of the Muslim European diaspora. As a result of several waves of Muslim immigration to Europe, a diverse community has been "implanted on European soil", resulting in: 1) the adaptation and westernization of Islam and the formation of a moderate Euro-Islam; many Muslims adapt easily to life in Europe: they confess their faith through the prism of Christian values; and they defend the family, gender differentiation and a strict moral code, opposing abortion and divorce while preserving their religious identity. Here, globalization works to "diminish" the role of tradition. 2) the emergence of a traditionalist Euro-Islam; This occurs in the context of the triangular relationship between the European host societies and the Muslim-majority countries of origin; traditionalist Euro-Islam usually forms "ghettos" and mirrors the mutual rejection between the European majority and Muslim cultures; here, globalization works to "reinforce" tradition, because in order to renew social habits resistant to a Western way of life, religious leaders, wives and husbands can be brought from the country of origin.

Another phenomenon is the development of radical Islam, which is assumed to be a response to globalization as a threat to Islamic identity. Fundamentalist organizations speak a language which is decidedly global: they are in pursuit of "global Umma[1]", a utopia rooted in modernity, removed from its historic lands and "deculturalized".

ii) Fundamental Islam as a globalizing power***.*** Before addressing the key issue in this section, it is vital to focus on some basic terminology. The term "fundamental Islam" is widely used. Some researches consider it misleading, however, because the term fundamentalism "dates back to about 1910, when certain Protestant churches who wished to differentiate themselves from the mainstream churches published a series of pamphlets called The Fundamentals. There were two things to which they objected: one was liberal theology, and the other was Bible criticism. Whereas in the 1980s it became customary to use the word fundamentalism for certain Muslim groups. So, the word has been resemanticized. Muslim fundamentalists are concerned about what they call as de-Islamization of Islamic countries. They want to restore Shari'a and to remove legal codes which have been imported from abroad" [7, p. 256-257].

In general, fundamental movements in Islam are called Wahhabism or Salafism (Salaffiya). These terms have distinct historical roots, but they have been used interchangeably in recent years, especially in the West. Today, the term "Wahhabism" is broadly used to refer to a Sunni Islamic movement that seeks to purify Islam of any innovations or practices that deviate from the 7th century teachings of the Prophet Muhammad and his followers. This is partly misleading. Because the word "Wahhabism" literally refers to the conservative Islamic creed emanating from Saudi Arabia, whereas the term "Salafism" refers to a more general puritanical Islamic movement that has developed independently at various times and in various parts of the Islamic world [1].

The process of Islamic revival began in the second half of the 20th century, although its roots can be traced back to the 1920s. The crisis of authority brought about by massive social change in the 20th century started with the founding of two lay organizations that gave birth to Islamic fundamentalism. One of these was the Muslim Brotherhood[2], founded in Egypt in 1928 by its leader Hasan al-Banna to promote an Islamic revival to rival and resist the West after the decline and eventual collapse of the Ottoman Empire. Twenty years later, the movement had nearly 2 million adherents and had spread throughout the Muslim world. The Brotherhood called for the revitalization of the Umma [2, p. 274-275]. Another movement is Jama'at –Islam[3] – it is similar to the Muslim Brotherhood and was founded in India in 1941. Its leader, Abu l'Ala Maududi, believed that politics as a whole is God's domain and on that basis, he denounced all other political systems.

Today, various offshoots of these "classical models" of Islamic fundamentalism are called neo-fundamentalist movements and represent a real threat to society. They do not express traditional cultures, but rather an abstract identity without roots in any society. According to Olivier Roy, neo-fundamentalism "rejects culture, philosophy, and even theology to favor a literalist reading of sacred texts and an immediate understanding of truth through individual faith. The irrelevance of traditional culture explains the growing number of converts. They are the product not of western or Middle Eastern history, but the fusion of all histories, of globalization" [14].

[1] Ummah (Arabic: أمة) is a word meaning "nation" or "community".

[2] Terrorist organization banned in Russia.

[3] Terrorist organization banned in Russia.

Therefore, it is possible to conclude, that globalization and the formation of non-territorial identities are exerting a tremendous impact on all societies around the world. They are changing the way in which people think about the religious revival.

Perhaps the most explicit manifestation of the emergence of new religious expressions is Islamic neo-fundamentalism, which poses a serious threat to the security and stability of many countries, regions and indeed the world as a whole and should be fought with an integrated approach by an international community.

REFERENCES

1. Blanchard, C.M., The Islamic traditions of Wahhabism and Salafiyya, CRS Report for Congress, 2008; available at https://www.fas.org/sgp/crs/misc/RS21695.pdf
2. Chaliand, G., Blin, A., The history of terrorism from antiquity to al Qaeda, University of California Press,Berkeley Los Angeles London, 2007.
3. Duchacek, I. D., Latouche, D., Stevenson, G., Perforated Sovereignties and International Relations: Trans-Sovereign Contacts of Subnational Governments, New York: Greenwood, 1988.
4. Hunter, S.T., The Future of Islam and the West: Clash of Civilizations or Peaceful Coexistence?, Westport. Connecticut. London: Praeger, 1998.
5. Huntington, S., The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order, London: Touchstone, 1998.
6. Jupille,J., Joliff, B., Wojcik, S., Regionalism in the World Polity, 2014.
7. Lewis, B., Churchill, B.E., 2013, Notes on a Century. Reflections of a Middle East Historian, Penguin Books, 2013.
8. Meyer, J.W., Globalization: Sources and Effects on National States and Societies, in Krücken and Drori, 2009 (2000).
9. Meyer, J.W., Boli, J., Tomas, G. M., and Ramirez, F.O., World Society and the Nation-State, American Journal of Sociology, Vol. 103, No. 1 (July 1997).
10. Meyer, J.W., Rowan, B., Institutionalized Organizations: Formal Structure as Myth and Ceremony, in Krücken and Drori, 2009 (1977).
11. Nordenstreng, K., Shiller, H.I., National Sovereignty and International Communication, Norwood, N.J.: Albex, 1979.
12. Reiser, O.L., Davies, B., Planetary Democracy: An Introduction to Scientific Humanism and Applied Semantics, New York: Creative Age Press, 1944.
13. Roy, O., The crisis of the secular state and new forms of religious expression, available at http://www.diplomatie.gouv.fr/en/IMG/pdf/0101Roy_gb.pdf
14. Roy, O., available at http://www.eui.eu/Documents/RSCAS/Research/MWG/200910/MWG2009-12-16Roy.pdf
15. Spruyt, H., The Origins, Development, and Possible Decline of the Modern State, Annu.Rev.Polit.Sci. 2002.5:127-149.

Information about the author

Daria V. Zhigulskaya, Candidate of Historical Sciences, Department of Central Asia and the Caucasus, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia
daria.zhigulskaya@rambler.ru

Received: 07.01.2017

For citation: Zhigulskaya, D. V., Globalization and new forms of religiosity (an islamic perspective).
Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no. 1. Part. 1. Pp. 104-107.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-104-107. (in Russian

Информация об авторе

Жигульская Дарья Владимировна, кандидат исторических наук, кафедра стран Центральной Азии и Кавказа, Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия
daria.zhigulskaya@rambler.ru

Получена: 07.01.2017

Для цитирования: Жигульская Д.В., Глобализация и новые формы религиозности (на примере ислама). Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 1. Часть 1. с. 104-107.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-104-107

УДК 94 DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-108-113

КАСЬЯНОВ Валерий Васильевич
Кубанского государственного университета
г. Краснодар, Россия
culture@kubsu.ru

ПЕТРОВ Владимир Иванович
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
history1380@mail.ru.

Valery V. KASYANOV
Kuban State University
Krasnodar, Russia
culture@kubsu.ru

Vladimir I. PETROV
Kuban State University
Krasnodar, Russia
history1380@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА XIX ВЕКА (ПОПЫТКА МАКРОИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)

Статья посвящена сложным, давно обсуждаемым проблемам социально-политической характеристики российского общества XIX века. Авторы считают дискуссию незавершенной и предлагают свою, достаточно оригинальную точку зрения на основе макроисторического анализа. В отсутствие по-настоящему консервативной политической теории и при недостатке поддержки со стороны независимой церкви российское имперское государство часто оказывалось уязвимым при столкновении с активистами революционного движения. Равнинные, открытые границы России являлись одновременно ее силой и ее слабостью. Силой потому, что они предоставляли народу возможность продвигаться на восток, в результате чего наша страна, освоив фактически просторы всей северной Азии, заняла одну шестую часть земной поверхности. Слабостью потому, что из-за открытой территории Россия была более уязвима для нападения как с востока, юга и, особенно в последние века, с запада. В связи с этим обстоятельством все наши российские правительства провозглашали защиту территории в качестве главного приоритета, наши руководители в сохранении суверенитета находили чистосердечную, полную и постоянную поддержку жителей России. Слабость буржуазии, а вернее сказать, чрезмерное сращивание капитала с монархическим государством (лично с царем для получения индивидуальных льгот) привело российское общество к постоянно доминирующей роли монарха. Таким образом, весь путь развития социально-политических отношений в России во второй половине XIX века и в начале века XX указывает на явный недостаток промежуточных институтов между официальными государственными структурами и самим ством - народом.

Ключевые слова: самодержавие как политическая форма управления, приспособленное к выживанию население, самоуправляющиеся собрания дворян и горожан, суверенность государства.

SOCIAL-POLITICAL CHARACTERISTICS OF THE RUSSIAN SOCIETY OF THE XIX CENTURY (ATTEMPT OF MACRO-HISTORICAL ANALYSIS)

The article is devoted to complex, long-debated issues of socio-political characteristics of the Russian society of the XIX century. The authors believe the discussion is unfinished and offer their own, quite original point of view based on macro-historical analysis. (In the absence of a truly conservative political theory and the lack of support from the independent Church of the Russian Imperial state was often vulnerable in the clash with activists of the revolutionary movement. Lowland and open borders, Russia have been both its strength and its weakness. Force because they provide people the opportunity to move to the East, with the result that our country, having mastered virtually the entire expanse of Northern Asia, took one-sixth of the earth's surface. Weakness because due to the open territory of Russia was more vulnerable to attack from the East, South and especially in the last century, from the West. In connection with this fact all our Russian government declared the protection of the territory as a top priority, our leaders in the preservation of sovereignty found upright, full and continued support. The weakness of the bourgeoisie, or rather, over-the merging of the capital with the monarchical state (the king himself to receive individual benefits) has led Russian society to an ever-dominant role of the monarch. Thus, the entire path of development of socio-political relations in Russia in the second half of the XIX century and early twentieth century, showed a distinct lack of intermediate institutions between official state structures and of society itself – the people.

Keywords: autocracy as political form of government, adapted to survival of population, self-governing assembly of nobles and citizens, sovereignty of state

Для того чтобы понять особенность взаимоотношения государства с обществом России в XIX в., необходимо проанализировать целый ряд факторов, затрагивающих социальную и политическую характеристики развития страны не только в XIX в., но и обязательно искать корни явлений гораздо раньше. В последней четверти XIX в. Россия с точки зрения социально-экономического развития европейского государства того времени была по многим показателям отсталой и, как принято говорить, в том числе и потому, что была самодержавной. Причем в основу такой оценки ложится, как правило, экономическая определяющая, причем не итоговый валовый показатель производства сельскохозяйственной, промышленной продукции, а уровень ручного труда. Безусловно, восточная экспансия монгольских орд, географически и климатически обусловленные рамки экстенсивности повлияли на нашу коммерческую и промышленную отсталость от ряда европейских держав. Но многие сегодня видят в этих факторах обособленности России и позитивные выводы. Такая история сделала население России более приспосабливаемым к выживанию в чрезвычайных условиях. Эта отсталость помогла сохранить внутреннее ощущение единства в крестьянских общинах и рабочих артелях.

Если же рассматривать Россию рубежа XIX-XX вв. с политической точки зрения, то нашу империю следует считать передовой страной. Это было в значительной степени централизованное, бюрократическое и по многим позициям светское государство. Иерархическая система государства в значительной степени определялась способностями индивидуумов; значительная часть его ресурсов приходилась на оборону, причем использовалась система всеобщей воинской повинности, и его роль в экономике становилась все более значимой с точки зрения курса промышленного строительства. Оппоненты государства, радикалы и революционеры, шли по пути светских утопических идеологий с тем же самопожертвованием, которое было характерно для германских и итальянских террористов 60-х и 70-х годов XIX в. Чего в России в это время не было, так это парламентской демократии, хотя и она зарождалась в зачаточном состоянии и начала свое развитие с октябрьского манифеста1905 г. [1, с. 12].

Что касается самодержавия, то в последней четверти XIX в. в России существовали веские причины для того, чтобы оно оставалось политической нормой управления и было принимаемо большинством населения России. Мы считаем, что у подданных Империи не было, не существовало врожденного «рабского менталитета», как об этом говорят многие западные «исследователи» [2, с. 196]. В первую очередь следует помнить о равнинных, открытых границах России, которые являлись одновременно ее силой и ее слабостью. Силой потому, что они предоставляли народу России возможность продвигаться на восток, в результате чего наша страна, освоив фактически просторы всей северной Азии, заняла одну шестую часть земной поверхности. Слабостью потому, что из-за открытой территории Россия была более уязвима для нападения с востока, юга и, особенно в последние века, с запада [3, с. 206]. В связи с этим обстоятельством все наши российские правительства провозглашали защиту территории в качестве главного приоритета, наши руководители в сохранении суверенитета находили чистосердечную, полную и постоянную поддержку жителей России. Национальная безопасность была и есть, в действительности, что-то большее, чем приоритет, - задача, ради которой при необходимости многое приносилось в жертву [4, с. 140].

Как западные, так и отечественные ученые всегда отмечали, что географические и исторические причины предпочтения сильной власти в России практически всегда преобладали и были объективными. Причиной же самоотождествления народа с царем стало то, что с исторической точки зрения образование России как национального государства с собственным самосознанием началось необычайно рано [5, с. 115]. Монгольское нашествие XIII в. пробудило сильное русское национальное чувство, центром которого стала православная церковь, бывшая единственным общенациональным институтом, пережившим нашествие без особых трансформаций. Так как религиозная служба велась не на латыни, а на церковнославянском языке, близком к родному, национальное чувство успешно распространялось в среде простого народа. Все это придавало русскому национальному характеру черты простоты, народности, приземленности и способности к самосохранению [6, с. 76]. Религиозная основа народа утвердилась сразу же после того, как Русь смогла благодаря силе московских правителей сбросить золотоордынское иго. Московский князь провозгласил себя «цезарем» и наследником Византии, попавшей в руки иноверцев в 1453 г.: «Два Рима пало, третий стоит, а четвертому не быти». Русь стала Святой Русью, единственным истинным (правильным) христианским царством на всей земле.

Чтобы обеспечить создание армии и защиту страны, русские цари ввели строгую служебную иерархию для всего населения. Дворянам были пожалованы земли в виде поместий или имений при условии, что они всегда будут обязаны идти на гражданскую или военную службу, причем последнее предпочтительнее. Они также должны были в обязательном порядке сформировать боевой отряд из крестьян, вверенных их попечению. Таким образом, была оттеснена прежняя независимая аристократия - бояре, а это, безусловно, делало царскую власть еще более высокой и легитимной.

В дальнейшем и церковь была взята на службу. Этот процесс начался в XVII в., когда церковный глава, патриарх Никон, попытался завоевать церкви верховное положение путем исправления ошибок, накопленных в течение столетий, которые, по его мнению, бесчестили Русскую православную церковь перед лицом других церквей. Он претендовал на то, чтобы церковь занимала в государстве весьма значительную, а то и самую значительную роль. Несмотря на то, что царь Алексей устранил его, как опасного соперника, реформы были одобрены Церковным Собором. Эти реформы вызвали к жизни жесткое неприятие со стороны церковнослужителей и мирян, чувствовавших, что целостность русской веры была нарушена иностранным влиянием. Вся сила и исключительность русского национального сознания и инстинкт самосохранения были проявлены староверами, которые остались верны старой богослужебной традиции и были готовы ко всему: к тюрьме, ссылке или даже к массовому самоубийству, нежели подчинению новой традиции, заключавшейся, в общем-то, в небольших нововведениях. Старая

вера дожила до самой революции 1917 г. и пережила ее, отбирая у официальной церкви часть ее приверженцев, причем самых пылких. Быть может, наиболее важный аспект раскола, значение которого для нашей истории едва ли можно переоценить, состоит в том, что церковь стала зависеть в выполнении своих реформ от навязанной ей поддержки со стороны государства. Таким образом, был расчищен путь для Петра I, который в начале XVIII в. отменил патриаршество, символ церковной независимости. Петр сделал это, руководствуясь теми же целями, что и Генрих VIII в Англии: поставить церковь под строгий государственный контроль, дисциплинировать ее и сделать пригодной для осуществления государственных задач, таких как образование и социальное обеспечение (монастыри) граждан, отеческая забота и надзор за ними. Екатерина II завершила подчинение церкви государству, отняв обширные церковные землевладения, что привело к обнищанию священства и поставило его практически в полную зависимость от прихожан. Духовенство действительно стало подчиненным сословием, не имея финансовой самостоятельности для того, чтобы сохранять особое положение, даже в духовном отношении. Безусловно, трудно переоценить значимость подчинения церкви государству. В этом плане мы согласны с Р. Пайпсом, который утверждал, что подчиненная светской власти церковь «не могла выступать в качестве либерализирующей силы» [7, с. 321]. Это означало, что святой частью Руси (духовенством), до сих пор считавшей себя единственной хранительницей правильной веры, управляли абсолютно светским способом, превосходя в этом большинство протестантских государств, в результате чего возникала почти радикальная светская культура.

Российский способ государственного правления в XIX в. зачастую называют реакционным, но этот взгляд основан на поверхностном сравнении с западноевропейскими политическими системами. В действительности, начиная уже со времен Петра I, российские правители были почти радикальны в своем стремлении к проведению перемен. Это, конечно, объяснялось тем, что Россия постоянно ощущала потенциальную военную угрозу со стороны европейских государств, которые в целом были оснащены в техническом отношении более современными средствами. Отвечая на этот вызов, Россия использовала свои преимущества. Преимущества состояли в том, что ни капризное дворянство, ни городская аристократия не обладали достаточной независимостью, чтобы препятствовать монаршим повелениям. Вместе с тем существенный недостаток заключался в том, что имевшиеся в стране аристократические и городские сообщества (элиты города и уезда) были недостаточно сильны для того, чтобы служить промежуточным звеном для приказов сверху, как это осуществлялось в других европейских странах. Из-за их отсутствия намерения правительства часто сходили на нет среди бескрайних российских просторов. В связи с этим обстоятельством некоторые российские самодержцы, а именно Екатерина II в конце XVIII в. и Александр II в 60-х годах XIX в., в действительности пытались создать и укрепить то, что Монтескье называл «промежуточными институтами», то есть самоуправляющимися собраниями дворян и горожан с прямой ответственностью за местное управление [8, с. 132].

Другие же, например Павел I и Николай I, считали, что эти собрания преследуют собственную выгоду и приводят к раздроблению страны и стремились сдерживать их деятельность и управлять ими с помощью особых государственных бюрократов, контролируемых центром. История правления Российской империи, начиная от Петра I и до революции 1917 г., во многом объясняется такого рода колебаниями между местной автономией и жесткой централизацией, между поддержкой местной элиты и недоверием к ней.

Появление радикальной интеллигенции в XIX в. было в определенном смысле неестественным следствием этих неудовлетворительных отношений. Большинство радикалов были выходцами из тех социальных слоев, из которых царское правительство пополняло ряды чиновников центрального и губернских аппаратов: мелкое дворянство, священнослужители, армейские офицеры и специалисты разной направленности. Все они, в целом, проходили через ту же образовательную систему, что и государственные служащие. Они исповедовали те же идеалы, что и часть бюрократии, стремящаяся к реформам и переменам: прогресс, равенство, материальное благосостояние для всех, уничтожение привилегий. Но, будучи разочарованными иерархичностью и авторитарностью государственной службы, а также определенным несоответствием реальности идеалу, они, как правило, еще в студенческие годы изменили свое мировоззрение и приняли на вооружение революционную идеологию.

В отсутствие по-настоящему консервативной политической теории и при недостатке поддержки со стороны независимой церкви российское имперское государство часто оказывалось очень уязвимым при столкновении с активистами революционного движения. В сущности, собственные идеалы государства были отняты его оппонентами, и в результате правительство оказалось покинуто теми, на кого в нормальных условиях оно должно было бы опираться. Даже Ф.М. Достоевский, весьма консервативный мыслитель, сказал однажды, что, если бы он знал о том, что революционеры собираются взорвать Зимний дворец, он бы не сообщил о заговоре

полиции из боязни, что его сочтут доносчиком. Совершенно не одобряя сам терроризм, дворяне и представители свободных профессий иногда сочувствовали мировоззрению террористов. Так, к примеру, ярко выраженная либеральная партия кадетов в 1906 г. отказалась публично заклеймить терроризм, опасаясь дискредитировать себя в глазах общественного мнения. Таким образом, революционерам удалось создать своего рода «альтернативную общественную структуру», пользующуюся поддержкой населения.

Казалось бы, что к 80-м годам XIX в. русское революционное движение зашло в тупик, будучи неспособным осуществить поставленные цели ни с помощью мирной пропаганды, ни посредством террора. Именно в этой ситуации марксизм и пригодился к российским условиям. Его первый российский представитель, Георгий Валентинович Плеханов, возглавил тех, кто отказался принять методы борьбы, используемые «Народной волей». Он приветствовал марксизм, поскольку тот подтверждал его правоту в неприятии переворота: революция никоим образом еще не могла прийти в Россию просто потому, что для этого еще не созрели объективные социальные и экономические условия. Таким образом, «плехановская» интерпретация подчеркивала важность детерминистских черт марксизма: он утверждал, что капитализм еще даже не начинался в России, так что социалистическая революция, возникающая только в результате противоречий капиталистического общества, не имела надежды на успех. Россия должна была принять путь капитализма вместе с сопутствующим ему разрушением крестьянской общины и созданием крупномасштабной промышленности, поскольку эти процессы способны породить по-настоящему революционный класс - заводской пролетариат, который не обманет надежд радикальной интеллигенции, как это сделало крестьянство.

Историки России иногда рассматривают марксизм так, как если бы он пришел в нашу страну в виде окончательно сформированного и внутренне последовательного учения. На самом же деле это было не так. Сам марксизм являлся продуктом европейского опыта, весьма далекого от того, что испытывали русские радикалы (революционеры) в 60-е и 70-е годы XIX в., в частности разочарования во Французской революции и европейских волнениях 1848-1849 гг. Разрыв между революционными ожиданиями и последующей реальностью всегда существовал. Рассуждая логически, если рабочие действительно совершают революцию под влиянием своих экономических интересов, то наиболее вероятным последствием такой революции была бы дальнейшая экономическая борьба, но с другим «набором» хозяев. Тем не менее мысль о том, что рабочая революция каким-то волшебным способом устранит все конфликты в обществе, имела большую привлекательность. Идея революции совмещала в себе привлекательность науки и религии. Вот что делало ее такой соблазнительной, и особенно для России, где передовая интеллигенция не находила выхода в официальные организации гражданского общества, а сразу становилась оппозиционной и радикальной.

После отмены крепостного права общественные отношения в России начинают изменяться еще быстрее. Вчерашние крестьяне становились в городах самой низкоквалифицированной и бедной прослойкой рабочего класса. Частные фабрики нередко укрепляли связи с деревней, набирая основную массу рабочей силы в одной конкретной области, сами же рабочие часто организовывали землячества, чтобы держаться друг друга и своей родной деревни. По сравнению с рабочими, жившими в городах на протяжении одного или более поколений, эти «крестьяне-рабочие» были склонны к беспокойству во времена кризисов [9, с. 29]. Это могло объясняться отчасти тем, что их право на землевладение в деревне давало им нечто вроде опоры, а следовательно, и повышенное ощущение безопасности. Отчасти же это можно объяснить и тем, что в отсутствие легальных профсоюзных организаций в городах традиция совместных действий была гораздо сильнее в сельской местности. В их случае также многие отрицательные факторы, возникшие в городе, - перенаселенность, дороговизна, условия труда и давление со стороны мастеров - накладывались на обиды, вынесенные ими еще из деревни. Наложение сельских и городских раздражителей и пристрастий способствует созданию особенно взрывоопасной смеси.

В любом случае опыт 1905 г. показал, что российские рабочие во время кризиса оказались необычайно способны к созданию своих собственных институтов. Это способствовало снятию внутренних ограничений, которые ранее мешали крестьянам взять отправление закона в свои руки, что послужило вкладом в нарастающую волну забастовок, демонстраций и беспорядков, захлестнувшую промышленные города страны. Именно тогда рабочие впервые учредили профсоюзные организации, с большим нежеланием узаконенные правительством. Особо важную роль стали играть советы рабочих депутатов. Они возникли как забастовочные комитеты, а затем расширили поле своего влияния и стали органами гражданского объединения обездоленных и отчаявшихся представителей рабочего класса.

Таким образом, весь путь развития социально-политических отношений в России во второй половине XIX в. и в начале XX в. указывал на явный недостаток промежуточных институтов

между официальными государственными структурами и самим обществом - народом. К примеру, такими структурами могли быть общественные палаты для обсуждения аграрных проблем, комитеты подготовки выборов в Государственную Думу. Так и не сформировались самоуправляющиеся собрания дворян и горожан с прямой ответственностью за местное управление. Такая инициатива оказалась свернута контрреформами Александра III (введение земских начальников для доносительства). Не оказалось условий и для формирования общественной партии. Слабость буржуазии, а вернее сказать, чрезмерное сращивание капитала с монархическим государством (лично с царем для получения индивидуальных льгот) привело к постоянно доминирующей роли монарха [10, с. 168]. Гражданские инициативы и предпринимательство чрезмерно сдерживались бюрократическим аппаратом. Но общинные особенности менталитета, трудолюбие, непритязательность жителей России позволили стране быть поистине великой [11, с. 10-11].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Петров В.И. К вопросу о политико-экономической интеграции России // Общество: политика, экономика, во. - 2010. - № 2. - С. 11-13.
2. Петров В.И. Состав населения Среднего Поволжья и Южного Урала во второй половине XIX века. Дис. ... канд. ист. наук. - Оренбург, 2005.
3. Петров В.И. Население Среднего Поволжья и Южного Приуралья во второй половине XIX века (Казанская, Симбирская, Самарская, Оренбургская, Уральская губернии) / В.И. Петров. - Оренбург, 2005.
4. Петров В.И. К изучению крестьянского населения России во второй половине XIX века // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. - 2012. - № 3-4 (55-56). - С. 136-141.
5. Касьянов В.В., Петров В.И. Развитие гражданского общества Краснодарского края как составной части этнорегионального полиэтнического общества юга России // Aspectus. - 2014. - № 3. - С. 114-118.
6. Касьянов В.В. Влияние идей исторической школы права на кодификацию законов российской империи // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2016. - Т. 8. - № 4-1. - С. 75-77. DOI:10.17748/2075-9908-2016-8-4/1-75-77
7. Пайпс Р. Россия при старом режиме. - М., 1993. - С. 321.
8. Монтескье Ш. Избранные произведения. - М., 1955. - С. 158.
9. Хостинг Д. История Советского Союза 1917-1991. - М., 1995. - С. 29.
10. Касьянов В.В., Петров В.И., Федина И.М. Развитие теории гражданского общества: взгляд из XXI века // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. - 2014. - № 3-4 (63-64) . - С. 165-171.
11. Касьянов В.В., Шаповалов С.Н. Отношение российских граждан к власти в межкризисный период // Социально-гуманитарные знания. - 2016. - № 11. - С. 7-12.

REFERENCES

1. Petrov V.I. K voprosu o politiko-yekonomicheskoi integracii Rossii. [Petrov V. I. the problem of political and economic integration of Russia]. Obshestvo: politika, yekonomika, pravo = Society: politics, Economics, law. 2010. No. 2. P.11-13.
2. Petrov V.I. Sostav naselenija Srednego Povolzh'ja i Yuzhnogo Urala vo vtoroi polovine XIX veka. Dissertacija na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskih nauk. [Petrov V. I. the Composition of the population of the Middle Volga and southern Urals in the second half of the XIX century. The dissertation on competition of a scientific degree of candidate of historical Sciences]. Orenburg, 2005.]
3. Petrov V.I. Naselenie Srednego Povolzh'ja i Yuzhnogo Priural'ja vo vtoroi polovine XIX veka. (Kazanskaja, Simbirskaja, Samarskaja, Orenburgskaja, Ural'skaja gubernii).V. I. Petrov. [Petrov V. I. population of the Middle Volga and the southern Urals in the second half of the XIX century. (Kazan, Simbirsk, Samara, Orenburg, Ural region). V. I. Petrov.]. Orenburg, 2005.
4. Petrov V.I. K izucheniyu krest'janskogo naselenija Rossii vo vtoroi polovine XIX veka. [Petrov V. I. the study of the peasant population of Russia in the second half of the XIX century]. Yekonomika. Pravo. Pechat'. Vestnik KSYeI. 2012. No. 3-4 (55-56). P. 136-141.
5. Kas'janov V.V., Petrov V.I. Razvitie grazhdanskogo obshestva Krasnodarskogo kraja kak sostavnoi chasti yetnoregional'nogo poliyetnicheskogo obshestva yuga Rossii. [Kasyanov V.V., Petrov V.I.? The Development of civil society of Krasnodar territory as an integral part of ethno-regional multi-ethnic society of the South of Russia]. Aspectus. 2014. No. 3. P. 114-118.
6. Kas'janov V.V. . Vliyanie idey istoricheskoy shkoly prava na kodifikatsiyu zakonov Rossiyskoy imperii. [Influence of historical school of law's ideas to codify laws of Russian Empire]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'= Historical and Social Educational Ideas. 2016;8(4/1):75-77. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2016-8-4/1-75-77
7. Paips R. Rossija pri starom rezhime. [Pipes R. Russia under the old regime]. M., 1993. P. 321.
8. 8.Montesk'e SH. Izbrannye proizvedenija. [Montesquieu, Charles The Works Selected]. M., 1955. P. 158].
9. 9.Dzheffri Hosting. Istorija Sovetskogo Soyuza 1917 - 1991. [Geoffrey Hosking A history of the Soviet Union 1917 - 1991]. M., 1995. P. - 29.
10. Kas'janov VV., Petrov V.I., Fedina I. M. Razvitie teorii grazhdanskogo obshestva: vzgljad iz XXI veka. [Kasyanov V.V. Petrov V. I., Fedina I. M. development of the theory of civil society: a glance from XXI century]. Yekonomika. Pravo. Pechat'. Vestnik KSYeI. 2014. No. 3-4 (63-64). pp. 165-177.

11. Kas'janov V.V., Shapovalov S.N. Otnoshenie rossiiskih grazhdan k vlasti v mezhkrizisnyi period. [The attitude of Russian citizens to the authorities in microtiny period]. Social'no-gumanitarnye znanija = Socio-humanitarian knowledge. 2016. No. 11. P. 7-12.

Информация об авторе

Касьянов Валерий Васильевич, доктор исторических наук, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Кубанского государственного университета,
г. Краснодар, Россия
culture@kubsu.ru

Петров Владимир Иванович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Кубанского государственного университета,
г. Краснодар, Россия
history1380@mail.ru.

Получена: 09.01.2017

Для цитирования: Касьянов В. В., Петров В.И., Социально-политическая характеристика российского общества XIX века (попытка макроисторического анализа). Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 1. Часть 1. с. 108-113.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-108-113.

Information about the author

Valery V. Kasyanov, Doctor of Historical Sciences, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of Department of Russian History, Kuban State University,

Krasnodar, Russia
culture@kubsu.ru

Vladimir I. Petrov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Russian History, Kuban State University,
Krasnodar, Russia
history1380@mail.ru

Received: 09.01.2017

For citation: Kasyanov, V. V., Petrov, V.I., Social-political characteristics of the russian society of the XIX century (attempt of macro-historical analysis). Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no. 1. Part. 1. Pp. 108-113.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-108-113. (in Russian)

УДК 101.1 DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-114-117

ПЕТРИЧЕНКО Евгений Анатольевич
Современная гуманитарная академия
г. Москва, Россия
evgeniy-ksb@mail.ru

PETRICHENKO Evgeny A.
Modern University For The Humanities
Moscow, Russia
evgeniy-ksb@mail.ru

СЕМЕНОВА Вероника Георгиевна
Ростовский государственный экономический университет
г. Ростов-на-Дону, Россия
veronikasemenova@mail.ru

SEMENOVA Veronika G.
Rostov State University of Economic
Rostov-on-don, Russia
veronikasemenova@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

INFLUENCE OF INFORMATION ON THE FORMATION OF PUBLIC OPINION

В статье выявляется влияние средств массовой информации (СМИ) на формирование общественного мнения на примере ситуации с выборами президента 2016 года в Америке; анализируются итоги выборов, степень воздействия средств массовой коммуникации на человека. Авторы приходят к выводу, что современная политика в информационной сфере США неадекватна. Противостояние в общественно-экономических отношениях США проявляется противостоянием в сфере информации. В современном информационном мире масс-медийная сфера выступает в качестве основного инструмента манипулирования мнением общества со стороны различных влиятельных сил. Появляются различные формы ужесточения контроля над носителями информации (социальные сети, Интернет) со стороны элит, а следовательно, потребность со стороны элиты в отвлечении внимания масс от внутренних проблем с помощью подконтрольных этим элитам СМИ. Такие игры с общественностью не приводят к получению намеченного результата, что и показывают результаты выборов в Америке. Выборы президента США высветили несоответствие реальности «царствующего» сегодня общепризнанного положения о том, что элита управляет человечеством с помощью «четвертой власти». Меняется мир, должна меняться и медийная картина. Особую актуальность приобретает проблема разграничения знания от лжи, и выявляется она с новой стороны, имеющей взаимосвязь между получением знания и наличием доверия. Наличие доверия общества к власти - залог стабильности общественной системы. Это касается не только американского общества, но и всего мира в целом.

Ключевые слова: средства массовой информации, информация, социальные сети, общественное мнение, выборы, объективное знание, дезинформация, доверие, стабильность общественной системы.

The article reveals the influence of the media (the media) on the formation of public opinion on the situation with the example of the presidential elections in 2016 in the United States; analyzes the election results, the impact of mass media on the person. The authors conclude that the current policy of the US sphere of information is inadequate. Confrontation in the socio-economic relations between the United States manifests confrontation in the sphere of information. In today's information world of the mass media sphere acts as the primary tool to manipulate public perception on the part of various influential forces. There are various forms of tightening control over the carriers of information (social networks, the Internet) by the elite, and consequently, the need on the part of the elite in diverting the attention of the masses from domestic problems by using these elites controlled the media. Such games with the public do not produce the intended result, as shown by the results of elections in America. US presidential elections have highlighted the discrepancy between the reality of "reigning" today generally accepted position that the elite controls the humanity with the help of the "fourth estate". The world is changing, should change and media scene. Especially important is the problem of differentiation of knowledge of the lies, and it is revealed in a new way, having the relationship between the knowledge and the existence of trust. Availability of public confidence in the government - the pledge of stability of the social system. This applies not only American society, but also the whole world.

Keywords: media information, social media, public opinion, elections, objective knowledge, misinformation, trust, stability of the social system.

Средства массовой информации (СМИ) оказывают воздействие на все сферы жизнедеятельности человека. Велика их роль в формировании общественного мнения, общественного сознания, общественных интересов, в том числе политических взглядов людей. Однако достаточно высокая степень влияния средств массовой коммуникации на умы человечества сильно преувеличена. И это подтверждают результаты недавних выборов президента в США.

9 ноября 2016 г. мировые СМИ объявили о неожиданной победе Дональда Трампа в президентских выборах. Триумф самого «нестабильного» и «непредсказуемого» кандидата для многих стал настоящей сенсацией. Феномен этих выборов состоял в том, что все респектабельные американские СМИ уверенно прогнозировали победу Клинтон. В подавляющем числе различных прогнозов, рейтингов, телерепортажей и прочих источников информации сообщалось о ее бесспорной поддержке в США. Трамп же для традиционных СМИ оставался аутсайдером: практически все уважаемые американские СМИ, а также ведущие социальные сети его не поддерживали и считали «человеком со стороны». Примечательно, что противостояние масс-медиа Трампу в еще большей степени способствовало росту его популярности: «команда Трампа смогла обыграть не только традиционные СМИ, но и современные медиа, которые также в значительной степени работали на его конкурентку» [1].

Анализируя сокрушительную победу Трампа, эксперты, ученые пытаются найти этому обоснование. На наш взгляд, причин для этого существует множество. Одна из них - резкое

снижение доверия американских граждан к так называемым лучшим изданиям, необъективность, предвзятость, «корпоративная цензура» СМИ в Америке. Директор Департамента информации и печати в МИД РФ Мария Захарова высказалась по поводу выборов в США следующим образом: «Причина провала Хиллари проста - отсутствие объективности. Много лет, а последние годы агрессивно они внушали всем мантру о "плохой России" как причине всех бед. Потом настолько заговорились, что и сами в это начали верить. Конечно, в этих условиях результаты выборов в США стали для них и их аудитории "неожиданными". А о каком экспертном анализе можно говорить, если они печатали и показывали только "своих" экспертов, а потом "свои" эксперты читали и смотрели новости этих же СМИ, и опять все уходило на новый круг. Получилась глобальная информационная карусель» [2].

Выборы в США показали, что традиционные СМИ так и не смогли убедить народ голосовать «за нее». Наиболее влиятельные источники информации недооценили интересы среднего класса. Во всяком случае ясно, что игры с народом не привели к получению запланированного результата. По всей видимости, главным недостатком аналитики экспертов США было не только отсутствие объективности и информационная карусель, но и то, что они не увидели назревающего раскола в общественном сознании США, который проявился через СМИ так же, как «миллионы человеческих сознаний в едином явлении».

Поэтому другая причина - это назревавший уже давно раскол в американском обществе: раскол между элитой и рядовыми избирателями, крупным городом и провинцией, городом и селом… Вот что пишет по этому поводу один из экспертов Валдай-клуба Андрей Кортунов: «На наших глазах началось и одержало победу - без всякого преувеличения - народное восстание против национального истеблишмента, ведь против Дональда Трампа единым фронтом выступила вся элита страны: демократы и республиканцы, финансовые корпорации Уолл-стрита и венчурные компании Силиконовой долины, национальные средства массовой информации и ведущие культуртрегеры» [3]. Если то, что произошло в реальности, можно отнести к «народному восстанию против элит», то правомерно поставить вопрос: каким образом было организовано это «восстание» и кем?

Не секрет, что за Хиллари «стоят» национальные элиты…. А это представители крупного капитала и монополий. Организовала и сплотила их в этой предвыборной борьбе потребность «выжить», остаться элитой, не потерять свои рынки. В отношении другого кандидата сложилась другая ситуация. Общепризнано, что «за Трампом стояли» те, кого по разным причинам не устраивали национальные элиты. Все обозреватели указывали на бизнес, угнетаемый монополиями, и на рабочих. Это, в частности, отметил один из бывших кандидатов от Демократической партии США Б. Сандерс: «… Дональд Трамп "ударил в болевую точку" - воспользовался растущим недовольством беднеющего американского среднего класса…» [4]. В выборе «среднего класса» проявилась потребность «выжить»: не потерять работу, сохранить социальные гарантии государства и пр. В СМИ не раз подчеркивалось, что Трамп в своих предвыборных речах постоянно делал акцент на возврате крупных производств, которые были вывезены в страны с дешевой рабочей силой (в основном в Латинскую Америку и Китай), на территорию США. Следовательно, так называемый средний класс благодаря предвыборной информации имел возможность заявить о своей потребности «выжить».

Немного остановимся на форме информации «за Трампа». По этому аспекту есть множество данных в различных новостных лентах: [5] это не очень крупные СМИ и социальные сети, в частности Facebook, с помощью которого общаются ¾ населения США, а общее число зарегистрированных пользователей превышает один миллиард. При анализе специалистами живого потока постов на Facebook было установлено, что прямая онлайн-трансляция последнего выступления Трампа набрала 135 тыс. лайков и 1,5 млн просмотров. Аналогичное выступление Клинтон набрало 11 тыс. «мне нравится» и 321 тыс. просмотров. Трамп опережал Клинтон в Twitter, Youtube, Instagram [6].

Мы уже имели немало примеров, когда социальные сети активно использовались в разжигании так называемых цветных революций. Не без их участия организовывался Майдан на Украине, координировались силовые действия протестующих. Активный участник «Евромайдана» Константин Алферов в своей статье «Украинская Facebook - революция глазами очевидца» пишет следующее: «Со стороны часто кажется, что революции делают вооруженные и хорошо организованные радикалы, но я считаю, что революцию в Киеве сделали не они, а "группа снабжения" - тысячи горожан, общественные организации, которые регулярно поддерживали Майдан деньгами, продуктами, лекарствами, теплыми вещами для митингующих, чаем, волонтерской работой. И свою деятельность они в 90% случаев координировали как раз через социальные сети. Не было бы у киевлян доступа к Facebook и Twitter, Вконтакте, Zello и другим социальным сервисам, возможно, президентом Украины до сих пор был бы Янукович» [7].

Анализируя результаты выборов, российские политики и эксперты пытаются предугадать последствия этих выборов для российско-американских отношений. Естественно, многие политики и ученые видят в победе Трампа сигналы к возможной перемене общественного уклада и делают попытки перенести эту перемену на отношения между странами, в том числе на российско-американские отношения. Каким образом выбор американского народа повлияет на отношения России и США, предугадать, разумеется, невозможно, тем более, что некоторые изменения в общественно-экономических отношениях происходят и в Европе. Но не стоит отрицать, что победа Трампа - это явление историческое, сущность которого лежит в изменении общественных отношений, причем не только в самой Америке, но и во всей Европе. Изменившийся «миропорядок» выбрал Трампа, а не Трамп выбрал «миропорядок».

Первым значимым таким явлением можно признать Brexit - референдум в Британии за выход из Европейского союза [8]. Позже произошли качественно иные выборы в Болгарии и Молдове, результаты которых также оказались весьма неожиданными не только для европейских элит, но и для политиков всего мира. Совсем недавно аналогичные процессы стали проявляться во Франции: на праймериз неожиданно для всех с 20% отрывом вырвался вперед Франсуа Фийон. Заметим, что Николя Саркози вопреки всем прогнозам оказался только третьим [9]. Но что мог предложить Фийон своим избирателям, чтобы победить с таким отрывом? Ответ прозвучал еще 19 сентября 2013 г.: Франсуа Фийон, приглашенный в Россию для участия в дискуссионном клубе «Валдай», в своем выступлении раскритиковал позицию Франции в сирийском кризисе. Он упрекнул ее в подражании США, выразив надежду, что Франция «снова обретет независимость и свободу суждений и действий, поскольку только они могут поддержать ее авторитет в этом кризисе». Это высказывание политик продублировал в Твиттере, чтобы быть уверенным, что фраза не пройдет незамеченной [10].

Таким образом, мы имеем дело с событием, поколебавшим общепризнанное сегодня положение о возможности управлять человеческим сознанием посредством «четвертой власти» (т.е. посредством СМИ). В данном случае обычная для США практика заставить избирателя отдать голоса за «своего» не дала нужного и ожидаемого большинством элиты результата. Выборы главы Белого дома высветили несоответствие реальности «царствующего» сегодня общепризнанного положения о том, что элита (интеллектуалы, эстеблишмент и их слуги) управляет человечеством с помощью «четвертой власти» (т.е. «информации»). Сегодняшняя ситуация в Америке позволила развеять миф о том, что политика в американской информационной сфере адекватна. Меняется мир, а следовательно, должна меняться и медийная картина.

В современном информационном мире легко стать объектом обмана, дезинформации, в том числе сознательной. Ситуация, связанная с информацией, полученной с помощью современных информационных технологий, гораздо ненадежнее, чем это казалось. В связи с проблемой информации остро встает вопрос о возможности получения истинной информации, объективного знания.

Задача человека - уметь выбрать ту часть информации, которая соответствует объективному положению вещей. Поэтому проблема разграничения знания от лжи (дезинформации) приобретает в наше время особую актуальность и выявляется с новой стороны, имеющей взаимосвязь между получением знания и наличием доверия. Там, где есть доверие, есть и стабильность общественной системы. Это касается не только американского общества, но и всего мира в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Алкснис И. Своей реакцией на «российскую пропаганду» Запад повторяет «казус Трампа». 2016. [Электронный ресурс] - URL: https:// vz.ru/world/2016/11/23/845504.html. (Дата обращения: 10.12.2016).
2. RT на русском. Захарова назвала американские СМИ плохими экспертами. 2016. [Электронный ресурс] – URL: https://russian.rt.com/world/news/331965-zaharova-smissha-plohie-eksperti. (Дата обращения: 20.11.2016).
3. Кортунов А. Победа народного восстания над национальным истеблишментом. 2016. [Электронный сурс] - URL :http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/pobeda-narodnogo-vosstaniya-nad-isteblishmentom. (Дата обращения: 25.11.2016).
4. Полонский И. Гнев WASP'ов. Кто голосовал за Трампа и почему? 2016. [Электронный ресурс] – URL: https://topwar.ru/103546-gnev-wasp-ov-kto-golosoval-za-trampa-i-pochemu.html. (Дата обращения: 3.12.2016).
5. Маркосян Р. Как социальные сети помогли Трампу стать президентом. 2016. [Электронный ресурс] – URL: http://www.cossa.ru/152/145969/?CODE=152&EL=145969. (Дата обращения: 20.11.2016).
6. Ганз В. Американские блогеры: Трамп отнимает у Клинтон избирателей в соцсетях. 2016. [Электронный ресурс] - URL: http://www.pravda.ru/news/world/northamerica/usacanada/11-08-2016/1309590-tramp-0/. (Дата обращения: 27.11.2016).
7. Алферов К. Украинская Facebook - революция глазами очевидца. 2016. [Электронный ресурс] – URL: https://www.gazeta.ru/tech/2014/03/21_e_5959229.shtml. (Дата обращения: 15.11.2016).
8. Петриченко Е.А. «Брексит» и Европейский союз. Философский взгляд // CETERIS PARIBUS. - 2016. - № 10. - С. 26-30.
9. Попова А. Новое политическое землетрясение. Теперь - во Франции. 2016. [Электронный ресурс] – URL: http://www.vesti.ru/doc.html?id=2824188. (Дата обращения: 29.11.2016).

10. Климентьев М. Экс-премьер Фийон подхватил на Валдае «синдром Депардье». 2016. [Электронный сурс] - URL: http://ru.rfi.fr/rossiya/20130920-eks-premer-fiion-podkhvatil-na-valdae-sindrom-deparde/. (Дата обращения: 3.12.2016).

REFERENCES

1. Alksnis I. Svoei reakciei na «rossiiskuyu propagandu» Zapad povtorjaet «kazus Trampa». [His reaction to the "Russian propaganda" West repeats "incident Trump"]. 2016. Available at: https:// vz.ru/world/2016/11/23/845504.html. (in Russ.).
2. RT na russkom. Zaharova nazvala amerikanskie SMI plohimi yekspertami. [Zakharova called bad American media experts]. 2016. Available at: https://russian.rt.com/world/news/331965-zaharova-smissha-plohie-eksperti. 20.11.2016). (in Russ.).
3. Kortunov A. Pobeda narodnogo vosstanija nad nacional'nym isteblishmentom. [The victory of the popular uprising of the national establishment]. 2016. Available at: http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/pobeda-narodnogo-vosstaniya-nad-isteblishmentom. (in Russ.).
4. Polonskii I. Gnev WASP'ov. Kto golosoval za Trampa i pochemu?. [Anger WASP'ov. Who Voted for Trump and why?]. 2016. Available at: https://topwar.ru/103546-gnev-wasp-ov-kto-golosoval-za-trampa-i-pochemu.html. (in Russ.).
5. Markosjan R. Kak social'nye seti pomogli Trampu stat' prezidentom. [As social networks have helped Trump to become president]. 2016. Available at: http://www.cossa.ru/152/145969/?CODE=152&EL=145969. (in Russ.).
6. Ganz V. Amerikanskie blogery: Tramp otnimaet u Klinton izbiratelei v socsetjah. [US bloggers: Trump robs Klinton voters in social networks]. 2016. Available at: http://www.pravda.ru/news/world/northamerica/usacanada/11-08-2016/1309590-tramp-0/. (in Russ.).
7. Alferov K. Ukrainskaja Facebook - revolyucija glazami ochevidca. [Ukrainian Facebook - revolution eyewitness]. 2016. Available at: https://www.gazeta.ru/tech/2014/03/21_e_5959229.shtml. (in Russ.).
8. Petrichenko E. A. "Breksit" i Evropeiskii soyuz. Filosofskii vzgljad ["Breksit" and the European Union. The philosophical view]. CETERIS PARIBUS. 2016. №10 S.26-30. (in Russ.).
9. Popova A. Novoe politicheskoe zemletrjasenie. Teper' - vo Francii. [New political earthquake. Now - in France]. 2016. Available at: http://www.vesti.ru/doc.html?id=2824188. (in Russ.).
10. Kliment'ev M. Yeks-prem'er Fiion podhvatil na Valdae «sindrom Depard'e». [Former Prime Minister Fillon picked up in Valdai "Depardieu syndrome"]. 2016. Available at: http://ru.rfi.fr/rossiya/20130920-eks-premer-fiion-podkhvatil-na-valdae-sindrom-deparde/. (in Russ.).

Информация об авторе

Петриченко Евгений Анатольевич, аспирант, кафедра философии, Современная гуманитарная академия,
г. Москва, Россия
evgeniy-ksb@mail.ru

Семенова Вероника Георгиевна, доктор философских наук, профессор, кафедра русского языка, культуры и коррекции речи,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
г. Ростов-на-Дону, Россия
veronikasemenova@mail.ru

Получена: 17.12.2016

Для цитирования статьи: Влияние информации на формирование общественного мнения. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 1. Часть 1. с. 114-117. doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-114-117.

Information about the author

Evgeny A. Petrichenko, Postgraduate Student, Department of Philosophy, Modern Humanitarian Academy,
Moscow, Russia
evgeniy-ksb@mail.ru

Veronika G. Semenova, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of the Russian Language, Culture and Speech Correction,
Rostov State Economic University (RINE),
Rostov-on-Don, Russia
veronikasemenova@mail.ru

Received:17.12.2016

For article citation: Petrichenko, E.A., Semenova, V.G., Informational influence on the formation of public opinion. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no. 1. Part. 1. Pp. 114-117.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-114-117. (in Russian)

Образование и педагогические науки

Education and Pedagogical Sciences

УДК 378.1

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-121-125

БЫКАСОВА Лариса Владимировна
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал)
г. Таганрог, Россия
moeve-25-moeve@yandex.ru

Larisa V. BYKASOVA
A.P. Chekhov Taganrog Institute (branch) of Rostov State Economic University (RINI)
Taganrog, Russia
moeve-25-moeve@yandex.ru

ПОДБЕРЕЗНЫЙ Владимир Васильевич
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал)
г. Таганрог, Россия

Vladimir V. PODBEREZNY
Candidate of Pedagogical Sciences
A.P. Chekhov Taganrog Institute (branch) of Rostov State Economic University (RINI)
Taganrog, Russia

ПАНОВА Валентина Анатольевна
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ) Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал)
г. Таганрог, Россия

Valentina A. PANOVA
A.P. Chekhov Taganrog Institute (branch) of Rostov State Economic University (RINI)
Taganrog, Russia

ТЕОРИЯ СТРУКТУРАЛИЗМА О ДИВЕРСИФИКАЦИИ И МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

THEORY OF STRUCTURALISM ON THE DIVERSIFICATION AND MODERNIZATION OF EDUCATION

В статье предпринята попытка стратегического аудита основных идей теории структурализма, базирующихся на методологических принципах, дидактических методах, образовательных моделях, разрабатываемых современной педагогической наукой и практикой. Авторами осуществляется рефлексия использования механизмов познания, рассматриваемого как синтез когнитивных практик, как поиск нового понятийного аппарата, отвечающего современному экзистенциально-антропологическому дискурсу педагогической науки, представляющей гетерогенный контент, нуждающийся в ревизии категориального аппарата, чьи дефиниции в результате эволюции и социокультурных изменений либо не совпадают, либо имеют специфический смысл, обусловленный семантической окраской концепта. Механизмы диверсификации и модернизации образования рассматриваются авторами через различные ипостаси: внутреннюю структуру педагогической теории и практики; через взаимосвязь, отношения с другими явлениями в соответствующих социальных и культурных системах; через функции социальных институтов, формирующих человеческий опыт. Существенная роль в диверсификации и модернизации образования принадлежит педагогу как архитектору трансмедийных продуктов, имеющему репутационный капитал, высокую личную эффективность, тиражирующему лучшие образовательные практики, и среде, обладающей свойствами адаптации, самоорганизации, имеющей консолидирующий эффект. Теория структурализма обращается к дидактической валентности образования, диверсификация и модернизация которого проявляется в индивидуализации образования (форма, скорость, модель обучения), в формировании у субъекта образования когнитивных навыков, в практико-ориентированном характере образования, в непрерывности образовательного процесса в течение всей жизни.

In the article using the strategic audit, are considered the basic ideas of the theory of structuralism, which is based on methodological principles, didactic methods, educational models, developed modern science and practice. The authors carry out a reflection on the mechanisms of cognition, considered as a synthesis of cognitive practices, the search for a new conceptual framework that meets modern existential-anthropological discourse of pedagogy, represents a heterogeneous content in need of revision of the categorical apparatus, whose definition as a result of evolution and socio-cultural changes that either do not match or have a specific meaning due to the semantic connotation of the concept. Mechanisms of diversification and modernization of the education are considered by the authors through the prism of the internal structure of educational theory and practice, through relationship with other phenomena in the appropriate social and cultural systems, through social institutions that shape human experience. A significant role in the diversification and modernization of the education belongs to the teacher, as an architect of the transmedia products, that have reputational capital, high personal effectiveness, duplicating the best of educational practice and environment with properties of adaptation, self-organization, has a consolidating effect. The theory of structuralism refers to the didactic valence of education, diversification and modernization which manifests itself in the individualization of education (form, speed, training model); in the formation of the subject of education cognitive skills in a practice-oriented nature of educational process through the life.

Ключевые слова: методология, принципы теории, метод, система, инфраструктура, дискурс, мотив, механизмы модернизации, потенциал, педагогический корпус.

Keywords: methodology, principles of theory, method, system, infrastructur, discourse, motive, mechanisms of modernization, potential, pedagogical corpus

В настоящее время теорией принято называть научное единство знания, в котором факты и модулирующие представления или гипотезы связаны в некоторую целостность, то есть такое научное знание, в котором факты подводятся под общие законы, а связи между ними выводятся из последних [1, с. 438].

Среди существующих теорий значительное место занимает теория структурализма. Структурализм представляет собой интеллектуальное движение, строящее учение о методе,

опираясь на структуру как основную данность, позволяющую дать определение всем феноменам [1, с. 427].

Для структурализма характерно:

- стремление к раскрытию моделей, лежащих в основе социальных и культурных явлений;

- определение внутренней структуры социальных явлений, их связи с другими явлениями в соответствующих культурных системах;

- разъяснение социальными институтами человеческого опыта. Структурные компоненты объясняют значение конкретного объекта или действия, соотнося их с системой скрытых норм и категорий.

Эффективность теории определяется ее способностью оптимизировать реальные возможности ценностного мира человека. Непреходящей ценностью является образование. В результате смены парадигм, концепций, теорий происходит эволюционирование образовательного кластера. Смена методологических установок детерминирует упорядочение терминологического аппарата в связи с тем, что ряд понятий перестает вмещать новый опыт, требуется обновление тезауруса на основе договоренности в научном сообществе. Употребление вводимого в научный обиход термина должно соответствовать современному проблемно-предметному контексту [2, с. 97].

Тезаурус теории современного образования (как отрасли духовного производства) представлен такими понятиями, как принципы синтеза когнитивных практик, индивидуализация обучения, научность, мыслящий субъект, ресурс индивидуального развития, трансформация стратегий, императив ответственности, герменевтический контекст, свобода - субстанция творчества и др.

Главное в теории структурализма - ее принципы, позволяющие интерпретировать содержание научных законов, а также всех используемых в теории концептов. Теория структурализма, оказывая влияние на образовательную практику, способствовала возникновению принципов образования:

- принцип *единства интеграции и дифференциации* научного знания означает тенденцию сближения фундаментальной и прикладных наук. Дифференциация научного знания одновременно сопровождается его интеграцией, что позволяет заимствовать тезаурус и методы для изучения своего объекта. Несмотря на «эпистемологический излом», задача педагога

соблюдать креолизацию всех учебных языков, представленных в образовательной системе, сохраняя стиль мышления, основные формы и методы презентации учебного материала [2, с. 98];

- принцип *антропоцентризма* - особое, исторически складывающееся отношение педагога к образовательному процессу, в котором центральное место и активная роль отводится ученику. Согласно данному принципу ученик становится смысловым и организационным центром образования при условии интеграции в сознании разных учебных текстов;

- принцип *культуросообразности* означает, что учебные тексты в пределах образовательной системы приводятся в такую же связь, в которой они находятся в культуре. Исходя из данного принципа, можно утверждать, что образовательная система являет собой научно обоснованный образ культуры. По содержанию и взаимной связи учебных текстов образовательная система конгруэнтна культуре. Педагог, обеспечивая передачу знаний от поколения к поколению, хранит культуру, вносит вклад в ее развитие [3];

- принцип *роста научного знания* означает автоматическое утрачивание своих главенствующих позиций старой теорией, при этом новая теория дает основания для рефлексии: верифицировать или фальсифицировать теорию;

- принцип *конвариантной редупликации* - самовоспроизведение знания с некоторыми изменениями, осуществляемое на основе матричного принципа, в основе которого лежит уникальная способность к самовоспроизведению управляющих систем;

- принцип *научной актуальности* подразумевает соответствие генерируемого знания следующим критериям: системность знания, наличие отработанного механизма получения новых знаний, теоретичность знания, рациональность знания, фальсифицируемость научного знания;

- принцип *относительности* означает одинаковое протекание процессов возникновения, эволюции, генерации знания в системах в независимости от статичности или подвижности системы;

- принцип *симметрии* - это гармоничность, инвариантность структуры материального объекта относительно его преобразований;

- принцип *наблюдаемости* (связан с принципом наглядности) и означает соблюдение максимы: наблюдаемое умом должно быть наблюдаемо чувственно.

Обратимся к палитре методов, разрабатываемых теорией структурализма:

- редукция (видоизменение, новые импульсы);

- элементаризация (рефлексия составных частей);

- реконструкция (воссоздание, ремикс как признак гибридности);

- трансформация (модификация, ревизия);

- предиконографическое описание (формализация знания, педагогическая легитимность, восприятие);

- иконологический анализ (собственная практика, социальная инклюзивность);

- структуральный метод - исследование вербального текста, изучение его функций (сближение эстетики и семиотики);

- иконографический синтез (эмпирическое фундирование на основе синтетической интуиции);

- метод ситуационного анализа - оценка возможных изменений в деятельности образовательной организации с учетом влияния внешних факторов (совершенствование структуры образовательного учреждения, ответная реакция на изменение в среде, высокое качество образовательного продукта и др.);

- метод структурного анализа - исследование структуры как совокупности «скрытых отношений» между элементами целого [4, с. 76].

Теория структурализма отвечает на главный вопрос, связанный с диверсификацией и модернизацией образования: для того чтобы сохраниться, надо измениться. В русле теории структурализма формируются системные приоритеты государственной политики в сфере образования.

Согласно Государственной программе Российской Федерации «Развитие образования» до 2020 г., такими приоритетами являются доступность образования, повышение качества результатов образования на разных уровнях, развитие сферы непрерывного образования на протяжении всей жизни человека, укрепление образовательного пространства России, обучение на учебно-материальной базе с использованием современного учебно-лабораторного оборудования [https://programs.gov.ru]. Участниками данной программы являются 31 Федеральное агентство, Министерства, Российская академия художеств, ФГБОУ «Российская академия образования», основной целью консолидации усилий которых является обеспечение высокого качества российского образования.

Цель, стоящую перед российским образованием, можно достичь при условии решения следующих задач:

- формирование гибкой системы непрерывного образования, развивающей человеческий потенциал, обеспечивающей текущие и перспективные потребности страны;

- развитие инфраструктуры и организационно-экономических механизмов, обеспечивающих всем равный доступ к образованию;

- модернизация образовательных программ, создание современной системы оценки качества образования (принцип открытости, объективности, прозрачности);

- обеспечение эффективной системы социализации и самореализации молодежи [https://programs.gov.ru].

Модернизации, по нашему мнению, должны подвергаться объекты:

- содержание общего и профессионального образования;

- управление образованием;

- система социально-экономического обеспечения педагогических кадров.

В арсенале образовательного дискурса теории структурализма рельефно обозначены следующие императивы:

1) *подготовка современного педагога*, повышение качества результатов его образования как архитектора трансмедийных продуктов, являющегося личностью адаптивного типа, имеющего репутационный капитал, высокую личную эффективность, тиражирующего гуманитарные ценности и традиции, лучшие образовательные практики [5, с. 84];

2) фундаментальное образование и постоянное самообразование

учителя как носителя собственной воспитательной стратегии. Гуманистический смысл подготовки учителя заключается в его реализации в профессии [3];

3) *мотивация педагога*: профессионализм, когнитивные и гностические компетенции, организационные, мобилизационные, развивающие, ориентационные и коммуникативные компетенции [5, с. 84];

4) *предотвращение старения педагогического корпуса*, для чего необходимо комплексом стимулирующих мер стремиться «доводить» выпускников вузов до школы. Согласно статистике, сегодня только каждый третий молодой специалист идет работать в школу, тогда как основное количество педагогических кадров остается неизменным и стремительно стареет.

Теория структурализма делегирует функции управления консервативным образовательным процессом институциональным механизмам модернизации: системность, комплексность, радикальность.

Благодаря развитию информационных и коммуникационных технологий предполагается:

- применение инструментов обучения с привлечением IT-технологий: симуляторы, on-line курсы, тренажеры и др., позволяющие развивать у субъекта образования когнитивные навыки;

- индивидуализация образования (форма, скорость, модель обучения);

- практико-ориентированный характер образования (получение субъектом на «выходе» реального продукта);

- непрерывность образовательного процесса в течение жизни;

- индивидуальная траектория обучения;

- дистанционный характер обучения;

- электронные наставники [6, с. 39].

Применение информационной модели способствует формированию надпрофессиональных навыков и умений: развитие системного мышления,

формирование навыков межотраслевой коммуникации, клиентоориентированность, раскрытие мультикультурности контента, внедрение управления проектами и др.

В связи с тем, что теория структурализма обращается к дидактической валентности образования, диверсификация последнего проявляется в появлении новых профессий:

- разработчик образовательных траекторий;

- тьютор (педагог, прорабатывающий индивидуальные задания);

- координатор образовательной on-line платформы (сопровождение on-line курсов по отдельным предметам);

- ментор стартапов (профессионал, обучающий на базе своего опыта работы ведению деятельности);

- тренер по майнд-фитнесу (разработка программ развития индивидуальных когнитивных навыков: концентрация внимания, память, скорость формулировки мысли и др.).

Резюмируя сказанное, можно отметить, что альфа устремлений теории структурализма в области образования - это, прежде всего, рефлексия методов обучения и воспитания субъекта; цели образования (в экстраполяции к личностным потребностям субъекта); состояния современной социокультурной среды, модернизации и оптимизации управления образовательными системами и комплексами. Для теории структурализма важно исследование процессов диверсификации педагогической науки как саморазвивающейся системы, выявление ее сущности и функции; анализ роли педагога как транслятора культурных ценностей в преобразовательной деятельности человечества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Философский словарь. - М.: Республика, 2003. - 575 с.
2. Быкасова Л.В. Педагогическая эпистемология: от структурализма к деконструктивизму // Вестник Череповецкого государственного университета. - 2016. - № 2 (71). - С. 96-99.
3. Андреева К.В., Быкасова Л.В. Средоориентированное обучение в современном вузе. Современные проблемы науки и образования. - 2013. - № 6. [Электронный ресурс] - http//www/science-education.ru/113-11421 (дата обращения: 29.12.2013).
4. Быкасова Л.В. Современное художественное образование в Германии: Учеб. пособие. - Ростов н/Д,: Рост.гос. ун-т, 2004. - 214 с.
5. Быкасова Л.В., Ищенко А.М. Эволюционирование субъектности в образовательных моделях // Казанская наука, - 2011. - № 5. - С. 83-85.
6. Быкасова Л.В., Самойлов А.Н. Дистанционное образование: культура, среда, социализация // Известия Южного Федерального Университета, серия «Педагогические науки». - 2014. - № 2. - С. 37-42.

REFERENCES

1. Psichologicheskij slovar. [Psychological dictionary. Pedagogy]. M.,1983. 447 p.
2. Bykasova L.V. Pedagogicheskaya epistemologiya: ot structuralisma k dekonstructivismu. [Pedagogical epistemology: from structuralism to deconstruction]. Bulletin of Cherepovets state University. No. 2 (71). Cherepovets, 2016. P. 96-99.
3. Andreeva K.V., Bykasova L.V. Sredoorientirovannoe obuchenie v sovremennom vuse. [Environment oriented education in modern high school. Modern problems of science and education]. 2013. No. 6. Available at: http//www/science-education.ru/113-11421 (accessed: 29.12. 2013).
4. Bykasova L.V. Sovremennoe hudoshestvennoe obrasovanie v Germanii. Uchebnoe posobie. [Modern art education in Germany. Textbook]. Rostov state University . Rostov on Don, 2004. 214 p.
5. Bykasova L.V., Ishhenko A.M. Evoluzionirovanie subjectnosti v obrasovatelnyx modeljax. [The evolution of subjectivity in educational models. Kazan science]. 2011. No. 5. P. 83-85.
6. Bykasova L.V., Samojlov A.N. Distanzionnoe obrasovanie: kultura, sreda, zivilisazija. [Distance education: culture, environment, civilization. News of Southern Federal University. Pedagogical science]. 2014. N0. 2. P. 37-42.

Информация об авторе

Быкасова Лариса Владимировна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры общей педагогики, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал), г. Таганрог, Россия
moeve-25-moeve@yandex.ru

Подберезный Владимир Васильевич, кандидат педагогических наук, доцент кафедры естествознания, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал), г. Таганрог, Россия

Панова Валентина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры естествознания, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал), г. Таганрог, Россия

Получена: 15.12.2016

Для цитирования статьи: Быкасова Л. В., Подберезный В. В., Панова В. А., Теория структурализма о диверсификации и модернизации современного образования. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 1. Часть 1. с. 121-125.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-121-125.

Information about the author

Larisa V. Bykasova, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of General Pedagogy Department, A.P. Chekhov Taganrog Institute (branch) of Rostov State Economic University (RINI), Taganrog, Russia
moeve-25-moeve@yandex.ru

Vladimir V. Podberezny, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Natural Sciences, A.P. Chekhov Taganrog Institute (branch) of Rostov State Economic University (RINI), Taganrog, Russia

Valentina A. Panova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Natural Sciences, A.P. Chekhov Taganrog Institute (branch) of Rostov State Economic University (RINI), Taganrog, Russia

Received: 15.12.2016

For article citation: Bykasova, L. V., Podberezny, V.V., Panova, V. A., Theory of structuralism on the diversification and modernization of education.
Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no. 1. Part. 1. Pp. 121-125.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-121-125. (in Russian)

УДК 7.067 DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-126-129

ВЕЛЛИНГТОН Анна Тихоновна
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
г. Москва, Россия
anninart@yandex.ru

Anna T. VELLINGTON
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
anninart@yandex.ru

ТЕХНОБИОЛОГИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО. АНАЛИЗ

Цель работы. Время в искусстве облачает свою многогранность и многоликость. Оно предстает перед нами как прошлое, наследие, воспоминания, классика, которая перерождается в тему, материю и форму, становясь фундаментом. Полученный «продукт» сиюминутно становится популярным и мерцает симулякром в предложенных временных условиях, визуальных образах и нарративах драматургии. Сотворенное современное искусство так и заманивает в будущее, и мы принимаем предложенный радикальный вызов авангарда. Этот процесс движет мистерию создания «нового», и он же играет институциональными и социальными контекстами, в которых «фабрика воспроизведения и воплощения искусства» создает событийные «продукты» художественной жизни во всех сферах. Борьба искусства со временем выглядит перманентно, но оно так же обречено на поражение, так как время течет, заставляя искусство идти за собой. В то же время искусство начинает возводить время в исторические образы и следы прошлого, трансформируя в переживания настоящего. Таким образом, многоликое время искусства является свидетельством того, что культура - это доказательство существования времени.

Мы обсудим вторжение времени в искусство и рассмотрим лишь некоторые аспекты времени современного искусства и категории, в которых интересно проследить то, что указывает на основной темпоральный признак - современность.

Материалы и методы. Современные передовые достижения в разных областях высоких технологий: от наноисследований, IT-технологий, робототехники до полного спектра нейро- и биомедицинских наук позволяет прийти к выводу, что современное общество стоит на пороге неминуемого скачка научно-технологической революции. А так же очевидно вступает в качественно иной период своего исторического прогресса. Рассматриваются понятия «технобиологическое искусство», «технологическое искусство» посредством анализа уже созданных работ художников, научных лабораторий, режиссеров и методов применения и интеграции технологий в искусство.

Результат. Сотворенные технобиологические произведения - это крайне усложненные, фантазийные представления о жизни и ее процессах. Как правило, они создаются в условиях лабораторий, в тандеме с научными центрами и специалистами из различных научных областей. Именно технобиологические произведения искусства проявляют нам фундаментальные, радикальные отличия традиционных технологий в области макромира от разработанных технологий века XXI.

Заключение. Вместе с прогрессом стремительно развивается импульс к тренду «наук о жизни». Искусство в данном времени развития являет собой два лика: «провокатор» и «вестник». Сегодня за новыми трендами на «науки о жизни» следят практически все классы общества и субкультуры. Это дань времени и медиа. Одни склонны приветствовать успехи современных технологий и безусловно привязывают к ним оптимистичные ожидания, другие же следят с дотошной озабоченностью, обращаясь в своих аргументах к глубочайшему материализму: дескать, такими темпами от работ в сфере техно и технобиологии до Франкенштейна недалеко и скоро мы все окажемся в его власти. Независимо от полюса мнений, и те и другие задаются вопросами: возьмет ли, наконец, «человек» свою судьбу в руки и разорвет ли нить зависимости от природы? не окажется ли этот самый «современный человек» в результате чьей-то механической программой, написанной с опреде-

ANALYZE OF TECHNO-BIOLOGICAL ART

Time in art demonstrates its versatility and richness. It appears in front of us as the past, the heritage the memoirs, or the classics which then regenerates into a subject, a matter or a form, and becomes the fundamental basis. However, the final "product" becomes popular in no time and starts sparkling in the offered temporary terms, as simulacrums, or visual images or written drama plots. The created modern art looks like taking us into the future and we have to face the offered radical challenge of the vanguard. This process moves a mystery of a "new" creation and it is him who plays institutional and social contexts in which "the factory of reproduction and the embodiment of art" creates event "products" of the art life in all the spheres. The Art has been fighting permanently against the time, but it is to be failed as time flows, forcing the art to follow itself. At the same time, the Art starts transforming the time into historical images and traces of the past, transforming it into the present experience. Thus, many-sided Art time is the certificate of the fact that the culture is a proof of the time existence. We will discuss invasion of time into the Art and we will consider only some aspects of time of the modern Art and the categories which trace the present as the main temporal sign. Modern advanced achievements in different areas of high technologies from nano researches, IT technologies, robotics to a full range of neuro and biomedical sciences allows us to come to the conclusion that modern society is about to make the inevitable jump into scientific and technological revolution. And also it obviously steps into the qualitatively other period of the historical progress. The concepts of "Techno Biological Art", "Technological Art" by means of the analysis of already created works of artists, scientific laboratories, producers and methods of application and integration of technologies into art are being considered. The created Techno Biological pieces of Art are extremely complicated imaginative ideas about life and its processes. As a rule, they are created in the conditions of laboratories, together wit with scientific centers and experts from various scientific areas. It is the Techno Biological pieces of Art which show us fundamental and radical differences of traditional technologies in the field of a macrocosm from the developed technologies of a XXI century. Together with the progress, the impulse of a «life sciences" trend develops at a high speed. And the Art in this period of time shows us two different faces as a "provoker" and a "messenger". Nowadays the new trends on "sciences about life" are being traced practically by all classes of society and the subculture. It is a tribute to the time and media. One of them tend to welcome the progress of modern technologies and tie optimistically expectations with them undoubtedly, the others watch it with meticulous concern, demonstrating the deepest materialism in their arguments: "Let's say, sooner or later, all of us will find ourselves in Frankenstein's lap due to Techno and Techno Biological Art!". Irrespective of the opinion poll, both of them ask the following questions: "is there a possibility that such a "modern person" will become a result of someone's mechanical program written with a definite purpose?" How not to break a balance and harmony between alive and not alive in the world, with-

ленной целью? как не нарушить баланс и гармонию в мире между живым и неживым, не допустив порабощения? Это все масштабные вопросы, на которые, в частности, искусство может ответить глобально, диктуя и направляя тренды.

out enslavement being allowed?". All of these large-scaled questions which in particular the Art can globally answer, dictating and directing the trends.

Ключевые слова: искусство, медиа, новые технологии, технобиологическое искусство, технологическое искусство.

Keywords: art, media, new technologies, techno biological art, technological art

Во всем мире довольно быстро набрали популярность интерактивные медиаинсталляции роботического типа, зачастую с прямым подключением к сети Интернет и сакральным уклоном. В частности приведу пример инсталляции, которая была создана специально для выставки «Мифология Онлайн» (Политехнический музей, Москва, 2012 г.): «В сентябре 1995 года сотни индуистских статуй внезапно начали пить молоко. Впервые это явление обнаружилось в Индии, но затем сообщения о нем стали приходить из Лондона и Гонконга, Нью-Йорка и Сингапура. Статуи богов, как правило Ганеши - слоноголового сына Шивы - однажды утром начали "отхлебывать" принесенную им в дар жидкость и продолжали делать это в течение последующих трех дней. Десятки тысяч индусов стекались в храмы, чтобы увидеть необычное зрелище и при возможности напоить своих богов. Торговый центр "Гейтуэй" в Лондоне только за одно утро распродал 28 тысяч пинт молока, как только распространилась весть о чуде» [1].

МОД/ТОТ/ЕМ - модульное название, включающее в себя три понятия: модем, тотем, ем (есть). В основе проекта - фигура робота в образе принимающей подношения «тотемной» скульптуры, которая не содержит прямых отсылок к известным религиям. В качестве даров могут быть использованы металлические предметы повседневного обихода (скрепки, гайки, болты, шестеренки, монеты и т.д.), которые зритель может найти вблизи объекта. Используя вакуумную систему питания, «божество» поглощает дары, распознаваемые им при помощи сенсоров, после чего пробуждается от электронной анабиоза и демонстрирует мультимедийное «глитч - благословение» абстрактного характера - своего рода автоматический медиаперформанс, исполненный посредством звуковых и визуальных элементов. В одной руке робот держит клавиатуру, на которой каждый желающий может напечатать свой электронный адрес для последующих виртуально-духовных контактов. «Тотем» автоматически производит ежедневную рассылку изображений, текстов и иных медиасообщений, формируя галерею спам-арта «по подписке». Таким образом, работа переходит из реального пространства в виртуальное, где он пытается установить сакральную связь со своей паствой.

В прошлом непосредственное взаимодействие с богами было прерогативой лишь просветленных представителей человеческого рода. В эпоху глобальных коммуникаций индийское «молочное чудо» стало одним из самых ранних и самых массовых примеров подобного контакта. Основная задача проекта заключается в попытке инициирования новых мифов и мифологизации массового помешательства как феномена специфического тотемизма, присущего «интернет-социуму».

«Человек есть спроектированная живая система, которая ведет себя предсказуемым (и заказанным по желанию) образом и использует взаимозаменяемые детали из стандартного набора генов…». На смену счастью, таланту, личности и уму приходят «заранее рассчитанные функции любого потенциально возможного гена» [2]. Вероятно, давний спор между приверженцами классической просветительской теории и теми, кто во всем усматривал социальный детерминизм, в конце концов скоро подойдет к концу, но вопрос риторический.

Даже если мы возьмем во внимание тот факт, что формированием и поддержанием эмоций на протяжении последних лет руководят мастера PR, маркетинга и менеджмента, технично разрабатывая стратегии воздействия, мы не сможем отрицать факт того, что именно на наших глазах происходит технобиологическая революция, предчувствие которой давно томилось с конца XX века. Неудивительно, что такого рода научные открытия, искания, изобретения, исследования, одновременно пугающие и манящие, воспринимаются представителями гуманитарных практик как предметы для анализа и изучения. Но вот вопрос: насколько такие эксперименты и открытия этичны? какие перспективы дальнейшего развития этих областей? каким мы получим наш мир в итоге?

Представители искусства не остались в стороне от обсуждения и общественной дискуссии. Все более явными становятся в произведениях искусствах от сцены до музыки и визуального воплощения применения особенностей новых технологий. Первоначально все ограничивалось имагинативной областью, игрой воображения - именно так дело обстоит в кинематогра-

фе и в искусстве мейнстрима, эти области охотно и давно используют медиаинновации. Но в последнее время обнаружился ряд художников, создающих в области современного искусства свои работы, которые в прямом виде осмысливают и осваивают технические приемы и методы новейших научных разработок, зачастую в сотрудничестве с лабораториями, научными институтами и специалистами различных областей. Средство создания - жизнеспособная и живая материя, способ - биомедицинские и информационные технологии из области экспериментальных.

Созданные произведения искусства, которые рождаются в технобиологических условиях, то есть в условиях искусственно созданной жизненной среды, не могут ставить во главу «искусственность». Таким образом, наибольший интерес представляют те художественные подходы и стратегии, цель которых заключена в прямом переходе от теории к практике, в прямой операционной деятельности. Именно в таких случаях мы видим, как технология непосредственно связана с целевым созданием и состоянием результативного организма. В итоге рождается совершенно уникальная, радикальная новая волна технологических и технобиологических произведений: ректальные электроды; датчики EMG (Дэни Плогер, Великобритания); живой йогурт: закваска для йогурта и кисломолочный напиток, изготовленные на основе собственной микрофлоры автора (Сесилия Вестбрук, США); бактерии с записанными в их геноме фрагментами текстов и ДНК-трусы (Джо Дэвис, США); бабочки с генетически модифицированными узорами на крыльях (Марта ди Минизиш, Португалия).

Данные проекты представляют собой инновационный этап в развитии «партиципативного искусства», где практика берет верх и приобретает эстетический, а искусство - удивительный практический характер. На таком уровне художник сам является источником ресурсов, необходимых не только для существования и создания современного искусства, но и для самой жизни.

Все эти манипуляции с организмами, клетками, ДНК, модификациями в данном случае рассматриваются как художественное действие/создание, безусловно все это не укладывается в оценки «полезно/бесполезно», «опасно/безопасно», «правильно/неправильно». Но эта область влечет и другие: сразу после появления ряда работ био- и саенс-арта последовало создание фундаментальных теоретических работ, антологий и научной литературы, материалы, посвященные технобиологическому искусству. Все они стали явлением новой эпохи, продиктованной прогрессом. Безусловно, все эти исследования и материалы составляют целый спектр разнонаправленного характера: от критической и теоретической рефлексии до воспевания нано- и биотехнологий. Однако каждый из созданных трудов проблематизирует границы, которые традиционно были созданы между жизнью и смертью, тем, что есть норма, а что является патологией, - значит, индустрия имеет развитие и новые области для изучения.

Заключение

В сущности, если классическое учение о бытии задавалось вопросом о том, что же все-таки стоит за природными феноменами, то, как мы видим, онтология современных медиаформатов озадачена вопросом: что все же находится за знаковой поверхностью, в том случае, если знаки, так же, как и их носители с физическими свойствами, являются «синтетическими», то есть не «естественными», созданными в условиях искусственной среды? Таким образом, неудивительно, что большая часть практиков и теоретиков в области техно- и биоискусства сосредоточены на вопросах механизмов создания, изготовления. Со временем эта индустрия получила название «биомедиа», «наномедиа», «технобиологическое искусство» и т.д. Эти практики сфокусированы на том, какой вид природа имеет «изнутри». Остается лишь вопрос: является ли новая технокультура поступательным прогрессом?

Расшифровки

1. Аннотация к выставке «Мифология Онлайн» (Политехнический музей, Москва, 2012 год) Алехин М. http://www.nanonewsnet.ru/articles/2011/sinteziruya-zhivoe

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Kester G. Conversation Pieces: Community and Communication in Modern Art. - Berkeley: University of California Press, 2004.
2. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. - Cambridge: MIT Press, 1989.
3. Kemp M., Wallace M. Spectacular Bodies. The Art and Science of the Human Body from Leonardo to Now. - Berkeley, Los Angeles, London: University of California, 2001.
4. Human E., Parikka J. Media Archaeology. Approaches, Applications, Implications. - Berkeley, CA: University of California Press, 2011.

5. Moscow art magazine. - № 89, 98, 93.
6. Сайт о нанотехнологиях № 1 в России [Электронный ресурс] - http://www.nanonewsnet.ru
7. Arterritory [Электронный ресурс] - http://www.arterritory.com/ru/
8. Гройс Б. Поэтика политики: сборник статей. - М.: Ад Маргинем Пресс, 2013.
9. Бурдье П. Рынок символической продукции // Вопросы социологии. - 1993. № 1/2.
10. Чубаров И. Коллективная чувственность: теории и практики левого авангарда. - М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
11. Стиглер Б. Мистагогия: о современном искусстве. - М.: Изд. программа «Интерроса», 2007.

REFERENCES

1. Kester G. Conversation Pieces: Community and Communication in Modern Arn. Berkeley: University of California Press, 2004.
2. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. Cambridge : MIT Press, 1989.
3. Kemp M., Wallace M. Spectacular Bodies. The Art and Science of the Human Body from Leonardo to Now. Berkeley, Los Angeles, London : University of California, 2001.
4. Human E., Parikka J. Media Archaeology. Approaches, Applications, Implications. Berkeley, CA : University of California Press, 2011.
5. Khudozhestvennyy zhurnal «Moscow art magazine» №89, №98, №93
6. Sayt o nanotekhnologiyakh №1 v Rossii. Available at: http://www.nanonewsnet.ru
7. Portal arterritory. Available at: http://www.arterritory.com/ru/
8. Groys B. Poetika politiki: sbornik statey. M.: Ad Marginem Press, 2013.
9. Burd'e P. Rynok simvolicheskoy produktsii. Voprosy sotsiologii №1/2, 1993.
10. Chubarov I. Kollektivnaya chuvstvennost': teorii i praktiki levogo avangarda. M.: Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2014.
11. Stigler B. Mistagogiya: o sovremennom iskusstve. M.: Izdatel'skaya programma «Interrosa», 2007.

Информация об авторе

Веллингтон Анна Тихоновна, аспирант, факультет искусств, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия
anninart@yandex.ru

Information about the author

Anna T. Vellington, Postgraduate Student, Faculty of Arts, Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia
anninart@yandex.ru

Получена: 20.12.2016

Для цитирования статьи: Веллингтон А. Т., Технобиологическое искусство. Анализ. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 1. Часть 1. с. 126-129. doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-126-129.

Received: 20.12.2016

For article citation: Vellington A. T., Analyze of techno-biological. Art. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no. 1. Part. 1. Pp. 126-129.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-126-129. (in Russian)

УДК 37 DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-130-134

ГОРБУНОВА Юлия Михайловна
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
popova_ulka@mail.ru

Yuliya M. GORBUNOVA
Kuban State University
Krasnodar, Russia
popova_ulka@mail.ru

НАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КАЗАЧЬЕЙ СРЕДЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА НА КУБАНИ

PRIMARY EDUCATION IN COSSACK ENVIRONMENT OF PRE-REVOLUTIONARY PERIOD ON KUBAN

Статья посвящена вопросам начального образования в Кубанском казачьем войске и их современному звучанию. Какие проблемы сопровождали учащихся и учителей? Кому было доступно образование? Какие сословия обучались? Какие требования предъявляли молодым казакам для выхода на военную службу? Каковы условия, в которых проходило обучение, и как сегодня обстоят эти вопросы? Как обстояло дело с программным обеспечением? Какие предметы изучались и освещались учителями того времени? Какова продолжительность учебного года и появление дополнительных платных услуг в школе? Перекликаются ли проблемы прошлого и настоящего? С какими вопросами не сталкивается сегодняшнее начальное образование, а какие - актуальны и по сей день? В статье приводятся примеры из журналов того времени. Автор, опираясь на историческую литературу по проблематике исследования, показывает неизменность некоторых проблем в городской и сельской начальной школе. Озвучивается проблема работы с родителями, появление родительской общественности. Фиксируется труд учителя начальной школы: как часто приходилось пробивать стену безграмотности, доносить до общественности, в чем состоит необходимость обучения. В статье актуализируется труд учителя, который исторически всегда вызывал уважение как у простых людей, так и у высшего общества.

Ключевые слова: начальное образование, школа, казачье войско, родители, учащиеся, церковь, жалованье, Кубань, сельская школа, циркуляр, обучение.

Article is devoted to the appearance of primary education and the development of schools. What problems were accompanied by students and teachers? To whom education was accessible? What social groups were trained? What are the requirements for young Cossacks to enter the military service? What are the conditions in which the training took place, and how these issues are things today? How are you doing with the software? Which subjects were studied and covered by teachers of that time? What are the duration of the school year and the emergence of additional paid services in the schools? Echoes whether problems of the past and present? What matters today is not facing primary education, and what are relevant to the present day? The article gives examples of the magazines of the times. The author, based on the historical literature on the problems of research, shows the immutability of some of the problems in urban and rural primary schools. Announces the issue of working with parents and the emergence of the parent community. It fixes the work of primary school teachers: how often had to break through the wall of ignorance, to inform the public, what the need for training is. Article updated teacher's work, which historically has always respected of ordinary people and in high society.

Keywords: primary education, school, Cossack troops, parents, students, churches, salaries, Kuban, rural school, circular, training.

Анализируя научную литературу и изучая различные источники об истории Кубани, жизни и образовании Кубанского казачьего войска, автор обнаружил высказывание академика Д.С Лихачёва: «О каждом народе следует судить по тем нравственным вершинам и по тем идеалам, которыми он живет». Поэтому укрепить нравственное здоровье общества помогают различные общественные институты, в первую очередь, учреждения социальной сферы.

В России исторически сложилось 11 казачьих войск, которые размещались преимущественно в аграрных областях империи [1]. Все казачьи войска служили стратегическим целям и задачам во имя сохранения и развития российской государственности. Однако особое положение в этом деле занимало Кубанское казачье войско. Наиболее важную роль казачество играло ранее и продолжает играть сегодня в вопросах стабилизации регионального миграционного процесса.

Крайне актуален анализ социокультурных особенностей кубанских казаков. Так, при основании станицы или куреня кубанские казаки заботились о строительстве православного храма, который становился одновременно и религиозно-духовным, и общественно-культурным центром казачьей жизни. При храмах открывались и начальные школы - церковно-приходские училища [2]. Во многих станицах, селах, аулах они являлись единственными очагами культуры. У казаков особое внимание уделялось образованию. Школа представляла историческую традицию, «органическую потребность казачьей среды». Делами школы занималась войсковая администрация. Атаманы Ф.Я. Бурсак (в начале XIX в.), Ф.Н. Сумароков-Эльстон (в 60-х годах XIX в.), Н.Н. Кармалин (1873-1883 гг.) приложили немало сил к созданию и развитию сети учебных заведений [3].

Первое официальное учебное заведение в Екатеринодаре - городская школа - было открыто 1 августа 1803 г. хлопотами войскового атамана Ф.Я. Бурсака. Прототипом ее были ста-

рые запорожские куренные школы. Для обучения детей вместо духовных лиц были вызваны из Московского университета студент Иванченко и гимназист Поляков [4; 5; 6; 7; 8].

Образовательное строительство активно продолжалось на Кубани после 1806 г. Уже в 1810 г. на Кубани официально действовали 10 приходских школ и приходское училище, что превышало количество учебных заведений этого периода в большинстве центральных областей России.

Отмена крепостного права и развитие капитализма требовали увеличения количества грамотных людей в стране. Из-за нехватки школ почти три четверти детей школьного возраста были лишены возможности получить самое элементарное образование. Вне школы оставалась подавляющая часть иногороднего крестьянского населения. Образование было доступно для детей привилегированных сословий: дворян, священников, купцов, городской знати и казаков, в чьих семьях молодые казаки должны были, согласно существовавшим правилам, выходить на военную службу элементарно грамотными, то есть могли бы уметь читать и писать. В первую очередь новые школы открывались в крупных богатых казачьих станицах на средства войсковой казны и станичных обществ. И сами казаки твердо придерживались позиции: «Казачья школа - для казаков» [9].

Можно сделать вывод, что казачье сословие было уже тогда заинтересовано в грамотном подрастающем поколении, несмотря на то, что жизнь казаков проходила в основном на военном положении и в очень суровых условиях.

Анализ состояния станичных школ Кубанской области (1871-1873) представляется нам очень важным. Школы не были обеспечены постоянными и прочными средствами существования. Немногие школы получали содержание всецело из общественных средств. В большинстве случаев общества доставляли школам только помещение, прислугу и отопление. Жалованье учителю в большинстве станиц выплачивали родители детей, учившихся в школе, или в некоторых станицах родители, имеющие детей школьного возраста (8-13 лет).

Большая часть станичных школ помещалась в неудовлетворительных зданиях. Школьные дома по внешнему виду и внутреннему расположению ничем не отличались от обыкновенных обывательских хат: они были тесны, низки, темны. В большей части школ полы были земляные. Школьная мебель состояла из простых длинных кухонных столов, с приставными скамейками или из длинных неуклюжих парт. Во многих училищах не было классных досок, шкафов, стола и стула для учителя. Учебными пособиями и письменными принадлежностями школы снабжены были до крайности скудно. Почти у каждого ученика была особая книга для чтения; одинаковые книги встречались у немногих учеников [10].

Педагогическая активность в сельской школе сталкивается с проблемой материально-технического обеспечения и сегодня. Во многих сельских школах деревянные полы, школьная мебель, которая давно нуждается в замене. Увеличение количества учащихся в начальной школе выявляет нехватку кабинетов, электронные доски, которые в городских школах являются нормой, работают только в некоторых кабинетах. Разные программы в каждой школе, а иногда и параллели заставляют перестраиваться вновь прибывшего ученика. В каждом УМК есть печатные тетради, которыми школа не может обеспечить всех учащихся, и т.д.

В дореволюционный период школьные занятия не удовлетворяли самым скромным педагогическим требованиям. Ученики являлись в школу разновременно: один раньше, другие позже. Определенного порядка в преподавании тех или иных предметов не было установлено, предметы занятий определялись в зависимости от настроений учителя. В иных училищах почти все время проводили за чтением, в других - за письмом. Занятий общих почти не было - каждый читал или писал свое. Учитель же переходил от одного ученика к другому и показывал каждому уроки. Мерами к ускорению процесса восприятия сведений служили телесные наказания: оставление без обеда, стояние на коленях, вытягивание волос и ушей. К чести станичных обществ, наказание розгами не прививалось в кубанской школе. Остальные же виды телесных наказаний протеста в обществе не вызывали.

Учебный год в станичных школах продолжался не более шести месяцев - с ноября по апрель. Помимо незначительной продолжительности учебного года, большим тормозом успешности в школах служило неаккуратное посещение училища учениками. Причинами этой неаккуратности служили: во-первых, то обстоятельство, что родители, недостаточно сознавая пользу школы, часто оставляли детей дома для выполнения хозяйственных работ; во-вторых, альтер-

нативный взгляд родителей на обязательность посещения школы. Привыкнув к тому, что учитель занимается с каждым учеником отдельно, родители не могли понять, что, пропуская уроки, ученик вредит успехам и всего класса [10].

Сегодня проблема посещения детей не является массовой, однако отдельные учащиеся не присутствуют в классах, хотя необходимость контроля родителями за посещением и успеваемостью детей озвучивается на каждом родительском собрании.

В 1874 г. был издан циркуляр, который устанавливал своеобразный способ организации занятий грамотой с молодыми казаками. Учителям станичных школ было предложено следующее:

1. Обучение молодых казаков грамоте, то есть чтению, письму и, если возможно, счету, должно быть возложено на станичных учителей и учительниц, знакомых с делом начального обучения и способных поэтому в краткий срок, на какой можно рассчитывать при обучении казаков, с 1 ноября по 1 марта, при упрощенных способах обучения, достигнуть успеха.

2. Принимая во внимание, что станичные учителя и учительницы заняты своей обязанностью - обучением детей, на что они посвящают ежедневно по шесть часов, и что одновременное обучение взрослых с детьми по тесноте помещения, многолюдству учащихся и несоответствию возрастов не может быть допущено без существенного вреда для школьных занятий, необходимо устроить для молодых казаков в школьном здании особые вечерние классы, которые должны ежедневно продолжаться по два часа.

3. Так как учителя и учительницы, при устройстве вечерних классов, сверх своих прямых обязанностей, ежедневно довольно значительное время будут посвящать труду для них необязательному, то необходимо положить им за обучение молодых казаков особое вознаграждение от станичных обществ, в количестве 15 рублей за каждый месяц, всего 4 месяца 60 рублей или же по 2-3 рубля за каждого казака.

4. Для освещения вечерних классов необходимо выдавать в потребном количестве свечи и лампы, а также приобретать нужные книги и письменные принадлежности, как это сделали многие станицы [11].

Очень четко в данном циркуляре просматривается информация о платных образовательных услугах, так популярных сегодня в российских школах.

В 1905 г. при появлении родительских организаций их широко приветствовала прогрессивная общая и педагогическая пресса, видя в них осуществление участия общества в делах школы. Но в то же время пресса никогда не забывала, что родители в школе - это только часть общества, и очень скоро в печати стали освещаться и теневые стороны участия в жизни школы родителей, а не всего общества. Несомненно, участие родителей в жизни школы, где учатся их дети, и желательно, и необходимо: «Двери школы должны быть всегда широко открыты для родителей» [12].

Родители в школе - это вопрос, который постоянно волнует общественность; во многих школах родитель может встретиться с учителем либо по предварительной договоренности, либо у дверей школы или охраны.

На страницах общественно-педагогического журнала «Кубанская школа» (№ 9, 1916 г.) точны и справедливы вопросы и ответы на них В. Гальченко: «Кто первый своим медленным, трудным, иногда даже чересчур трудным путем вселил в среду казачества мысль о необходимости дальнейшего образования? Кто неустанным поощрением, неустанным примером и вразумлением заставил поверить в полезность образования и для жизни сельского хозяина, каковым является в большинстве все казачество на Кубани?» [13]. На эти вопросы, по нашему мнению, не может быть иного ответа: народный учитель начальной школы. Он работал не покладая рук, он преодолевал препятствиями, о которых новые учителя средних учебных заведений не имеют понятия. Эти препятствия заключались в самой природе той неграмотной среды, где народному учителю приходилось прокладывать путь мысли. Ведь учитель начальной школы каждый день несет свои знания детям и их родителям, помогает разрешать некоторые каждодневные проблемы между родителем и ребенком. И это было и будет всегда, в этом не отличается временное пространство прошлого и настоящего. Так, не может не радовать позитивный настрой сегодняшнего министра образования и науки РФ Ольги Васильевой: «Я поддерживала

и буду поддерживать новаторов-педагогов, но это не исключает обязанности преподавания базовых знаний. Часто родители рассказывают: переехали в другой город, и вдруг оказалось, что в новой школе ребенок отстал почти на четверть по какому-то предмету. Нужна единая программа. Необходимо, опираясь на традиции, с инновациями двигаться вперед» [14]. Болевые точки российского образования, по утверждению многих экспертов, напрямую соотносятся с проблемами гражданской идентичности [15; 16]. Соответственно, крайне важно в сегодняшней педагогической деятельности использовать лучшие образовательные практики, с которыми можно познакомиться, внимательно изучая историю образования и педагогической мысли.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Сидоров С.В. Основные этапы развития отечественных сельских школ [Электронный ресурс] // Сидоров С.В. Сайт педагога-исследователя. URL: http://si-sv.com/publ/16-1-0-33
2. История Кубани / Под ред. Касьянова В.В. - Краснодар, 2009. - С. 120-125.
3. Прошлое и настоящее Кубани в курсе Отечественной истории / Под ред. В.Н. Ратушняка. - Краснодар, 1994. - С. 220-227.
4. Штурба В.А., Штурба Е.В. Образовательное пространство Кубани: XIX-XX века. - Краснодар, 2008. - С. 34-60.
5. Штурба В.А. Образовательное пространство Кубани в конце XX века // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2009. - № 1. - С. 19-25.
6. Штурба В.А. Образование как элемент окультуривания горских народов Кавказа на завершающем этапе Кавказской войны // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2010. - № 3. - С. 5-10.
7. Штурба В.А., Васильев С.С. Развитие образования на Кубани в 1793-1863 гг. и влияние на него культурных традиций Запорожской Сечи // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2011. - № 1-2. - С. 92-102.
8. Штурба В.А., Штурба Е.В. Развитие казачьего народного образования в Кубанской области во второй половине XIX в. // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2011. - № 5. - С. 59-64.
9. Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. / Под ред. В.Н. Ратушняка. - Краснодар, 1996. - С. 556-567.
10. Хрестоматия по истории Кубани / Под ред. В.П. Малышева. - Краснодар. 1975. - С. 194-199.
11. Сборник основных итогов Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 года по Краснодарскому краю. - Краснодар, 1962.
12. Общественно-педагогический и профессиональный журнал. Кубанская школа. - 1917. - № 6-7-8.
13. Общественно-педагогический и профессиональный журнал. Кубанская школа. - 1916. - № 9.
14. Аргументы и факты. Кубань. - 2016. - № 46.
15. Халилов Т.А. Гражданство как социально-политическая практика: актуальные модели // Теория и практика общественного развития. - 2012. - № 12. - С. 398-401.
16. Халилов Т.А. Рецензия на книгу известного историка Н.Ф. Бугая о казаках юга России // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2015. - Т. 7.- № 6-2. - С. 355.

REFERENCES

1. Sidorov S.V., Osnovnye jetapy razvitija otechestvennyh sel'skih shkol.Sidorov S.V. Sajt pedagoga-issledovatelja. [The main stages of development of domestic rural schools. Sidorov SV Site-researcher teacher]. Available at: http://si-sv.com/publ/16-1-0-33
2. History Kuban. Edit. by Kasyanov V.V., Krasnodar. 2009. pp. 120-125.
3. Past and the present course of Kuban in World History. Ed. V.N. Ratushnyak. Krasnodar, 1994, pp 220-227.
4. Shturba V.A., Shturba E.V., Obrazovatel'noe prostranstvo Kubani: XIX-XX veka. [Educational space Kuban: XIX-XX centuries]. Krasnodar. 2008, pp 34-60.
5. Shturba V.A. Educational space of Kuban at the end of XX century. Historical and social-educational ideas. 2009; (1):19-25. (In Russ.).
6. Shturba V.A. Education as a cultural element for mountain peoples of the Caucasus at the closing stage of the Caucasian War. Historical and Social-Educational Ideas. 2010; (3):5-10. (In Russ.).
7. Shturba V.A., Vasiliev S.S. Development of education on Kuban territory during the period of 1793 - 1863 and influence of cultural traditions of Zaporozhskaya Sech on it. Historical and social-educational ideas. 2011; (1-2): 92-102. (In Russ.).
8. Shturba V.A., Shturba E.V. Development of Cossack popular education in Kuban Region in the second half of the 19th century. Historical and social-educational ideas. 2011; (5): 59-64. (In Russ.).
9. Ocherki istorii Kubani s drevnejshih vremjon po 1920 g. [Essays Kuban history from ancient times to 1920]. ed. VN Ratushnyak. Krasnodar, 1996, pp 556-567
10. Hrestomatija po istorii Kubani. [Reader on the history of Kuban]. ed. Malyshev VP. Krasnodar, 1975 pp.194-199
11. Sbornik osnovnyh itogov Vsesojuznoj perepisi naselenija na 15 janvarja 1959 goda po Krasnodarskomu kraju. [Collection of the main results of the All-Union census of January 15, 1959 to the Krasnodar Territory]. Krasnodar 1962.
12. Socio-pedagogical and professional journal. Kuban School. 1917 number 6-7-8.
13. Socio-pedagogical and professional journal. Kuban School. 1916 number 9.
14. Arguments and Facts. Kuban. 2016. №46.
15. Khalilov T.A. Grazhdanstvo kak social'no-politicheskaja praktika: aktual'nye modeli. [Civism as social and political practice: current models]. Theory and practice of social development. 2012. № 12. Pp. 398-401. (In Russ).

16. Khalilov T.A. Recenzija na knigu izvestnogo istorika N.F. Bugaj o kazakah juga Rossii. [Review of the book of the famous historian N.F. Bugay about the Cossacks of South Russia]. Historical and social-educational ideas. 2015. Vol. 7. № 6-2. Pp. 355.

Информация об авторе

Горбунова Юлия Михайловна, аспирант, кафедра педагогики и психологии, Кубанский государственный университет, учитель начальных классов, МОАУ СОШ №6 (ст. Саратовская), методист, Центр развития образования (г. Горячий Ключ),
г. Краснодар, Россия

Получена: 08.12.2016

Для цитирования статьи: Горбунова Ю.М., Начальное образование в казачьей среде дореволюционного периода на Кубани. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 1. Часть 1. с. 130-134.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-130-134.

Information about the author

Julia M. Gorbunova, Postgraduate Student, Department of Pedagogy and Psychology, Kuban State University, Primary School Teacher, School №6 (Saratovskaya Village), Methodologist, Center for Educational Development (Goryachiy Klyuch),
Krasnodar, Russia

Received: 08.12.2016

For article citation: Gorbunova J. M., Primary education in cossack environment of pre-revolutionary period on Kuban. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no. 1. Part. 1. Pp. 130-134.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-130-134. (in Russian)

УДК 37

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-135-138

ГРИБ Елена Витальевна
Московский авиационный институт (национальный исследовательский университетг)
Москва, Россия
newwwday@yandex.ru

Elena V. GRIB
Moscow Aviation Institute (National Research University)
Moscow, Russia
newwwday@yandex.ru

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ СОЦИАЛЬНОГО И ДРУГИХ ВИДОВ ИНТЕЛЛЕКТА

TO THE PROBLEM OF CORRELATION OF SOCIAL AND OTHER KINDS OF INTELLIGENCE

В статье рассмотрена проблема взаимосвязи трех видов интеллекта: социального, эмоционального и логического. Интерес к социальному интеллекту (СИ) определяется потребностью общества выявить «социальные способности» человека и развивать их. Социальный интеллект рассматривается как необходимое условие успешного овладения профессиональными навыками специалиста и адаптации в профессиональной среде. Развитие социального интеллекта становится важной частью образовательного процесса. Социальный интеллект является объектом изучения многих ученых, однако нет единой концепции, которая объясняет природу социального интеллекта в структуре способностей, результаты исследований сильно разнятся, в том числе и по причине использования различных методик измерения и теоретических концепций авторов. В нашем исследовании изучался социальный интеллект студентов разных специальностей. Использовались методика исследования социального интеллекта Дж. Гилфорда и М. Салливена, тест эмоционального интеллекта Н. Холла, тест структуры интеллекта Р. Амтхауэра (сокращенный вариант).
В результате факторного анализа (Варимакс-вращение) были выделены пять факторов.
Корреляционный анализ выявил сложные связи между тремя видами интеллекта. Социальный интеллект не связан напрямую с уровнем развития общего интеллекта. Социальный интеллект положительно связан с эмоциональным с наибольшей нагрузкой по показателю «эмпатия» и имеет отрицательные связи с математическим интеллектом. Чем выше логический интеллект, тем выше эмпатия. Выявлена связь между уровнем развития социального интеллекта и избранной профессией. Результаты согласуются с выводами других авторов, как отечественных, так и зарубежных авторов.

Ключевые слова: социальный интеллект, эмоциональный интеллект, социальные способности, корреляционные связи.

The article considers the problem of the relationship of three types of intelligence: social, emotional and logical. Interest in social intelligence (SI) is determined by the need of society to reveal the "social capacity" of a person and develop them. Social intelligence is seen as a necessary condition for successful mastering of professional skills and adapt in a professional environment. Development of social intelligence becomes an important part of the educational process. Social intelligence is the object of study of many scientists, but there is no single concept, which explains the nature of social intelligence in the structure of skills, studies vary widely, including by reason of the use of different measurement methods and theoretical concepts of the authors. In our study we investigated the social intelligence of students of different specialties. We used the technique to study the social intelligence J. Guilford and M. Sallivena; test of emotional intelligence N. Hall, intelligence structure test R. Amthauera (abridged version). As a result of factor analysis (varimax rotation) 5 factors were identified. Correlation analysis revealed a complex relationship between the three types of intelligence. Social intelligence is not directly related with the level of general intelligence. Social intelligence is positively correlated with the emotional with the greatest burden in terms of "empathy" and has a negative relation with the mathematical intelligence. The higher the logical intelligence, the more empathy. Revealed a link between the level of development of social intelligence and the chosen profession. The results are consistent with the findings of other authors, both domestic and foreign authors.

Keywords: social intelligence, emotional intelligence, social skills, correlations

В последние десятилетия психологическая наука проявляет особый интерес к исследованию социального интеллекта. Интерес к социальному интеллекту (СИ) определяется потребностью общества выявить «социальные способности» человека, развивать их, чтобы успешно осуществлять социальное познание, поведение, взаимодействие. Социальный интеллект сегодня рассматривается как необходимое условие успешного овладения профессиональными навыками специалиста и адаптации в профессиональной среде. Социальный интеллект обеспечивает понимание поступков и действий людей, понимание речевой продукции человека, а также его невербальных реакций. Он является когнитивной составляющей коммуникативных способностей личности и профессионально важным качеством в профессиях типа «человек - человек». Развитие СИ становится важной задачей современного учебного процесса.

Проблему социального интеллекта изучали такие зарубежные исследователи, как Г. Гарднер, Дж. Гилфорд, Г. Оллпорт, М. Салливен, Р. Стернберг, Э. Торндайк, Т. Хант и др. Среди отечественных ученых следует выделить В.Н. Куницыну, Е.С. Михайлову (Алешину), А.Л. Южанинову, Д.В. Ушакова и др.

На сегодняшний день среди исследователей существуют противоречивые взгляды на этот конструкт. Не определено место социального интеллекта в структуре способностей. Приводятся противоречивые данные о связи социального и логического интеллекта. Часть исследователей связывает социальный интеллект с когнитивными способностями, другие - с лич-

ностными особенностями, третьи признают его двойственную природу. Не определено соотношение социального и эмоционального интеллекта. Все эти вопросы нуждаются в дальнейшем изучении. Как отмечает Р.Дж. Стернберг, «существует так же много определений и толкований понятия социальный интеллект, как и исследователей, занимающихся этой проблемой» [2, с. 87].

Всплеск интереса к социальному интеллекту за последние 10-15 лет привел к появлению близкого по содержанию конструкта эмоционального интеллекта. Д.В. Люсин, отталкиваясь от существующих концепций, определяет эмоциональный интеллект как способность к пониманию своих и чужих эмоций и управлению ими [1; 4]. Под логическим интеллектом в данной работе мы понимаем так называемый общий, или академический, интеллект, обычно измеряемый тестами интеллекта.

В нашем исследовании изучались взаимосвязи социального, эмоционального и логического интеллекта. Объектом данного исследования выступает социальный интеллект студентов. Предметом исследования является взаимосвязь социального интеллекта с другими видами интеллекта. Объем выборки - 87 человек: 44 студента технического факультета, 43 студента-менеджера. Возраст - 19-20 лет.

Для решения поставленных задач были использованы методика исследования социального интеллекта Дж. Гилфорда и М. Салливена, тест структуры интеллекта Р. Амтхауэра (сокращенный вариант), тест эмоционального интеллекта Н. Холла.

Из анализа корреляционных связей становится очевидным существование достаточно сложных связей между тремя видами интеллекта. В самом общем виде можно заключить, что социальный интеллект положительно связан с эмоциональным и имеет отрицательные связи с математическим интеллектом. В результате факторного анализа (Варимакс-вращение) были выделены пять факторов.

В *первый фактор*, объясняющий 21,8% дисперсии, вошли 2, 3 и 4 субтесты Гилфорда и 4 и 5 субтесты эмоционального интеллекта. Этот фактор совмещает социальный и эмоциональный интеллект. При этом надо обратить внимание на то, что объединяются не все субтесты. Этот фактор состоит из способности к вербальной и невербальной экспрессии, способности прогнозировать последствия поведения людей, адекватно отражать намерения участвующих в коммуникациях людей. Со стороны эмоционального интеллекта сюда относятся эмпатия и распознавание эмоций. Сочетание этих способностей дает большой диапазон возможностей для понимания эмоциональных состояний и поведения людей в общении. Социальный интеллект тесно связан с эмоциональным.

Во *второй фактор*, объясняющий 15,6% дисперсии, вошли все показатели логического интеллекта, показатель эмпатии как 4 субтеста эмоционального интеллекта, а также со слабой нагрузкой по фактору 1 субтест Гилфорда. В данном случае можно с уверенностью сказать, что эмпатия положительно связана с показателями логического интеллекта: чем выше логический интеллект, тем выше эмпатия. Надо отметить, что 4 субтест эмоционального интеллекта имеет самое большое количество корреляционных связей. Это свидетельствует о том, что способность, которая стоит за этим показателем, зависит от многих факторов. Являясь компонентом эмоционального интеллекта, эмпатия связана и с логическим, и с социальным.

В *третий фактор*, объясняющий 12,9% дисперсии, с высокой нагрузкой вошли 2 и 3 субтесты эмоционального интеллекта, а также 1 субтест Гилфорда. Этот фактор совмещает социальный и эмоциональный интеллект другими аспектами их проявления. Управление своими эмоциями, способность контролировать и перенаправлять свои негативные импульсы и настроения оказываются связаны с самомотивацией, что позволяет адекватно реагировать в процессе общения и правильно предсказывать последствия событий. Первый субтест Гилфорда также включает понимание чувств, мыслей, намерений участников коммуникации.

Четвертый фактор, объясняющий 9,6% дисперсии, объединяет в себе 1 и 2 субтесты Гилфорда и с отрицательной нагрузкой показатель математического интеллекта. Чем выше математический интеллект, тем ниже чувствительность к невербальной экспрессии, к эмоциональным состояниям других людей, чаще ошибки в понимании смысла слов собеседника, так как не учитываются (или учитываются неправильно) сопровождающие их невербальные реакции. Это затрудняет понимание других людей, ведет к закрытости, избеганию общения, социальной тревожности. И наоборот, люди с низкими математическими способностями скорее проявят сензитивность, открытость и дружелюбие в общении.

Пятый фактор, объясняющий 8,8% дисперсии, состоит из 1 субтеста эмоционального интеллекта и 4 и 5 субтестов эмоционального интеллекта с незначительными нагрузками по фактору. По результатам эмпирического исследования сделаны следующие выводы:

1. Социальный интеллект не связан напрямую с уровнем развития общего интеллекта. Социальный и общий интеллект являются относительно независимыми, автономными феноменами, имеющими как общие черты, так и свою специфику.

2. Чем выше показатели математических тестов, тем ниже показатели социального интеллекта. Объяснением отрицательной корреляции показателя выраженности математических способностей и показателей развития социального интеллекта в данном случае может служить концепция Д.В. Ушакова о неравномерном распределении потенциала [3; 4]. Когда математическим способностям уделяется преувеличенное внимание, другие способности не могут развиваться с тем же успехом.

3. Выявлены корреляционные связи социального и эмоционального интеллекта с наибольшей нагрузкой по показателю «эмпатия». По-видимому, это может косвенно подтверждать тот факт, что это два конструкта, которые взаимно «перекрывают» друг друга. С этой точки зрения логично согласиться с мнением Д.В. Люсина, который подразделяет эмоциональный интеллект на межличностный (т.е. социальный) и внутриличностный (т.е. собственно эмоциональный), тогда у каждого из них будет свой объект [1; 4].

4. Логический интеллект связан с эмпатией, особенно пространственный и вербальный компоненты. Связь вербального интеллекта и эмпатии может быть объяснена исходя из нескольких соображений. Во-первых, есть связь между социальным интеллектом и эмпатией, что предсказуемо. Во-вторых, есть связь между социальным интеллектом и вербальными способностями, которые включены в СИ отдельным субтестом. То есть эмпатия оказывается связанной и с вербальными способностями, и со способностью понимать поведение и эмоции людей. Эмпатия предполагает умение сочувствовать, быть дружелюбным, отзывчивым человеком, способным понять другого. Человек с развитым вербальным интеллектом быстрее и более точно вербализует свои мысли и чувства, понимает вербальную экспрессию в контексте конкретных взаимоотношений, способен находить соответствующий тон общения с разными собеседниками в разных ситуациях, проявляет ролевую пластичность.

5. Выявлена связь между уровнем развития социального интеллекта и избранной профессией. Социальный интеллект студентов гуманитарного профиля по всем показателям выше, чем у студентов технического факультета.

Результаты исследования согласуются с выводами отечественных и зарубежных авторов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Люсин Д.В. Структура эмоционального интеллекта и связь его компонентов с индивидуальными особенностями: эмпирический анализ / Д.В. Люсин, О.О. Марютина, А.С. Степанова // Социальный интеллект: теория, измерение, исследования / под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. - М.: Ин-т психологии РАН, 2004. - С. 129-140.
2. Практический интеллект / Р.Дж. Стернберг, Дж.Б .Форсайт и др. - СПб.: Питер, 2002.
3. Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования/ под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. - М.: Ин-т психологии РАН, 2004.
4. Ушаков Д.В. Социальный и эмоциональный интеллект: надежды, сомнения, перспективы / Д.В. Ушаков // Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к измерениям; под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. - М.: Ин-т психологии РАН, 2009. - С. 11-30.

REFERENCES

1. Lyusin D.V. Struktura emocionalnogo intellekta I svyaz ego komponentov s individualnimi osobennostyami: empiricheskyi analiz. Socialnyi intellekt: Teoriya, izmerenie, issledovaniya. Pod red. D.V. Lyusin, D.V. Ushakov. [The structure of emotional intelligence and the relationship of its components with individual characteristics: an empirical analysis. Lucien D. V., maryutina O. O., Stepanova A. S. Social intelligence: theory, measurement, research. ed. by D. Century Lucia, Doctor Century Ushakov.]. M.: Institute of psychology RAS, 2004. pp. 129-140.
2. Prakticheskyi intellect. R.D. Sternberg, D. Forsait. [Practical intelligence. R. J. Sternberg, George. B .Foresight etc.]. SPb.: Peter, 2002.]SPb.: Piter, 2002.
3. Socialnyi intellekt: Teoriya, izmerenie, issledovaniya. Pod red. D.V. Lyusin, D.V. Ushakov. [Social intelligence: Theory, measurement, research/ ed. by D. Century Lucia, Doctor Century Ushakov.] M.: Institute of psychology RAS, 2004
4. Ushakov D.V. Sosialnyi i emotionalnyi intellect: nadezdi, issledovanya, perspektivi. Sosialnyi i emotionalnyi intellekt : ot prosessov k izmeneniyam. Pod red. D.V. Lyusin, D.V. Ushakov. [Ushakov D. V. Social and emotional intelligence: hopes, doubts, and perspectives. A. I. Ushakov. Social and emotional intelligence: from processes to measurements; ed. by D. Century Lucia, Doctor Century Ushakov.]. M.: Institute of psychology, RAS, 2009. pp. 11-30.

Информация об авторе

Гриб Елена Витальевна, кандидат философских наук, доцент, кафедра социологии, психологии и социального менеджмента, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет),
г. Москва, Россия
newwwday@yandex.ru

Получена: 03.01.2017

Для цитирования: Гриб Е. В., К вопросу о соотношении социального и других видов интеллекта. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 1. Часть 1. с. 135-138.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-135-138.

Information about the author

Elena V. Grib, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Sociology, Psychology and Social Management, Moscow Aviation Institute (National Research University),
Moscow, Russia
newwwday@yandex.ru

Received: 03.01.2017

For citation: Grib, E.V., To the problem of correlation of social and other kinds of intelligence. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no. 1. Part. 1. Pp. 135-138.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-135-138. (in Russian)

УДК: 37.013.8 DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-139-144

ЗАХАРОВА Марина Вадимовна
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
zoloto99@mail.ru

ДЕМИНА Людмила Ивановна
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия

Marina V. ZAKHAROVA
Kuban State University
Krasnodar, Russia
zoloto99@mail.ru

Lyudmila I. DEMINA
Kuban State University
Krasnodar, Russia

МЕДИАКОМПЕТЕНТНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: ОПЫТ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

MEDIA COMPETENCE OF MODERN SOCIETY: EXPERIENCE AND TRENDS

Система массовой коммуникации современного общества обусловила интенсивное развитие медиатехнологий, требующих от современных пользователей информационной культуры и овладения определенными компетенциями. Это связано с необходимостью ежедневного поиска, отбора, хранения, обработки или анализа данных с использованием различных методов и стратегий получения доступа к ним в соответствии с источником и форматом используемой информации (устная, печатная, визуальная, цифровая или мультимедиа).
В статье дается обзор основных направлений развития медиаобразования в условиях все более возрастающей роли информационной сферы в функционировании и развитии современного общества. Анализируется и сопоставляется зарубежный опыт в становлении системы формирования медиакультуры, цифровой и компьютерной грамотности участников современного процесса коммуникации. Приводятся примеры основных компетенций, которые определяются как совокупность знаний, умений и навыков, необходимых для личной самореализации, активной гражданской позиции и социальной сформированности и трудоустройства в обществе, основанном на знаниях. Рассматриваются различные подходы к проблеме развития и совершенствования цифровой компетентности, компьютерной грамотности, медиаграмотности, компьютерных навыков, интернет-навыков и др. Обосновывается необходимость формирования медиакомпетентности, ключевого понятия в образовательной среде, позволяющего сформировать основные векторы развития медиаграмотности в среде школьников и студентов.

Ключевые слова: массовая коммуникация, медиакультура, медиаобразование, медиакомпетентность, медиаграмотность, цифровая грамотность, информационная культура, компьютерные навыки, интернет-навыки, цифровая компетентность.

The system of mass communication in modern society has led to intensive development of media technologies, requiring advanced users of information culture and mastery of specific competencies. This is due to the necessity of daily searching, selection, storage, processing and analysis of data using a variety of methods and strategies to gain access to them in accordance with the format used and the source of information (oral, printed, visual, digital or multimedia). The article provides an overview of the main directions of development of media in an increasingly grows up the role of information in the sphere of functioning and development of the modern society. Analyzes and compares the foreign experience in the development of the system of formation of culture media, digital and computer literacy of the participants of the modern communication process. The examples of core competencies, which are defined as a set of knowledge and skills necessary for personal fulfillment, active citizenship and social formation of and placement in a society based on knowledge. Different approaches to the problem of development and improvement of digital competence, computer literacy, media literacy, computer skills, Internet skills, and others. The necessity of formation of media competence, the key concept in the educational environment, allowing to form the main vectors of the development of media literacy among pupils and students.

Keywords: mass communication, media culture, media education, media competence, media literacy, digital literacy, information culture, computer skills, internet skills, digital competence

Современный период развития общества характеризуется тем, что впервые в истории человечества информация и знания заняли главенствующую позицию по отношению к таким важнейшим категориям, как материя и энергия, чем и был ознаменован переход от индустриальной к информационной цивилизации. Развитие информационного общества, часто именуемого «обучающимся обществом», неразрывно связано с возрастанием потребности каждого гражданина в постоянном повышении квалификации, обновлении знаний, освоении новых видов деятельности [1, с. 74].

Система массовой коммуникации современного общества обусловила интенсивное развитие медиатехнологий, требующих от современных пользователей информационной культуры и владения определенными компетенциями. Роль информационной сферы в функционировании и развитии современного общества постоянно возрастает, доступ к информации является непреложным условием гармонического развития любого человека, отражением его конституционных прав.

Особую значимость в жизни человечества медиа приобрели за последние 40-50 лет именно сегодня медиа - одна из важнейших сфер в жизни людей всей планеты, и смело можно говорить о формировании таких понятий, как «медиакомпетентность» и «медиакультура».

Начиная с 60-х годов XX века во многих странах в педагогической науке сформировалось специфическое направление «медиаобразование», призванное помочь школьникам и студентам лучше адаптироваться в мире медиакультуры, освоить язык средств массовой информации, уметь анализировать медиатексты и т.д.

Следует отметить, что проблема медиаобразования многопланова, и это подтверждает многовекторность работ ученых, затрагивающих вопросы истории, философии, культуры, образования, развития социума как на региональном так и на международном уровнях. Проблема медиаобразования активно исследуется учеными на мировом уровне и сегодня. Широко известен опыт британских исследователей проблем медиаобразования (Дэвид Букингем (David Buckingham), Кэри Бэзэлгэт (Cary Bazalgette), Лен Мастерман (Len Masterman), Эндрю Харт (Andrew Hart), ученых Германии (Стефан Ауфенангер (Stefan Aufenanger), Бен Бахмайер (Ben Bachmair) [2, с. 120-126].

На теорию медиаобразования в Канаде самое серьезное влияние оказали идеи Герберта Маршалла Маклюэна (Herbert Marshall McLuhan). Кэти Уинг (Cathy Wing) - канадский медиапедагог, занимается вопросами, связанными с подготовкой молодых пользователей Интернета и повышением уровня интернет-грамотности молодежной аудитории, курирует разработку медиаобразовательных программ. В 2000-2005 гг. она возглавляла масштабный национальный научно-исследовательский проект «Молодые канадцы в сетевом мире» («Young Canadians in a Wired World»), посредством которого поддерживается связь с родительскими и общественными организациями, создаются медиаобразовательные ресурсы, популяризируются идеи организации MNet как в Канаде, так и за рубежом. Рикард Хуэрта (Ricard Huerta), доктор наук, медиапедагог, профессор Университета в Валенсии (Universitat de Valencia) ведет активную научную деятельность в данном направлении в Испании [2, с. 135].

Большой вклад в развитие идей и научных положений медиаобразования в России внесли: И.В. Вайсфельд (Российская Ассоциация кинообразования и медиапедагогики), Е.Л. Вартанова (декан факультета журналистики МГУ), Н.И. Гендина, И.В. Жилавская, Н.Б. Кириллова, А.В. Федоров и др. [3, с. 12-14].

Исторический аспект данной проблемы имеет зарубежный опыт: во второй половине XX в. в Европе и США стала формироваться система медиаобразования, в программы учебных заведений стали включать специальные дисциплины, позволяющие школьникам и студентам лучше адаптироваться в информационном пространстве, осваивать язык СМИ, работать с медиатекстами и т.д. Так, например, в канадской провинции Онтарио с 1987 г. медиаобразование стало обязательным компонентом обучения, в Австралии аналогичный статус у него появился с 1990 г., в школах Великобритании оно интегрировано в уроки родного языка.

Совет Европы в 1989 г. принял «Резолюцию по медиаобразованию и новым технологиям», где говорится: «Медиаобразование должно готовить людей к жизни в демократическом гражданском обществе. Людям нужно дать понимание структуры, механизмов и содержания медиа. В частности, нужно развивать способности независимого критического суждения о содержании медиа. Признавая решающую роль телевидения, радио, Интернета, кинопродукции и т.д. в формировании медиакультуры подрастающего поколения, медиаобразование должно начинаться как можно раньше и продолжаться все школьные годы в качестве обязательного для изучения предмета» [4, с. 254].

В резолюциях и рекомендациях ЮНЕСКО неоднократно подчеркивалась важность и поддержка развития медиакультуры (конференции ЮНЕСКО: в Грюнвальде, 1982; Тулузе, 1990; Париже, 1997; Вене, 1999; Севилье, 2002, и др.). В рекомендациях ЮНЕСКО 2002 г. подчеркивается: «Медиаобразование - часть основного права каждого гражданина любой страны на свободу самовыражения и получение информации, оно способствует поддержке демократии. Признавая различия в подходах и развитии медиаобразования в различных странах, рекомендуется, чтобы оно было введено везде, где возможно в пределах национальных учебных планов, так же как в рамках дополнительного, неформального образования и самообразования в течение всей жизни человека» [5].

Как известно, образовательный процесс требует освоения определенных компетенций, поэтому неотъемлемым компонентом медиаобразования является «*цифровая компетентность»,* или *«медиакомпетентность*», которая предполагает освоение регулярно используе-

мых технологических ресурсов для эффективного решения повседневных проблем участника коммуникационного процесса. В то же время она позволяет осуществлять критическую оценку и выбор новых источников информации и технологических инноваций с точки зрения их полезности при выполнении конкретных задач или целей.

Подтверждением данного тезиса является то, что в последние годы большое количество образовательных систем, в соответствии с рекомендациями международных организаций, таких как ОЭСР и Европейская комиссия, ввели компетентностный подход в традиционные предметные учебные планы. Европейская комиссия выделила восемь основных компетенций, которые определяются как совокупность знаний, умений и навыков, необходимых для личной самореализации, активной гражданской позиции, социальной сформированности и трудоустройства в обществе, основанном на знаниях. В качестве ключевой выделена *цифровая компетентность,* или *медиакомпетентность;* по проекту ОЭСР DeCeSo (2002) подразумевается развитие нескольких аспектов этой проблемы:

1) применение широкого спектра инструментов;
2) взаимодействие с другими пользователями в гетерогенных группах;
3) воспитание гражданской ответственности и самостоятельности действий.

Исследователи утверждают, что *цифровая компетентность* - это уверенное и критическое использование технологий информационного общества (ТИО) для работы, досуга и общения. Она опирается на базовые навыки в области ИКТ: использование компьютера для получения, оценки, хранения, производства, презентации и обмена информацией, а также общения и участия в совместных сетевых работах посредством сервисов Интернет. Как показывают многочисленные исследования (Calvani, Fini, Ranieri, & Picci, 2012; Somyürek & Coskun, 2013), сомнительным является предположение о том, что молодое поколение будет «с рождения» обладать цифровой компетентностью, школы должны обеспечить базовую цифровую компетентность для всех (Gansmo, 2009) [7, с. 25-26].

По мнению других ученых (Krumsvik, 201, Janssen, Stoyanov, Ferrari, Punie & Pannekeet, 2013), цифровая компетентность может быть весьма лаконично определена, но на практическом уровне трудна во внедрении в школьное образование. Так, Ferrari, Punie & Redecker (2012) определили пятнадцать положений в достижении цифровой компетентности. Hatlevik & Christophersen (2013) упоминают о существовании различных концепций вокруг использования цифровых инструментов, таких как цифровая компетентность, компьютерная грамотность, медиаграмотность, компьютерные навыки, интернет-навыки и др. [10, с. 57-63].

Многие исследователи склонны считать, что цифровая компетентность и компьютерная грамотность отражают постепенный сдвиг в концепции, который «эволюционировал от простого использования цифровых средств к осмысленному и критическому использованию их обучаемыми». Точно так же это относится к «повышенному вниманию к новым методам распространения информации в цифровой среде в различных социальных контекстах» как цифровому повороту. Представленная учеными перспектива была утверждена Испанским Министерством образования в Королевском указе 1631/2006. Законодатели, разрабатывающие этот проект, процесс обработки информации и цифровую компетентность определили как способность получать, обрабатывать, передавать информацию и превращать ее в знания. Она включает в себя различные навыки, начиная от доступа к информации к ее передаче через различные средства массовой информации, как только она была обработана, в том числе с использованием ИКТ, что важно для самообразования, обучения и общения.

Это связано с поиском, отбором, регистрацией, хранением и обработкой или анализом информации, с использованием различных методов и стратегий, чтобы получить доступ к ней в соответствии с источником и форматом используемой информации (устная, печатная, визуальная, цифровая или мультимедиа). Это требует знания основных команд, конкретных языков (текстовых, числовых, знаковых, визуальных, графических и аудио) и руководящих принципов для декодирования, передачи и применения этих знаний в различных ситуациях и контекстах.

В статье испанских исследователей Juana M. Sancho Gil1 (Department of Didactics and Educational Management, University of Barcelona, Spain) и Paulo Padilla Petry (Department of Research Methods and Diagnosis in Education, University of Barcelona, Spain) «Развитие цифровой

компетентности в системе среднего образования» (Promoting digital competence in secondary education: are schools there? Insights from a case stud study), опубликованной в журнале New Approaches in Educational Research в январе 2016 г. [9], рассматриваются ключевые моменты взаимодействия теории и практики в рамках учебной программы на основе компетентности. В ней рассмотрены понятия об обработке информации и цифровой компетенции, введенные в научный оборот международными организациям, испанским и каталонским министерствами образования, а также изучены последствия и влияние указанных понятий для образования в Испании.

На основе материалов исследования, которые включили в себя интервью со студентами и преподавателями, а также анализ различных документов, авторы статьи создали четыре сценария преподавания и обучения, в которых регулярно используются ИКТ. Ученые в качестве отличительной особенности современного учебного процесса выделяют поощрение медиакомпетенции у студентов. Однако этой статьей исследователи доказывают, что существующие взгляды на образование преподавателей, а также культура в образовательных учреждениях ставят глубоко под сомнение продвижение этой компетентности [8, с. 57-60].

В работе испанских ученых показана часть процессов и результатов исследовательского проекта, в котором рассматривались связи и нестыковки между требованиями политики в области образования и педагогической практикой. Основная задача исследования заключалась в анализе того, как происходит переход от традиционного преподавания дисциплин на основе учебной программы к программам на основе компетентностного подхода. В соответствии с различными научными доказательными базами (Фуллан, 1999; Сарасоном, 1990; Томсон, 2014; Вентланд, 2015, и др.) в статье сформулировано принципиально важное научное положение об освоении медиакомпетенций в современном образовательном пространстве, основанное на теоретическом и практическом подходах. Оно заключается в том, что в образовательных учреждениях нет еще единого подхода в освоении цифровых компетенций, однако существует достаточно много различных подходов, методов и форм организации этой работы. Отсюда проистекает некоторая непоследовательность в освоении компетентностного подхода к медиаобразованию в Испании [10, с. 60].

В других европейских странах также уделяется достаточно много внимания проблеме медиаобразования и медиакомпетентности. Например, британский медиапедагог Элейн Скэррэт (Elaine Scarratt), основатель и председатель Ассоциации медиаобразования, в своей статье Citizenship and media education («Общество и медиаобразование») [12] анализирует современную реальность, в которой СМИ, несомненно, являются основными средствами культурного выражения и коммуникации: становление активного участника общественной жизни обязательно предполагает использование современных средств массовой информации. В последние годы цифровые средства массовой информации и сети стали встроенными в нашу повседневную жизнь и являются частью безграничных изменений процесса производства знаний, общения и творческого самовыражения.

Автор отмечает, что, в отличие от прежних лет, развитие компьютерных и цифровых технологий в массовой информации в настоящее время стало обычным явлением и широко распространено, охватывает широкий круг лиц и учреждений во всех сферах жизни. Цифровые СМИ преодолели границы узкопрофессиональных, академических, правительственных, отраслевых учреждений, которые первоначально ратовали за их развитие. Теперь они применимы и доступны различным слоям населения, в том числе широко используются и в деятельности молодежи. Хотя формы и сферы использования технологий весьма разнообразны, отмечает автор в своем материале, поколение растет в эпоху, когда цифровые медиа являются само собой разумеющейся социальной и культурной формой обучения, игры и общения.

В целом, мировая система медиаобразования предусматривает достижение медиаграмотности на всех уровнях образования, как в программах средней школы (здесь медиаобразование интегрировано в уроки английского языка и используется в основном материал печатных СМИ), так и в среде медиа-курсов, которые могут выбрать выпускники средней школы - Film & Media Studies, Media Studies, а также в так называемом медиаобразовании на продвинутом уровне - Media Studies Advanced. Будущих учителей в области медиаобразования готовят сегодня многие британские колледжи и университеты, к примеру Лондонский университет. С 1983 г.

в рамках специального проекта медиаобразование стало активно внедряться в учебные планы шотландских школ (как в интегрированной форме, так и в качестве самостоятельного курса Media Studies) [11, с. 120].

Современное развитие британского медиаобразования и развитие компетентностного подхода к формированию цифровой грамотности в Испании показывают, что, несмотря на различие подходов, в Соединенном Королевстве и в Испании существует ясное понимание того, что медиаграмотность и цифровая грамотность в XXI веке столь же необходима для человека, как и традиционная грамотность, и достижение медиакомпетентности сегодня является неотъемлемой составляющей формирования медиакультуры общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Гендина Н.И. Концепция формирования информационной культуры личности: опыт разработки и реализации / Н.И. Гендина // Открытое образование. - 2005. - № 6. - С. 74-82.
2. Федоров А.В. Медиапедагоги и теоретики медиакультуры зарубежных стран: энциклопедический ник. - М.: Изд-во МОО «Информация для всех», 2011. [Электронный ресурс] – URL: http://window.edu.ru/catalog/pdf2txt/449/73449/52322?p_page=5
3. Там же.
4. Alvarado M. and Thompson J.O. (eds) Media Reader. - London: BFI Publications. - Pp. 253-264.
5. Bowker J. (Ed.) Secondary Media Education: a Curriculum Statement. - London: BFI, 1991.
6. Buckingham D. Defining digital literacy // Digital kompetanse. Nordic Journal of Digital Literacy. - 2006. - № 4(2). - Pp. 263-276.
7. Determinants of Internet use for interactive learning: an exploratory study / Castaño, J.; Duart, J.; Sancho-Vinuesa, T. // New Approaches in Educational Research. - 2015. - № 4(1). - Pp. 24-31. [Электронный ресурс] - URL: https://naerjournal.ua.es/article/viewFile/v4n1-4/121
8. Juana M. Sancho Gil, Paulo Padilla Petry. Promoting digital competence in secondary education: are schools there? Insights from a case study / New Approaches in Educational Research. - 2016. - Vol. 5. - No. 1 (January). - Pp. 57-63. [Электронный ресурс] - URL: https://naerjournal.ua.es/article/view/v5n1-9.
9. New Approaches in Educational Research 2016. [Электронный ресурс] - URL: http://naerjournal.ua.es
10. Juana M. Sancho Gil, Paulo Padilla Petry. Ibid.
11. Professional development in teacher digital competence and improving school quality from the teachers' perspective: a case study/ Gisbert, M.; Lázaro, J. L. // New Approaches in Educational Research. - 2015. - № 4(2). - Pp. 115-122. [Электронный ресурс] - URL: https://naerjournal.ua.es/article/viewFile/v4n2-7/156
12. Scarratt E. (2014) / Citizenship and Mediaeducation. [Электронный ресурс] - URL: https://www.
13. researchgate.net/publication/265205474_citizenship_and_media_education_an_introduction

REFERENCES

1. Gendina N.I. Kontseptsiya formirovaniya informatsionnoy kul'tury lichnosti: opyt razrabotki i realizatsii. [The concept of personal information culture: the experience of the development and implementation]. Otkrytoe obrazovanie [Open education]. 2005.no.6. Pp. 74-82.
2. Fedorov A.V. Mediapedagogi i teoretiki mediakul'tury zarubezhnykh stran: entsiklopedicheskiy spravochnik. [Media teachers and theorists of media culture of foreign countries: the encyclopedic reference book] – URL: http://window.edu.ru/
3. catalog/pdf2txt/449/73449/52322?p_page=5
4. Fedorov A.V. Mediapedagogi Rossii: entsiklopedicheskiy spravochnik. [Russian media educators: encyclopedic reference] - M.: Izd-vo MOO «Informatsiya dlya vsekh», 2011.
5. Alvarado M. and Thompson J.O. (eds) Media Reader. London: BFI Publications, Pp. 253-264 ...
6. Bowker J. (Ed.) (1991). Secondary Media Education: a Curriculum Statement. London: BFI.
7. Buckingham D. Defining digital literacy / Digital kompetanse. Nordic Journal of Digital Literacy. 4(2) 2006, Pp. 263-276
8. Determinants of Internet use for interactive learning: an exploratory study/ Castaño, J.; Duart, J.; Sancho-Vinuesa, T. / New Approaches in Educational Research 4(1) 2015. Pp. 24-31 - URL: https://naerjournal.ua.es/article/viewFile/v4n1-4/121
9. Juana M. Sancho Gil1, Paulo Padilla Petry Promoting digital competence in secondary education: are schools there? Insights from a case study /New Approaches in Educational Research Vol. 5. No. 1. January 2016. Pp. 57-63. – URL: https://naerjournal.ua.es/article/view/v5n1-9.
10. New Approaches in Educational Research 2016. - URL: http://naerjournal.ua.es
11. Promoting digital competence in secondary education: are schools there? Insights from a case study Sancho Gil, J. M.; Padilla Petry, P. / New Approaches in Educational Research 5(1) 2016. Pp. 57-63. – URL: https://naerjournal.ua.es/article/viewFile/v5n1-9/198
12. Professional development in teacher digital competence and improving school quality from the teachers' perspective: a case study/ Gisbert, M.; Lázaro, J. L. / New Approaches in Educational Research 4(2) 2015. Pp. 115-122. – URL: https://naerjournal.ua.es/article/viewFile/v4n2-7/156
13. Scarratt E. (2014) / Citizenship and Mediaeducation. – URL: https://www.researchgate.net/publication/265205474_citizenship_and_media_education_an_introduction

Информация об авторе

Захарова Марина Вадимовна, аспирант, кафедра рекламы и связей с общественностью, Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
zoloto99@mail.ru

Демина Людмила Ивановна, доктор филологических наук, профессор, кафедра рекламы и связей с общественностью, Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия

Получена: 24.12.2016

Для цитирования: Захарова М.В., Демина Л.И., Медиакомпетентность современного общества: опыт и тенденции развития. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 1. Часть 1. с. 139-144.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-139-144.

Information about the author

Marina V. Zakharova, Postgraduate Student, Department of Advertising and Public Relations, Kuban State University,
Krasnodar, Russia
zoloto99@mail.ru

Lyudmila I. Demina, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Advertising and Public Relations, Kuban State University,
Krasnodar, Russia

Received: 24.12.2016

For citation: Zakharova, M.V., Demina, L.I., Media competence of modern society: experience and trends. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no. 1. Part. 1. Pp. 139-144.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-139-144. (in Russian)

УДК 378.046.4 DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-145-151

КОШЕЛЕВА Алла Олеговна
Орловский государственный университет
им. И.С. Тургенева
Академия ФСО России
г. Орел, Россия

ГАНЖА Николай Владимирович
Елецкий государственный университет
им. И.А. Бунина
Академия ФСО России,
г. Елец, Россия
davai_pishi@mail.ru

Alla O. KOSHELEVA
Turgenev Orel State University
Russian Academy of Federal Protection Service
Orel, Russia

Nikolay V. GANZHA
Bunin Yelets State University
Russian Academy of Federal Protection Service
Yelets, Russia
davai_pishi@mail.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ ВНЕДРЕНИЯ СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ОБУЧЕНИЕ СЛУШАТЕЛЕЙ КУРСОВ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ

В статье отражена актуальность педагогического проектирования внедрения синергетического подхода в обучение слушателей курсов повышения квалификации. Содержится анализ психолого-педагогических источников по проблеме сформированности профессиональных компетенций у специалистов, получивших высшее образование. Рассматриваются принципы, которые авторами статьи определены как ведущие в целях эффективности обучения слушателей на курсах повышения квалификации в условиях реализации синергетического подхода. Приводятся компоненты, критерии и диагностические средства сформированности профессиональных компетенций у слушателей курсов повышения квалификации. Представлена модель обучения слушателей курсов повышения квалификации техническим дисциплинам на основе синергетического подхода. В ней отражены педагогические принципы обучения слушателей курсов повышения квалификации техническим дисциплинам, педагогические условия развития у них профессиональных компетенций (побудительная мотивация к познавательной деятельности слушателей, самоанализ, интерактивное субъект-субъектное общение и др.). Одним из важных аспектов экспериментальной работы является анализ использования субъектами образовательного процесса электронного портала, позволяющего слушателям курсов повышения квалификации: знакомиться с общей информацией о курсах, с рекомендуемой литературой для изучения технических дисциплин; отвечать на вопросы тестов и анкет; изучать материалы и рекомендации по усвоению дисциплин, глоссарий. Сделан вывод о том, что внедрение синергетического подхода в обучение слушателей курсов повышения квалификации обеспечивает развитие профессиональных компетенций специалистов технического профиля.

Ключевые слова: синергетический подход, курсы повышения квалификации, развитие профессиональных компетенций, электронный портал.

PEDAGOGICAL DESIGN OF INTRODUCTION OF SYNERGETIC APPROACH IN TRAINING OF STUDENTS OF PROFESSIONAL DEVELOPMENT

The article presents the actuality of the pedagogical designing the implementation of synergistic approach in training of listeners. The article presents the analysis of the psychological-pedagogical sources on the issue of formation of the professional competencies of the specialists with higher education. The possibility of using the main authors' principles with a view to grow effectiveness of training of listeners on qualifications raising courses in the conditions of realization of the synergistic approach. This paper demonstrates some components, criteria and diagnostic instruments to modeling professional competence of listeners on qualifications raising courses. The article presents the model of learning technical disciplines for the listeners of qualifications raising courses. The model based on a synergistic approach. It reflected pedagogical principles of training listeners of qualifications raising courses in technical subjects, pedagogical conditions of development of their professional competencies (incentive motivation to the cognitive activity of listeners, self-analysis, interactive subject-subject communication and so on.). The one of the important aspect of the experimental work is the analyze of usage by parties of the educational process of the electronic portal, which allows listeners of qualifications raising courses to get acquainted with the general information about the courses, with the recommended literature for the study of technical disciplines, answering questions of tests and questionnaires, study materials and guidance on study subjects and glossary. The conclusion was that the introduction of a synergistic approach to the qualifications raising courses of listeners ensures the development of professional competencies of technical specialists.

Keywords: synergetic approach, qualifications raising courses, electronic portal

Усиление рационалистической доминанты в российском обществе и образовании, жестокие условия конкуренции на рынке труда способствовали тому, что специалисты стали испыты-

вать потребность в повышении своей квалификации. Это обосновано тем, что потребностям современных корпораций, ведомств и всевозможных учреждений отвечает привлечение к решению сложных задач тех специалистов, которые обладают высоким уровнем сформированности профессиональных компетенций, развитыми аналитическими способностями, мобильностью в принятии решений и оценке уровня риска, широким профессиональным кругозором. Нельзя не отметить, что в целом появление рынка труда повысило ответственность специалистов за уровень профессиональных компетенций, приобретаемых и развиваемых в период обучения в высшей школе и на курсах повышения квалификации (далее - КПК).

Однако система КПК, по мнению авторов статьи, в настоящее время все еще не соответствует тем требованиям, которые предъявляются к подготовке специалистов современным обществом и государством.

Многие вузы предлагают свои услуги по повышению квалификации и переподготовке кадров. Однако те стратегии, которые они используют, не всегда оправданны, иногда ошибочны и приводят к возникновению вопросов о гуманитарной и технической составляющих в процессе обучения слушателей КПК.

Вместе с тем существуют современные подходы к организации образовательного процесса специалистов, повышающих свою квалификацию в вузе. Анализ диссертационных исследований позволяет сделать вывод о том, что недостаточно уделяется внимание *синергетическому подходу*. Известно, что синергетика как наука позволяет осуществить синтез научного знания, что очень важно для обучения слушателей КПК и побуждения их к собственным поискам и открытиям в профессиональной сфере.

Понимая синергетический подход в организации обучения слушателей КПК как учение о самоорганизации, можно утверждать, что такой подход позволит реализовать интеграцию сложных процессов (дидактического и др.), обеспечивающих в результате развитие профессиональных компетенций специалистов.

В целях эффективного внедрения синергетического подхода в образовательный процесс КПК авторами статьи разработана **система педагогических принципов:**

– *системность знаний,* требующая самоценности собственного опыта слушателя, ознакомления с положительной и негативной сторонами опыта профессиональной деятельности других сотрудников;

– *многовариативность дидактического инструментария,* предполагающая использование преподавательским составом современных методик и педагогических технологий в процессе обучения слушателей;

– *комплексное использование профессионального и личностного потенциала каждого слушателя,* предполагающее активное включение обучающегося в познавательную деятельность в рамках КПК;

– *рефлексия в процессе обучения на КПК,* используемая во взаимодействии субъектов образовательного процесса (в том числе: выступления на круглых столах, семинарах; подготовка публикаций, работа с материалами виртуального портала и т.д.);

– *социальная активность и обратная связь* (принцип, необходимый для кадрового аппарата ведомств в оценке сформированности необходимых для специалиста профессиональных компетенций и выстраивания индивидуальной траектории самосовершенствования сотрудника).

Синергетический подход в обучении слушателей КПК возможен только совместно с реализацией *компетентностного подхода,* который требует определения уровня сформированности профессиональных компетенций у слушателей КПК на момент их прибытия в вуз для прохождения обучения [2]. Следует отметить, что за последние десять лет ученые-педагоги

уделяли большое внимание развитию категориального аппарата, касающегося компетентностного подхода в подготовке будущих профессионалов. В частности, исследователи уделяли внимание содержанию таких понятий, как компетенция, компетентность, профессиональные и иные виды компетенций (В.И. Байденко, Е.В. Бодаревская, В.А. Болотов, А.А. Вербицкий, А.А. Деркач, В.А. Ершов, Э.Ф. Зеер, И.А. Зимняя, Н.В. Кузьмина, В.С. Леднев и др.). Вместе с тем в научных школах современных образовательных заведений активно ведутся работы, посвященные анализу уровней сформированности у выпускников вузов универсальных, общекультурных и профессиональных компетенций, осмыслению их структуры, компонентов и показателей (Н.Б. Донская, Ю.В. Дулепова, Н.Н. Нечаев, Н.Д. Никандров, А.А. Скамницкий, М.Г. Тайчинов, Д.С. Цодикова, И.А. Чебанная, К.В. Шапошников, О.И. Шевченко, С.Е. Шишов и др.).

Анализ научных работ по реализации компетентностного подхода (С.В. Кривых, А.А. Макареня, Д.А. Махотин, О.В. Ройтблат, Е.Ю. Сысоева, Ю.Г. Татур, Ю.В. Фролов, Ж.С. Шипулина и др.) в подготовке специалистов позволил выявить компоненты, критерии и уровни сформированности профессиональных компетенций у слушателей КПК (таблица 1):

Таблица 1 Критерии и диагностические средства оценки сформированности профессиональных компетенций у слушателей КПК в техническом вузе

Table 1 Criteria for diagnostics and evaluation of formation of professional competence of students in training courses in technical college

Критерии	**Диагностические средства**
Мотивационный: – самостоятельная активность, проявляемая в познавательной и профессиональной деятельности; – проявление интереса к выбранной профессии; – самоконтроль своей деятельности; – умение управлять своей учебно-познавательной деятельностью	– анкета «Синергетика-1»; – опросник «Мотивация профессиональной деятельности» (А.А. Реан)
Когнитивный: – качество ранее приобретенных знаний (согласно требованиям, предъявляемым ФГОС ВО); – объем знаний в конкретных областях	– тестовые задания по техническим дисциплинам (с применением математической системы Г. Раша); – контрольные задания; – индивидуальные собеседования
Операционно-деятельностный: – приобретение, усваивание и накапливание информации в профессиональной области (профессиональный кругозор); – обработка получаемой информации различными методами мыслительных операций (анализ, синтез, сравнение и т.д.); – применение имеющихся умений и навыков в ходе решения профессиональных задач	– банк специальных заданий по направлению подготовки; – интерактивные задания (квест-игры, викторины, вставка пропусков в текст и др.); – расчетно-графические работы

Рефлексивный: – способность слушателей осознанно и осмысленно (адекватно) давать отчет собственным действиям при помощи выработанных приемов и способов самооценки учебно-познавательной деятельности; – самооценка способностей при выполнении профессиональных задач; – субъективная оценка слушателей по отношению к непосредственному педагогическому процессу на основе синергетического подхода	– методика В. Смекала и – М. Кучера «Диагностика направленности личности»; – анкета «Синергетика-2»

Мотивационный критерий характеризует отношение слушателя к процессу обучения на КПК. В основе этого критерия находятся мотивы личности, выполняющие следующие функции: личностное побуждение к расширению кругозора в профессиональной деятельности; самоуправление в процессе обучения; организация самообразования. Фактически учебная деятельность слушателей КПК вполне может рассматриваться как полимотивированная.

Когнитивный критерий выражается в виде совокупности проявлений системного мышления в процессе учебно-профессиональной и познавательной деятельности слушателей КПК. Данный критерий отражает некую систему научных знаний, позволяющему слушателю развивать уже приобретенные ранее профессиональные компетенции.

Операционно-деятельностный критерий сформированности профессиональных компетенций у слушателей КПК определяет закономерности проявления индивидуальных способностей (качеств) в различных видах деятельности. По мнению В.Д. Шадрикова, такой подход позволяет специалистам проводить замену одного способа деятельности на другой «без замены» профессионально значимых качеств [3]. Операционно-деятельностный критерий определяется как самосознание специалиста в виде способностей к целеполаганию, идеальному проектированию своей учебно-профессиональной деятельности, предвидению результатов и самоопределению в условиях обучения на КПК.

Рефлексивный критерий характеризует осмысленное отношение слушателей КПК к результатам своей учебно-профессиональной деятельности, проведение самоанализа по достижениям в обучении; наличие способностей к выявлению своих ошибок в учебной деятельности и ошибок других специалистов, выработку обоснованных правильных выводов и проведение саморегулирования (коррекции) в процессе обучения на КПК.

В качестве основного инструмента при оценивании профессиональных компетенций слушателей КПК по когнитивному и операционально-деятельностному критериям наиболее приемлемым является анализ оценок, выставляемых преподавателями по итогам предварительного и итогового тестирования по техническим дисциплинам, выполнения расчетно-графических и иных видов практических работ.

Необходимо пояснить, что не все рассмотренные критерии поддаются прямому измерению и требуют интерпретации полученных результатов с их последующим анализом. На взгляд авторов статьи, целесообразно приведенные выше критерии считать интегральными при определении уровня сформированности профессиональных компетенций у слушателей КПК.

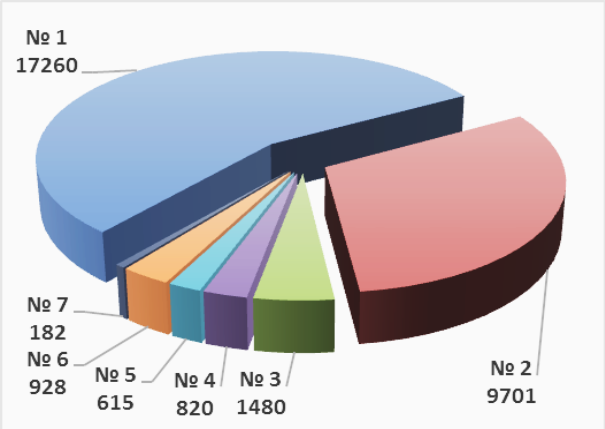
Принципы и критерии, выделенные и охарактеризованные с целью применения их для развития профессиональных компетенций слушателей КПК, нашли отражение в специальном педагогическом исследовании Н.В. Ганжи, в процессе выполнения которого была разработана модель обучения слушателей КПК техническим дисциплинам на основе синергетического подхода (рис. 1).

Рис. 1. Модель обучения слушателей КПК техническим дисциплинам на основе синергетического подхода

Fig. 1. Model of education of students in training courses of technical disciplines based on the synergetic approach

Одним из важных аспектов в процессе экспериментальной работы, проводимой со слушателями КПК технического профиля обучения в рамках педагогического исследования Н.В. Ганжи, является анализ использования субъектами образовательного процесса электронного портала (рис. 2).

Примечание: № 1 - Общая информация о КПК, доска объявлений.

№ 2 - Рекомендуемая литература для изучения дисциплин.

№ 3 - Рекомендации по изучению дисциплин.

№ 4 - Материалы по изучению дисциплин.

№ 5 - Анкеты, тесты.

№ 6 - Дополнительная информация.

№ 7 - Глоссарий.

Рис. 2. Анализ обращений слушателей КПК к электронному порталу (2015/16 учебный год).

Fig. 2. Analysis of appeals of students of training courses to electronic portal (2015-2016 academic year)

Анализ обращений слушателей к разделам электронного портала позволил исследователю сделать следующий вывод: остро встает проблема актуализации учебного материала, связанная с бурным развитием науки и техники, а также информационных технологий. При этом преподаватели вынуждены чаще, как никогда ранее, изменять программы КПК, внося в них инновационные достижения современной науки, применяя новые педагогические подходы, среди которых *синергетический* занимает достойное место [1].

Таким образом, можно сделать вывод, что внедрение синергетического подхода в обучение слушателей КПК будет с каждым годом еще более востребованным, обеспечивая развитие профессиональных компетенций специалистов технического профиля, а следовательно, гарантируя не только качество плановой разработки, но и трансферт новых технических технологий от стадии научной разработки до передачи на стадию реализации в профессиональной деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ганжа Н.В., Кошелева А.О. Влияние синергетической модели на развитие профессиональных компетенций обучающихся в системе повышения квалификации в вузе // Научные труды факультета дополнительного профессионального образования и повышения квалификации. - Орел: ОГУ. - 2015. - Выпуск 12 . - С. 14-18.
2. Кошелева А.О., Ганжа Н.В., Краснослободцев А.В. Синергетический подход к формированию содержания системы повышения квалификации в техническом вузе // Всероссийский научный журнал «Гуманитарные, социально-экономические науки». - Краснодар. - 2015. - С. 201-203.
3. Шадриков В.Д. Профессиональные способности / В.Д. Шадриков. - М.: Университетская книга, 2010. - 320 с.

REFERENCES

1. Ganzha N.V., Kosheleva A.O. Influence of synergetic model for the development of professional competencies of students in the system of training in high school, [Vliyaniye sinergeticheskoy modeli na razvitiye professional'nykh kompetentsiy obuchayushchikhsya v sisteme povysheniya kvalifikatsi v vuze]. Orel, 2015, no. 12, pp. 14-18.
2. Kosheleva A.O., Ganzha N.V., Krasnoslobodtsev A.V. Synergetic approach to the development of the content of continuing education in technical colleges, [Sinergeticheskiy podkhod k formirovaniyu soderzhaniya sistemy povysheniya kvalifikatsii v tekhnicheskom vuze]. Krasnodar, 2015, pp. 201-203.
3. Shadrikov V.D. Professional abilities, [professional'nyye sposobnosti]. Moscow, 2010, 320 p.

Информация об авторе

Кошелева Алла Олеговна, доктор педагогических наук, профессор, кафедра теории и методики профессионального образования, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, сотрудник, Академия ФСО России,
г. Орел, Россия

Ганжа Николай Владимирович, аспирант, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, сотрудник, Академия ФСО России,
г. Елец, Россия
davai_pishi@mail.ru

Получена: 12.12.2016

Для цитирования: Кошелева А.О., Ганжа Н.В., Педагогическое проектирование внедрения синергетического подхода в обучение слушателей курсов повышения квалификации. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 1. Часть 1. с. 145-151.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-145-151.

Information about the author

Alla O. Kosheleva, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Theory and Methods of Professional Education, Turgenev Orel State University, Officer, Russian Academy of Federal Protection Service,
Orel, Russia

Nikolay V. Ganzha, Postgraduate Student, Bunin Yelets State University, Officer, Russian Academy of Federal Protection Service,

Yelets, Russia
davai_pishi@mail.ru

Received: 12.12.2016

For citation: Kosheleva, A.O., Ganzha, N.V., Pedagogical design of introduction of synergetic approach in training of students of professional development. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no. 1. Part. 1. Pp. 145-151.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-145-151. (in Russian)

УДК 37 DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-152-155

РЫЖКОВА-ДУДОНОВА Татьяна Александровна
Московский педагогический государственный университет
г. Москва, Россия
tard@inbox.ru

Tatiana A. RYZHKOVA-DUDONOVA
Moscow State Pedagogical University (MSPU)
Moscow, Russia
tard@inbox.ru

КУЛЬТУРНЫЙ СТАТУС МУЗЫКИ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ КАК ЭЛЕМЕНТ СОДЕРЖАНИЯ МУЗЫКОВЕДЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ ПЕДАГОГА-МУЗЫКАНТА

CULTURAL STATUS OF MUSIC IN THE CONTEXT OF THE EUROPEAN TRADITION AS THE MUSICOLOGICAL PREPARATION OF THE TEACHER – MUSICIAN

Будущий преподаватель игры на музыкальных инструментах, наряду с владением технологией исполнительства, знанием теории и методики обучения игре на них, должен также иметь развернутое и осознанное представление о культурном статусе музыки. Это становится возможным, прежде всего, в процессе освоения музыкально-теоретических и музыкально-исторических дисциплин и необходимо для воспитания интерпретационной культуры музыкантов-педагогов всех специальностей.
Статус музыки в культуре определяется в первую очередь теми качествами, которые ей приписываются в ту или иную эпоху как особому виду искусства. Он в значительной мере зависит от полноты и глубины воплощения средствами музыки «духа времени», то есть ценностных установок, обусловленных культурной картиной мира определенного этноса в определенный период его бытия. Поэтому анализ культурного статуса музыки предполагает исследование не только его конкретно-исторических форм, отраженных и закрепленных в специальных текстах, но также требует выраженного полифункционального подхода. С художественно-эстетической рефлексией музыки тесно связан ее профессионально-музыковедческий анализ, который проясняет конкретные вопросы ее исторического бытия, основные закономерности музыкального творчества, особенности музыкального мышления и восприятия, психолого-педагогические аспекты исполнительского искусства. В данной статье предлагается анализ онтологического и культурного статуса музыки в контексте европейской культурной традиции. Анализ осуществлялся с использованием сравнительно-исторического, герменевтического методов на основе современных культурологических представлений о сущности и природе музыки.

Ключевые слова: музыка, культурный статус музыки, европейская культурная традиция, онтология, музыкальный язык, мелодия.

The future teacher of music, along with mastery of technology performance, a knowledge of the theory and methods of teaching the game they should also have a detailed and informed view about the cultural status of music. This is possible primarily in the process of development of musical-theoretical and musical-historical disciplines and necessary for the education of the interpretive culture of musicians-teachers of all disciplines. The status of music in the culture is determined, first and foremost the qualities that are attributed to it in a particular era as a special kind of art. It largely depends on the completeness and depth of the incarnation by means of music "spirit of time", that is values, due to the cultural picture of the world of a certain ethnic group in a certain period of his existence. Therefore, the analysis of the cultural status of music involves the study not only of its concrete historical forms, reflected and enshrined in special texts, but also requires a pronounced multifunctional approach. With artistic and aesthetic reflection music is closely tied to its vocational and musicological analysis, which clarifies specific issues of its historical existence, the basic laws of musical creativity, the peculiarities of musical thinking and perception, psychopedagogical aspects of the performing arts. This article offers an analysis of the ontological and cultural status of music in the context of European cultural tradition. The analysis was carried out using comparative-historical, hermeneutic methods on the basis of modern cultural ideas about the essence and nature of music.

Keywords: music, cultural status of music in European cultural tradition, ontology, language of music, melody

Как явление культуры музыка представляет собой один из самых сложных предметов анализа: в ней идеальное предстает как «чистый смысл», практически не отягощенный ничем материальным и связанный лишь с выражением духовного потенциала определенной культурно-исторической эпохи. Одновременно в музыке отражается личностно-интимная структура человеческой души, что порождает проблему координации индивидуального мировоззрения с общепринятыми художественно-культурными нормами и канонами определенного времени.

В личностном плане музыка в отличие от всех других искусств имеет специфическое отношение к пространственно-временной определенности - поэтому все чаще акцентируется ее экзистенциальный характер. По словам С.Л. Франка, «искусство музыки ориентировано не на "бесконечно-вечное" и не на решение вопроса о том, буду ли я продолжать существование после моей телесной смерти, а о том, обладаю ли я уже сейчас подлинной реальностью, подлинно ли я есмь, или я обладаю лишь призрачным, неподлинным существованием» [3].

Укоренение искусства музыки в глубинной диалектике подлинного-неподлинного существования и обеспечивает ее культурный статус. Музыка - «совершающееся совершенство», вечно ускользающее, процессуально длящееся, аналогичное в своем культурном потенциале самому акту творения. В культуре она всегда присутствует в своей интерпретативной перспективе как перманентно актуализирующийся, объективирующийся смысл. «Смысл музыки» во

многом обусловлен потребностью и способностью человека в самовыражении, его тенденцией отразить и развить культурную картину мира, которая определяет его мирочувствование и мировоззрение в данный момент времени. Поэтому, по словам С.Л. Франка, музыка связана с персонификацией бытия [3, с. 475]. Она являет собой особо сложный вид искусства, сопряженный с реализацией представлений о бытии через эмоционально-чувственные переживания и представления индивида, выражаемые посредством звуков особого рода, их своеобразных сочетаний и гармонии.

Функции музыки в культуре до сих пор исследованы крайне недостаточно. Обычно выделяют следующие функции, образующие сложное системное единство: означивающую, эмотивную, воспитательную, компенсаторную, социализирующую, онтогносеологическую, магическую, коммуникативную, эстетическую, гедонистическую, миметическую, гармонизирующую, эвристическую, терапевтическую [4; 5]. В различных культурах их субординация различна и развивается с учетом деления музыки на роды, жанры и стили. Кроме того, на понимание сущности функций музыки влияет выработанное в данное время представление о природе самого музыкального искусства.

Например, еще в XVIII веке в контексте философско-эстетического осмысления музыки в рамках европейской культурной традиции сложилось два направления, нашедших выражение в творчестве К.В. Глюка и Н. Пиччини.

Сторонники К.В. Глюка настаивали на социальном значении музыки, подчеркивая ее связь с современными проблемами развития общества. Они акцентировали «историческую энергию» музыки на демократизацию общественных нравов, связь с народной традицией и революционными настроениями эпохи. Сторонники Н. Пиччини подчеркивали субъективно-интимный характер музыки, ее элитарность и аристократизм, связанный с отражением «истории личности», истории внутренних переживаний становящейся индивидуальности, «испытывающей боль и восторг своего бытия» [9, с. 101].

Сходный подход характерен и для современных постмодернистских художественных практик, где культурные и эстетические грани между миром и музыкой, композитором, исполнителем и публикой совершенно утрачиваются, а эстетическая дистанция размывается и исчезает. Критерием культурного статуса музыки в данном контексте становится наиболее полное совпадение («резонанс») подобранных музыкальных средств самовыражения музыканта с накалом его внутренних переживаний, аффектов, страстей или же отсутствие такового (в последнем случае говорят о «белой музыке», выражающей «отсутствие присутствия» и выступающей как одна сплошная музыкальная пауза) (8, с. 21).

Такая музыка не может быть закодирована средствами культуры, она мультипликативна и сиюминутна. Ее нельзя воспроизвести, передать во времени и пространстве для последующей интерпретации. Более того, целью такой музыки не является индуцирование эмоций, поэтому она не предполагает слушателей, а реализуется как экзистенциональный акт субъективной разрядки отдельного сублимирующего индивида и умирает в тот же момент, что рождается. Музыка как бы «выпадает» из культуры: отвергая, по сути, интонационную основу и ладотональность, модернистские и постмодернистские течения экспериментируют с «первоначальным субстратом бытия» - с шумами, случайными природными звуками, стохастическими их сочетаниями и компоновками. Образно-отражательная природа музыки здесь не просто игнорируется, а полностью пересматривается и отвергается.

Поэтому вопрос о содержательности музыки здесь не ставится. Цель иная - воспроизвести онтологическую ситуацию «свободного от человека мира», в котором человек вместе с создаваемой им культурой еще не навязывал своих смыслов, значений и идеалов, а только учился распознавать «красивые» звуки и сочетать их между собой.

В данном контексте музыка впервые приобретает контркультурный статус и может быть означена как «антимузыка»: она нацелена на разрушение устоявшихся эстетических канонов и классических традиций, на тотальное обновление привычного музыкального языка. «Современная музыка как бы пытается осуществить исторический поворот и вернуть ситуацию в исходную точку, когда еще возможен выбор с учетом того страшного опыта краха всех культурных иллюзий, которыми жила Европа все это время» [7, с. 219]. С другой стороны, музыкальные эксперименты конца XX века, вызвавшие лавину достаточно аргументированной критики, можно рассматривать и как эвристический поиск новой позиции музыкального искусства в ситуации «постмодерна» (термин Ю. Хабермаса).

Таким образом, в настоящее время представление о культурном статусе музыки на основе интонационной парадигмы, сформированное в рамках музыкально-теоретических и музыкально-исторических дисциплин, реализуется педагогом в его работе с учащимися класса струнных смычковых инструментов.

Своеобразной «стартовой площадкой» в становлении интеллектуального, творческого и культурного потенциала будущего педагога-музыканта является изучение дисциплин по теории и истории музыки.

С их помощью обеспечивается целостное воспитание и развитие будущего педагога-музыканта, направленное на совершенствование таких психических свойств личности, как музыкальный слух, музыкальная память, художественное воображение, творческое мышление и др.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Асафьев Б.В. Музыкальная форма как процесс. Кн. 1-2 / Акад. Б.В. Асафьев (Игорь Глебов) / Ред., вступ. статья и коммент. Е.М. Орловой. - Ленинград: Музгиз (Ленингр. отд-ние), 1963. - 378 с.
2. Холопова В.Н. Феномен музыки / В.Н. Холопова. - М.: Директ-Медиа, 2014. - 384 с.
3. Холопова В.Н. Междисциплинарные акценты общей теории музыки / В.Н. Холопова // Научный вестник Московской консерватории. - 2011. - № 2. - С. 42-47.
4. Каган М.С. Эстетика как философская наука / Каган М.С. / Университетский курс лекций. - СПб.: Петрополис, 1997. - С. 544.
5. Каган М.С. Социальные функции искусства / М.С. Каган. - Ленинград: Знание, 1978.
6. Сохор А.Н. Социальные функции искусства и воспитательная роль музыки / А.Н. Сохор / Вопросы социологии и эстетики музыки. В 3-х т. - Т.3. - Ленинград, 1983.
7. Сокорский М.А. Культура постмодерна. - Новосибирск, 2004. - С. 219.
8. Хайдегер М. Время и бытие. - М., 1993. - С. 21.
9. Руссо Ж.-Ж. Об искусстве. - М.-Л., 1959. - С. 254-255.
10. Музыка в контексте культурной картины мира [Электронный ресурс] - http://dslib.net
11. Музыка в контексте культурной картины мира. Теория и история культуры [Электронный ресурс] - http://cheloveknauka.com

REFERENCES

1. Asafiev B.V. Musical form as a process [Muzykal'naja forma kak process] KN. 1-2 [Text] / Akad. B. V. Asafyev (Igor Glebov); [Ed., introd. the article and comments. E.M. Orlova]. Leningrad: Muzgiz [Leningr. otd-nie], 1963. - 378 p
2. Kholopova V.N. The phenomenon of music [Fenomen muzyki] [Text]. V. N. Kholopov. M. : Direkt-Media, 2014. 384 p.
3. Kholopova V.N. The interdisciplinary emphasis of the General theory of music [Mezhdisciplinarnye akcenty obshhej teorii muzyki] [Text]. V. N. Kholopov. Scientific Herald of the Moscow Conservatory. 2011. No. 2. P.42-47.
4. Kagan M.S. philosophical Aesthetics as a science. [Jestetika kak filosofskaja nauka] [Text]. M.S. Kagan. University course lectures - Saint Petersburg, "Petropolis", 1997. p. 544.
5. Kagan M.S. the Social function of art. [Social'nye funkcii iskusstva] [Text]. Kagan M.S. Leningrad: Znanie, 1978;
6. Sochor A.N. The social function of art and the educational role of music [Social'nye funkcii iskusstva i vospitatel'naja rol' muzyki]. Sochor, A. N. The sociology and aesthetics of music. In 3 t. T. 3. Leningrad, 1983;
7. Sokorski M.A. Culture of postmodernism [Kul'tura postmoderna]. Novosibirsk, 2004. p. 219.
8. Heidegger M. being and Time [Vremja i bytie].M.1993.With.21
9. J.-J. Rousseau. About art [Ob iskusstve]. M.-L.,1959. PP. 254-255
10. Music in the context of the cultural picture of the world. Available at: http://dslib.net
11. Music in the context of the cultural picture of the world. Theory and history of culture. Available at: http://cheloveknauka.com

Информация об авторе

Рыжкова-Дудонова Татьяна Александровна, кандидат культурологии, профессор, кафедра музыкально-исполнительского искусства в образовании (скрипка),
музыкальный факультет, Московский педагогический государственный университет,
г. Москва, Россия
tard@inbox.ru

Получена: 28.09.2016

Information about the author

Tatiana A. Ryzhkova-Dudonova, Candidate of Cultural Sciences, Professor, Department of Music Performing Art in Education, Music Faculty, Moscow State Pedagogical University (MSPU),

Moscow, Russia
tard@inbox.ru

Received: 28.09.2016

Для цитирования: Рыжкова-Дудонова Т. А., Культурный статус музыки в контексте европейской традиции как элемент содержания музыковедческой подготовки педагога – музыканта. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 1. Часть 1. с. 152-155.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-152-155.

For citation: Ryzhkova-Dudonova, T. A., Cultural status of music in the context of the european tradition as the musicological preparation of the teacher – musician. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no. 1. Part. 1. Pp. 152-155.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-152-155. (in Russian)

УДК 821:111(091) DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-156-163

СОСНИН Алексей Владимирович
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
г. Нижний Новгород, Россия

Alexey V. SOSNIN
National Research University Higher School of Economics
Nizhny Novgorod, Russia
alexsosnin@mail.ru

КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПТА

COGNITIVE METAPHOR AS MEANS OF CONCEPTUAL FORMATION

Настоящая статья посвящена анализу когнитивной метафоры как способа познания и как средства формирования концепта - основной ментальной операции, объединяющей понятийные области. Рассматривается связь метафоры с процессами категоризации; указывается, что при метафорическом переносе одна концептуальная область проецируется в другую. На примере структурирования метафоры «Лондон - тюрьма» даются описания метафорического переноса не в терминах проецирования, которые предполагают выделение фреймовых конструкций более высокого уровня обобщения, чем соотносимые понятийные области (в частности, теория концептуального слияния Фоконье и Тернера). В статье также отмечается эпистемологический статус метафоры: она рассматривается как эксплицирующая схема и способ построения возможных миров. Выделяется ряд факторов, обусловливающих необходимость исследования концептов совместно с механизмами действия метафоры: метафора формирует концепт, а владение концептуальной системой позволяет осуществлять новые метафорические построения; метафора обеспечивает связь между различными слоями, уровнями и измерениями концепта; метафора обеспечивает доступ к неочевидным уровням концепта и концептуальной системы в целом; метафора обеспечивает связь между концептами и распространение знаний от одной когнитивной парадигмы к другой; метафора, как и концепт, имеет динамичную природу; метафора и концепт не подчиняются правилам классической логики. Поскольку метафора обеспечивает перенос значения и формирование концептуальных признаков, в статье предлагается ее семантическое описание в терминах актуализации / нейтрализации сем и построения изотопий. Статья написана в русле более широкого исследования лондонского текста в английской языковой и литературной традиции и являет собой часть его теоретической базы.

The present article deals with the analysis of the cognitive metaphor as a means of cognition and conceptual formation – the basic mental operation connecting conceptual domains. The article considers the relation of the metaphor to categorisation processes and defines the nature of the metaphor as mapping one conceptual domain onto another. As exemplified by structuring the "London-as-prison" metaphor, the article provides alternative descriptions of the metaphoric transfer in terms of distinguishing more general image-schemas than the domains juxtaposed (in particular, Fauconnier and Turner's theory of blending). The article also elucidates the epistemological status of the metaphor – it is regarded as an explicating scheme and a means of constructing possible worlds. Singled out are a number of factors necessitating a joint study of concepts and metaphoric mechanisms: the metaphor forms the concept, while the knowledge of the conceptual system allows for new metaphoric formations; the metaphor connects various conceptual layers, levels and strata; the metaphor gives access to the latent levels of the concept and of the conceptual system as a whole; the metaphor ensures the interconnection between concepts and the distribution of knowledge from one cognitive paradigm to another; both the metaphor and the concept are of dynamic nature and defy the rules of classic logic. As the metaphor provides for the transfer of meaning and the formation of conceptual features, the article comes up with its semantic description in terms of seme actualisation / neutralisation and building isotopies. The article has been written within the scope of a broader research into the London text of the English linguistic and literary tradition and constitutes a part of its theoretical basis.

Ключевые слова: метафора, концепт, схема-образ, когнитивная парадигма, концептуальное слияние.

Keywords: metaphor, concept, image-schema, cognitive paradigm, conceptual blending

С позиций когнитивной лингвистики, метафора - это не фигура речи, не образное средство, которым связываются два значения слова; это ключевая ментальная операция, объединяющая две понятийные области и создающая возможность использовать потенциал структурирования исходной области при «освоении» новой области; это способ познания, концептуализации, категоризации и оценивания мира. Как отмечает Дж. Лакофф в работе «Современная теория метафоры», «локус метафоры находится вовсе не в языке, а в том, как мы концептуализируем одну ментальную область в терминах другой области. Словом «метафора» стали обозначаться отображения ментальных областей в пределах нашей концептуальной системы» [1, с. 203]. Таким образом, сущность когнитивной метафоры предполагает категориальный сдвиг и заключается в постижении явлений одного рода через явления другого рода. При метафорическом переносе одна концептуальная область отображается на другую (или, другими словами, проецируется в нее). При этом, как правило, отображается не отдельно стоящий концепт, а целая концептуальная структура: фрейм или сценарий. Этот процесс западные исследователи обозначают термином *mapping*. Ж. Фоконье, в частности, определяет его как отношение между двумя наборами концептуальных компонентов, по которому каждому компоненту из первого набора назначается соответствие из второго [2, с. xxv].

Таким образом, в изучении метафоры когнитивная лингвистика [3; 4; 5; 6] отказывается от традиционного (восходящего к Аристотелю) взгляда на нее как на «сокращенное сравнение» или способ «украшения» речи и рассматривает ее как манифестацию аналогового потенциала

человеческого мышления. Метафоры заложены непосредственно в понятийной системе человеческого мышления. По замечанию А.П. Чудинова, метафора рассматривается в когнитивной науке как сетевая модель с узлами, связанными отношениями близости в различной степени [8, с. 104]. Заметим при этом, что метафора может соотноситься, во-первых, с механизмом или процессом; во-вторых, с результатом в частном или обобщенном виде и, наконец, с формой мышления.

Н.В. Печерская указывает на то, что в когнитивной науке метафора приобретает, по сути, эпистемологический статус: она рассматривается теперь не только как средство описания действительности, но и как эксплицирующая схема, способ построения возможных миров [9, с. 96; ср.: 10; 11; 5; 6]. Вслед за И.М. Кобозевой отметим, что имеет смысл относить к метафорам все те образные построения, которые в качестве когнитивной основы имеют уподобление объектов, принадлежащих к разным категориям [12, с. 136-137]. Действительно, принадлежность определяемого и определяющего разным таксономиям служит необходимым условием существования метафоры [Ср.: 13, с. 277 и далее].

Метафора обеспечивает эпистемический доступ к концепту, а анализ того, как метафоры функционируют, является важнейшим источником данных о деятельности человеческого разума, отношениях между различными концептами и их уровнями, а также между значениями многозначных слов.

Необходимость исследования концептов совместно с механизмами действия метафоры обусловливается рядом факторов.

1. Метафора формирует концепт, а владение концептуальной системой позволяет осуществлять новые метафорические построения. Как отмечает П. Рикер, механизм речепорождения в области метафоры действует таким образом, что размываются логические границы, благодаря чему обнаруживаются новые сходства, которые не были видимы в пределах прежней классификации [14, с. 442]. Метафора расширяет границы существующих концептов на основе подобия и в некоторых случаях способствует возникновению новых (например, при распаде полисемии).

Обратно, в концептуальной системе заложены устойчивые аналогии между концептами, и владение ею позволяет человеку понимать и продуцировать множество метафорических выражений, построенных как образная характеристика одного концепта в терминах другого на основе установления существенных признаков их аналогии [Ср.: 15, с. 65].

2. Метафора обеспечивает связь между различными слоями, уровнями и измерениями концепта. Так, метафора может рассматриваться как неожиданный и мгновенный переход с одного семантического уровня на другой, подобный квантовому скачку между энергетическими уровнями. При этом, если на каждом смысловом уровне действуют правила формальной логики, которые соответствуют классическим научным законам, то метафора нарушает их совершенно. По мнению И.В. Полозовой, данное свойство метафоры представляет существенный интерес в свете новых физических теорий, которые представляют наш мир разделенным на энергетические уровни в его глубинных основах (на каждом из которых действуют законы классической механики, но переход между которыми этим законам не подчиняется). Получается, что метафора, являющая собой межуровневый скачок, стоит у самых истоков миропорядка [16, с. 82-83]. Метафора, таким образом, соотносится с глубинными структурами нашей реальности, а также с потенциальными, ассумптивными возможностями человеческого бытия [Ср.: 17, с. 51]. В этой связи вспоминаются слова испанского философа Х. Ортеги-и-Гассета, который писал, что «все преисполненное жизни, необъятное здание Вселенной основывается на миниатюрном и воздушном тельце метафоры» [18, с. 77].

3. Метафора обеспечивает доступ к неочевидным уровням концепта и концептуальной системы в целом. Она является тем мыслительным орудием, с помощью которого удается достичь ее максимально отдаленных участков. Концепты, которые близки к нам и легко постижимы, открывают человеческой мысли доступ к удаленным и даже эфемерным концептам. То же можно сказать и о компонентах отдельного концепта, то есть. с помощью метафоры могут актуализироваться потенциальные концептуальные признаки.

4. Метафора обеспечивает связь между концептами и распространение знаний от одной когнитивной парадигмы к другой. По М. Минскому, метафорические аналогии позволяют представить какой-либо предмет или явление, образно выражаясь, «в свете» другого предмета или явления, что позволяет применять знания и опыт, которые были приобретены в некоторой области, для разрешения проблем из совершенно другой области. Так знания распространяются от парадигмы к парадигме [19, с. 291-292]. Метафора, по мнению исследователя, благоприятствует формированию межфреймовых связей, которые непредсказуемы и характеризуются огромной эвристической силой [Там же].

5. Метафора, как и концепт, имеет динамичную природу. Динамичность концепта обусловливается спонтанностью живой речи, в которой он вербализуется. В акте вербализации

концепта происходит разворачивание его бытийно-смысловых возможностей, актуализация его импликаций и связанных с ним ассоциаций, а также реализация его связей с другими концептами. При этом происходит обогащение концепта - через контекстуальное приращение смыслов речевых единиц, в которых он вербализуется. Концепт, таким образом, дискурсивно-нарративен, а в его «сказываемости» или «проговариваемости» обнаруживается динамическая вариативность ментального представления о предмете или явлении [Ср.: 20, с. 54].

Метафора же, по мнению Э. МакКормака, может описываться как динамический процесс в двух смыслах: (а) как когнитивный процесс, отвечающий за формирование новых концептов, и (б) как культурный процесс, за счет которого меняется язык [21, с. 363]. Действительно, замечает Н.Д. Арутюнова, дав начало семантическому процессу, метафора со временем стирается и, наконец, утрачивает передаваемый ею образ, который замещается новым понятием (значением слова) [22, с. 15]. Вообще, идея динамического развития, перемещения заложена в самом слове «метафора»: по мнению Ф. Уилрайта, этот процесс целесообразно описывать в терминах семантического движения, ибо компонент «движение» (греч. *форá*) входит в значение этого слова. «Это протекающий в воображении динамический акт расширения смысла и соединения смыслов, который отражает сущность метафорического процесса» [23, с. 83].

6. Метафора и концепт не подчиняются правилам классической логики. Как отмечалось ранее, человеческое мышление не оперирует четко выделяемыми логическими понятиями, а концепт как его единица не поддается строгому логическому структурированию. Метафора также являет собой форму, строящуюся на принципах, которые противоречат основополагающим принципам формально-логического мышления: законам тождества, запрещения противоречия и, прежде всего, исключения третьего. Называя вещи и явления не своими именами, метафора обнаруживает в них наличие как бы калейдоскопа смыслов и ставит под сомнение их тождественность самим себе. По замечанию И.В. Полозовой, метафора указывает на наличие в вещи или явлении диаметрально противоположных начал и учитывает «весь потенциальный континуум смыслов», с которыми эта вещь или явление ассоциируется [16, с. 71].

В когнитивной лингвистике существует ряд классификаций метафоры. В частности, широко распространена типология Дж. Лакоффа и М. Джонсона из их фундаментального труда «Метафоры, которыми мы живем». Исследователями выделяются три типа когнитивных метафор: ориентационные метафоры, которые основаны на восприятии, движении, физическом и социальном опыте человека; структурные метафоры, которые позволяют применять одно хорошо структурированное понятие для структурирования другого (при этом концептуальная система «сферы-источника» служит для моделирования концептуальной системы «сферы-мишени»); онтологические метафоры (метафора персонификации, метафора вместилища или контейнера и пр.), которые способствуют осмыслению явлений и событий как дискретных, чувственно воспринимаемых объектов и сущностей [30].

В зависимости от «эпистемологической силы», потенциала освоения новых областей и продуцирования нового когнитивного содержания представляется возможным выделить следующие типы метафор: глубинные метафоры, корневые метафоры и, наконец, поверхностные метафоры, подразумевающие наличие явной, поверхностной аналогии между двумя понятийными областями [ср.: 9, с. 97-98].

Глубинные метафоры [31] проистекают из физической и психической деятельности людей; ими незримо пронизан весь наш дискурс. Глубинные метафоры близко соотносятся с ориентационными метафорами в классификации Лакоффа и Джонсона. Признание наличия глубинных метафор, по сути, устраняет дихотомическое различие между «буквальным» и «образным» языком, так как даже, на первый взгляд, за буквальными выражениями зачастую обнаруживается метафора. По справедливому замечанию М.В. Рассохиной, всякое утверждение, которое претендует на истинность, будет в конечном итоге укоренено в глубинных метафорах [32, с. 24].

Корневые метафоры, указывает Н.В. Печерская, очерчивают границы познания и устанавливают рамки описания мира [9, с. 98], то есть ими существенно определяется структура различных дискурсов и сверхтекстов. Как отмечает Р. Браун, с помощью корневых метафор задается основа и инструментарий интерпретации, а также наиболее общий смысловой каркас [33, с. 126]. К корневым метафорам относятся, в частности, «конструкция» или «система», далее подразделяющаяся на «организм» и «механизм» (что, в свою очередь, восходит к глубинным метафорам персонификации и деперсонификации), «порядок», «хаос», «рай», «ад», «тюрьма», «игра», «рынок» или «магазин», «театр», «лабиринт», «текст».

При рассмотрении метафорического переноса не в терминах проекций понятийных областей предполагается, что общими признаками концептов, соотносимых метафорически, образуется схема высокого уровня обобщения (*image schema* или схема-образ), конкретными манифестациями которой и будут данные концепты. В этом случае сферы источника и мишени в традиционных терминах Лакоффа и Джонсона будут отчасти соответствовать концепту-

прототипу (*prototype concept*) и концепту развития (*extension concept*) [Ср.: 24, с. 349-350; 26, с. 73-75; 29, с. 520-530), а схема высокого уровня может обозначаться как высшая категория / концепт (*superordinate category / concept*) [34, с. 414]. Проиллюстрируем это на примере метафоры «London-prison»:

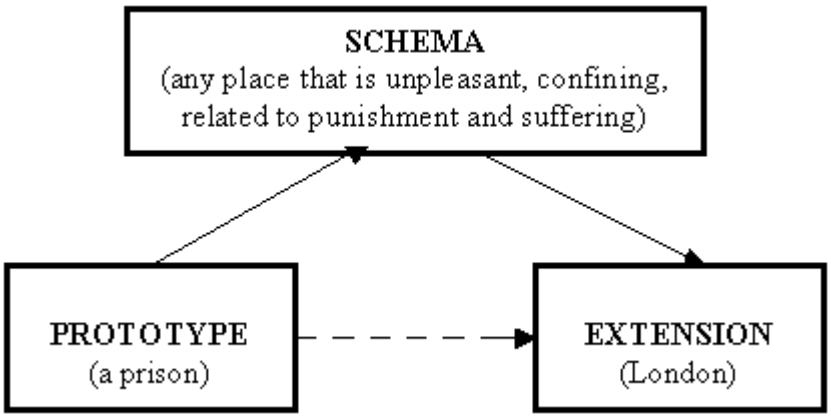

Схема 1. Структурирование метафоры «London-prison»
Fig. 1. Structuring of metaphor «London-prison»

Стремясь выявить в метафоре более обобщенные когнитивные механизмы, чем проекции понятийных доменов, Фоконье и Тернер [35] предложили теорию концептуального слияния (*conceptual blending*), где наличествуют, по меньшей мере, четыре ментальные области: (а) минимум два исходных пространства (*input spaces*); (б) минимум одно родовое общее пространство (*generic space*), содержащее общие признаки исходных пространств и способствующее выявлению соответствий между компонентами данных пространств; (в) интегрированное пространство (*blended space*), включающее в себя компоненты, которые были выбраны из исходных пространств.

В этом случае исходные пространства будут соответствовать сфере-источнику и сфере-мишени; родовое же пространство - это максимально обобщенная схема, которая отражает схожие признаки понятийных областей (*cross-domain commonalities*); оно образовывается концептом наивысшего порядка обобщения (*superordinate concept*) или схемой-образом (*image schema*); интегрированное пространство детерминирует нашу интерпретацию, в которой появляется новая логика, не отражаемая в исходных пространствах.

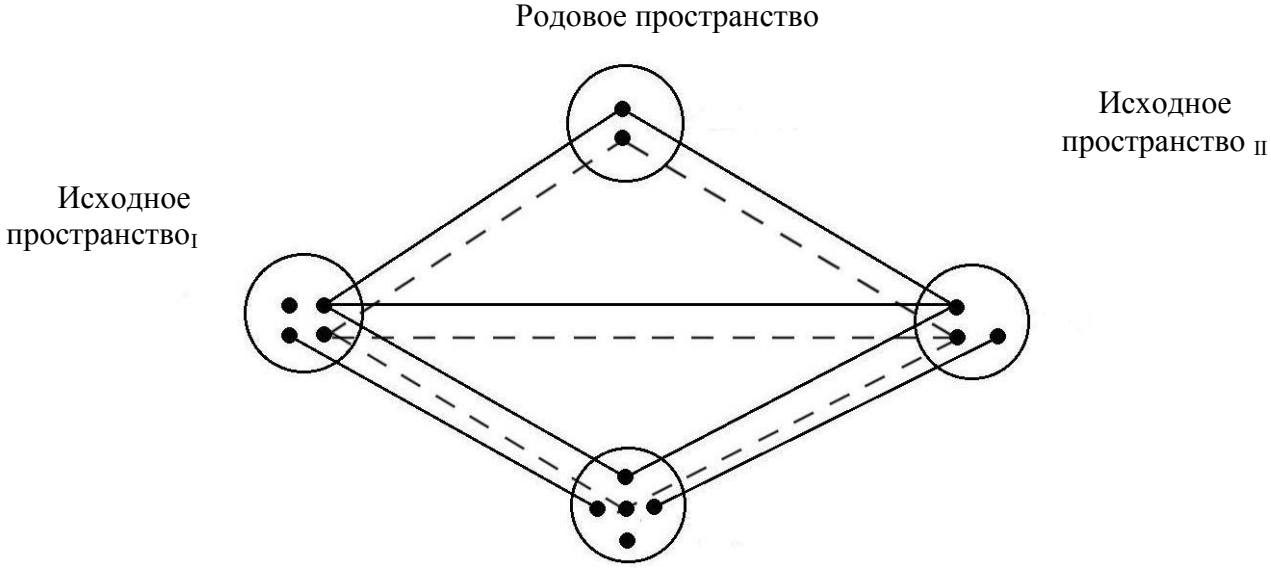

Схема 2: Модель концептуального слияния по Фоконье и Тернеру
Fig. 2: Conceptual merging model of Fauconnier and Turner

В качестве примера рассмотрим актуализацию метафоры «London-prison» в стихотворении У. Морриса «The Bridge and the Street»: «… with pitiless faces / The dull houses stared on the prey they had trapped»; «What's this we are doing / In this grim net of London, this prison built stark» [36].

Исходные пространства: a prison, a city;

Родовое пространство: any place that is unpleasant, confining, related to punishment and suffering;

Интегрированное пространство: причины, по которым человек «попадает в тюрьму» города, не совпадают с причинами заключения в тюрьме реальной: это может быть результатом подавления личности городской громадой, болезненного восприятия действительности, страданий романтического героя, который стремится из душного города в дальние страны и пр.; «побег» из метафорической городской тюрьмы, безусловно, не предполагает уголовного преследования и жизни вне закона, хотя и может рассматриваться как избавление от страданий и социальной несправедливости; он может быть также связан с обретением новой идентичности, готовностью принять другой культурный ход и т.д.

Интегрированное пространство, соответственно, формируется за счет привлечения социальных, аксиологических и идиолектных норм. Подобные модели более полно отражают неотъемлемую метафоричность, которая присуща человеческому дискурсу [Ср.: 37].

Метафора также может быть описана с формально-семантических позиций - в терминах актуализации / нейтрализации семантических компонентов (с «проекцией» этой актуализации или нейтрализации на соответствующие концептуальные признаки) и построения семантических изотопий, которыми опосредованно описывается возможность соединения несовместимых понятийных областей. Будучи условием переноса значения и формирования концептуальных признаков, метафора требует, как отмечает Д. Болинджер, семантического обоснования [38, с. 221].

Итак, приходим к следующим выводам:

- межконцептуальные и межуровневые концептуальные связи выявляются с помощью анализа функционирования метафоры, которую следует понимать не в качестве образного средства, которым связываются два значения слова, а в качестве основной ментальной операции, объединяющей две понятийные сферы;

- альтернативные описания метафорического переноса предполагают выделение фреймовых конструкций более высокого уровня обобщения, чем соотносимые понятийные области (в частности, теория концептуального слияния Фоконье и Тернера);

- поскольку метафора обеспечивает перенос значения и формирование концептуальных признаков, она может быть объяснена семантически в терминах актуализации / нейтрализации сем и построения изотопий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought [ed. by A. Ortony]. - Cambridge University Press, 1993. - Pp. 202-251.
2. Fauconnier G. Mental Spaces. - Cambridge, Mass.: MIT Press, 1985. - 185 p.
3. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. - Chicago: University of Chicago Press, 1980. - 242 p.
4. Johnson-Laird Ph.N. Mental Models: Toward a Cognitive Science of Language, Inference and Consciousness. - Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1983. - 513 p.
5. Black M. More about Metaphor // Metaphor and Thought [ed. by A. Ortony]. - Cambridge University Press, 1993. - Pp. 112-131.
6. Ortony A. Metaphor, Language and Thought. - Cambridge University Press, 1993. - 678 p.
7. Ackroyd P. English Music. London: Hamish Hamilton, 1992. - 400 p.
8. Чудинов А.П. Когнитивно-дискурсивное исследование политической метафоры // Вопросы когнитивной лингвистики. - 2004. - № 1. - С. 91-105.
9. Печерская Н.В. Знать или называть: метафора как когнитивный ресурс социального знания // Политические исследования. - 2004. - № 2. - С. 93-105.
10. Гудмен Н. Способы создания миров; Статьи / Пер. с англ. Т.А. Дмитриева и др. - М.: Лого∑, 2001. - 375 с.
11. Leary D.E. Naming and Knowing: Giving Forms to Things Unknown // Social Research, Vol. 62, No. 2. - 1995. - Pp. 267-298.

12. Кобозева И.М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестник МГУ. Серия 9: Филология. - 2001. - № 6. - С. 132-149.
13. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека.- М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. - 895 с.
14. Рикер П. Живая метафора // Теория метафоры: Сборник статей / Под ред. Н.Д. Арутюновой. - М.: Прогресс, 1990. - С. 435-455.
15. Ritchie L.D. Context and Connection in Metaphor. - Basingstoke, UK: Palgrave-Macmillan, 2006. - 324 p.
16. Полозова И.В. Глубинные основания метафоры // Вестник МГУ. Серия 7: Философия. - 2004. - № 3. - С. 70-85.
17. Полозова, И.В. Онтологические основы метафоры // Вестник МГУ. Серия 7: Философия. - 2003. - № 4. - С. 51-63.
18. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры: Сборник статей / Под ред. Н.Д. вой. - М.: Прогресс, 1990. - С. 68-81.
19. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка. - М.: Прогресс, 1988. - С. 281-309.
20. Григорьев А.А. Культурологический смысл концепта: дис. … канд. филос. наук: 24.00.01. - М.: Российский институт культурологии, 2003. - 176 с.
21. МакКормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры: Сборник статей / Под ред. Н.Д. вой. - М. : Прогресс, 1990. - С. 358-386.
22. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс: Вступительная статья // Теория метафоры: Сборник статей / Под ред. Н.Д. Арутюновой. - М.: Прогресс, 1990. - С. 5-32.
23. Уилрайт Ф. Метафора и реальность // Теория метафоры: Сборник статей / Под ред. Н.Д. Арутюновой. - М., 1990. - С. 82-109.
24. Gibbs R.W. Metaphor Interpretation as Embodied Simulation // Mind and Language, No. 21. - 2006. - Pp. 434-458.
25. Соснин А.В. Метафора как отражение физической деятельности человека // Лингвистические основы межкультурной коммуникации: Сборник материалов международной научной конференции 10-11 декабря 2009 г. Ч. 2. - Н. Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2010. - С. 134-136.
26. Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination and Reason. - Chicago: University of Chicago Press, 1987. - 233 p.
27. Mandler J. How to Build a Baby: II. Conceptual Primitives // Psychological Review, 99. - 1992. - Pp. 587-604.
28. Langacker R.W. Grammar and Conceptualization. - Berlin-N.Y.: Mouton de Gruyter, 1999. - 427 p.
29. Taylor J.R. Cognitive Grammar. - Oxford University Press, 2002. - 621 p.
30. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем /. Пер. с англ. А.Н. Баранова и А.В. Морозовой. - М.: УРСС, 2004. - 252 с.
31. Gozzi R. The Power of Metaphor // A Review of General Semantics, Vol. 56, No. 4. - 1999. - Pp. 380-389.
32. Рассохина М.В. Метафоры в языке социологической теории // Научные доклады МВШСЭН. - Вып. 1. - М.: МВШСЭН, 2001. - 80 с.
33. Brown R.H. Poetic for Sociology: Toward a Logic of Discovery for the Human Sciences. - Chicago: University of Chicago Press, 1989. - 317 p.
34. Glucksberg S., Keysar B. How Metaphors Work // Metaphor and Thought [ed. by A. Ortony]. - Cambridge: Cambridge University Press, 1993. - Pp. 401-424.
35. Fauconnier G., Turner M. Conceptual Integration Networks // Cognitive Science, No. 22. - 1998. - Pp. 133-187.
36. Morris W. The Bridge and the Street // Pilgrims of Hope. - 1887. [Электронный ресурс] - URL: http://www.gutenberg.org/etext/3262 (дата обращения: 07.09.2016).
37. Соснин А.В. Альтернативные модели описания метафорических процессов в языке // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. - 2011. - № 1. - С. 69-72.
38. Болинджер Д. Атомизация значения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X: Лингвистическая ка. - М.: Прогресс, 1981. - С. 200-234.
39. Растье Ф. Интерпретирующая семантика / Пер. с фр., прим., предм.-им. указ. А.Е. Бочкарева. - Н. Новгород: ДЕКОМ, 2001. - 367 с.

REFERENCES

1. Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor. Metaphor and Thought [ed. by A. Ortony]. Cambridge University Press, 1993. Pp. 202-251.
2. Fauconnier G. Mental Spaces. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1985. 185 p.
3. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p.
4. Johnson-Laird Ph.N. Mental Models: Toward a Cognitive Science of Language, Inference and Consciousness. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1983. 513 p.
5. Black M. More about Metaphor. Metaphor and Thought [ed. by A. Ortony]. Cambridge University Press, 1993. Pp. 112-131.
6. Ortony A. Metaphor, Language and Thought. Cambridge University Press, 1993. 678 p.
7. Ackroyd P. English Music. London: Hamish Hamilton, 1992. 400 p.
8. Chudinov A.P. Kognitivno-diskursivnoe issledovanie politicheskoj metafory. [Cognitive and Discursive Research into the Political Netaphor].Voprosy kognitivnoj lingvistiki = Issues of Cognitive Linguistics. 2004. No. 1. pp. 91-105.

9. Pecherskaya N.V. Znat' ili nazyvat': metafora kak kognitivnyj resurs social'nogo znaniya. [To Know or to Nominate: The Metaphor as a Cognitive Resource of Social Knowledge]. Politicheskie issledovaniya = Political Studies. 2004. No. 2. pp. 93-105.
10. Gudmen N. Sposoby sozdaniya mirov; Statyi.[Means of Creating Worlds; Articles]. Per. s angl. T.A. Dmitrieva i dr. M.: Logo∑, 2001. 375 p.
11. Leary D.E. Naming and Knowing: Giving Forms to Things Unknown. Social Research, Vol. 62, No. 2. 1995. Pp. 267-298.
12. Kobozeva I.M. Semanticheskie problemy analiza politicheskoj metafory. [Semantic Issues of the Political Metaphor].Vestnik MGU. Seriya 9: Filologiya = MSU Bulletin. Series 9: Philology. 2001. No. 6. pp. 132-149.
13. Arutyunova N.D. Yazyk i mir cheloveka. [Language and the Human World]. M.: Shkola Yazyki russkoj kul'tury, 1998. 895 p.
14. Riker P. Zhivaya metafora. [Living Metaphor].Teoriya metafory: Sbornik statej = The Theory of the Metaphor: A Collection of Articles. Pod red. N.D. Arutyunovoj. M.: Progress, 1990. pp. 435-455.
15. Ritchie L.D. Context and Connection in Metaphor. Basingstoke, UK: Palgrave-Macmillan, 2006. 324 p.
16. Polozova I.V. Glubinnye osnovaniya metafory. [Underlying Fundamentals of the Metaphor]. Vestnik MGU. Seriya 7: Filosofiya = MSU Bulletin. Series 7: Philosophy. 2004. No. 3. pp. 70-85.
17. Polozova, I.V. Ontologicheskie osnovy metafory. [Ontological Fundamentals of the Metaphor].Vestnik MGU. Seriya 7: Filosofiya = MSU Bulletin. Series 7: Philosophy. 2003. No. 4. pp. 51-63.
18. Ortega-i-Gasset H. Dve velikie metafory. [Two Great Metaphors]. Teoriya metafory: Sbornik statej = The Theory of the Metaphor: A Collection of Articles. Pod red. N.D. Arutyunovoj. M.: Progress, 1990. pp. 68-81.
19. Minskij M. Ostroumie i logika kognitivnogo bessoznatel'nogo. [Wit and the Logic of the Cognitive Subconscious]. Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. XXIII: Kognitivnye aspekty yazyka = The New in Foreign Linguistics. Vol. XXIII: Cognitive Aspects of Language. M.: Progress, 1988. pp. 281-309.
20. Grigor'ev A.A. Kul'turologicheskij smysl koncepta [The Essence of the Concept from the Standpoint of Cultural Studies] : dis. … kand. filosofsk. nauk: 24.00.01. M.: Rossijskij institut kul'turologii, 2003. 176 p.
21. MakKormak `E. Kognitivnaya teoriya metafory. [The Cognitive Theory of the Metaphor]. Teoriya metafory: Sbornik statej = The Theory of the Metaphor: A Collection of Articles. Pod red. N.D. Arutyunovoj. M. : Progress, 1990. pp. 358-386.
22. Arutyunova N.D. Metafora i diskurs: Vstupitel'naya statya . [Metaphor and Discourse: Opening Article]. Teoriya metafory: Sbornik statej = The Theory of the Metaphor: A Collection of Articles. Pod red. N.D. Arutyunovoj. M.: Progress, 1990. pp. 5-32.
23. Uilrajt F. Metafora i real'nost'. [Metaphor and Reality]. Teoriya metafory: Sbornik statej = The Theory of the Metaphor: A Collection of Articles. Pod red. N.D. Arutyunovoj. M., 1990. pp. 82-109.
24. Gibbs R.W. Metaphor Interpretation as Embodied Simulation. Mind and Language, No. 21. 2006. Pp. 434-458.
25. Sosnin A.V. Metafora kak otrazhenie fizicheskoj deyatel'nosti cheloveka. [The Metaphor as Reflecting Human Bodily Experience]. Lingvisticheskie osnovy mezhkul'turnoj kommunikacii: Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 10-11 dekabrya 2009 g. Ch. 2 = Linguistic Bases of Cross-Cultural Communication: Proceedings of the International Scientific Conference. N. Novgorod: Izd-vo NGLU im. N.A. Dobrolyubova, 2010. p. 134-136.
26. Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination and Reason. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 233 p.
27. Mandler J. How to Build a Baby: II. Conceptual Primitives. Psychological Review, 99. 1992. Pp. 587-604.
28. Langacker R.W. Grammar and Conceptualization. Berlin-N.Y.: Mouton de Gruyter, 1999. 427 p.
29. Taylor J.R. Cognitive Grammar. Oxford University Press, 2002. 621 p.
30. Lakoff Dzh. Metafory, kotorymi my zhivem. [Metaphors We Live By]. Per. s angl. A.N. Baranova i A.V. Morozovoj. M.: URSS, 2004. 252 p.
31. Gozzi R. The Power of Metaphor. A Review of General Semantics, Vol. 56, No. 4. 1999. Pp. 380-389.
32. Rassohina M.V. Metafory v yazyke sociologicheskoj teorii. [Metaphors in the Language of Sociological Theory]. Nauchnye doklady MVShSEN. Vyp. 1. M.: MVShS`EN, 2001. 80 p.
33. Brown R.H. Poetic for Sociology: Toward a Logic of Discovery for the Human Sciences. Chicago: University of Chicago Press, 1989. 317 p.
34. Glucksberg S., Keysar B. How Metaphors Work. Metaphor and Thought [ed. by A. Ortony]. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. Pp. 401-424.
35. Fauconnier G., Turner M. Conceptual Integration Networks. Cognitive Science, No. 22. 1998. Pp. 133-187.
36. Morris W. The Bridge and the Street. Pilgrims of Hope. 1887. Available at: http://www.gutenberg.org/etext/3262 (accessed 7 September 2016).
37. Sosnin A.V. Al'ternativnye modeli opisaniya metaforicheskih processov v yazyke. [Alternative Approaches to the Metaphor in Language]. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya = Voronezh State University Bulletin. Series: Linguistics and Cross-Cultural Communication. 2011. No. 1. p. 69-72.
38. Bolindzher D. Atomizaciya znacheniya. [Atomization of Meaning]. Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. X: Lingvisticheskaya semantika = The New in Foreign Linguistics. Vol. X: Linguistic Semantics. M.: Progress, 1981. p. 200-234.
39. Rastye F. Interpretiruyuschaya semantika. [Interpretative Semantics]. Per. s fr., primechaniya, predmetno-imennoj ukazatel' A.E. Bochkareva. N. Novgorod: DEKOM, 2001. 367 p.

Информация об авторе

Соснин Алексей Владимирович, кандидат филологических наук, доцент, департамент литературы и межкультурной коммуникации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Нижний Новгорода, Россия
alexsosnin@mail.ru

Получена: 23.12.2016

Для цитирования статьи: Соснин А.В., Когнитивная метафора как средство формирования концепта. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 1. Часть 1. с. 156-163.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-156-163.

Information about the author

Alexey V. Sosnin, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Literature and Cross-Cultural Communication, National Research University Higher School of Economics,
Nizhny Novgorod, Russia
alexsosnin@mail.ru

Received: 23.12.2016

For article citation: Sosnin, A.V., cognitive metaphor as means of conceptual formation. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no. 1. Part. 1. Pp. 156-163.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-156-163. (in Russian)

УДК 811.111 DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-164-169

ТЕРЕНТЬЕВА Елена Валентиновна
Нижегородская государственная медицинская академия
г. Нижний Новгород, Россия
elenavter@yahoo.com

ЕФИМОВА Алла Александровна
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
г. Москва, Россия
aefimova@hse.ru

TERENTEVA Elena V.
Nizhny Novgorod State Medical Academy
Nizhny Novgorod, Russia
elenavter@yahoo.com

EFIMOVA Alla A.
National Research University Higher School of Economics
Moscow, Russia
aefimova@hse.ru

КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ПРИЗНАКА У ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ (ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ИНТЕНСИФИКАТОРЫ)

Статья написана в рамках более широкого исследования, посвященного комплексному изучению адъективной лексики интенсифицирующего характера, целью которого является анализ механизма интенсификации прилагательных и выявление потенциальной возможности проявления количественной определенности у всего класса адъективной лексики. Данная статья является попыткой рассмотреть и описать случаи употребления прилагательных, не содержащих в своем значении семы интенсивности, но способных в речи приобретать градуируемые качества. Материалом исследования послужили прилагательные, выбранные из художественных произведений современных британских и американских писателей (объем проанализированных текстов составляет 8 000 страниц). В работе показано, что потенциальные интенсификаторы могут быть двух видов. С одной стороны, это адъективная лексика, в семантике которой уже заложен оттенок качественности и которая в определенных условиях, например, при метафорическом употреблении, развивает качественное значение и указывает на количество признака. С другой стороны, это группа слов, качественное значение в структуре которых отсутствует. Подобные прилагательные способны определять количество признака при помощи вторичных интенсификаторов посредством образного сравнения или путем постановки прилагательного в сравнительную или превосходную степень. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что в отличие от качественных прилагательных, способных обозначать количественное содержание признака как имплицитным, так и эксплицитным путем, для относительных прилагательных типичным является в большей мере только эксплицитное указание на степень проявленности признака.

Ключевые слова: имя прилагательное, интенсификация, экспрессивность, градуальный, неградуируемый, значение, оценка, семантическая структура, собственно интенсификаторы, потенциальные интенсификаторы.

THE QUANTITATIVE SPECIFICITY OF RELATIVE ADJECTIVES (POTENTIAL INTENSIFIERS)

The article below is a part of more exhaustive research devoted to the complex study of adjectives of intensifying character. The research is aimed at analyzing the mechanism of intensifying adjectives and revealing the potential possibility of showing quantitative features by the whole class of adjectives. The given article makes an attempt, first, to describe the adjectives the meaning of which does not contain the seme of intensification, but that are able to acquire graduation quantities in speech and, second, to consider the usage of such adjectives. The research material contains adjectives selected from fiction novels of modern British and American writers, the volume of the analyzed texts amounting to eight thousand pages. According to the paper, potential intensifiers may be of two types. On the one hand, potential intensifiers involve the adjectives the semantic meaning of which already includes the seme of quality and which under particular conditions, for example, when used as a metaphor, develop qualitative meaning and become gradable. On the other hand, potential intensifiers include a group of words without any qualitative meaning in their structure. Such adjectives are able to determine the quantity with the help of submodifiers by means of figurative comparison or gradability can be denoted by putting an adjective in its comparative or superlative degree. The conducted analysis makes it possible to conclude that unlike qualitative adjectives that contain quantitative components and are able to indicate quantity both in implicit and explicit ways, it is mainly typical for relative adjectives to explicitly express gradability.

Keywords: adjective, intensification, expressiveness, gradable, non-gradable, meaning, evaluation, semantic structure, intensifying adjectives, potential intensifiers

Слово обладает не только предметно-понятийным содержанием, но и наделено экспрессивным элементом, так как у человека наряду с познавательной деятельностью возникает необходимость эмоционально реагировать на мир, квалифицировать обозначенный предмет как приятный или неприятный, полезный или бесполезный, красивый или уродливый. При этом нередко не только выделяется то или иное качество предмета, но также указывается и степень данного качества.

В большинстве работ, посвященных изучению коннотативного аспекта семантической структуры слова, экспрессивность рассматривается как отображение эмотивного отношения субъекта к внешнему или внутреннему миру в содержании языковых сущностей [1]. Во внеязыковой действительности экспрессивность не имеет своего референта и передает информацию лишь внутрилингвистического характера [2, с. 8]. Она выполняет функцию усиленного воздействия на адресата и, будучи компонентом системного значения слова, является элементом коннотации, усиливающей денотативные признаки [3, с. 108].

Экспрессивная окраска придается значению слова благодаря «модально-квалификативной структуре» [1], которая обрамляет денотативную структуру и отображает эмотивное отношение субъекта, привнося в содержательный план языковых единиц дополнительный смысл. Именно коннотативный элемент отличает экспрессивно окрашенные слова от слов, обладающих лишь предметно-понятийным содержанием.

Экспрессивность следует относить не только к единицам речи, но и к единицам языка, поскольку она как возникает в процессе коммуникации, так и может присутствовать в единицах лексики и фразеологии постоянно; другими словами, она представляет собой и речевую функцию, и элемент языковой системы [4, с. 99]. Следовательно, можно говорить и о средствах экспрессии, и об экспрессивном потенциале, поскольку выразительные возможности не всегда реализовываются [5, с. 221]. По мнению В.Н. Телия, экспрессивность «имеет свой способ внедрения в содержание языковых сущностей - явный ..., либо же неявный» [1]. Под явным способом выражения экспрессивности В.Н. Телия понимает оформление при помощи аффиксов субъективной оценки или стилистическую маркированность слов, под неявным - внутрисловно не оформленный способ, который может проявляться в закреплении слов за определенными позициями.

С понятием экспрессивности тесно связано такое явление, как интенсивность, которая находится от нее в прямой зависимости и указывает на экспрессивность высказывания и на степень экспрессии. Чем более эмоциональна речь, тем выше интенсивность. Интенсификация свидетельствует о том, что высказывание является экспрессивным, то есть стилистически не нейтральным. Интенсификаторы определяют, в какой мере высказывание экспрессивно [6, с. 17]. Аналогичной точки зрения придерживается Н.А. Лукьянова, которая пишет об интенсивности экспрессива и определяет ее как потенциальную способность актуализировать представление человека о высокой степени меры признака, являющегося свойством предмета или приписываемого ему [7, с. 56].

Несмотря на то, что по мнению некоторых исследователей интенсивность может характеризовать лишь те признаки, которым присуща градуальность изначально [8], рассмотрение прилагательных с позиции категории интенсивности позволяет утверждать о единстве класса прилагательных. Оно обусловлено направленностью как качественных, так и относительных прилагательных определять степень проявленности признака, с той лишь разницей, что для качественных прилагательных свойственно обозначать количественное содержание признака и имплицитным, и эксплицитным путем, в то время как у относительных прилагательных типичной является возможность указывать на степень проявленности признака в большей мере только эксплицитным путем.

Являясь частью общей семантической системы языка, прилагательные представляют собой внутренне связанную систему неоднородных значений и их оттенков, которая в зависимости от способности адъективной лексики указывать на степень проявленности признака и от наличия в значении квантитативных сем может быть разбита на три группы [9].

Во-первых, группа собственно интенсификаторов, включающая прилагательные, содержание лексического значения которых сводится исключительно к выражению интенсивности.

- I kept the warming pan beside me, for its heat was most welcome and helped alleviate the terrible chills [16, p. 20].

Во-вторых, переходная группа, образованная прилагательными, совмещающими в своей семантике квалитативные и квантитативные семы.

- Newt was a very tiny young man indeed, though not grotesque [17, p. 72].

В-третьих, группа потенциальных интенсификаторов, которая состоит в основном из относительных прилагательных, не содержащих в своем значении семы интенсивности, например wooden, и приобретающих несвойственные им в прямом значении качественные признаки. В результате чего становится возможной количественная определенность признака.

- She was obviously wearing her best clothes and had the self-conscious, wooden smile on her face … [18, p. 28].

В этом примере прилагательное указывает на очень высокую степень проявленности признака, wooden характеризует улыбку как неподвижную, деревянную («абсолютно без движения»).

Итак, значительная часть английских прилагательных характеризуется наличием в их структуре сем, соотносимых с оценочными признаками. Прилагательные, обозначающие количественную оценку признака («много / мало») образуют группу собственно интенсификаторов, в то время как прилагательные ценностной квалификации («хорошо / плохо») - переходную группу адъективной лексики интенсифицирующего характера. И в первом, и во втором случаях мы имеем дело с качественными прилагательными. В отличие от них относительные прилагательные обозначают признак, не имеющий характеристики по интенсивности, поэтому их нельзя

сравнивать и они не имеют степеней сравнения [10, с. 214]. Именно такие слова и представляют собой группу потенциальных интенсификаторов, не имеющих в своей структуре сем, которые бы указывали на количественное содержание признака, но способных в речи приобретать градуируемые качества.

Основное отличие качественных и относительных прилагательных, и как следствие этого, группы собственно интенсификаторов и переходной группы, с одной стороны, и группы потенциальных интенсификаторов - с другой, заключается в их различной ономасиологической природе. «Качественные прилагательные называют признаки и свойства предметов, ингерентно им присущие и внутренне обусловленные, но мыслимые в отвлечении от самих предметов и явлений... Сущность предметов и явлений проявляется также и через отношения и связи, в которые они вступают с другими предметами и явлениями. Соответственно одним из важнейших ономасиологических заданий языковой системы является характеризация предметного мира через сетку отношений, наблюдаемых в нем, и выполнить это задание призваны относительные прилагательные, образованные на базе имен тех предметов и явлений, с которыми устанавливаются определенные связи и отношения» [11, с. 33]. Указывая на различия между качественными и относительными прилагательными, исследователи отмечают, что граница между ними размыта, ибо в смысловой структуре прилагательного зачастую «качественные» и «относительные» значения совмещаются. Так прилагательные, образованные от названий материалов, веществ, будучи отсубстантивными наименованиями, называющими признак предмета через его соотнесенность с другим объектом, являются относительными. Например,

- Inside the front entrance of the main building was a large waiting room, with hard wooden benches for patients and visitors [19, p. 34].

Однако в периферийных значениях подобных прилагательных заложены компоненты оценки, которые могут проявляться в случае переносного употребления этих слов. Когда потенциально заложенная сема оценки выходит на первый план, прилагательное приобретает оценочный характер и, таким образом, качественное значение, в результате чего оно получает способность указывать на ту или иную степень проявленности признака. Например,

- For a moment the captain’s expression remained wooden [20, p. 37].

О том, что прилагательное может обозначать градуируемый признак, свидетельствует также его возможность сочетаться с собственно интенсификатором. Например,

- Their faces were perfectly wooden. I wonder what it feels like, he thought, just to shoot someone down [21, p. 212].

Другим не менее значимым подтверждением того, что адъективная лексика типа wooden, leaden, golden, metallic обладает характеристиками не только относительных, но и качественных прилагательных, является приобретенная возможность в определенном контексте вступать в синонимические отношения с прилагательными интенсифицирующего характера (в частности с общеоценочными прилагательными, входящими в состав переходной группы, или с частнооценочными прилагательными в функции общей оценки). Ср.:

- He sat there daydreaming, thinking about the golden future that lay ahead of him [19, p. 365].
- Paige welcomed the pressure. It gave her no time to think about Alfred and the wonderful future they had planned together [19, p. 83].
- A maid and a butler had served a six-course dinner, and during dinner he and Alex Harrison - *Call me Alex* - had chatten about Mallory's brilliant future [19, p. 336].
- Mallory cursed the stupid bet he had made. For a mere ten thousand dollars, his whole shining future might now be jeopardy [19, p. 321].
- When I told you at the hospital that I thought you had a great future before you, I meant it [19, p. 310].
- I'm not easily impressed, doctor, but I want to tell you that you have a tremendous future! [19, p. 132].

Словосочетания golden future, wonderful future, brilliant future, shining future, great future, tremendous future являются равнозначными, так как помимо взаимозаменяемости в данном контексте прилагательные golden, wonderful, brilliant, shining, great, tremendous обладают некоторыми значениями, толкование которых согласно словарным дефинициям совпадает. Ср.: golden - favourable, wonderful; wonderful - extremely good; brilliant - excellent; shining - brilliant or excellent; great - very good, excellent; tremendous - extremely good, excellent [12].

Механизм метафорического переноса способствует развитию у слова переносных значений, что в свою очередь является причиной возникновения семантически точной синонимии [13, с. 226]. Таким образом, у адъективных слов, образованных от названий материалов (например, wooden, golden и т.п.) в прямом значении отсутствует градуальный компонент, однако эти лексические единицы приобретают градуальность на уровне переносных значений (причем градуальная сема указывает на высокую степень интенсивности признака).

В отличие от относительных прилагательных, у которых вторичные значения часто выражают не объективные, а субъективные признаки [10, с. 214], существует значительное количество относительных прилагательных, все лексико-семантические варианты (ЛСВ) которых сводятся к обозначению отношения. Это означает, что в семантической структуре слова отсутствует сема интенсивности, однако это не ведет к утрате возможности эксплицитно указывать на количество признака. Например,

- Up close he smelled very masculine and somehow overpowering [21, p. 185].
- The usual course for such a discomfited historian is to describe the war in the barest, flattest, most telegraphic terms [22, p. 117].
- ... but at heart they are as conservative and traditional as a country courthouse [20, p. 114].

В первом примере усиление значения достигается за счет использования вторичного интенсификатора very, во втором высказывании интенсификация осуществляется путем постановки относительного прилагательного telegraphic в несвойственную для него превосходную степень и, наконец, в третьем предложении усиление относительных прилагательных возникает за счет образного сравнения (таблица).

Таблица Потенциальные интенсификаторы
Table Potential intensifiers

Группы адъективной лексики	**Способы интенсификации**		**Количество примеров**	**%**
прилагательные, образованные от названия материалов, веществ	имплицитно	переносное употребление	94	53%
	эксплицитно	вторичные интенсификаторы	59	33%
		степени сравнения	8	4%
		образное сравнение	17	10%
прилагательные, все ЛСВ которых обозначают отншение	эксплицитно	вторичные интенсификаторы	79	67%
		степени сравнения	26	22%
		образное сравнение	13	11%

Описание группы потенциальных интенсификаторов было бы неполным без анализа прилагательных, образованных от географических названий типа English, French, ориентированных на описание объектов посредством указания общей связи с тем, что обозначено производящей основой [11, с. 36]. Исходные относительные значения выражают, в основном, признаки, не содержащие в потенциале качественные характеристики предмета, которые могут стать качественными значениями [14, с. 126], поэтому прилагательные, образованные от географических названий или названий наций, могут лишь эксплицитно выражать градацию. Например,

- This did not sound very Indian, thinks Lois [23, p. 118].
- As I was debating one of the nurses came in. She was the most Irish of the nurses... [24, p. 212].

Однако, согласно мнению Р. Квирка, употребление вторичных интенсификаторов и степеней сравнения возможно лишь в том случае, когда прилагательные типа English обозначают не национальность, а описывают манеру поведения. Например,

John is English. John is very English. John is more English than the English [15, с. 289].

Существуют также и другие средства интенсификации признака, выраженного относительным прилагательным, в частности графические и синтаксические.

Суммируя, можно сказать, что в целом все относительные прилагательные, образующие группу потенциальных интенсификаторов, могут быть двух видов: с одной стороны, это адъективная лексика, в семантической структуре которой заложен оттенок качественности. В определенных условиях (например, при метафорическом употреблении) подобные слова способны развивать качественное значение и указывать на количество признака, выраженного этим прилагательным. Этот процесс происходит только в том случае, когда у предмета, от которого относительное прилагательное образовано, были такие признаки, которые могли бы дать толчок к образованию качественных значений [14, с. 125]. Другая группа относительных прилагательных, качественные значения в структуре которых отсутствуют, может определять количество признака лишь эксплицитным путем, посредством использования вторичных интенсификаторов, образного сравнения или постановки относительного прилагательного в сравнительную или превосходную степень сравнения.

Анализ семантической структуры адъективной лексики показывает, что прилагательные представляют собой внутренне связанную неоднородную систему, значения составляющих которой ведут к отсутствию четких границ между различными группами. К группе потенциальных интенсификаторов можно отнести лексические единицы, не содержащие в своем значении семы интенсивности, но в определенных условиях способные указывать на степень проявленности

признака. Для этой группы адъективной лексики более характерно указание на изменение количественного содержания признака эксплицитным путем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия. М: Наука, 1986. 144 с.
2. Шейгал Е.И. Интенсивность как компонент семантики слова в современном английском языке: дис. …канд. филол. наук: 10.02.04 / Е.И. Шейгал. М., 1981. 244 с.
3. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи / И.А. Стернин. Воронеж, 1985. 169 с.
4. Шадрин Н.Л. Перевод фразеологических единиц и сопоставительная стилистика / Н.Л. Шадрин. Саратов, 1991. 221 с.
5. Девкин В.Д. Немецкая разговорная речь. Синтаксис и лексика / В.Д. Девкин. М: Международные отношения, 1979. 254с.
6. Туранский И.И. Содержание и выражение интенсивности в английском языке: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / И.И. Туранский. Нижний Новгород, 1990. 310 с.
7. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: Проблемы семантики / Н.А. Лукьянова. Новосибирск: Наука, 1986. 227 с.
8. 8. Безрукова В.В. Интенсификация и интенсификаторы в языке и речи (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / В.В. Безрукова. Воронеж, 2004. 222 с.
9. 9. Терентьева Е.В. Семантическое содержание прилагательных в функции собственно интенсификаторов / Е.В. Терентьева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Лингвистика. 2014. № 5. С. 134-139.
10. Уфимцева А.А. Лексическое значение. Принцип семиологического описания лексики / А.А. Уфимцева. М: Наука, 1986. 239 с.
11. Харитончик З.А. Имена прилагательные в лексико-грамматической системе современного английского языка / З.А. Харитончик. Минск: ВШ, 1986. 96 с.
12. Oxford Dictionary of English, 3rd Edition / Oxford University Press, 2010.
13. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка / Ю.Д. Апресян. Москва, 1974. 367 с.
14. Шрамм А.Н. Очерки по семантике качественных прилагательных (на материале современного английского языка) / А.Н. Шрамм. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1979. 133 с.
15. Quirk R. A Comprehensive Grammar of the English language. / R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech. London, 1985. 1779 p.

Список художественной литературы

16. Brown J.W. Penross Manor / J.W. Brown. England: Word Books, Milton Keyness, 1987. 187 p.
17. Vonnegut K. Cat's Cradle / K. Vonnegut. London: Penguin Books, 1973. 179 p.
18. Christie A. The ABC Murders / A. Christie. M.: Raduga Publishers, 1989. 400 p.
19. Sheldon S. Nothing Lasts Forever / S. Sheldon. NY: Warner Books, 1994. 384 p.
20. Science Fiction. English and American Short Stories. M.: Progress Publishers, 1979. 348 p.
21. King S. The Bachman Books (four early novels) / S. King. The Pinguin Group, 1985. 923 p.
22. Vonnegut K. The Sirens of Titan / K. Vonnegut. London: Transworld Publishers, 1964. 222 p.
23. Atwood M. Wilderness Tips / M. Atwood. London, 1992. 247 p.
24. Murdoch I. Under the net / I. Murdoch. Great Britain, 1974. 253 p.

REFERENCES

1. Teliya V.N. Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnyh edinits. [Connotative aspect of semantics of nominative units]. V.N. Teliya. M: Nauka, 1986.144p. (in Russ.).
2. Sheygal E.I. Intensivnost' kak komponent semantiki slova v sovremennom angliyskom yazyke. [Intensity as a word component in modern English language]. dis. …kand. filol. Nauk=Dissertaion for Candidate of Philology. 10.02.04. E.I. Sheygal. M., 1981. 244p. (in Russ.).
3. Sternin I.A. Leksicheskoe znachenie slova v rechi. [Lexical meaning of the word in speech]. I.A. Sternin. Voronezh. 1985. 169p. (in Russ.).
4. Shadrin N.L. Perevod frazeologicheskih edinits i sopostavitel'naya stilistika. [Translation of phraseological units and comparative stylistics]. N.L.Shadrin. Saratov. 1991. 221p. (in Russ.).
5. Devkin V.D. Nemetskaya razgovornaya rech'. Sintaksis i leksika. [German colloquial speech. Syntax and vocabulary]. V.D. Devkin. M: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1979. 254p. (in Russ.).
6. Turanskiy I.I. Soderzhanie i vyrazhenie intensivnosti v angliyskom yazyke. [Contents and expression of intensity in English]. dis. ... doktora filol. Nauk=Dissertaion for Doctor of Philology. 10.02.04. I.I. Turanskiy. Nizhniy Novgorod, 1990. 310p. (in Russ.).
7. Luk'yanova N.A. Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya: Problemy semantiki. [Expressive vocabulary of colloquial use: Problems of semantics]. N.A. Luk'yanova. Novosibirsk. Nauka. 1986. 227p. (in Russ.).
8. Bezrukova V. V. Intensifikatsiya i intensifikatory v yazyke i rechi (Na materiale angliyskogo yazyka). [Intensification and intensifiers in language and speech (based on English). Dis. ... kand. filol. Nauk=Dissertation for Candidate of Philology. 10.02.04. V.V. Bezrukova. Voronezh. 2004. 222p. (in Russ.).
9. Terent'eva E.V. Semanticheskoe soderzhanie prilagatel'nyh v funktsii sobstvenno intensifikatorov. [Semantic content of adjectives in the function of intensifiers]. E.V. Terent'eva. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo=Bulletin of Nizhny Novgorod University. Seriya Lingvistika. 2014. № 5. Pp. 134-139. (in Russ.).
10. Ufimtseva A.A. Leksicheskoe znachenie. Printsip semiologicheskogo opisaniya leksiki. [Lexical meaning. Principle of semiological description of vocabulary]. A.A. Ufimtseva. M: Nauka. 1986. 239p. (in Russ.).

11. Haritonchik, Z.A. Imena prilagatel'nye v leksiko-grammaticheskoy sisteme sovremennogo angliyskogo yazyka. [Adjectives in lexical and grammatical system of modern English language]. Z.A. Haritonchik. Minsk: VSH, 1986. 96p. (in Russ.).
12. Oxford Dictionary of English, 3rd Edition. Oxford University Press. 2010.
13. Apresyan, YU.D. Leksicheskaya semantika: Sinonimicheskie sredstva yazyka. [Lexical semantics: Synonymous means of language]. YU.D. Apresyan. Moskva. 1974. 367p. (in Russ.).
14. Shramm, A.N. Ocherki po semantike kachestvennyh prilagatel'nyh (na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka).[Essays on semantics of qualitative adjectives (based on modern English language)]. A.N. Shramm. L.: Izd-vo Leningradskogo un-ta=Publishing house of Leningrad University.1979.133p. (in Russ.).
15. Quirk R. A Comprehensive Grammar of the English language. R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech. London, 1985. 1779p.

List of Novels

16. Brown J.W. Penross Manor. J.W. Brown. England: Word Books, Milton Keyness, 1987. 187p.
17. Vonnegut K. Cat's Cradle. K. Vonnegut. London: Penguin Books, 1973.179p.
18. Christie A. The ABC Murders. A. Christie. M.: Raduga Publishers, 1989. 400 p.
19. Sheldon S. Nothing Lasts Forever. S. Sheldon. NY: Warner Books, 1994. 384 p.
20. Science Fiction. English and American Short Stories. M.: Progress Publishers, 1979. 348p.
21. King, S. The Bachman Books (four early novels). S. King. The Pinguin Group, 1985. 923p.
22. Vonnegut K. The Sirens of Titan. K. Vonnegut. London: Transworld Publishers, 1964. 222p.
23. Atwood M. Wilderness Tips. M. Atwood. London, 1992. 247p.
24. Murdoch I. Under the net. I. Murdoch. Great Britain, 1974. 253p.

Информация об авторе

Терентьева Елена Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Нижегородская государственная медицинская академия,
Нижний Новгород, Россия
elenavter@yahoo.com

Ефимова Алла Александровна, старший преподаватель
Департамента иностранных языков кафедры английского языка для социальных дисциплин, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия
aefimova@hse.ru

Получена: 04.01.2017

Для цитирования статьи: Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 1. Часть 1. с. 164-169.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-164-169.

Information about the author

Elena V. Terenteva,Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Nizhny Novgorod State Medical Academy,
Nizhny Novgorod, Russia
elenavter@yahoo.com

Alla A. Efimova, Senior lecturer at the Department of Foreign Languages, English for social disciplines,National Research University Higher School of Economics,

Moscow, Russia
aefimova@hse.ru

Received: 04.01.2017

For article citation: Terenteva, E. V., Efimova, A. A., The quantitative specificity of relative adjectives (potential intensifiers). Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9**.** no. 1. Part. 1. Pp. 164-169.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-164-169. (in Russian)

УДК 811.161.1 ББК 81.2Рос DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-170-175

ЯСТРЕБОВ-ПЕСТРИЦКИЙ Михаил Сергеевич
Государственный архив РФ
г. Москва, Россия
myp-63@mail.ru

Mikhail S. YASTREBOV-PESTRITSKY
Russian State Archive
Moscow, Russia
myp-63@mail.ru

ЯДЕРНЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ МИКРОПОЛЯ В МЕТАФОРИЧЕСКОМ ПОЛЕ «ПУТЕШЕСТВИЯ ПО КАМЧАТКЕ» И. СЕЛЬВИНСКОГО

CORE SEMANTIC MICROFIELDS IN THE METAPHORICAL FIELD OF I. SELVINSKY'S "THE JORNEY ACROSS THE KAMCHATKA PENINSULA"

На основе анализа в данной статье мы рассматриваем семантико-тематическое поле поэтической метафоры И.Л. Сельвинского, покрывающее пространство поэтического очерка «Путешествие по Камчатке». Оно предстает в виде шести микрополей (семантических сфер), охватывающих всю область человеческого опыта, всю действительность, как материально-предметную, так и объектно-идеальную: 1) физический мир; 2) абстракция; 3) человек; 4) предмет; 5) животное; 6) психический мир. Систематизировав по приведенному образцу направления регулярных метафорических переносов в произведении И.Л. Сельвинского, мы постарались выявить основные виды системных связей и отношений, свойственных авторской манере в образовании поэтической метафоры. Центр метафорического поля, таким образом, многовершинный. Это объясняется тем, что метафористика И.Л. Сельвинского основана на переосмыслении реального мира, с одной стороны, через столь же реальные явления действительности, а с другой - через умозрительные, когнитивные аналогии, в центре которых стоит человек. В персонифицированной метафорической единице материальный или абстрактный объект интерпретируется как человек, так что адресату доступно осмысливание неодушевленных объектов окружающего мира в категориях антропоидных характеристик, деятельностных актов и мотиваций.

Based on the analysis in this paper, we present semantic-thematic field of I. Selvinsky's metaphor, which cover the space of the poetic essay "The Journey across Kamchatka peninsula". This space existent in six of the microfields (semantic fields) covering the entire area of human experience, all of reality as the material-subject and object-are ideal: 1) the physical world; 2) abstract; 3) man; 4) subject; 5) animals; 6) psychic world. Arranged the direction of regular metaphorical shifts in the work by I. Selvinsky on the given sample, we tried to identify the principal system of relations that are peculiar manner of the author in the formation of metaphors. The center of the metaphorical field, thus, is many-headed. This is because metaphors of I.L. Selvinsky based on the reinterpretation of the real world, on the one hand, through equally real aspects of reality, and on the other - through conceptual, cognitive analogy, in the centre of which a man stands. The material or abstract object in a personified metaphorical unit is interpreted as a person, so that is available for the recipient make the comprehension of inanimate objects of the world in the categories of anthropoid characteristics and activity-related acts and motivations.

Ключевые слова: ядерные микрополя, метафорическое поле, семантическая сфера, абстракция, тематический разряд.

Keywords: core microfields, metaphorical field, semantic field, abstract, thematic level

Если обратиться к исследуемому тексту И. Сельвинского, то относительно его метафоры можно выразиться не менее метафорично: через метафору этого писателя можно почувствовать «запах эпохи», во всех красках и эмоциях воспринять конкретное социально-культурное время и человека в нем.

Процесс перехода значения денотата из одной семантической сферы в другую обладает признаками лексико-семантической деривации, характеризующейся межпарадигматическими связями исходной единицы и производной (результативной). Основу «движения» из сферы в сферу составляет так называемая мена архисемы (по Л.А. Кудрявцевой) [1, с. 78]. Покажем этот процесс на нашем материале:

Камчатка - 'географический объект' (физический мир) → «*камчатка*» - 'задняя парта' (предмет); 'солидный двучленный клуб' (и предмет, и люди).

Ослабела гайка - явление физического мира → (по тексту) 'ухудшилось здоровье' (состояние человека).

(Ослепительный) *великан* (о вулкане) - (физический мир) ← 'человек большого роста' (человек).

Картавит (чайник) - действие предметного мира (предмет) ← человеческое свойство (человек).

Фактический материал показывает, что если метафорический ресурс исследуемого текста представить в виде семантико-тематического поля, то в нем обнаружится многовершинное ядро, т.е. семантически предпочтительными и наиболее частотными окажутся денотаты, принадлежащие к разрядам *физический мир*, *абстракция* и *человек*. Это объясняется тем, что метафористика И. Сельвинского основана на переосмыслении реального мира, с одной стороны,

через столь же реальные явления действительности, а с другой - через умозрительные, когнитивные аналогии, в центре которых стоит человек.

Три микрополя (*физический мир, абстракция, человек*) мы считаем **центром метафорического поля** «Путешествия по Камчатке». Даже до того, как будет выполнен точный подсчет метафор по всем шести кластерам, заранее заметна соотнесенность подавляющего большинства метафорических единиц с *физическим миром* и *абстракцией*, ведь автор попал в мир, где жизнь человека подчинена природе, где природная стихия превыше всего, ее величие и красоту, силу и необузданность художник передает с большим накалом и максимальной экспрессией. А значительное количество олицетворений доказывает, что действительность пропускается через человеческий опыт и эмоции.

Поскольку все метафоры указанных микрополей, выписанные по принципу сплошной выборки и сопровожденные необходимыми пояснениями, имели бы объем, несоразмерный данной статье, приведем наиболее интересные примеры, имеющие непосредственное отношение к ядру метафорического поля.

Первоначальному рассмотрению подлежат метафоры, составляющие самое обширное микрополе *физический мир,* о чем мы уже писали ранее [2], [3].

И. Сельвинский сочетает в произведении как прием вживания в местные реалии, отражение местных взглядов, так и прием остранения, когда описываемый объект видится как бы со стороны, свежим, незамутненным взглядом, когда о нем еще не сформировано никакое суждение:

И вдруг перед вами - белый, клыкастый

*Из бешеной пены бурунный **забор**.*

[4, с. 5-22] (Далее все цитаты Сельвинского приводятся по этому изданию).

Метафорическое употребление слова *забор* как объекта физического мира (‘преграда’), более знакомого поэту по спокойной материковой жизни, здесь отражает жизнь, связанную с морской стихией. Одновременно благодаря ярким эпитетам явление приобретает черты и человека, и дикого животного, что невозможно отделить в авторской метафоре. Метафора образуется путем аналогии между представлением об остриях водяных столбов и о заборе. Слово *забор* в словаре толкуется как «ограда, преимущественно деревянная» [5, т. 1, с. 556]. Сельвинский употребляет данное слово также в переносном значении - ‘преграда’. Общие мы - ‘преграда с остриями’. В данной метафоре происходит переход значения денотата с семантической сферы *животные* (клыки) на семантическую сферу *физический мир* (буруны), а также с семантической сферы *предмет* (забор) на сферу *физический мир*.

Далекая Камчатка предстала впервые перед поэтом как *лиловый гранитный **факт**.* На наш взгляд, это одна из интереснейших метафор данного произведения, одна из наиболее ярких авторских удач. В качестве главного метафоризируемого слова здесь выступает существительное с отвлеченным значением (значение денотата, следовательно, относится к семантической сфере *абстракция*). Но исходное слово принадлежит тематическому разряду *физический мир*, способ образования метафоры - овеществление. «Лингвистическая поэтика использует понятийный аппарат языкознания, ибо одной из ее задач является описание того, как функционирует естественный язык в качестве языка словесного искусства, однако при реконструкции художественного мира по тексту и языку собственно лингвистического аппарата недостаточно», - считает О.Г. Ревзина [6, с. 19].

В данном контексте слово *факт* приобретает семантику предметного существительного. В прямом значении слово *факт* означает «действительное событие, явление, то, что произошло в действительности»; «наличие, обнаружение какого-н. поступка, явления»; «данное, являющееся материалом для какого-н. заключения, вывода или служащее проверкой предположения, теории» [7, т. 4, с. 511]. В приведенных значениях нами усматривается коннотация «отвлеченности», «невещественности».

Однако поэт создает образ путем перевода значения денотата из семантической сферы *абстракция* в семантическую сферу *физический мир*. Реальный полуостров Камчатка приравнивается в этих строках к понятию непреложного факта.

Наиболее сложной для анализа является развернутая художественная метафора, например:

Потом спеленатой пеной мумии

Штопорный круговорот.

Такие примеры (а их в произведении немалое количество) требуют по возможности расчленения их на минимальные составляющие и дифференцированного анализа.

***Спеленатой** пеной* - способ образования: олицетворение. Тематический разряд значения исходного компонента - *физический мир*, представленный в категориях очеловеченного;

(спеленатой) мумии - способ образования: метафора отвлечения; исходный тематический разряд: *физический мир*;

штопорный круговорот - способ образования: овеществление; тематические разряды: *физический мир* и *предмет*.

И. Сельвинский - поэт своего времени, а потому без идеологической метафоры в произведении не обошлось:

Социализм звонко сквозит…

Данная метафора самобытного художника слова Сельвинского относится к немалому числу тех, осмыслить которые, по прошествии лет, с первого раза не всегда удается. Такова особенность художественной метафористики И. Сельвинского, и именно этим она привлекательна в качестве материала для исследований. Способ образования ее - овеществление / отвлечение. Движение значения осуществляется из тематического разряда *абстракция* (*социализм*) - в тематический разряд *физический мир* (*сквозить* может ветер). Социализм как одна из идеальных моделей мироустройства под пером поэта приземляется, приобретает хоть и не вполне отчетливые, но какие-то природные черты.

В «Путешествии по Камчатке» зафиксировано **126** метафор, **принадлежащих к тематическому разряду *физический мир***. В **6** из них указанный тематический разряд является конечным, т.е. относящимся к правому компоненту метафорического выражения; в **92** метафорах - начальным (левый компонент метафорического выражения); в **28** метафорах - нейтральным, т.е. значение, изначально находившееся в тематическом разряде *физический мир*, в результате метафоризации остается в том же разряде.

Далее следуют метафоры, принадлежащие к микрополю *абстракция,* хотя все они видимыми и невидимыми нитями связаны с предыдущим микрополем, переплетаясь с ним или дополняя его. Обратимся к этим метафорическим единицам.

Увиденное на полуострове наводит поэта на многие параллели, в том числе исторические:

И чудится: *в играх судьбы вершая,*

Атласный век возвратился назад.

В данной фразе автор упоминает время, когда дамы носили атласные платья. Значения слова *атласный* в словаре Ушакова: «сделанный, сшитый из атласа, *перен*. гладкий, мягкий, поверхностью напоминающий атлас» [5, т. 1, с. 121]. Имманентное значение слова *век* в словаре: «эпоха, период времени, означенный какими-н. выдающимися событиями, замечательными личностями, характерными общественными движениями (*книжн*.)» [5, т. 1, с. 150]. Таким образом, пышность природы Камчатки напомнила поэту времена *атласного века,* т.е., скорее всего, Екатерининского. Налицо прием остранения и перифразирования.

Если далее представить наш фактический материал по данному микрополю без обширного комментирования, то это будет выглядеть следующим образом:

Из сердца литье - начальный тематический разряд - *абстракция*.

Подъем - начальный тематический разряд - *абстракция*.

Хлещет революционная гроза - начальный тематический разряд - *абстракция*.

Прыгают в памяти - начальный тематический разряд - *абстракция*.

И, выгибая крестцовый хрящ,

Камчатка являет свое настоящее

- в числе других задействован тематический разряд - *абстракция*.

Птичий щёкот - начальный тематический разряд - *абстракция*.

Итого в рассматриваемом произведении удалось обнаружить **94** метафоры, **принадлежащие к тематическому разряду *абстракция***. В **24** из них указанный тематический разряд является конечным, т.е. относящимся к правому компоненту метафорического выражения; в **45** метафорах - начальным (левый компонент метафорического выражения); в **25** рах - нейтральным, т.е. значение, изначально находившееся в тематическом разряде *абстракция*, в результате метафоризации остается в том же разряде.

Далее будут рассмотрены метафоры, составляющие микрополе *человек.*

Как мы уже отмечали, самое начало произведения задает семантико-тематическое ядро его метафорического поля. О микрополе *человек*, входящем в ядерную зону очерка, свидетельствует такая характеристика «*камчатки*», как

Солидный двучленный клуб.

По способу образования это метафора отвлечения. Поскольку «*камчатка*» = задняя парта (метафоризируется здесь как *клуб* (т.е. сообщество людей), то можно сделать вывод, что *человек (люди)* - конечный тематический разряд этой метафоры. Это усиливается эпитетом *солидный,* который относится к адъективным средствам характеристики людей в первую очередь. А прилагательное *двучленный* намекает на то, что за партой сидят два ученика, это они составляют *клуб.* (Линия соответствующих персонажей на протяжении очерка имеет свое развитие).

Рассмотрим пример развернутой метафоры:

Вся непобедимая золотая гвардия,

Все кирасиры эстрадных битв -

Все это струсило, смылось.

Это сложная метафора с метонимией, синекдохой, эпитетами и аллегорией; метафора отвлечения, которая включает в себя как художественную, так и языковую метафору (*смылось*), образец переплетения семантической сферы *люди* с семантической сферой *абстракция.* Однако в центре благодаря глаголам *струсило, смылось* мы угадываем человека с его пороками.

Наиболее частотными метафорами в этой группе следует признать те, что созданы по принципу олицетворения, т.е. окружающему миру придаются черты или приписываются свойства человека. Например:

- через употребление глагола или его форм, характеризующих действия человека: ***Встает*** *… синий, как туча, мыс; В «моргалки»* ***играя****;* ***Пели*** *ручьи; Кряжей,* ***прыгающих*** *чехардой; Ни позы Невы,* ***не знающей*** *дна;* ***Одета*** *в шотландскую клетку;* ***Ходит*** *по суше корпус судна* и др.;

- через употребление эпитетов-прилагательных и эпитетов-наречий, обычно соотносимых с концептом *человек*: ***Лысеющим*** *инеем* ***Скучная*** *тундра лежит предо мной;* ***Унылая*** *тундра;* ***Угрюмо*** *и мрачно стоит деревня; (агитка) В меру* ***кричащая****, в меру* ***прыткая****;*

- через употребление имен существительных, обозначающих реалии, характерные для человека:

Это нерпы. Им бы ***перчатки***
Да пару ***идей*** *из стандарта “вечных”…*
И кажется: *вот-вот статуя фавна*
блеснет ***усмешкой*** *в медном литье…*
Ни ***приседанья*** *фрейлины Роны,*
Ни рыцарские ***реверансы*** *Риона,*
Ни ***позы*** *Невы, не знающей дна…*

В приведенных примерах следует отметить сложный путь перехода значения денотата. Путь этот затрагивает практически все шесть из известных тематических разрядов: *физический мир* - так как в целом описывается природа; *психический мир* - так как все это автору *кажется*; *абстракция* (*усмешка*); *предмет* (*статуя*); *человек* и *животное* (*фавн* - нечто среднее между человеком и животным).

Итого в произведении зафиксированы **93** метафоры, принадлежащие к микрополю *человек*. В **60** из них указанный тематический разряд является конечным, т.е. относящимся к правому компоненту метафорического выражения; в **10** метафорах - начальным (левый компонент метафорического выражения); в **23** метафорах - нейтральным, т.е. значение, изначально находившееся в тематическом разряде *человек*, в результате метафоризации в нем же и остается.

Таким образом, **центр метафорического поля** подразделяется на три **микрополя**: *физический мир, абстракция, человек*. В общем объеме метафорического материала произведения им принадлежит 65% картотеки. Эти ядерные сферы пронизывают поэтический очерк от начала до конца, во многих случаях переплетаясь и смешиваясь.

Центр метафорического поля, таким образом, многовершинный. Это объясняется тем, что метафористика И. Сельвинского основана на переосмыслении реального мира, с одной стороны, через столь же реальные явления действительности, а с другой - через умозрительные, когнитивные аналогии, в центре которых стоит человек. В персонифицированной метафорической единице материальный или абстрактный объект интерпретируется как человек, так что адресату доступно осмысливание неодушевленных объектов окружающего мира в категориях антропоидных характеристик, деятельностных актов и мотиваций.

Периферия же метафорического поля содержит такие категории (или микрополя), как *предмет, животное* и *психический мир.* Они выявили меньшую частотность и регулярность метафорообразования.

Метафора в творчестве И. Сельвинского не получила освещения в лингвистической литературе. Поэтический очерк «Путешествие по Камчатке» остался вне поля зрения как литературоведов, так и лингвистов, что дает основания считать выполненную работу абсолютно самостоятельной и уникальной.

Цель данной статьи достигнута: произведена систематизация по тематическому, семантическому параметрам метафорического строя «Путешествия…»; доказана полевая организация данного строя на тематико-семантическом уровне; осуществлено комплексное описание метафоры произведения как поля, имеющего центр и периферию; установлена роль системы метафорических микрополей в формировании глубинных смыслов исследуемого произведения и в целом идиостиля И. Сельвинского.

Полевую организацию метафорического корпуса произведения подтверждают обнаруженные нами два пересекающихся, взаимодополняющих и обогащающих друг друга метафорических субполя - субполе пространственно-предметно-субъектной ориентации (физический мир и человек в нем) и субполе абстрактно-оценочно-характеризационной направленности (мир, мыслимый в отвлеченных категориях и выраженный через субъективное авторское восприятие и оценку). В процессе их исследования удалось выявить приядерную и периферийную зоны искомого поля, что в комплексе создает эффект завершенности тематической архитектоники текста.

Отмечена исключительно высокая частотность употребления метафор микрополя *физический мир,* что может свидетельствовать об особенностях авторского восприятия явлений действительности, об уникальности художественного мира Сельвинского, его идиостиле.

Переход значения денотата в сложных развернутых метафорах И. Сельвинского может охватывать несколько семантических полей, и даже - в отдельных случаях - все шесть (согласно теории Г.Н. Скляревской) существующих семантических полей [8, с. 6 и далее]. Удалось выявить основные виды индивидуально-авторских системных связей и отношений в метафоре.

Теоретические положения, представленные в данной работе, и их практическое воплощение в аналитической части могут, в перспективе, оказаться необходимыми и полезными и для дальнейшего, более глубокого, изучения метафорики произведений как данного автора, так и других мастеров художественного слова.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Кудрявцева Л.А. Моделирование динамики словарного состава языка: Монография / Л.А. Кудрявцева. - Киев: Киевский ун-т, 2004. - 208 с.
2. Ястребов-Пестрицкий М.С. Метафора семантической сферы "физический мир" в поэзии Сельвинского (На материале поэтического очерка "Путешествие по Камчатке") / М.С. Ястребов-Пестрицкий // Вестник УдГУ. Научный журнал Удмуртского гос. ун-та. - Ижевск. - 2014. - № 4. - С. 156-162.
3. Ястребов-Пестрицкий М.С. Тематический состав метафор И. Сельвинского (на материале поэтического очерка «Путешествие по Камчатке»). М.С. Ястребов-Пестрицкий // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. - Т. 8. - № 3 часть1. - С. 218-224. DOI:10.17748/2075-9908-2016-8-3/1-218-224
4. Сельвинский И.Л. Путешествие по Камчатке. Поэтический очерк // И.Л. Сельвинский. Собр. соч. в 6 тт. Том четвёртый - М.: Худож. лит., 1973. - С. 5-22.
5. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. 89 287 слов. В 4 тт. - М.-Л., Советская энциклопедия; ОГИЗ. Т. 1, 1935. - 1562 стб.
6. Ревзина О.Г. Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике и проблемы описания поэтического идиолекта: дис. в форме науч. докл. … д-ра филол. наук. Специальность 10.02.01 / О.Г. Ревзина - М., МГУ, 1998. - 86 с.
7. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова, в 4 тт. - М.-Л., Советская энциклопедия; ОГИЗ. Т. 4, 1940. - 1502 стб.
8. Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка / Г.Н. Скляревская. - СПб.: Наука, 1993. - 153 с.

REFERENCES

1. Kudr'avtseva L.A. Modelirovanie dinamiki slovarnogo sostava iazyka. [The creation of dynamics of language's lexical loadings]. The thesis. Kiev: The edition center «The university of Kiev», 2004. 208 p. (in Russ).
2. Iastrebov-Pestritskii M.S. Metafora semanticheskoi sfery "fizicheskii mir" v poezii I. Sel'vinskogo (na materiale poeticheskogo ocherka "Puteshestvie po Kamchatke"). [Yastrebov-Pestritskiy M.S. The metaphor of semantic sphere "the physical peace" in I. Selvinsky's poetry (in the context of Selvinsky's poetic essay "A Journey across Kamchatka" (1932)). Vestnik udmurtskogo gosudarstvennogo universiteta. Nauchnyi zhurnal. Izhevsk. [The Science magazine of The Udmurt State university. Selected science articles. Izhevsk]. 2014, № 4, c.156 - 162 (in Russ).
3. Iastrebov-Pestritskii M.S. Theme composition of I.Selvinskiy' metaphors (based on poetic essay "Journey through Kamchatka"). *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l* = Historical and social-educational ideas. 2016;8(3/1):218-224. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2016-8-3/1-218-224

4. Sel'vinskii I.L. Puteshestvie po Kamchatke. Poeticheskii ocherk. [Selvinskiy I. L. The journey across Kamchatka. Poetic essay]. Sobranie sochinenii. Tom chetviortyi. M.: «Hudozh. lit.». [I. Selvinsky. Collected works in 6 volumes, v. 4]. Moscow, 1973, p. 5-22 (in Russ).
5. Tolkovyi slovar' russkogo iazyka. [The Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moskva, Leningrad; Sovetskaia entsiklopediia; OGIZ. [in 4 vols. / ed. by D.N. Ushakov.]. 1935, Vol. 1. 1562 columns (in Russ).
6. Revzina O.G. Sistemno-funktsional'nyi podkhod v lingvisticheskoi poetike i problemy opisaniia poeticheskogo idiolekta [The system-functional way in the linguistic poetics and the description problems of poet's idiolect]. The dissertation as a science thesis of the doctor-filologist. The specialty 10.02.01. The Moscow State university. 1998, 86 pages (in Russ).
7. Tolkovyi slovar' russkogo iazyka. [The Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moskva, Leningrad; Sovetskaia entsiklopediia; OGIZ. [in 4 vols. / ed. by D.N. Ushakov.]. 1940, Vol.4. 1502 columns (in Russ).
8. Skl'arevskaja G.N. Metafora v sisteme jazyka. [The metaphor in the language system]. Sankt-Peterburg. Nauka. [SPb. Science]. 1993, 153 p. (in Russ.).

Информация об авторе

Ястребов-Пестрицкий Михаил Сергеевич, ведущий специалист, Научная библиотека, Государственный архив РФ,
г. Москва, Россия
myp-63@mail.ru

Получена: 04.01.2017

Для цитирования: Ястребов-Пестрицкий М.С., Ядерные семантические микрополя в метафорическом поле «Путешествия по камчатке» И. Сельвинского. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 1. Часть 1. с. 170-175.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-170-175.

Information about the author

Mikhail S. Yastrebov-Pestritsky, Leading Specialist, Scientific Library, Russian State Archive, Moscow, Russia
myp-63@mail.ru

Received: 04.01.2017

For citation: Yastrebov-Pestritsky, M.S., Core semantic microfields in the metaphorical field of I. Selvinsky's "The jorney across the Kamchatka peninsula". Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no. 1. Part. 1. Pp. 170-175.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-170-175. (in Russian)

Обзорные статьи

Review articles

УДК 94

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-179-191

ШТУРБА Евгений Викторович
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
chook99@mail.ru

ШТУРБА Виктор Александрович,
Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
akademus07@rambler.ru

SHTURBA Evgeny V.
Kuban State University
Krasnodar, Russia
chook99@mail.ru

SHTURBA Viktor A.
Kuban State University
Krasnodar, Russia
akademus07@rambler.ru

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАОЧНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ИСТОРИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МЫСЛЬ» 2016 ГОДА)

RUSSIAN NATIONAL SECURITY: HISTORY, MODERNITY AND PERSPECTIVES (BASED ON MATERIALS OF INTERNATIONAL DISTANT ACADEMIC CONFERENCE OF ACADEMIC JOURNAL “HISTORICAL AND SOCIAL-EDUCATIONAL IDEAS” IN 2016)

В течение 2016 г. редакция научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» организовала и провела международную заочную научно-практическую конференцию «Национальная безопасность России: история, современность и перспективы», в которой приняли участие более 30 российских и зарубежных исследователей. Основной целью данной научной публикации является проблемно-структурный анализ корпуса научных текстов, опубликованных на страницах научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» в разделе конференции в 2016 г.

Массив текстов научной конференции по национальной безопасности может быть представлен следующими тематическими блоками: философские, психологические, экономические, юридические и другие аспекты национальной безопасности; цивилизационные исследования проблем безопасности; исторические проблемы национальной безопасности XX века; история специальных служб; российские внутриполитические процессы; угрозы и риски на постсоветском пространстве; международное измерение национальной безопасности.

Проблеме противоречивости природы государственной власти (на примере Карла Маркса и Макса Вебера) посвящена публикация В.Г. Сидорова [1]. По его мнению, «К. Маркс и М. Вебер оставили после себя значительное творческое наследие по вопросу власти. Причем оба выделяют экономические формы в качестве основы форм политической власти. Но если К. Маркс придает особое значение исследованию структуры экономического основания власти, то М. Вебер принимает ее как данность и основное внимание уделяет властному взаимодействию в сфере политических и государственных отношений.

Если Маркс показывает необходимость революционного преобразования общества и построения коммунистического общества, то Вебер концентрирует внимание на анализе буржуазных политических властных отношений. Его практические рекомендации в основном направлены на формирование у политика ответственного отношения к выполнению своих властных обязанностей.

Учение Маркса оказало большое влияние на ход мирового развития, и в научном плане оно, безусловно, представляет интерес как одно из направлений общественной мысли. Что касается политического учения Вебера, то оно во многом сохраняет и в наши дни свою теоретическую значимость, поскольку государство и властные структуры - это та политическая действительность, которая может быть "удобной" или "неудобной" для господствующей партии, элиты, группы, класса, в конечном счете для общества в целом» [2].

Проблеме взаимоотношений между поколениями посвящена статья Е.В. Золотухиной-Аболиной [3]. Автор приходит к очень важному умозаключению: «Конфликтность ний - ситуация, на наш взгляд, поверхностная и преходящая, зависящая от личных взаимоотношений в семье, от отношения родителей к ребенку. Наследование экзистенциально-ценностных ориентиров - это процесс лишь частично сознательный, он во многом протекает на эмоционально-волевом, нерефлексивном уровне, но при этом ориентиры всегда подвергаются ситуативно-исторической интерпретации, когда наследие предыдущих поколений прочитывается по-новому. И, наконец, технократически-информационная эпоха, существенно изменяющая способы восприятия и коммуникации новых поколений, требует от старших поколений особого рода "культуртрегерских" усилий для сохранения на фоне ускоренных социальных изменений общего языка и общих ценностей разных поколений» [4].

В статье Н.И. Афониной рассматривается актуальная тема организации воспитания детей в условиях кросс-культурного взаимодействия [5]. Автором представлена модель педагогического сопровождения развития ребенка раннего возраста из национально-смешанной семьи, раскрыты особенности каждого компонента. Исследователь пишет: «Осознание родителями, педагогами, специалистами необходимости начинать специально организованную педагогическую работу с детьми, воспитывающимися в национально-смешанных семьях, начиная с ранних лет жизни, поможет в будущем вырастить граждан, знающих, уважающих национальную культуру свою и своих родителей и проявляющих уважение к представителям других национальностей, что, безусловно, является одним из важных шагов в деле укрепления национальной безопасности нашей страны» [6].

В статье В.В. Собольникова анализируются технологии информационно-психологического воздействия субъектов международного права на население России [7]. Автор данной статьи утверждает: «В мире тотального информационно-психологического противодействия и мифотворчества, подмены реальности константной на виртуальную, размывания грани между ними и наложения фрагментов виртуального на реальное происходит порождение новых информационно-психологических средств воздействия при коммуникации. Базисом такого взаимодействия является использование специальных технологий информационно-психологического воздействия (ИПВ). В ведущих странах, прежде всего США, государствах Евро-Атлантического региона и НАТО как субъектах международного права (СМП), разрабатываются и реализуются специальные программы нелетальных систем поражения противника. Целенаправленное их использование обрекает объект воздействия на дезориентацию, культурошок, психошок, деградацию и отвлечение от реальных проблем» [8].

Статья Н.В. Поповой, Е.В. Поповой, Е.В. Осипчуковой посвящена вопросам эффективности реализации молодежной политики на промышленных предприятиях как условию экономической безопасности России [9]. Так, авторы сходятся в следующем мнении: «Для преодоления вышеуказанного противоречия и совершенствования молодежной политики на промышленных предприятиях необходимы: разработка и введение в действие программы "Молодежь" с определением ее основных целей и задач, приоритетов направлений и форм деятельности и систематизации работы с молодежью; ежегодное проведение диагностики проблем и потребностей молодых работников (методом социологических опросов), мониторингов эффективности проводимой работы на предприятии по адаптации молодых работников и реализации молодежных корпоративных программ; включение в коллективные договоры предприятий раздела "Молодежь" и сметы его финансового обеспечения; развитие программ адаптации вновь принятых молодых работников, создание системы наставничества, совершенствование работы по развитию научно-технического творчества молодежи на предприятии, внедрение программ развития продуктивно-творческого потенциала молодых работников, а также системы профориентационной работы» [10].

Анализу актуальных дестабилизаторов посвящена статья Д.Н. Маринкина [11]. Его позиция заключается в следующем: «Важным является и изменение подхода в образовательном процессе к контролю не уровня знаний, а возможности применения таковых практически (типовые ситуации, нестандартные решения в рамках правовых норм и детальный разбор примеров правонарушений с точки зрения всех субъектов таковых отношений). Следует признать, что, например, практика студента/курсанта часто происходит формально, без реальной работы как специалиста, раскрытия секретов-особенностей вида деятельности» [12].

Целью исследовательского проекта З.К. Кондратенко является формирование комплексного научного представления об уголовной ответственности за организацию террористического сообщества и участия в нем как направления обеспечения национальной безопасности [13]. Автор статьи формулирует конкретную рекомендацию: «Дополнить диспозицию статьи 205.4 УК РФ указанием на то, что террористическим сообществом может быть признана устойчивая группа лиц, объединившихся не только на территории Российской Федерации, но и на территории иных государств, а также международная организация, соответствующие иным признакам, указанным в ст. 205.4 УК РФ. Считаем необходимым разъяснить вопросы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 205.4 и 205.5 УК РФ в Постановлении Пленума ВС РФ» [14].

В статье Т.М. Зайко анализируется коррупция как угроза национальной безопасности России [15]. В данной статье указано: «Существенное значение для предупреждения коррупционных и должностных преступлений также имеют следующие меры: повышение уровня жизни населения, устранение негативных последствий реформирования экономики, усиление ее цивилизованных начал, а равно повседневная эффективная защита хотя и охраняемых законом, но весьма часто нарушаемых государством прав и законных интересов юридических и физических лиц.

Одним из существенных условий, которые могут способствовать совершению коррупционных и должностных преступлений, являются недостатки организационно-распорядительного характера и социального контроля.

Недостатки социального контроля находят свое отражение, в частности, также и в неполной реализации как законодательных, так и иных нормативных правовых актов, направленных на снижение уровня коррупции, в отсутствии четко выработанного механизма их исполнения» [16].

В статье Ю.А. Узлова рассматриваются геокультурные возможности государства реализовать свои национальные интересы, которые в немалой степени зависят от представлений о нем мировой общественности [17]. Автор пишет: «Большая часть исследователей славянства рассматривает проблему сквозь призму эволюции европейских народов и присущие этому процессу явления и по аналогии переносят на другие цивилизации. Такой подход вполне вписывается в проект системной концепции глобальных проблем. Оставаясь многочисленным социокультурным сообществом, славянские народы обрели во многом иной облик, что подтверждает наличие в современном мире встречных доминирующих тенденций - глобализации и национально-культурной дифференциации» [18].

Вопросам роли РПЦ в процессе укрепления национальной безопасности в царской России посвящена научная статья М.Ю. Горожаниной [19]. Исследователь в данной публикации фиксирует следующее положение: «Анализ исторических документов позволяет установить прямую взаимосвязь между формализацией патриотического воспитания и усилением протестных настроений в обществе. Революционные потрясения 1917, как и события 1991 г., являются ярким тому подтверждением. Исходя из всего вышесказанного, представляется значимым рассмотреть отечественную концепцию патриотизма, важную роль в формировании которой сыграла РПЦ. Знание ее основ позволяет совершенно по-иному взглянуть на предложение РПЦ, возникшее еще в начале XXI в., о введении в школах факультативных занятий по православной культуре (речь в данном случае ведется не о религиозном, а об идеологическом воспитании граждан, их приобщении к духовным истокам России). К сожалению, непонимание сути вещей привело к современному положению: в учебном плане многих школ появился непонятный предмет – «основы религиозной культуры и светской этики», введенный якобы специально для развития патриотизма и толерантности, а в реальности преследующий совершенно иные цели - разъединение целостного социума по национальным и конфессиональным признакам. Вначале изучаем специфику, а потом подчеркиваем свое единство» [20].

На примере присоединения Средней Азии к России анализируется роль казачества в обеспечении национальной безопасности России во второй половине XIX века Е.В. Годововой [21]. Автор справедливо указывает следующее: «В 1873 г. Хивинское ханство признало свою зависимость от России, а в феврале 1876 г. указом царя Кокандское ханство в качестве Ферганской области вошло в состав Туркестанского края. Здесь находился сводный Оренбургско-Уральский казачий полк…

Окончательно границы в юго-западной части Средней Азии определились с присоединением Туркмении. В 1881 г. войска, в которые входили шесть сотен оренбургских казаков и одна сотня уральских, под командованием генерала М.Д. Скобелева овладели Геок-Тепинскими укреплениями, без боя взяли Ашхабад, ставший в мае этого года административным центром новой Закаспийской области. В январе 1884 г. в состав Российской империи вошел Мервский оазис. В 90-е гг. XIX в. был решен и последний сложный вопрос среднеазиатской политики России - памирский.

Казаки продолжали нести службу в Туркестанском крае. В 1899 г. там находились 2,4, 5 и 6-й Оренбургские казачьи полки. На начало года они насчитывали 2 640 человек. Проходили службу в Туркестане и казаки 2-го Уральского полка» [22].

М.Т. Якупов в своей научной статье анализирует проблему единства ислама и ответственности сотен миллионов мусульман за деятельность ДАИШ и иных деструктивных организаций, требующую разрешения в аспекте современной социальной реальности [23]. Автор пишет: «Теракты против христиан в Эфиопии, Египте и Сирии, осуществленные боевиками ИГ и других псевдоисламских групп, не могут иметь к исламу никакого отношения. Теория и практика пророка Мухаммеда и его первых сподвижников, халифов представляют собой уникальные примеры толерантного отношения к представителям не только монотеистических верований, а даже самым упорным язычникам. Даже в условиях Османской империи, когда нравственность была вытеснена властолюбием и сребролюбием исламской верхушки, христиане Стамбула (Константинополя) находились под защитой закона. Публичные казни христиан, взрывы храмов, совершаемые боевиками ДАИШ, наглядно доказывают, что у них произошла фундаментальная трансформация души. Она выражается в том, что исламский адаб как основа формирования высоконравственной личности полностью вытеснена исламизмом - политическим исламом,

цель которого – абсолютная власть над человечеством. Поэтому всю деятельность ДАИШ необходимо признать не соответствующей учению пророка Всевышнего Мухаммеда, то есть исламу» [24].

Курдский вопрос в годы Первой мировой войны анализируется в статье Э.Г. Вартаньян [25]. Автор указывает на следующее положение: «После окончания Первой мировой войны надежды курдского народа на самоопределение рухнули. Германия проиграла Первую мировую войну, новое советское правительство в 1921 г. подписало договор с правительством Мустафы Кемаля, а Англия изменила свою позицию по курдскому вопросу. Курдский народ оказался разделенным. Северо-Западный Курдистан, после распада Османской империи потеряв надежду на достижение независимости, продолжил освободительную борьбу. Но тот факт, что в 1974 г. Иракский Курдистан получил статус автономии … значительно расширенный после свержения режима Саддама Хусейна в 2003 г., вселяет надежду проживающим в других странах курдам на возможность национального самоопределения» [26].

В статье А.Г. Иванова анализируются проблемы, связанные с кануном Второй мировой войны: европейский кризис 1939 г., англо-французские гарантии странам Восточной Европы, переговоры между СССР, Великобританией, Францией и советско-германский пакт о ненападении [27]. По мнению исследователя, накануне Второй мировой войны «западные державы стремились не допустить нормализации советско-германских отношений и выиграть время. Но тогда время работало не на Англию и Францию, а на Германию. Приготовления Германии к нападению на Польшу вступили в свою завершающую стадию. Расчет официальных кругов Лондона и Парижа на затягивание московских переговоров до осенней распутицы или даже до зимы с тем, чтобы задержать начало войны, имел под собой зыбкую почву. Гитлер не раз рисковал в ситуациях, гораздо менее благоприятных для Третьего рейха, и его выступление на Восток мог остановить только внушительный по своей мощи коллективный фронт миролюбивых держав при участии в нем Великобритании, Франции и СССР. Возможности же образования такого фронта были упущены еще в период политических переговоров между Лондоном, Парижем и Москвой. Да и Сталина не устраивала перспектива неопределенно-тревожного выжидания перед лицом агрессивных приготовлений Германии вблизи советских границ» [28].

Этапы исторического развития забастовочного движения шахтеров в СССР (1988-1991 гг.) как проявления общественной самоорганизации проанализированы в научной статье А.В. Баранова [29]. Автор публикации приходит к важному выводу «о слабой эвристической полезности классового подхода к объяснению целей забастовочного движения 1988-1991 гг. в шахтерских регионах СССР, о предпочтительности конфликтологической парадигмы и концепции депривации (по Т. Гарру).

Причины начала забастовочного движения 1988-1989 гг. в шахтерских регионах СССР таковы: относительное ухудшение материального благосостояния, экологические и технологические бедствия, быстрая демократизация, в том числе кампания "гласности", которая ослабила лояльность рабочих к власти.

Периодизация этапов шахтерского забастовочного движения по критерию политической направленности и форм включает в себя: зарождение стачечных комитетов (1988 - первая половина 1989 г.); проведение всесоюзной забастовки преимущественно под экономическими лозунгами (июль 1989 г.); политизацию рабочих объединений и их институционализацию (осень 1989 - весна 1990 г.); участие в политической борьбе за власть на стороне демократической коалиции (лето 1990-1991 гг.). Спад независимого рабочего движения в начале 1990-х гг. объяснялся переформатированием базовых социальных размежеваний вследствие рыночных реформ, слабостью самостоятельных ресурсов рабочего движения.

Организационные формы шахтерского забастовочного движения развивались от местных объединений защитно-профессионального типа к политическим движениям социал-демократической ориентации. Идеологическое позиционирование Конфедерации труда и иных рабочих организаций изменялось за 1990-1991 гг. от критики КПСС "изнутри" к принятию коренной смены политического строя. Но общая слабость партийного строительства в период перестройки и стремительные рыночные реформы по пути номенклатурной приватизации не оставили независимому рабочему движению шансов на значительное влияние в постсоветской политической системе» [30].

Проблемам обеспечения безопасности советского государства через развитие школьного образования в детских трудовых колониях на Европейском Севере России в 1935-1956 гг. посвящена научная статья В.Н. Бубличенко [31]. Исследователь в своей первой публикации фиксирует интересные суждения: «К середине 1950-х годов демократизация в деятельности детских пенитенциарных учреждений отразилась на требованиях к школьному образованию в них. Новое Положение о детских трудовых колониях МВД СССР предусматривало получение всеми осужденными воспитанниками семилетнего или среднего образования. Учебная работа в дет-

ских трудовых колониях должна была строиться с учетом нормативных документов и рекомендаций министерств просвещения союзных республик. Ответственность за снабжение необходимой учебной литературой, наглядными пособиями и другим оборудованием для школ трудовых колоний также возлагалась на гражданское ведомство … Таким образом, на государственном уровне произошло нивелирование между полученным образованием в обычных школах и школах при пенитенциарных учреждениях. Возможно, решение диктовалось складывающейся внутриполитической ситуацией в стране, открывая возможность для дальнейшей социализации осужденных несовершеннолетних. Одновременно с этим повышались требования к организации учебного процесса в школах при детских трудовых колониях.

Итак, динамичное развитие школьного образования осужденных подростков в детских трудовых колониях НКВД-МВД как в целом по стране, так и на Европейском Севере в частности развивалось с учетом требований, выдвигаемых к социально-экономическому развитию советского государства. За свою историю оно прошло этапы становления и развития, в результате которых после проведения государственной корреляции уровень требований к выпускникам школ при детских трудовых колониях сравнялся с требованиями к обучающимся обычных учебных заведений, что, очевидно, должно было положительно сказаться на безопасности страны» [32].

Е.А. Кобелева в своих публикациях отразила особенности эволюции системы госбезопасности Западного Урала в революционный период (1917 - начало 1918 г.) [33] и проблему молодых кадров западноуральских органов госбезопасности в годы Гражданской войны [34]. Автор считает, что «эволюция органов государственной безопасности в 1917 г. была прерывистой. Временное правительство и революционные силы объединяло неприятие старых спецслужб, старых методов, что выразилось в преследовании полицейских и жандармских кадров. Если Временное правительство пыталось регулировать деятельность спецслужб внутренними нормативными актами, то Совнарком законодательно не оформлял их существование до октября 1918 г. Функции новых органов госбезопасности на протяжении всего 1917 г. расширялись и определялись практикой. Комитеты по борьбе с контрреволюцией, создававшиеся на местах с августа 1917 г., получили свое закономерное развитие на общегосударственном уровне после победы Октября.

Таким образом, практика революции 1917 г. доказывает, что любая система нуждается в защите и защитниках, а потому отвергает старые структуры госбезопасности и создает новые, свои» [35].

Во второй публикации содержатся следующие выводы: «В составе органов безопасности, в том числе и в регионах, было немало молодых людей. Однако в силу специфики чекистской работы, в силу стремления РКП(б) увеличить партийную прослойку в этих органах, лица, молодые по возрасту, но уже имевшие определенный опыт, чаще вступали в партию, чем в комсомол. Лица до 25 лет являлись самыми мобильными, отличались высоким потенциалом, возможностью и способностью воспринимать новации. Они хотели показать свою значимость, вырваться из традиционных стереотипов поведения и контроля старших. Выполнение же охранительной функции требовало большого опыта, специализированных навыков, партийности, политической грамотности, которых молодые люди пока не имели. Поэтому процент комсомольцев в органах безопасности не имел принципиального значения для их формирования и функционирования» [36].

Вопросам регулирования миграционных процессов как основы национальной безопасности России посвящена статья В.А. Силантьевой [37]. Публикация содержит следующие положения: «Вопросы регулирования миграции и адаптации мигрантов на фоне миграционного кризиса и террористических актов в Европе и мире, организованных как беженцами, так и натурализованными лицами (бывшими трудовыми мигрантами), остаются актуальными для Российской Федерации. В Россию стали приезжать с целью транзитного проезда в Финляндию для получения временного убежища граждане Сирии, а затем и выходцы из стран Азии и Африки. Государственные органы стараются вести с ними работу в рамках правового поля. Удачным примером такой работы может служить прием и размещение беженцев с территории юго-восточной Украины. Политика России заключается в том, чтобы как можно быстрее интегрировать беженцев и мигрантов в принимающее общество, предоставляя им необходимый социальный пакет, медицинское обслуживание, правовую защиту, содействуя в трудоустройстве и поиске жилья.

Государственная миграционная политика остается важной частью как внутренней, так и внешней политики, от которой зависит, станет ли миграция фактором обострения социально-экономических, демографических, межнациональных проблем или будет позитивным, стабилизирующим фактором. Основная задача регулирования миграционных процессов состоит в том, чтобы повысить привлекательность страны: гарантировать соблюдение прав и свобод, обеспечить реальную защиту в принимающем обществе. Это позволит привлекать высококвалифици-

рованных трудовых мигрантов, тем самым качественно изменятся потоки миграции. Регулирование процессами миграции, с одной стороны, должно обеспечить социально-экономическое развитие государства, с другой - сохранить национальную безопасность» [38].

Анализ национальных интересов в контексте этносоциальных трансформаций на Юге России проводят в своей статье А.А. Шаов, В.Н. Нехай, В.П. Капец [39]. Исследователи считают, что «одним из наиболее уязвимых регионов нашей страны для проникновения деструктивных элементов и интересов мировых держав становится Северный Кавказ, под которым мы понимаем единое цивилизационное и геополитическое пространство, связанное единой культурно-исторической судьбой и гомогенной, несмотря на полиэтничность и поликонфессиональность населения, мировоззренческой парадигмой и ментальной средой. В начале XXI века Северокавказский регион стал объектом пристального внимания не только сопредельных государств (Турции, Украины, Азербайджана, Грузии), но и стран дальнего зарубежья и в первую очередь государств Северной Америки. Используя разветвленную агентурную сеть, США и Турция приняли самое непосредственное финансовое и политическое участие в эскалации межэтнической напряженности на территории Северного Кавказа, подпитывая националистические настроения среди населения ряда субъектов Юга России. Так, небезызвестные события в Дагестане, Чечне, Кабардино-Балкарии имели место не только в силу радикализации определенной части местного населения, но и по причине инклюзивного участия в развертывании зоны этносоциальных конфликтов в правовом пространстве России зарубежных эмиссаров, которые проводили активную вербовку в молодежной среде. Подобные действия доказывают, что определенные международные силы пытаются разыграть на Северном Кавказе и вокруг него сложную многоходовую комбинацию с целью упрочнения и дальнейшего закрепления своего влияния в этом "золотом подбрюшье" России» [40].

Конфликтологическая экспертиза проблем региональной безопасности в новом электоральном цикле на примере Краснодарского края осуществлена И.В. Юрченко, М.В. Донцовой [41]. В статье этих авторов можно обнаружить следующие умозаключения: «Влияние нового электорального цикла 2016-2018 гг. на этнополитическую ситуацию в Краснодарском крае носит, скорее, консенсусный характер, хотя нельзя не замечать и усиления региональных противоречий, связанных с тем, что, с одной стороны, электоральные процессы усиливают активность национальных элит в направлении лоббирования своих интересов, что неизбежно сказывается на этнополитической ситуации, с другой - в условиях снижения уровня жизни выборные процессы провоцируют всплеск экстремистских течений и этническую преступность из-за прогнозируемого роста безработицы этнических мигрантов» [42].

В статье Е.В. Штурбы, М.А. Махалкиной рассматриваются взаимоотношения России с территориями постсоветского пространства, пророссийски ориентированными в своем политическом, экономическом и социокультурном направлениях развития [43]. В публикации этих авторов отмечено: «Характеризуя важность сохранения присутствия России на Кавказе, следует отметить, что данное пространство прочно интегрировано в российскую действительность, что проявляется в виде существования многочисленных диаспор, экономических, культурных, миграционных процессов. Противостояние распространению влияния США в регионе призвано препятствовать доступу к энергетическим ресурсам Каспийского региона. А сохранение стратегического партнерства с Арменией при наличии постоянного военного присутствия в Абхазии и Южной Осетии также влияет на укрепление российских позиций в регионе.

Смыслом и целью современной российской политики в Восточной Европе и на Кавказе мог бы стать процесс продвижения евразийских ценностей, основанных на православном понимании смысложизненных ориентиров и отхода от позиций индивидуализма и двойных стандартов. Следует препятствовать навязыванию западноевропейского понимания религиозно-этической системы ценностей других государств, существующих на постсоветском пространстве.

Взаимодействие с дружественно настроенными территориями в восточноевропейском и кавказском направлениях, в числе которых непризнанные и частично признанные автономии, могло бы упрочить военные позиции России. Необходимо четко обозначить зону российского военно-стратегического пространства и не допустить появления в ней вооруженных сил третьих держав, а также вступления отдельных частей этого пространства в антироссийские военно-политические блоки и союзы» [44].

В статье Е.Г. Гарбузаровой детально анализируется вопрос о «российской угрозе» постсоветскому пространству [45]. Автор убежден в следующем: «России надо больше работать над своим образом за рубежом и стремиться повысить уровень своей привлекательности через донесение объективной информации о событиях на постсоветском пространстве, которая в определенных ситуациях намеренно искажается США и странами Запада для раздувания мифа о "российской угрозе". Как только геополитические успехи России на постсоветском пространстве

становятся очевидными, в ход вступает пресловутый миф об "агрессии" со стороны России. В новых международно-политических реалиях подобные угрозы в адрес России являются анахронизмом, учитывая тот факт, что миф о "российской угрозе" был введен в оборот в XVI в. Россия по большому счету всегда оказывалась в оборонительной позиции, а не наступательной. Таким образом, "российская угроза" – это миф, раскрученный Западом, под прикрытием которого осуществляется укрепление собственных геополитических и геоэкономических позиций» [46].

События на Украине проанализированы в статье В.В. Касьянова [47]. По его мнению, «традиции языка, истории, культуры должны быть предельно актуализированы и вовлечены в информационную политику с населением Украины. Националистов тягнибоков, американских холуев яценюков мы уже не изменим. Но извращенному сознанию части украинской молодежи надо активно противопоставлять "советскую" ментальность большинства населения, жизненный опыт поколений в истории Российской империи и Советского Союза. Нужно настойчиво бороться с русофобской политикой нынешнего руководства Украины в области культуры, приглашать к диалогу деятелей культуры и искусства, авторитетных личностей в глазах простых людей. Голос политиков и журналистов неизбежно воспринимается как часть официального мнения. Иное дело - слова ученого, преподавателя, писателя, врача, актера. Они понятны и значимы для каждого человека.

Это важнейшее обстоятельство необходимо сделать ведущей составной частью нашей политики в отношении Украины. Понятно, что это не просто. Но иного не дано. Будущее Украины и России у нас неизбежно одно на двоих» [48].

Вклад И. Каримова в обеспечение центральноазиатской безопасности обозначен в еще одной публикации Е.Г. Гарбузаровой [49]. В статье указано, что «И. Каримов создал стабильную систему внешнеполитических координат, упорядочив отношения с государствами как регионального, так и международного уровня. Несмотря на наличие региональных политических амбиций, президент Узбекистана прекрасно осознавал риски того положения, в котором находилась его страна, учитывая региональные процессы, которые могли привести к существенным трансформациям. На сегодняшний день актуальность заключается в том, какой политической практики взаимодействия будет придерживаться новый президент Узбекистана, учитывая конфликтогенный потенциал Центральноазиатского региона. Речь идет не только о национальной безопасности Узбекистана, но и о безопасности и перспективах устойчивого развития соседних государств и региона в целом» [50].

А.А. Самохин зафиксировал в своей публикации роль концепта «мягкой силы» в обеспечении национальной безопасности [51]. По его мнению, «наиболее эффективными институтами "мягкой силы" и публичной дипломатии (как основного инструмента наращивания "мягкой силы" государств в современном мире) на сегодняшний день являются:

- структуры МИД – Департамент информации и печати, Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество);
- институты гражданского общества – фонд "Русский мир", фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом, фонд поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова, Общественная палата Российской Федерации, Институт стран СНГ и др.;
- СМИ – телеканалы "RT" и "Россия-РТР", Международное информационное агентство "Россия сегодня", интернет-ресурсы;
- ведущие образовательные учреждения;
- религиозные институты - Русская Православная Церковь, Центральное духовное управление мусульман России и европейских стран, Совет муфтиев России и др.

Несмотря на растущую активность в данной сфере, нашей стране предстоит сделать еще немало на пути освоения инструментов "мягкой силы" XXI в.» [52].

Статья Л.О. Самсоновой посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме нелегальной иммиграции в Европейский союз, которая представляет собой угрозу не только государствам - членам ЕС, но и большинству национальных государств, которые граничат с Европейским союзом [53]. В данной публикации содержатся следующие положения: «Высшим политическим руководством ЕС и главами европейских национальных государств принимаются различного рода решения, которые должны стабилизировать ситуацию с нелегальными мигрантами: усиленная охрана внешних и внутренних границ, депортация нелегалов на родину, суровое уголовное наказание для торговцев людьми, информационный обмен данными.

Все это представляется серией трудных решений руководства ЕС, которые раскололи население Европы по вопросу нелегальной миграции на евроскептиков и сторонников интеграции, и, как представляется, этот раскол будет со временем усугубляться, если только полити-

ческое руководство ЕС не сможет предложить действенных мер по интеграции уже находящихся на территории Европы иммигрантов.

Европейский миграционный кризис может иметь негативные последствия для нашей страны.

В Российской Федерации существуют опасения по поводу того, что беженцы из Сирии, Афганистана, тех мест, где не прекращаются региональные вооруженные конфликты, могут остановиться в нашей стране, если возникнут различные препятствия на пути в ЕС.

А вместе с ними под видом беженцев внедрятся различного толка экстремисты, что приведет к росту терроризма и преступности в российском государстве.

Оценивая миграционные проблемы ЕС и то, как безуспешно основные институты ЕС пытаются решить проблему беженцев, граждане РФ в своем большинстве выступают против того, чтобы государство брало на себя дополнительную ответственность и расходы по приему и размещению беженцев» [54].

Исследованию проблем развития ОДКБ и повышения ее роли в обеспечении коллективной безопасности в Евразии посвящена публикация О.Н. Малиновской, И.Ю. Пащенко [55]. Данные авторы сконцентрировали свое внимание вокруг следующих аспектов: «Сотрудничество с международными организациями на рабочем уровне продолжается. Подписаны меморандумы о сотрудничестве с ООН, ШОС, СНГ, ЕврАзЭС, Союзным государством, Планом Коломбо, Региональной антитеррористической структурой ШОС, Антитеррористическим центром и Координационной службой Совета командующих пограничными войсками СНГ. ОДКБ сотрудничает с ОБСЕ по проблемам международной безопасности. Сотрудничество по западному направлению с НАТО и ЕС было временно приостановлено, начиная с украинских событий 2014 г. В целом сотрудничество ОДКБ со многими международными организациями имеет пока весьма ограниченный характер. И хотя организация имеет нормативную базу сотрудничества, она пока не подкреплена дополнительными механизмами реализации конкретных действий в рамках этого сотрудничества» [56].

Результаты анализа внешней политики России в китайском направлении в начале XXI века закреплены в статье Цзоу Лихуэй [57]. Автор отмечает в своей публикации следующие тезисы: «Основой партнерства между РФ и КНР на двухстороннем уровне служит большая степень совпадения среднесрочных и долгосрочных целей, взаимодополняемость и динамика экономик, несмотря на разность экономических потенциалов. У обеих стран, находящихся сегодня примерно на одинаковых цивилизационных ступенях развития, появляется больше объективных возможностей для взаимодействия …

Следует отметить, что вышеизложенные внешнеполитические цели и интересы России на китайском направлении, во-первых, не исчерпывают всех компонентов ее внешнеполитической стратегии, хотя последняя до конца так и не сформировалась; во-вторых, они служат сверхзадаче сегодняшней России - интеграции в мировую рыночную экономику; в-третьих, по важности они разделяются на стратегические, т.е. стабильность и безопасность на границе, развитие торгово-экономического сотрудничества, и перспективные, т.е. интеграция в АТР, поддержание баланса сил в мире; в-четвертых, их осознание произошло не автоматически, а явилось результатом тщательно продуманных политических шагов» [58].

Специфика международного российско-китайского взаимодействия в рамках ООН и ШОС раскрыта в статье Цзоу Лихуэй, О.Ф. Лейченко, В.Ф. Печерицы [59]. По их мнению, «Китай и Россия, как постоянные члены Совбеза ООН, несут особую ответственность за мир и безопасность во всем мире и пытаются найти общеприемлемые компромиссы по основным реформенным направлениям в ООН: расширение Совета безопасности, право вето, методы работы, географическое представительство и взаимодействие между Совбезом и другими органами ООН.

Как важные члены ШОС, Китай и Россия представляют собой ведущие силы по содействию становлению многополярного мира и демократизации международных отношений, имея широкие общие интересы в продвижении реформ глобальной финансовой системы для увеличения представительности быстроразвивающихся стран. Китайская сторона оказывает поддержку России в борьбе против терроризма и сепаратизма, а Россия оказывает свою поддержку КНР в вопросах, связанных с Тайванем, Тибетом и Синьцзяном. Стороны прилагают совместные усилия в содействии политическому разрешению кризисов в таких странах, как Сирия, Афганистан, Ирак, в борьбе с Эболой и т.д.» [60].

Таким образом, участники международной заочной научно-практической конференции «Национальная безопасность России: история, современность и перспективы» проанализировали самые разные аспекты, параметры, факторы, угрозы и процессы национальной безопасности Российской Федерации. Напомним, что позиции авторов опубликованных рукописей могут не совпадать с позицией редакции, однако мы уверены, что в вопросах важности формирования общероссийской гражданской идентичности мы солидарны [61; 62; 63; 64].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Сидоров В.Г. Противоречивая природа государственной власти (о взглядах К. Маркса и М. Вебера) // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2016. - № 8(3/2). - С. 13-18. DOI:10.17748/2075-9908-2016-8-3/2-13-18.
2. Там же. - С. 17.
3. Золотухина-Аболина Е.В. Экзистенциально-психологические и культурно-мировоззренческие аспекты отношений между поколениями // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2016. - Том. 8. - № 6. Часть 1. - С. 31-37. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-6/1-31-37.
4. Там же. - С. 36.
5. Афонина Н.И. Организация педагогического сопровождения развития ребенка раннего возраста в условиях взаимодействия национальных культур // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2016. - Том. 8. - № 6. Часть 1. - С. 15-18. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-6/1-15-18.
6. Там же. - С. 17.
7. Собольников В.В. Информационно-психологическое воздействие субъектов международного права как угроза национальной безопасности России // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2016. - № 8(5/2). - С. 22-30. DOI:10.17748/2075-9908-2016-8-5/2-22-30.
8. Там же. - С. 22.
9. Попова Н.В., Попова Е.В., Осипчукова Е.В. Эффективность реализации молодежной политики на промышленных предприятиях как условие экономической безопасности России // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2016. - № 8(5/2). - С. 31-39. DOI:10.17748/2075-9908-2016-8-5/2-31-39.
10. Там же. - С. 37.
11. Маринкин Д.Н. Актуальные дестабилизаторы общественной и государственной безопасности, тактика противодействия им // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2016. - № 8(5/2). - С. 18-21. DOI:10.17748/2075-9908-2016-8-5/2-18-21.
12. Там же. - С. 19.
13. Кондратенко З.К. Уголовная ответственность за организацию террористического сообщества и участие в нем как направление обеспечения национальной безопасности // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2016. - № 8(1/2). - С. 21-27. DOI:10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-21-27.
14. Там же. - С. 26.
15. Зайко Т.М. Коррупция: угроза национальной безопасности России // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2016. - Том. 8. - № 6. Часть 2. - С. 15-22. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-15-22.
16. Там же. - С. 20.
17. Узлов Ю.А. Геокультурная трансформация славянского мира // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2016. - № 8(1/2). - С. 28-33. DOI:10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-28-33.
18. Там же. - С. 32.
19. Горожанина М.Ю. РПЦ и укрепление национальной безопасности в царской России // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2016. - № 8(4/2). - С. 13-18. DOI:10.17748/2075-9908-2016-8-4/2-13-18.
20. Там же. - С. 14.
21. Годовова Е.В. Роль казачества в обеспечении национальной безопасности России во второй половине XIX века: присоединение Средней Азии к России // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2016. - № 8(3/1). - С. 13-16. DOI:10.17748/2075-9908-2016-8-3/1-13-16.
22. Там же. - С. 15.
23. Якупов М.Т. К проблеме единства ислама и духовных источников ДАИШ в аспекте писания мусульман // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2016. - № 8(1). - С. 26-35. DOI:10.17748/2075-9908-2016-8-1-26-35.
24. Там же. - С. 33-34.
25. Вартаньян Э.Г. Курдская проблема в период Первой мировой войны и в первые послевоенные годы в контексте национальной безопасности России и позиций Англии и Германии // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2016. - № 8(1/2). - С. 13-20. DOI:10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-13-20.
26. Там же. - С. 18.
27. Иванов А.Г. В поисках союзников. СССР и западные державы в канун Второй мировой войны // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2016. - № 8(2/2). - С. 20-34. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/2-20-34.
28. Там же. - С. 30.
29. Баранов А.В. Забастовочное движение шахтеров в СССР (1988-1991 гг.) как проявление общественной самоорганизации: этапы исторического развития // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2016. - Том. 8. - № 6. Часть 1. - С. 19-25. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-6/1-19-25.
30. Там же. - С. 22-23.
31. Бубличенко В.Н. Обеспечение безопасности советского государства через развитие школьного образования в детских трудовых колониях на Европейском Севере России (1935-1956 гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2016. - Том. 8. - № 6. Часть 1. - С. 26-30. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-6/1-26-30.
32. Там же. - С. 29.

33. Кобелева Е.А. Эволюция системы госбезопасности Западного Урала в революционный период (1917 - начало 1918 гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2016. - № 8(2/2). - С. 35-38. DOI:10.17748/2075-9908-2016-8-2/2-35-38.
34. Кобелева Е.А. Молодые кадры западноуральских органов госбезопасности в годы гражданской войны // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2016. - Том. 8. - № 6. Часть 2. - С. 23-28. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-23-28.
35. Кобелева Е.А. Эволюция системы госбезопасности Западного Урала в революционный период (1917 - начало 1918 гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2016. - № 8(2/2). - С. 37. DOI:10.17748/2075-9908-2016-8-2/2-35-38.
36. Кобелева Е.А. Молодые кадры западноуральских органов госбезопасности в годы гражданской войны // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2016. - Том. 8. - № 6. Часть 2. - С. 26. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-23-28.
37. Силантьева В.А. Регулирование миграционных процессов как основа национальной безопасности России // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2016. - № 8(3/1). - С. 22-27. DOI:10.17748/2075-9908-2016-8-3/1-22-27.
38. Там же. - С. 26.
39. Шаов А.А., Нехай В.Н., Капец В.П. Национальные интересы в контексте этносоциальных трансформаций на Юге России // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2016. - № 8(3/2). - С. 19-23. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-3/2-19-23.
40. Там же. - С. 20.
41. Юрченко И.В., Донцова М.В. Конфликтологическая экспертиза проблем региональной безопасности в новом электоральном цикле (на примере Краснодарского края) // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2016. - Том. 8. - № 6. Часть 1. - С. 38-43. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-6/1-38-43.
42. Там же. - С. 42.
43. Штурба Е.В., Махалкина М.А. Территориальные анклавы бывшего СССР в контексте национальной безопасности современной России // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2016. - № 8(2/1). - С. 26-36. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/1-26-36.
44. Там же. - С. 35.
45. Гарбузарова Е.Г. «Российская угроза» постсоветскому пространству: миф или реальность? // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2016. - № 8(2/2). - С. 15-19. DOI:10.17748/2075-9908-2016-8-2/2-15-19.
46. Там же. - С. 18-19.
47. Касьянов В.В. События на Украине как историческая, межнациональная катастрофа // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2016. - № 8(1). - С. 15-17. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-1-15-17.
48. Там же. - С. 16-17.
49. Гарбузарова Е.Г. Роль И. Каримова в обеспечении центральноазиатской безопасности // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2016. - № 8(5/2). - С. 13-17. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-5/2-13-17.
50. Там же. - С. 16.
51. Самохин А.А. «Мягкая сила» в контексте проблематики обеспечения национальной безопасности // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2016. - № 8(4/1). - С. 13-18. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-4/1-13-18.
52. Там же. - С. 17.
53. Самсонова Л.О. Политика Европейского союза в сфере противодействия нелегальной миграции в контексте национальной безопасности России // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2016. - № 8(4/1). - С. 19-26. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-4/1-19-26.
54. Там же. - С. 23-24.
55. Малиновский О.Н., Пащенко И.Ю. Проблемы развития ОДКБ и повышения ее роли в обеспечении коллективной безопасности в Евразии // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2016. - № 8(3/1). - С. 17-21. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-3/1-17-21.
56. Там же. - С. 20.
57. Цзоу Л. Анализ внешней политики России в китайском направлении в начале XXI века // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2016. - № 8(1). - С. 18-25. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-1-18-25.
58. Там же. - С. 23.
59. Цзоу Л., Лейченко О.Ф., Печерица В.Ф. Международное российско-китайское взаимодействие в рамках Организации Объединенных Наций (ООН) и региональной Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС) // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2016. - № 8(2/1). - С. 13-25. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/1-13-25.
60. Там же. - С. 18.
61. Халилов Т.А. Гражданство как социально-политическая практика: актуальные модели // Теория и практика общественного развития. - 2012. - № 12. - С. 398-401.
62. Халилов Т.А. Рецензия на книгу известного историка Н.Ф. Бугай о казаках юга России // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2015. - Т. 7. - № 6-2. - С. 355.
63. Халилов Т.А. Рецензия на книгу Л.Г. Ионина «Парад меньшинств» // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2016. - Т. 8. - № 1-1. - С. 210-211.

64. Халилов Т.А. Становление гражданского общества в имперском контексте России: тренды и проблемы // Сравнительная политика. - 2017.- № 8(1). - С. 164-168. DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-1-164-168.

REFERENCES

1. Sidorov V.G. A contrastive nature of state power (about K. Marx and M. Veber's points of view). Historical and Social-Educational Ideas. 2016; 8(3/2). Pp. 13-18. (In Russ.) DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-3/2-13-18.
2. Ibid. P. 17.
3. Zolotukhina-Abolina E.V. Jekzistencial'no-psihologicheskie i kul'turno-mirovozzrencheskie aspekty otnoshenij mezhdu pokolenijami. [Existential-psychological and cultural-ideological aspects of relations between the generations]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol. 8. no. 6. Part. 1. Pp. 31-37. (in Russ) DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-6/1-31-37.
4. Ibid. P. 36.
5. Afonina N.I. Organizacija pedagogicheskogo soprovozhdenija razvitija rebenka rannego vozrasta v uslovijah vzaimodejstvija nacional'nyh kul'tur. [Organization of pedagogical support of development of early age the child in conditions in the interaction of national cultures]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 6. Part 1. Pp. 15-18. (in Russ.) DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-6/1-15-18.
6. Ibid. P. 17.
7. Sobolnikov V.V. Information-psychological impact of international law subjects as a threat to Russian national security. Historical and Social-Educational Ideas. 2016; 8(5/2). Pp. 22-30. (In Russ.) DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-5/2-22-30.
8. Ibid. P. 22.
9. Popova N.V., Popova E.V., Osipchukova E.V. The effectiveness of the implementation of youth policy at the industrial enterprises as a condition for economic security of Russia. Historical and Social-Educational Ideas. 2016; 8(5/2). Pp. 31-39. (In Russ.) DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-5/2-31-39.
10. Ibid. P. 37.
11. Marinkin D.N. Urgent destabilizers of public and state security, tactics of counteraction to it. Historical and Social-Educational Ideas. 2016; 8(5/2). Pp. 18-21. (In Russ.) DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-5/2-18-21.
12. Ibid. P. 19.
13. Kondratenko Z.K. Criminal liability for organizing terrorist community and participation in it as a direction national security. Historical and Social-Educational Ideas. 2016; 8(1/2). Pp. 21-27. (In Russ.) DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-21-27.
14. Ibid. P. 26.
15. Zayko T.M. Corruption: threat to the national security of Russia. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social-Educational Ideas. 2016. Vol. 8. no. 6. Part. 2. Pp. 15-22. (in Russ.) DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-15-22.
16. Ibid. P. 20.
17. Uzlov Y.A. Geocultural transformation of Slavic world. Historical and Social-Educational Ideas. 2016. 8(1/2). Pp. 28-33. (In Russ.) DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-28-33.
18. Ibid. P. 32.
19. Gorozhanina M.Y. The Russian Orthodox Church and the strengthening of national security in tsarist Russia. Historical and Social-Educational Ideas. 2016. 8(4/2). Pp. 13-18. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2016-8-4/2-13-18.
20. Ibid. P. 14.
21. Godovova E.V. Cossacks role in the Russian national security in the second half of the XIX century: joining the Central Asia to Russia. Historical and Social-Educational Ideas. 2016. 8(3/1). Pp. 13-16. (In Russ.) DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-3/1-13-16.
22. Ibid. 15.
23. Yakupov M.T. The problem of the unity of Islam and spiritual sources of ISIL in the aspect of the Muslims' scriptures. Historical and Social-Educational Ideas. 2016. 8(1). Pp. 26-35. (In Russ.) DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-1-26-35.
24. Ibid. Pp. 33-34.
25. Vartanyan E.G. Kurdish problem in the period of the First word war and in the early postwar years in the context of Russian national security and positions of England and Germany. Historical and Social-Educational Ideas. 2016. 8(1/2). Pp. 13-20. (In Russ.) DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-13-20.
26. Ibid. P. 18.
27. Ivanov A.G. In search of allies. The USSR and the Western Powers on the eve of the Second World War. Historical and Social-Educational Ideas. 2016. 8(2/2). Pp. 20-34. (In Russ.) DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/2-20-34.
28. Ibid. P. 30.
29. Baranov A.V. Zabastovochnoe dvizhenie shahtjorov v SSSR (1988-1991 gg.) kak projavlenie obshhestvennoj samoorganizacii: jetapy istoricheskogo razvitija. [Miners' strike movement in the USSR (1988-1991) as the expression of social self-organization: stages of historical development]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol. 8. no. 6. Part 1. Pp. 19-25. (in Russ.) DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-6/1-19-25.
30. Ibid. Pp. 22-23.

31. Bublichenko V.N. Obespechenie bezopasnosti sovetskogo gosudarstva cherez razvitie shkol'nogo obrazovanija v detskih trudovyh kolonijah na Evropejskom Severe Rossii (1935 1956 gg.). [Ensuring the safety of the soviet state through the development of school education in children's labor colonies in european north of Russia (1935 - 1956)]. Istoricheskaya i sotsi-al'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 6. Part 1. Pp. 26-30. (in Russ.) DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-6/1-26-30.
32. Ibid. P. 29.
33. Kobeleva E.A. Evolution of state security system of the Western Urals in revolutionary period (1917 - early 1918). Historical and Social-Educational Ideas. 2016. 8(2/2). Pp. 35-38. (In Russ.) DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/2-35-38.
34. Kobeleva E.A. Young staff members of the state security forces at the Western Urals during the civic war. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social-Educational Ideas. 2016. Vol. 8. no. 6. Part 2. Pp. 23-28. (in Russ.) DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-23-28.
35. Kobeleva E.A. Evolution of state security system of the Western Urals in revolutionary period (1917 - early 1918). Historical and Social-Educational Ideas. 2016. 8(2/2). P. 37. (In Russ.) DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/2-35-38.
36. Kobeleva E.A. Young staff members of the state security forces at the Western Urals during the civic war. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social-Educational Ideas. 2016. Vol. 8. no. 6. Part 2. P. 26. (in Russ.) DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-23-28.
37. Silantyeva V.A. Regulation of migratory processes as basis of Russian national security. Historical and Social-Educational Ideas. 2016. 8(3/1). Pp. 22-27. (in Russ.) DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-3/1-22-27.
38. Ibid. P. 26.
39. Shaov A.A., Nekhay V.N., Kapets V.P. National interests in the context of ethnic-social transformation in the South of Russia. Historical and Social-Educational Ideas. 2016. 8(3/2). Pp. 19-23. (in Russ.) DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-3/2-19-23.
40. Ibid. P. 40.
41. Yurchenko I.V., Dontsova M.V., Konfliktologicheskaja jekspertiza problem regional'noj bezopasnosti v novom jelektoral'nom cikle (na primere Krasnodarskogo kraja). [Conflictological expertise of the regional security problems in the new electoral cycle (in the context of Krasnodar territory)]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 6. Part 1. Pp. 38-43. (in Russ.) DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-6/1-38-43.
42. Ibid. P. 42.
43. Shturba E.V., Makhalkina M.A. Territorial enclaves of former USSR in the context of Russian national security. Historical and Social-Educational Ideas. 2016. 8(2/1). Pp. 26-36. (in Russ.) DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/1-26-36.
44. Ibid. P. 35.
45. Garbuzarova E.G. "Russian threat" to the Post-Soviet space: myth or reality? Historical and Social-Educational Ideas. 2016. 8(2/2). Pp. 15-19. (in Russ.) DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/2-15-19.
46. Ibid. Pp. 18-19.
47. Kasyanov V.V. Ukrainian events as historical, international catastrophe. Historical and Social-Educational Ideas. 2016. 8(1). Pp. 15-17. (in Russ.) DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-1-15-17.
48. Ibid. Pp. 16-17.
49. Garbuzarova E.G. I. Karimov's role in Central Asian security supporting. Historical and Social-Educational Ideas. 2016. 8(5/2). Pp. 13-17. (in Russ.) DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-5/2-13-17.
50. Ibid. P. 16.
51. Samokhin A.A. «Soft power» in the context of issues of national security. Historical and Social-Educational Ideas. 2016. 8(4/1). Pp. 13-18. (in Russ.) DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-4/1-13-18.
52. Ibid. P. 17.
53. Samsonova L.O. EU policy in the field of combating illegal migration in the context of Russian national security. Historical and Social-Educational Ideas. 2016. 8(4/1). Pp. 19-26. (in Russ.) DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-4/1-19-26.
54. Ibid. Pp. 23-24.
55. Malinovsky O.N., Paschenko I.Y. Problems of development of the CSTO and increase of its role in ensuring collective security in Eurasia. Historical and Social-Educational Ideas. 2016. 8(3/1). Pp. 17-21. (in Russ.) DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-3/1-17-21.
56. Ibid. P. 20.
57. Zou L. Analysis of Russia's foreign policy in the Chinese direction at the beginning of the XXI century. Historical and Social-Educational Ideas. 2016. 8(1). Pp. 18-25. (in Russ.) DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-1-18-25.
58. Ibid. P. 23.
59. Zou L., Leichenko O.F., Pecheritsa V.F. International Russian-Chinese cooperation in the framework of the United Nations (UN) and the regional Shanghai Cooperation Organization (SCO). Historical and Social-Educational Ideas. 2016. 8(2/1). Pp. 13-25. (in Russ.) DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/1-13-25.
60. Ibid. P. 18.
61. Khalilov T.A. Grazhdanstvo kak social'no-politicheskaja praktika: aktual'nye modeli. [Civism as social and political practice: current models]. Theory and practice of social development. 2012. № 12. Pp. 398-401. (In Russ).
62. Khalilov T.A. Recenzija na knigu izvestnogo istorika N.F. Bugaj o kazakah juga Rossii. [Review of the book of the famous historian N.F. Bugay about the Cossacks of South Russia]. Historical and Social-Educational Ideas. 2015. Vol. 7. № 6-2. Pp. 355.

63. Khalilov T.A. Recenzija na knigu L.G. Ionina «Parad men'shinstv». [Review of the book of L.G. Ionin “Parade of Minorities”]. 2016. Vol. 8. № 1-1. Pp. 210-211.
64. Khalilov T.A. Developing Civil Society in Imperial Russian Background: Trends and Problems. Comparative Politics Russia. 2017; 8(1): 164-168. (In Russ.) DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-1-164-168.

Информация об авторе

Штурба Евгений Викторович, главный редактор, научный журнал «Историческая и социально-образовательная мысль», доктор исторических наук, профессор, Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
chook99@mail.ru

Штурба Виктор Александрович, член-корреспондент Российской академии естественных наук, член Ассоциации научных редакторов и издателей, Отличник Народного Просвещения РСФСР, Отличник Образования Высшей Школы, доктор исторических наук, профессор, Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
akademus07@rambler.ru

Получена:10.01.2017

Для цитирования статьи: Штурба Е.В., Штурба В.А. Национальная безопасность России: история, современность и перспективы (по материалам международной заочной научно-практической конференции научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» 2016 года). Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том 9. № 1. Часть 1. С. 179-191.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-179-191.

Information about the author

Evgeny V. Shturba, Editor-in-Chief, Academic Journal “Historical and Social-Educational Ideas”, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kuban State University,
Krasnodar, Russia
chook99@mail.ru

Viktor A. Shturba, Corresponding Member of Russian Academy of Natural Sciences, Member of Association of Science Editors and Publishers, Excellent Specialist of Public Education of RSFSR, Excellent Specialist of Graduate School Education, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kuban State University,
Krasnodar, Russia
akademus07@rambler.ru

Received: 10.01.2017

For article citation: Shturba E.V., Shturba V.A. Nacional'naja bezopasnost' Rossii: istorija, sovremennost' i perspektivy (po materialam mezhdunarodnoj zaochnoj nauchno-prakticheskoj konferencii nauchnogo zhurnala «Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'» 2016 goda). [Russian national security: history, modernity and perspectives (based on materials of International distant academic conference of academic journal “Historical and Social-Educational Ideas” in 2016)]. Istoricheskaya i sotsial’no-obrazovatelnaya mys’l = Historical and Social Educational Ideas. 2017. Vol. 9. no. 1. Part 1. Pp. 179-191.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-179-191. (in Russian)

ИНФОРМАЦИЯ
для авторов журнала
«Историческая и социально-образовательная мысль»

Уважаемые авторы, в связи с подготовкой журнала к включению в международные базы данных библиографического описания и научного цитирования Scopus и Web of Science, обращаем Ваше внимание на то, что с 2014 г. существенно изменены правила оформления представляемых рукописей. Особое значение теперь приобретают англоязычная аннотация к статье (Abstract) и список использованной автором литературы (References), поскольку именно они, а не текст самой статьи, находят отражение в системах Международных Баз Данных. По своему содержанию и информативности Abstract и References должны привлечь внимание зарубежных читателей к теме статьи. Соответственно, в интересах автора тщательно подойти к подготовке этих блоков статьи и обеспечить их максимально высокое качество.

Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» рассматривает ранее не опубликованные авторские материалы в форме оригинальных, проблемных и дискуссионных статей, обзоров литературы, лекций, отчетов о научных мероприятиях и научных программах и исследованиях в области истории, социологии, философии, психологии, методики и методологии преподавания гуманитарных и педагогических дисциплин.
Материалы следует направлять по электронной почте: akademus07@rambler.ru, либо через online форму сайта журнала http://www.hist-edu.ru/. Загружаемый в систему файл со статьей должен быть представлен в формате Microsoft Word (иметь расширение *.doc, *.docx, *.rtf). Материалы должны быть оформлены строго в соответствии с изложенными далее требованиями и **тщательно вычитаны**.
Поступление заявки в редакцию подтверждает полное согласие авторов на обработку и публикацию предоставленной персональной информации, а также подтверждает согласие авторов с публичной офертой на размещение присланных материалов в полном объеме в электронной и печатной версиях журнала
Поступившая в редакцию рукопись проходит обязательное двойное слепое рецензирование (рецензент не знает авторов рукописи, авторы рукописи не знаю рецензентов) и в 2-х недельный срок принимается решение о возможности ее публикации. Редактор информирует автора о решении редколлегии. Редакция вправе вносить в текст правки, не искажающие смысл авторских материалов. При переписке с редакцией автор каждый раз должен полностью указывать фамилию, имя, отчество и повод, по которому идет переписка.
Ответственность за достоверность приведенных фактов, цифровых, графических или каких-либо иных данных, равно как за точность цитируемых текстов и отсутствие правовых препятствий к размещению информации, несет полностью автор.
Все статьи, размещенные на сайте, находятся в открытом доступе и могут быть использованы для цитирования, копирования, распечатывания и другого некоммерческого использования с соблюдением авторских прав.
Журнал издается на средства авторов.

Авторам, обучающимся в аспирантурах государственных вузов и имеющим право в порядке очередности на бесплатную публикацию материалов своих научных исследований, необходимо предоставить:
-справку из аспирантуры вуза установленной формы,
- рецензию научного руководителя
-выписку из протокола заседания кафедры о рекомендации к публикации.
Рецензии, а также выписки и справки об обучении в аспирантуре, заверенные согласно утвержденным формам, печатью вуза, высылаются простым письмом на адрес редакции. Отсканированные копии всех документов прилагаются к электронному письму отдельными файлами с расширением .jpg или .pdf. Статья аспиранта может быть опубликована бесплатно при условии, что он является единственным автором работы, статьи, где аспирант выступает в качестве соавтора, к бесплатной публикации не принимаются.

Для статей соискателей и аспирантов (публикующихся на общих основаниях) в обязательном порядке прилагается рецензия научного руководителя с подписью и печатью. (рецензия присланная автором не влияет на решение рецензента)

Авторы, имеющие ученую степень кандидата или доктора наук, рецензию не предоставляют.

При подаче статьи на наш электронный адрес akademus07@rambler.ru *просим Вас:*

1. *уточнять, в какой рубрике размещать статью;*
2. *указывать почтовый адрес (с индексом) на который можно будет выслать журнал;*
3. *предоставлять копию проверки* ***на антиплагиат*** *в текстовом или графическом файле (****скриншот результата проверки:*** http://www.antiplagiat.ru***).*** Оригинальность от 80%

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ АВТОРСКИХ МАТЕРИАЛОВ:

Объем полного текста рукописи 10 - 20 страниц (не более 1 п.л. (40 тыс. знаков с учетом пробелов).**)** В индивидуальных случаях по решению редакционной коллегии допускается публикация материалов большего объема. Количество авторов одной статьи допускается не более 3-х человек.

Формат текста рукописи
Текст рукописи должен быть набран в редакторе Microsoft Word ,
в формате А 4 с полями 25 мм. Выравнивание по левому краю,
междустрочный интервал – полуторный, (1,5)
шрифт -Times New Roman, размер 14
Подзаголовки внутри статьи -прописными
Шрифт Библиографических ссылок : 12**.** междустрочный интервал –одинарный (1)
Текстовые сноски: шрифт -11, межстрочный интервал -1, без отступа

Страницы текста должны иметь сквозную нумерацию;

Автоматические переносы не допускаются.

Автоматические сноски не допускаются.

1). индекс УДК;

- **Название работы** (прописными жирными буквами), точно отражающее содержание работы;
- **Авторы статьи.** фамилии и инициалы авторов следует указывать ПОЛНОСТЬЮ, (без сокращений) через запятую указываются ученая степень и звание, должность автора, полное (без сокращений) название кафедры, организации, [необходимо привести официальное ПОЛНОЕ название организации(без сокращений) которую представляете, полный почтовый адрес организации(й), электронная почта всех или одного из авторов], если авторов несколько, фамилия каждого следующего автора начинается с новой строки;

2). Русскоязычная аннотация:
Аннотация характеризует основную тему, актуальность, проблему объекта, цели работы и ее результаты, выводы, новизну, что помогает быстрее уловить суть проблемы.

- Объем текста аннотация должен быть не менее **150-200 слов.**
  (**объем англоязычной версии аннотации не менее 200-250 слов**)
- **Ключевые слова,** (не менее 10-и слов) способствуют индексированию статьи в поисковых системах. Они должны попарно соответствовать на русском и английском языке.

3). Англоязычная аннотация:

- **Article title.** Название на английском языке должно быть по смыслу полностью соответствовать русскоязычному названию и грамотно составлено с точки зрения английского языка,
- **Author names** ФИО необходимо писать в соответствие с заграничным паспортом, ученая степень и звание, должность автора.
- **Affiliation.** Необходимо указывать ОФИЦИАЛЬНОЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЕ НАЗВАНИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ. Наиболее полный список названий учреждений и их официальной англоязычной версии можно найти на сайте РУНЭБ http://elibrary.ru
- **Abstract и Keywords**: Англоязычная версия аннотации статьи должна по смыслу и структуре полностью соответствовать русскоязычной и быть грамотной с точки зрения английского языка. При переводе аннотаций должна использоваться англоязычная специальная тер-

минология, следует избегать употребления общих, ничего не значащих слов, лишь увеличивающих объем, но не способствующих раскрытию содержания статьи. Англоязычная аннотация должна быть оригинальной, то есть недопустима калька (дословный перевод) краткой русскоязычной аннотации

Объем англоязычной версии аннотации 200-250 слов

«Аннотации на английском языке в русскоязычном издании являются для иностранных ученых и специалистов основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по аннотации оценивают публикацию, проявляет интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т. д. Аннотация к статье призвана выполнять функцию независимого от статьи источника информации»

4) Информация о спонсорстве. (на русском и английском языках**):**
Необходимо указывать источник финансирования как научной работы, так и процесса публикации статьи (грант, фонд, коммерческая или государственная организация, частное лицо и др.).
Благодарности. Авторы могут выразить благодарности людям и организациям, способствовавшим публикации статьи в журнале, но не являющимся её авторами.

5) Текст статьи (на русском, английском или обоих языках):
Излагаемый в работе текст должен содержать вводную часть, где описываются цель, материалы, источники и методы исследования. Далее следуют результаты исследования, их обсуждение, заключение или выводы.

В тексте статьи ссылки на источники приводятся после цитаты в квадратных скобках арабскими цифрами с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы, например: [1, с. 290-316, 344] [2, л. 290-316. Л л. 2-22, 23-30, 208-212] [7, л. 29-31, 31 об.]
Документы (Архивы, ГОСТы, Приказы, Положения, Постановления, Нормативы, Федеральные законы) нужно указывать сносками в тексте, а не в списках литературы.

Некоторые нюансы:
- При первом упоминании лица обязательно указываются инициалы, которые отделяются пробелом от фамилии.
- В заголовках на англ. языке все значимые слова пишутся с ЗАГЛАВНОЙ БУКВЫ.
- С заглавной буквы пишутся: Первая и Вторая мировые войны, Третий мир.
- Названия фирм, организаций и т.п. давать на языке оригинала.
- За исключением ООН, в названиях организаций (Европейский союз, и т.п.) с заглавной буквы пишется только первое слово.
- Точка не ставится после: рубрики, названия статьи, автора статьи, заголовков и подзаголовков, названий таблиц, рисунков, размерностей (с – секунда, г - грамм, м – метр).
- Годы указываются только в цифровой форме: 1985–1990 гг., но 1990-е годы (а не 1990-е гг.); XX в.; XVIII–XIX вв. Годы и века даются только в сокращенном виде: в.; вв.; г.; гг.
- Буква ё ставится только в тех случаях, когда замена на е искажает смысл слова; во всех остальных случаях – только е.
- Сокращения: др., пр., т.п., т.д. даются только в конце предложения. Слова так как, в том числе, потому что не сокращаются.
- При цифрах используется знак процента или промилле: 30 %; 15‰.
- В цифрах миллионы от тысяч и тысячи от сотен отделяются одним пробелом (700 000, 1 560 000) или могут быть заменены соответствующими сокращенными словами: млрд; млн; тыс. После слов млрд и млн точка не ставится.
- Названия денежных знаков даются в сокращенной форме, принятой в научной литературе: долл., фр., р., ф. ст., названия других денежных знаков пишутся полностью.
- В цитатах используются кавычки-елочки (« »). Если внутри цитаты есть слова, заключенные в кавычки, они должны быть другого начертания « — “ *** “ — ».

6) Библиографические ссылки (пристатейные списки литературы)
Статьи без ссылок на используемые источники и литературу **не принимаются.**
Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования». В оригинальных статьях желательно не менее 15 источников, в обзорных – до 50.

Самоцитирования с списке литературы не должны превышать 10%
Ссылки на иностранные источники - 30%

Шрифт ссылок : Times New Roman размер 12.

В библиографическом описании каждого источника должны быть представлены ВСЕ АВТОРЫ. В случае, если у публикации более 4 авторов, то после 4-го автора необходимо поставить сокращение "и др." или "et al.". **Недопустимо сокращать название статьи.**
Источники приводятся в порядке их упоминания в тексте, но не в алфавитном порядке. В тексте ссылки на используемые источники даются после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы, например [1, с. 25].
Документы (Приказы, ГОСТы, Архивы, Положения, Постановления, Нормативы, Федеральные законы) **нужно указывать сносками в тексте, а не в списках литературы.**
Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.
если статья имеет DOI, обязательно указать его номер.

7) References: (пристатейные списки литературы на английском языке **и транслитерация названия статьи**)
Название статьи в ссылках должно быть транслитерировано (написана латинскими буквами) и дублирована на английский язык в квадратных скобках[]. При транслитерации можно воспользоваться ссылкой http://ru.translit.ru/?account=bgn
если статья имеет **DOI**, **обязательно указать его номер**.

Следует обратить внимание на то, что Название статьи и журнала **НЕ** следует разделять знаком **«//»** и **«–»,** а описания даты выхода, тома, номера журнала и страниц, на которых опубликована статья, разделяются **точкой.**

Названия отечественных журналов сокращать нельзя.

Структура библиографической ссылки в **REFERENCES** для русскоязычных статей из журналов выглядит так:

- авторы (транслитерация),
- название статьи в транслитерированном варианте
- перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках [***]
- название источника (транслитерация),
- выходные данные с обозначениями на английском языке, либо только цифровые,
- язык, необходимо указать язык, на котором написан полный текст рукописи. В случае, когда автор публикует статью на двух языках, необходимо указать двойную индексацию по языку (*например, [ru; en]* ; (in Russian); (in English) (in Italy) (in Arabic) ит д.

Для транслитерации текста можно воспользоваться ссылкой http://ru.translit.ru/?account=bgn

Пример ссылки на статью из российского журнала:

- Mescheryakov A. V., Levushkin S. P. Perekrestnye jeffekty adaptacii k stressornym situacijam. [Cross-effects of adaptation to stress situations]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Idea*. 2015. V. 7. No. 3. Pp. 122-125. Doi: 10.17748/2075-9908.2015.7.3.122-125 (in Russ.).

- Kalahanova (Borlakova) Z. M. Istoricheskiy ocherk razvitiya i ustroystva Kavkazskih mineralnyih vod .[The revival of the culture of deported peoples of the North Caucasus in the ethnocultural space Russia]. Stavropol, 2015 y., p. 1 (in press).

Пример описания статей из SCOPUS, имеющих DOI:

- Zhang, Z., Zhu, D. Experimental research on the localized electrochemical micromachining (2008) Russian Journal of Electrochemistry, 44 (8), pp. 926-930. Cited 2 times. Doi: 10.1134/S1023193508080077 (in English)

Ссылка на Интернет-ресурс:
APA Style (2011), Available at: http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx (accessed 5 February 2011).
PravilaTsitirovaniyaIstochnikov (Rules for the Citing of Sources) Available at: http://www.scribd.com/doc/1034528/ (accessed 7 February 2011)

Материалы конференций:
Главное в описаниях конференций – название конференции на языке оригинала (в транслитерации, если нет ее английского названия), выделенное курсивом. В скобках дается перевод названия на английский язык. Выходные данные (место проведения конференции, место издания, страницы) должны быть представлены на английском языке.

Примеры ссылок на публикации в материалах конференций:

UsmanovT.S., GusmanovA.A., MullagalinI.Z., MuhametshinaR.Ju., ChervyakovaA.N., SveshnikovA.V. Features ofthe design of field development with the use of hydraulic fracturing [Osobennosti proektirovaniya razrabotki mestorozhdeniy s primeneniem gidrorazryva plasta].Trudy 6 Mezhdunarodnogo Simpoziuma “Novye resursosberegayushchie tekhnologii nedropol'zovaniya i povysheniya neftegazootdachi” (Proc. 6th Int. Technol. Symp.“New energy saving subsoil technologies and the increasing of the oil and gas impact”). Moscow, 2007, pp. 267-272.((in English)

Antina, E.V., Berezin, M.B., Semeikin, A.S., Dudina, N.A., Yutanova, S.L., and Guseva, G.B., Abstracts of Papers, XII Molodezhnaya konferentsiya po organicheskoi khimii (XII Youth Conference on Organic Chemistry), Suzdal, 2009, p. 248. (in Russian)

8) Таблицы и иллюстрации

- Количество таблиц и иллюстраций в тексте – не более 10. Таблицы должны быть пронумерованы и иметь тематические названия.
- Заголовки графиков должны точно соответствовать их содержанию и иметь единицы измерения
- Заголовки к таблицам и рисункам должны быть указаны **на русском и английском языке**
- Цифры в таблицах располагают по центру, единицы размещают под единицами, десятки под десятками и т.д. Сокращения слов в таблицах, за исключением общепринятых, не допускаются.
- Иллюстрации должны быть четкими, контрастными, рассчитанными на черно-белую печать без полутонов. В электронном виде иллюстрации предоставляются как внедренные объекты (в этом случае иллюстрации могут быть как созданные средствами Microsoft Office, так и представлены как графические объекты), либо отдельными файлами с расширением .TIFF и .JPG с разрешением 300 dpi. В последнем случае имя файла должно содержать номер иллюстрации и ее название.
- Фотографии, отпечатки экранов мониторов (скриншоты) и другие не рисованные иллюстрации необходимо загружать отдельно в специальном разделе формы для подачи статьи в виде файлов формата *.jpeg, *.bmp, *.gif (*.doc и *.docx - в случае, если на изображение нанесены дополнительные пометки). Файлам изображений необходимо присвоить название, соответствующее номеру рисунка в тексте.

РЕДАКЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

Отзыв публикации

1. Отзыв из печати статьи М.А. Несина «Новгородские тысяцкие в 1410-х-1420-х годах».

Редакция научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» в связи с технической ошибкой отзывает повторно опубликованную в 2015 №7(7/2) статью М.А. Несина «Новгородские тысяцкие в 1410-х-1420-х годах». С.64-67. DOI:10.17748/2075-9908-2015-7-7/2-64-67 (Nesin M.A. Novgorod tysyatskiye in 1410-1420-ies. Historical and social-educational idea. 2015; 7(7/2): 64-67. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2015-7-7/2-64-67.).

Эта статья была напечатана в научном журнале «Историческая и социально-образовательная мысль» в 2014 г., том 6, № 6, часть 2: Несин М.А. Новгородские тысяцкие в 410–1420-х гг. С. 129-131 DOI:10.17748/2075-9908-2014-6-6_2-129-131.

Редакция исправила ошибку, опубликовав в следующем выпуске другую статью автора: Несин М.А. Новгородские тысяцкие в последние десятилетия новгородской независимости (с начала XV в. до 1478 г.). Историческая и социально-образовательная мысль. 2015; 7(8): 41-48. DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-8-41-48 **(**Nesin M.A. Novgorod tysyatskiys in recent decades of Novgorod independence (since the beginning of XV centure to 1478). Historical and social-educational idea. 2015; 7(8): 41-48. (In Russ.) DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-8-41-48.).

2. Отзыв из печати статьи Ю.А. Узлова «Геокультурная трансформация славянского мира».

Статья Ю.А. Узлова «Геокультурная трансформация славянского мира», опубликованная в разделе «Международная конференция по безопасности» научного журнала *«Историческая и социально-образовательная мысль»,* 2016, том 8, №1, часть 2, с. 28-33. DOI:10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-28-33, отзывается редактором с согласия издателя. Изъятие (ретракция) статьи обусловлено наличием признаков множественной публикации: «Узлов Ю.А. Славянский мир в контексте системной концепции глобальных проблем // Общество: философия, история, культура (2014, № 3)».

Протокол заседания Комиссии по публикационной этике редакционной коллегии научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» на основании отчета (экспертизы) вольного сетевого сообщества «ДИССЕРНЕТ» от 21 января 2017 г.

EDITORIAL MESSAGE

Retraction of publication

1. A review of press articles Nesin M.A. Novgorod tysyatskiye in 1410-1420-ies.

The editorial Board of the scientific journal "Historical and socio-educational thought" due to a technical error recalls re-published in 2015 No. 7(7/2) article Nesin M.A. Novgorod tysyatskiye in 1410-1420-ies. Historical and social-educational idea. cc. 64-67. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2015-7-7/2-64-67.

This article was published in the scientific journal "Historical and socio-educational idea " in 2014 vol. 6, no. 6, part. 2: Несин М.А. Новгородские тысяцкие в 410–1420-х гг. С. 129-131 DOI:10.17748/2075-9908-2014-6-6_2-129-131.

The editors have corrected the error and published in the next issue of another article of the author: Nesin M.A. Novgorod tysyatskiys in recent decades of Novgorod independence (since the beginning of XV centure to 1478). Historical and social-educational idea. 2015; 7(8): 41-48. (In Russ.) DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-8-41-48.

2. Feedback from print articles Uzlov Y.A. Geocultural transformation of slavic world.

Article Uzlov Y.A. Geocultural transformation of slavic world, published in the "International Security Conference" scientific journal «*Historical and social-educational idea»*. 2016;8(1/2):28-33. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-28-33, comments editor with the consent of the publisher. Withdrawal (retraction) of the article due to the presence of multiple signs posted: "Nodes Y. A. Slavic world in the context of the system the concept of global issues. Society: philosophy, history, culture (2014, No. 3)".

The minutes of the Committee on publication ethics the editorial Board of the scientific journal "Historical and socio-educational idea " based on the report (expertise) of the free network community DISCERNED from 21 Jan 2017

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Вы можете подписаться на журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» через Агентство «Роспечать» (подписной индекс 26187), а также через редакцию журнала.

Адрес редакции:
350080, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар,
мкр. Пашковский, ул. Заводская, 32, к. 301. akademus07@rambler.ru ,
сайт журнала: **http://www.hist-edu.ru**
телефон 8(861)2376219; 8(905)4713194

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей.
Идеи и выводы, высказываемые в публикуемых материалах, не обязательно отражают позицию редколлегии.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ!
Вы можете оформить подписку на журнал
«Историческая и социально-образовательная мысль»
по каталогу агентства «РОСПЕЧАТЬ»
Тел:/007 495/921-25-50 Факс: /007 495/785-14-70
E-mail: ovs@rosp.ru www: http://www.rosp.ru

ATTENTION OF FOREIGN SUBSCRIBERS!
You can subscribe to «*Historical and Social Educational Ideas»*
through the «ROSPECHAT»
agency catalogue. **«**Russian Newspapers & Magazines -2016»
Phone: /007 495/921-25-50 Fax: /007 495/ 785-14-70
E-mail: ovs@rosp.ru www: http://www.rosp.ru

Уважаемые читатели!
Мы рады сообщить вам, что журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» доступен во Всемирной сети Интернет. Вы можете найти материалы вышедших в 2009 - 2016 гг. номеров журнала на: http://www.hist-edu.ru
http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001

Историческая
и социально-образовательная мысль
2017. Том 9 № 1/1

Подписной индекс **26187**
В объединенном каталоге
«Пресса России»

Подписано в печать 29.01.2017
Формат 60x84 1/8. Бумага типографская №1
Печать RISO. Уч.-изд. 200 ст.
Тираж 550 экз.

Тираж изготовлен на полиграфической базе
Кубанской многопрофильной Академии подготовки, переподготовки
и повышения квалификации специалистов

г. Краснодар, мкр. Пашковский, ул. Заводская, 32/301

© Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль»